

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences

ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

исследования по российской и всеобщей истории

№ 1 (45) 2025

St. Petersburg
Historical Journal

Research on Russian and General History

Петербургский Исторический Журнал

исследования по российской
и всеобщей истории

Учредитель

Санкт-Петербургский
институт истории РАН
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-41-98
E-mail: SPbHistoryStudies@mail.ru

Адрес редакции

197110, Санкт-Петербург,
ул. Петrozаводская, д. 7
Тел. (812)235-41-98

Издатель

Издательство «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
E-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Типография

«Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

Редакционный совет:

- д. и. н. *T. В. Андреева* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
д. и. н., профессор *A. К. Гаврилов* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
д. и. н., профессор *I. Геровска-Каллауп* (Институт истории им. Тадеуша Мантейфеля Польской академии наук, Варшава)
д. и. н., профессор *A. Х. Даудов* (Санкт-Петербургский государственный университет)
д. и. н. *O. П. Илюха* (Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск)
д. и. н. *B. Н. Ковалев* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
д. и. н., профессор *T. Г. Леонтьева* (Тверской государственный университет)
профессор *У. Г. Розенберг* (Мичиганский университет, США; Европейский университет в Санкт-Петербурге)
д. и. н., профессор *H. Н. Смирнов* (Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербургский государственный университет)
д. и. н., профессор *M. В. Ходяков* (Санкт-Петербургский государственный университет)
д. и. н., профессор *B. И. Шишкин* (Институт истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск)
д. и. н. *C. Е. Эрлих* (генеральный директор издательства «Нестор-История»)

Издаётся с 2014 г.
Выходит 4 раза в год
ISSN 2311-603X

16+

№ 1 (45) 2025

Редакционная коллегия:

Главный редактор — чл.-корр. РАН,
д. и. н. А. В. Сиренов (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

д. и. н. Л. А. Герд (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

д. и. н., профессор Т. В. Кудрявцева
(Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена)

д. и. н., профессор А. С. Лавров (Университет
Сорbonna, Франция)

д. и. н. И. В. Лукоянов (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

профессор А. Мартин (Университет
Нотр-Дам, США)

д. и. н., профессор А. П. Павлов (Санкт-
Петербургский государственный университет)

д. и. н. А. И. Руласов (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

профессор С. Франклин (Кембриджский
университет, Великобритания)

д. и. н. А. Н. Чистиков (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

На обложке

Дворец великого князя
Владимира Александровича
(Дом ученых им. М. Горького).
Дворцовая наб., д. 26. Построен в 1867–1872 гг.
Архитектор А. И. Резанов.
Общий вид. Фото А. А. Ефимова.
Фрагмент опоры эркера парадной лестницы.
1880-е гг. Архитектор М. Е. Месмахер.
Фото В. Б. Ефимовой.

Секретариат

Ответственный секретарь — *М. В. Друзин*
(Санкт-Петербургский институт истории
РАН)

А. А. Ефимов
(Санкт-Петербургский институт истории
РАН)

Дата подписания в печать: 14.03.2025
Дата выхода в печать: 17.03.2025

Перепечатка материалов
допускается только с письменного
разрешения редакции журнала.

Тираж 500 экз.

Заказ № 3259

Цена свободная

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-64510
от 31.12.2015

© Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук, 2025
© Издательство «Нестор-История», 2025

St. Petersburg Historical Journal

Research on Russian
and General History

Founded by

St. Petersburg Institute
of History of the RAS
197110, St. Petersburg,
Petrozavodskaya str., 7
Tel. (812)235-41-98
E-mail: SPbHistoryStudies@mail.ru

Editorial Board Address

197110, St. Petersburg,
Petrozavodskaya str., 7
Tel. (812)235-41-98

Publisher

“Nestor-Istoriya” Publishing House
197110, St. Petersburg,
Petrozavodskaya str., 7
Tel. (812)235-15-86
E-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Printing house

“Nestor-Istoriya”
Tel. (812)235-15-86

Established in 2014

Published 4 times a year

ISSN 2311-603X

Editorial council:

Doctor of Sciences in History *T. V. Andreeva*
(St. Petersburg Institute of History of the RAS)
Doctor of Sciences in History, Professor
A. K. Gavrilov (St. Petersburg Institute
of History of the RAS)
Doctor of Sciences in History, Professor
Joanna Gierowska-Kallaur (Tadeusz Manteuffel
Institute of History Polish Academy of Sciences,
Warsaw)
Doctor of Sciences in History, Professor
A. H. Daudov (St. Petersburg State University)
Doctor of Sciences in History *O. P. Ilyukha*
(Institute of Language, Literature and History
of the Karelian Scientific Center of the RAS,
Petrozavodsk)
Doctor of Sciences in History *B. N. Kovalev*
(St. Petersburg Institute of History of the RAS)
Doctor of Sciences in History, Professor
T. G. Leontieva (Tver State University)
Professor *W. Rosenberg* (University of Michigan,
USA; European University in St. Petersburg)
Doctor of Sciences in History, Professor
N. N. Smirnov (St. Petersburg Institute of History
of the RAS, St. Petersburg State University)
Doctor of Sciences in History, Professor
M. V. Khodyakov (St. Petersburg State
University)
Doctor of Sciences in History, Professor
V. I. Shishkin (Institute of History of the Siberian
Branch of the RAS, Novosibirsk)
Doctor of Sciences in History *S. E. Ehrlich*
(General Director of the publishing house
“Nestor-Istoria”)

16+

№ 1 (45) 2025

The Secretariat

Executive Secretary — *M. V. Druzin*
(St. Petersburg Institute of History
of the RAS)

A. A. Efimov
(St. Petersburg Institute of History
of the RAS)

Date of signing to the press: 14.03.2025
Date of publication: 17.03.2025

Reprinting of materials is allowed
only with the written permission
of the editorial board of the journal.

The circulation is 500 copies

Order No 3259

The price is free

Registered as a scholarly periodical
by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information
Technology and Mass Media.
Journal Registration Certificate
PI No FS77-64510
as of 31.12.2015

Editorial board:

Editor-in-Chief — Corresponding Member of the
Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences
in History *A. V. Sirenov* (St. Petersburg Institute
of History of the RAS)

Doctor of Sciences in History *L. A. Gerd*
(St. Petersburg Institute of History of the RAS)

Doctor of Sciences in History, Professor
T. V. Kudryavtseva (A. I. Herzen Russian State
Pedagogical University)

Professor *A. Lavrov*
(Sorbonne Université, France)

Doctor of Sciences in History *I. V. Lukoyanov*
(St. Petersburg Institute of History of the RAS)

Professor *A. Martin*
(University of Notre Dame, USA)

Doctor of Sciences in History, Professor
A. P. Pavlov (St. Petersburg State University)

Doctor of Sciences in History *A. I. Rupasov*
(St. Petersburg Institute of History of the RAS)

Professor *S. Franklin*
(University of Cambridge, UK)

Doctor of Sciences in History *A. N. Chistikov*
(St. Petersburg Institute of History of the RAS)

Содержание

История России

• <i>T. A. Базарова</i>	
Петровский Санкт-Петербург и водная стихия	9
<i>T. A. Bazanova</i>	
Petrine St. Petersburg and the Water Element	
• <i>O. Ю. Малинова-Тзиафета</i>	
Катастрофическое наводнение 1924 года и городское хозяйство	
Ленинграда – была ли катастрофа?	23
<i>O. Yu. Malinova-Tziafeta</i>	
The catastrophic flood 1924 and the urban economy of Leningrad – was there a catastrophe?	
• <i>G. С. Тзиафетас</i>	
Старая проблема, современное решение: наводнения и поиск защиты от них	
в Санкт-Петербурге/Ленинграде (1703–1924)	36
<i>G. S. Tziafetas</i>	
Old problem, modern solution: Floods and protection	
in St. Petersburg/Leningrad (1703–1924)	
• <i>A. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков</i>	
Командировки московских историков в европейские университеты	
XIX века	48
<i>A. Yu. Andreev, D. A. Tsygankov</i>	
Scientific trips of Moscow historians to European universities of the 19 th century	
• <i>Д. А. Баринов, Е. А. Ростовцев</i>	
Выпускники историко-филологического факультета	
Санкт-Петербургского университета рубежа XIX–XX вв.:	
коллективный портрет и карьерные перспективы	62
<i>D. A. Barinov, E. A. Rostovtsev</i>	
Graduates of the faculty of history and philology of St. Petersburg University at the turn	
of the 19 th –20 th centuries: Collective portrait and career prospects	
• <i>А. А. Сорокин</i>	
Дискуссии об организации земского самоуправления в Сибири	
в начале XX в.	74
<i>A. A. Sorokin</i>	
Discussions on the organization of <i>zemstvo</i> self-government in Siberia	
in the early 20 th century	
• <i>М. Д. Новиков</i>	
Девиации в процессе проведения внутренних государственных займов	
1946–1957 годов в СССР	85
<i>M. D. Novikov</i>	
Deviations in the process of conducting internal government loans in the USSR	
in 1946–1957	

Всеобщая история

• <i>T. B. Кудрявцева</i>	
АбORTы и средства прерывания беременности в античных практике, общественном мнении и магии	96
<i>T. V. Kudryavtseva</i>	
Abortions and abortifacients in Ancient practice, public opinion and magic	
• <i>A. И. Макурин, Д. М. Нечипорук</i>	
Истина находится посередине: опыт исследования сибирской ссылки шотландским ученым Джеймсом Янгом Симпсоном	112
<i>A. I. Makurin, D. M. Nechiporuk</i>	
The truth is in the middle: the experience of studying the Siberian exile by the Scottish scientist James Young Simpson	
• <i>Л. В. Антонова</i>	
Выставки в Лондоне в контексте культуры питания британцев последней трети XIX – начала XX в.....	123
<i>L. V. Antonova</i>	
Exhibitions in London in the context of British food culture of the last third of the 19 th – early 20 th centuries	
• <i>Л. А. Герд</i>	
Пол Андерсон и его визит в Палестину в 1923 г.	133
<i>L. A. Gerd</i>	
Paul Anderson and his visit to Palestine in 1923	

Славянская палеография: проблемы и методы исследования

• <i>T. B. Анисимова</i>	
Архаичные черты письма Тихонравовского хронографа.....	146
<i>T. V. Anisimova</i>	
Archaic features of Tikhonravov chronograph writing	
• <i>M. B. Корогодина, Н. Н. Левченко</i>	
Конволют или сборник: проблемы типологизации.....	155
<i>M. V. Korogodina, N. N. Levchenko</i>	
Convolute or miscellany: the problem of typology	
• <i>M. С. Крутова</i>	
Труды Л. П. Жуковской по палеографии в ее личном фонде в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки	165
<i>M. S. Krutova</i>	
L. P. Zhukovskaya's works on paleography in her personal collection in the Department of manuscripts of the Russian State Library	

Историография

• <i>И. М. Басов</i>	
Историография истории печати Польского королевства XV–XVI вв.	176
<i>I. M. Basov</i>	
Historiography of the printing history of the Polish Kingdom in the 15 th –16 th centuries	

Публикации

- *B. V. Шишкин*
Неизвестное письмо Генриха III от 10 марта 1585 г.:
преддверие Войны трех Генрихов 186
V. V. Shishkin
Unknown letter of Henry III of March 10, 1585: on the eve of the The War of Three Henrys
- *A. V. Ашихмин, Д. Н. Шилов*
«Хорошо, да не время». Последние доклады М. М. Сперанского
императору Александру I о реформе Сената в 1811 г. 194
A. V. Ashikhmin, D. N. Shilov
“Well, but not the time”. The last reports of M. M. Speransky
to Emperor Alexander I on the reform of the Senate in 1811
- *E. Д. Твердюкова*
«...Став не только табачниками, но и боеприпасниками»:
письмо директора ленинградской табачной фабрики им. Урицкого
В. Н. Румянцева В. П. Зотову (7 июля 1942 г.) 213
E. D. Tverdyukova
“Becoming not only tobacco workers, but also ammunition manufacturers”:
the letter from the director of the Leningrad Tobacco Factory named after Uritskiy
V. N. Rumyantsev to the V. P. Zotov (7.7.1942)

Сообщения

- *A. B. Ушаков*
Фрагменты из книги о нарвской торговле «новгородских гостей» Любека:
сборы с товаров, вывозимых из Нарвы в период Ливонской войны 227
A. V. Ushakov
Fragments from the book about the Narva trade *Nowgorodfahrer* from Lübeck:
Fees on goods exported from Narva during the Livonian War

Рецензии

- *C. H. Искюль*
Рецензия на коллективную монографию: *Kandakou D., Stroev A.*
Les Russes à Paris au XVIIIe siècle sous l'oeil de la police.
Paris: L'Harmattan, 2024. 736 p. 238
S. N. Iskiul
Review of the collective monograph: *Kandakou D., Stroev A. Les Russes à Paris*
au XVIIIe siècle sous l'oeil de la police. Paris: L'Harmattan, 2024. 736 p.

Требования к публикации статей и материалов 247

Т. А. Базарова

Петровский Санкт-Петербург и водная стихия*

На отвоеванных у Швеции в начале Северной войны (1700–1721) берегах Невы Петр I воплотил свои самые амбициозные замыслы — создание военно-морского флота и международного торгового порта. Царь оценил географические особенности Приневья — возможность развития водного сообщения с другими частями России по Ладожскому озеру и Волхову, а также установления торговых связей с Западной Европой через Финский залив и Балтийское море. С первых лет возведения Санкт-Петербурга по Неве доставляли работных людей и солдат, строительные материалы, продовольствие, оружие и прочие грузы. По замыслу государя Нева должна была стать не только важной транспортной артерией нового города, но и его парадным фасадом. Характерной чертой Санкт-Петербурга стала ориентация застройки на водное пространство.

Петру I пришлось столкнуться с неблагоприятными погодными факторами, которые усугублялись отсутствием надежных сведений о природных условиях и ландшафте Приневья. Владевшие почти столетие этим землями шведы имели возможность изучить их особенности и учитывать их при прокладке дорог и строительстве поселений. Вода при наводнениях не доходила до располагавшихся в устье Охты крепости Ниеншанц и города Ниена. По приказу шведского

* В основу статьи положено выступление на круглом столе памяти Юрия Николаевича Беспятых «Люди и стихия: к годовицам крупнейших наводнений в истории Санкт-Петербурга (1724, 1824 и 1924)», который прошел в СПБИИ РАН в рамках Третьего международного Петербургского исторического форума 10 октября 2024 г.

правительства измерялись глубины Невы, Финского залива и Ладожского озера. Последняя гидрографическая съемка, которой руководил старший штурман Адмиралтейства Карл Эльдберг, продолжалась вплоть до прихода в Приневье русских полков. До нашего времени в многочисленных копиях сохранилась подготовленная им «Гидрографическая карта верхнего течения Невы...» 1701 г., где указаны глубины фарватеров и отмечены мели¹. Начавшему грандиозное строительство в Невской дельте и освоение прилегающих территорий государю и его сподвижникам не были известны ни фарватеры, ни режимы рек. Первые строители Санкт-Петербурга не знали о значительных подъемах воды в Неве, которые происходили преимущественно осенью или в начале зимы.

Петербургским наводнениям уделено значительное внимание в научной и научно-популярной литературе. Данное природное явление привлекало внимание не только гидрографов, синоптиков и метеорологов². Практически в каждой монографии, посвященной истории петровского Санкт-Петербурга, есть упоминания о наводнениях. Основными источниками являются дневники, записки и мемуары иностранных путешественников и дипломатов, ставших очевидцами драматических событий. Анализ нарративного материала позволил историкам воссоздать картину буйства водной стихии и причиняемого ей ущерба первым строениям и жителям Санкт-Петербурга³. О. Г. Агеева изучала наводнения в контексте повышенной общей тревожности в русском обществе, которая приводила к распространению в народе слухов и предсказаний. По ее мнению, «в сознании недовольных петербуржцев наводнения стали благодатным материалом» для пророчеств о гибели города в пучине вод⁴.

Петербургским наводнениям петровского времени посвятил монографию Ю. Н. Беспятых⁵. Опубликованный в 2013 г. труд «Наводнения в Петербурге Петра I» стал итогом его многолетней работы, связанной с изучением литературы, а также выявлением, введением в научный оборот и анализом различных видов источников (как личного происхождения, так и законодательных актов). Это позволило ему уточнить даты наводнений, добавить новые факты, опровергнуть или подтвердить сложившиеся научные мнения. Составленный Ю. Н. Беспятых список наводнений остается самым полным в современной историографии. Собранные свидетельства позволили ему убедительно доказать, что наводнение 5 ноября 1721 г. было одним из самых разрушительных в истории российской столицы. Между тем, несмотря на обширную научную литературу, опубликованную в последние годы, роль правительства и городских властей в решении проблемы устранения последствий стихийных бедствий, минимизации ущерба и организации предупреждений жителей еще остается изученной фрагментарно.

Источниковой базой настоящего исследования стали законодательные акты и нарративные источники, в том числе иностранные описания Санкт-Петербурга, а также переписка Петра I, ингерманландского (петербургского) губернатора А. Д. Меншикова, петербургского обер-коменданта Р. В. Брюса,

котлинского коменданта В. И. Порошина. Наиболее содержательные письма и донесения были опубликованы в сборниках: «Письма и бумаги Петра Великого» и «Походная канцелярия Александра Даниловича Меншикова»⁶. Анализ и сопоставление содержащейся в источниках информации позволяют выявить особенности освоения водных путей Приневья и влияния водной стихии на повседневную жизнь жителей Санкт-Петербурга, а также отражение данной проблемы в петровском законодательстве.

Нева — основная магистраль петровского Санкт-Петербурга

Будущая столица Российской империи строилась одновременно на нескольких островах. В петровское время мосты возводили только через небольшие реки, протоки и каналы, поэтому сообщение между различными островами и частями города зачастую зависело от режима Невы, которая в непогоду превращалась в труднопреодолимую преграду. Прибывший в Санкт-Петербург в 1714 г. ганноверский резидент Ф. Х. Вебер писал, что «все сообщение должно осуществляться на судах; поэтому не обходится без несчастий, и почти ежедневно тонут люди»⁷. Историки Санкт-Петербурга, как правило, связывают отсутствие мостов через Неву с запретом государя их сооружать, чтобы не создавать помеху судоходству и стимулировать развитие водного транспорта⁸. Однако царский указ (если таковой и был) до наших дней не сохранился.

Первые жители Санкт-Петербурга, чтобы добраться из одной части города в другую, использовали небольшие парусные и гребные суда (лодки, шлюпки, яхты, верейки, буера и др.). В научной и научно-популярной литературе нередко цитируется указ Петра I, чтобы «не только хозяева домов, но и каждый не совсем бедный постоялец имел у берега во всякое время перевозное судно, которое бы употреблялось точно же, как на сухом пути кареты и коляски». По-видимому, впервые этот фрагмент «специального указа» без указания даты и источника появился в книге историка архитектуры В. И. Кочедамова⁹, а затем был тиражирован другими исследователями.

Для судов на набережных строили причалы. Пристани перед возведенными на берегу Невы на Березовом (Городском) острове домами А. Д. Меншикова и других приближенных государя можно увидеть уже на гравюре П. Пикарта «Первый вид Санкт-Петербурга» (1704). Даже простая лодка в петровском Санкт-Петербурге считалась ценным имуществом. Причалившая в тихом месте и оставленная без охраны, она могла привлечь внимание нечестных людей. Так, в ноябре 1711 г. стрельцы Герасим Васильев и Никита Павлов с двумя плотниками-переведенцами, переехав от Кронверка «на Адмиралтейскую сторону в дома свои начевать», вытащили лодку на берег возле пивоварни, «и той ночи тое лотку з берегу украли»¹⁰.

Не имевшие в личном владении лодок жители пользовались перевозами, которые соединяли различные части города. Самое раннее упоминание о них

встречается в записках датчанина Ю. Юля в 1710 г. («перевозы между островами, из посада в посад царь сдал одному проживающему здесь князю, платящему с них пошлины по 400 рублей в год»)¹¹. Откупщики перевозили не только людей, но и различные грузы. За перевоз через Неву следовало уплатить 1 деньгу, а в 1715 г. уже брали по копейке с человека. Однако солдаты и работные люди, следовавшие по казенной надобности и имевшие подтверждавшие это документы, переезжали через реку бесплатно¹². Первый историк Санкт-Петербурга А. И. Богданов перечислил более двух десятков пристаней и перевозов: от Троицкой пристани к пристани у старого Почтового двора, от пристани у Мытного двора к пристани на Стрелке, от Синявиной пристани к пристани у «гофшип-талей» и др.¹³

Петр I не просто поощрял, но и принуждал жителей Санкт-Петербурга ходить под парусом по Неве. Первые указы появились летом 1710 г. Сначала 18 июня государь приказал генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину объявить жителям Санкт-Петербурга («всяких чинов людям»), чтобы «во время ветра ездить Невою рекою на судах парусами», а не на веслах. Ослушников ожидал штраф, размер которого зависел от чина и должности и увеличивался за второе и третье нарушение¹⁴. Ответственным за контроль назначался шкипер Иван Степанович Потемкин, получивший должность фискала. 4 июля был подготовлен именной указ государя И. С. Потемкину, текст которого почти дословно совпадал с предыдущим. Однако его дополнили распоряжением: «...а кто по сему великого государя указу исправлять не будет, и на таких людей присылать тебе писма в Адмиралтейскую канцелярию за своею рукою»¹⁵.

Судя по списку должностей и чинов тех, на кого мог быть наложен штраф (министры, генералы, полковники, офицеры, ландрихтеры и пр.), и по его размеру (от 5 до 100 руб.), указ не распространялся на простых обывателей. Упомянутых в указе «неслужащих» тоже сложно отнести к лицам с низким доходом. Они штрафовались на значительные суммы: от 15 до 30 руб. («да они же отосланы будут в гварнizon в мельницу в работу на неделю»)¹⁶. В 1718 г. в развитие этой петровской идеи был создан «Невский флот». Ближайшим сподвижникам государя раздали построенное за счет казны 141 судно (яхты, буеры, верейки и пр.) с обязательством содержать их в должном порядке и по сигналу участвовать в совместных еженедельных водных маневрах (и снова под угрозой большого штрафа)¹⁷.

Нева была судоходной, как правило, только в течение полугода. С поздней осени до середины весны реку пересекали по льду. Петр I и в зимнее время не упускал возможности ходить по реке на буере под парусом¹⁸. Уже в сентябре 1706 г. он попросил Ф. М. Апраксина прислать из Воронежа «ботик, который бегает по лdu парусами»¹⁹. Среди рассказов Нартова о Петре Великом сохранился исторический анекдот: «Но как водяного плавания по краткости летаказалось Петру Великому мало, то приказывал от дворца к крепости на Неве лед расчищать, где на ботах и других малых судах, поставленных на полоски

и коньки, при ветре под парусами с флотскими офицерами и знатными господами, подобно как бы на воде, катался и проворно лавировал. К сим забавам приглашал и чужестранных министров и зимовавших голландских шкиперов. На сих забавах потчивал всех горячим пуншем и однажды шкиперам говорил: «Мы плаваем по льду, чтобы зимою не забыть морских экзерсий»²⁰.

Особую опасность Нева представляла во время ледохода или ледостава. Ежегодно на несколько дней сообщение между островами прерывалось. Специальных указов или распоряжений местных властей о предупреждении жителей Санкт-Петербурга о запрете пересекать реку по льду до наших дней не сохранилось. Из нарративных источников известно, что в день вскрытия Невы со стен Петербургской крепости раздавались три пушечных выстрела, а о начале замерзания реки извещали барабанным боем, вдоль берега расставляли стражу. 24 апреля 1710 г. Ю. Юль писал, что, как только вскрылась Нева, Петр I пересек ее на голландском буере. Датчанин отмечал бесстрашие и безрассудство жителей Санкт-Петербурга, которые шли по взламывающемуся льду, несмотря на расставленную по берегу стражу. По словам датчанина, «из-за подобной отважности женщина с ребенком на руках и четверо других людей были унесены на оторвавшейся льдине; потом их, впрочем, спасли»²¹. Следует отметить, что людей заставляла пересекать реку по неустойчивому льду отнюдь не «отважность», а суровая необходимость. 19 ноября 1721 г. камер-юнкер Ф. В. Берхгольц записал в своем дневнике: «...так называемый виташий, или тайный кнутмейстер, поздно ночью ездил с барабаном и несколько человек ходило по набережным с музыкою в знак того, что река стала и что еще никому не дозволяется ходить через нее. По здешнему обычаю, он с своими людьми и сам император должны первые пройти по льду»²². Ю. Н. Беспятых отмечал, что вода не вызывала у Петра I чувства опасности, и он в нарушение установленного им порядка пресекал Неву по неокрепшему льду²³.

«Великие погоды» и «противные ветры» на Ладожском озере и Финском заливе

Судоходство по Ладожскому озеру требовало от капитанов и лоцманов особого мастерства. Местные жители предупреждали, что на озере много «камней и мелей» и могли внезапно начинаться сильные ветра («в иныя погоды суда уносит в озеро к Олонцу»)²⁴. В Петровскую эпоху возросла интенсивность судоходства по озеру, что повлекло увеличение числа пострадавших от непогоды судов. Первые случаи произошли в самом начале освоения Приневья. Так, в августе 1703 г. на мели близ Шлиссельбурга оказался построенный на Олонецкой верфи 38-пушечный фрегат «Штандарт», капитаном которого был сам Петр I. Государь принимал участие в сооружении фрегата и собирался лично ввести его в Санкт-Петербург²⁵. В октябре 1704 г. семь построенных на олонецкой верфи фрегатов из-за «противного ветра» и «великой непогоды» на Ладожском озере несколько дней не могли подойти к Шлиссельбургу и войти

в Неву²⁶. В тексте именного указа от 18 ноября 1718 г. о «заклеймении всех судов староманерных» упоминается о гибели на Ладожском озере более 10 тыс. кораблей²⁷. Историки считают эту цифру преувеличенной, однако уточнить ее очень сложно из-за нехватки достоверных источников. Трудности и риски судоходства привели Петра I к идеи строительства в обход озера канала, который стал бы частью Вышневолоцкой системы.

Торговые и военные суда повреждались и гибли не только на Ладожском озере, но и в мелководном Финском заливе. В начале XVIII в. основной судоходный фарватер проходил между Васильевским и Адмиралтейским островами, а затем вел к южной оконечности Котлина. На острове была организована лоцманская служба. В обязанности лоцманов входило устанавливать вехи и бакены, следить за чистотой фарватера, а также помогать капитанам снимать суда с мели. Попытки пройти фарватером не всегда были удачны. Так, 30 апреля 1712 г. царь из Санкт-Петербурга написал К. И. Крюйсу: «Я сюды сего дня приехал и у первых вех нашел еще 4 самых больших карбософ, которых вбок занесло погодою, аднако ж сим вечером и утром, чаю, выдут конечно, с которыми не замешкаючи буду сам»²⁸.

Петр I часто бывал на Котлине, особенно в 1710–1720-х гг., когда туда была перенесена база военно-морского флота и началась регулярная застройка острова. Государь стремился продемонстрировать свои достижения иностранным дипломатам. Описания поездок на Котлин сохранились в их записках и дневниках. Путешествие на находившийся в 30 верстах от Санкт-Петербурга остров не всегда было коротким и приятным. В источниках сохранились сведения о многочисленных происшествиях, которые могли завершиться трагедией. В мае 1714 г. по распоряжению Петра I сенаторы и иностранные дипломаты отправились на нескольких судах «для увеселения» на Котлин. Корабль, на котором находились Ф. Х. Вебер и хивинский посол Ашур-бек, «по невежеству московитского капитана» занесло на мель. К вечеру при помощи лоцманов судно удалось освободить, однако внезапный штурм не позволил продолжить путь. Только через четыре дня изрядно поврежденному судну удалось подойти к гавани на Котлине²⁹. 9 июня 1715 г. поездка на Котлин снова проверила на крепость нервы ганноверского дипломата. Разразившаяся буря вынудила капитана галеры, на которой находился Ф. Х. Вебер, «встать на якорь и провести в сем открытом судне три дня и три ночи без огня, без постелей и без пропитания»³⁰.

28 мая 1720 г. трагически закончилось возвращение на буере из Санкт-Петербурга на Котлин комиссара Григория Мазовского, отвечавшего за строительство на острове, которое велось от Санкт-Петербургской губернии. За две версты от острова «тот буер залило и камисара в каюте потопило, а оставшие на том буэре люди спаслись»³¹.

Подводные камни и мели представляли серьезную опасность и для судов, следовавших к Котлину из Балтийского моря. 3 сентября 1719 г. котлинский комендант В. И. Порошин доложил А. Д. Меншикову, что близ Красной горки

остановились шедшие из Ревеля корабли 52-пушечный «Девоншир», 54-пушечные «Портсмут» и «Лондон». Если первые два по сведениям, доставленным на Котлин капитаном Э. Лейном, были «свободны», то «Лондон» оказался «на мели и грод-мачты на нем ныне нет. А рублена или снята, того известия нет, за великою погодою послать невозможно»³². 1 октября комендант снова писал: «Сего числа после полудни в 1-м часу карабль “Девеншир” в порт пришел, а на карабле “Почмурт” мачты сняты»³³. Оба судна — «Лондон» и «Портсмут» — были разбиты штормом и затонули. Впоследствии корпус линейного корабля «Лондон» был загружен камнем и использовался как основа для маяка, обозначающего отмель, которая получила название «Лондонская».

С поздней осени до середины апреля Котлин с Санкт-Петербургом и приморскими резиденциями связывали «морские дороги», проложенные по льду Финского залива, по которым передвигались пешком, верхом на лошади или санях. Так, 2 апреля 1705 г. Р. В. Брюс сообщил губернатору: «...и на море лед, и около Санкт-Петербурха <...> гораздо крепок, и в Кроншлот ездят морем на санях»³⁴. Суровой зимой путь с острова Котлина был небезопасен, особенно для пеших путников. По-видимому, в конце 1720 г. ударили сильные морозы. В. И. Порошин сообщил А. Д. Меншикову, что «некоторые люди, идучи с Котлина острова к Санкт-Петербурху и, не доходя, от великой стужи померли»³⁵. 1 декабря котлинский комендант получил царский указ, который было велено обнародовать с барабанным боем, «чтоб из Санкт-Петербурха на Котлин остров и обратно прямой дорогою от прешпективой морем, кто имеет нужду, не ездили и пешие не ходили. А ходили на Стрелину мызу, на Питергоф, на Ранибом, на Лахту и через Лисей нос». На Котлине у «морской дороги» был выставлен караул, который задерживал конных или пеших путников. Уже 3 декабря на гауптвахту доставили первых нарушителей — трех гардемаринов и четырех торговых людей³⁶.

«Жестокая погода с моря»

Ежегодные подъемы воды в Неве, которые могли переходить в наводнения, стали частью жизни Санкт-Петербурга. Именно с наводнениями исследователи связывают появление целого ряда царских указов и распоряжений городской администрации, повлиявших на застройку Санкт-Петербурга и повседневную жизнь его жителей. В петровское время слово «наводнение» не использовалось. «Словарь русского языка XVIII в.» самое раннее упоминание «наводнения» относит к 1729 г.³⁷ Для обозначения этого стихийного бедствия употреблялись такие словосочетания: «великая погода», «великая морская погода», «жестокая погода с моря» или «великая вода». Отметим, что «великой погодой» современники Петра I называли и шторма на Ладожском озере и в Финском заливе³⁸.

Строители города столкнулись с этим стихийным бедствием уже 19 августа 1703 г.³⁹ Сам Петр I впервые стал свидетелем четвертого в истории Санкт-Петербурга наводнения. 11 сентября 1706 г. он написал А. Д. Меншикову:

«Третяго дни ветром вест-сюд-вестом такую воду нагнала, какой, сказывают, не бывало. У меня в хоромах была сверх полу 21 дюйм; а по городу и на другой стороне по улице свободно ездили в лотках; однакож не долго держалось, менши 3-х часов. И зело было утешно смотреть, что люди по кровлям и по деревьям, бутто во время потопа, сидели, не точию мужики, но и бабы. Однакож хотя и зело велика была, но беды великой не зделала»⁴⁰.

Надо полагать, в начальные годы строительства Санкт-Петербурга царь не видел в подъемах воды существенной угрозы. В декабре 1706 г. он оставил петербургскому коменданту Р. В. Брюсу инструкцию, состоявшую из семи пунктов, касавшихся работ по строительству крепости и Кронверка в следующем году. Сложно согласиться с выводом Ю. Н. Беспятых, что документ возник главным образом под впечатлением от наводнения⁴¹. О нем упоминалось только в первом пункте, где обер-коменданту предписывалось «погреба поднять так высоко, чтоб полфута повыше бывшей воды великой было». В июле 1706 г. в Петербургской крепости был сильный пожар, когда взорвалось семь бочек пороха⁴². Именно к нему, а не к сентябрьскому подъему воды⁴³ относилась заключительная фраза инструкции: «...от чево Боже сохрани, таково ж бедства не было, как сего лета: едва вся крепость не пропала». Пожары в деревянном петровском Санкт-Петербурге случались часто и их опасались сильнее, чем наводнений. С первых лет строительства Санкт-Петербурга его жителей обязали соблюдать определенные противопожарные нормы, за выполнением которых следили специальные чиновники⁴⁴.

По-видимому, после наводнения 1706 г. государь и местная администрация стали уделять пристальное внимание также и поддержанию порядка в городе во время подъемов воды в Неве. Жителей о подъеме воды оповещали колоколами и барабанным боем. Самое раннее упоминание об этом относится к 1711 г. Секретарь английского посольства Л. Вейсброд отправил из Москвы своему правительству письмо о событиях в Санкт-Петербурге: 9 декабря 1710 г. в полночь «с моря, с юго-запада, дул такой сильный ветер, что Нева затопила город и все окрестные острова; наводнение захватило бы многих врасплох, многие бы погибли, если бы жителей не разбудили набатом и они не успели перебраться на крыши домов. Благодаря набату жизнью поплатились немногие, но большинство лошадей и скота погибло»⁴⁵. Сведения о существовании распоряжения, запрещавшего под страхом смертной казни присваивать унесенное водой чужое имущество, содержатся в записках датского посланника Ю. Юля, ставшего свидетелем наводнения 1710 г. Датчанин упомянул, что «года три тому назад» был обнародован указ о том, что лес и «другое добро», «очутившееся, когда спадет вода, на чужой земле, должно быть возвращено настоящему собственнику»⁴⁶.

По-видимому, именно масштаб ущерба, причиняемого водной стихией жителям и канцеляриям из-за уносимых в неизвестном направлении строительных материалов, потребовал принятия решительных мер. В результате наводнения

22 сентября 1715 г. заготовленные для городовой работы и строительства царских дворцов «государевы леса» оказались «разогнаны» по всей Невской дельте. Возглавлявший Канцелярию городовых дел князь А. М. Черкасский доложил о сложившейся ситуации Правительствующему сенату, который принял два постановления — Канцелярии городовых дел разыскать утраченное и описать, а коменданту Петербургской крепости М. О. Чемесову объявить указ жителям города не растаскивать прибитый к их домам лес⁴⁷. Через пять дней после наводнения, 27 сентября 1715 г., появился указ Правительствующего сената, предписывающий унесенные водой суда, дрова и бревна нашедшим хранить возле своих дворов неделю, чтобы владельцы могли отыскать свое имущество. При этом 1/5 часть полагалась нашедшим «за переем»⁴⁸. В том же 1715 г. у Петербургской крепости установили футшток — водомерную рейку⁴⁹.

По мнению Е. В. Анисимова, в петровское время не было катастрофических наводнений⁵⁰. Другие исследователи, оценивая последствия внезапного подъема воды 5 ноября 1721 г., считают, что в этот день произошло одно из первых катастрофических наводнений в истории Санкт-Петербурга⁵¹.

5 ноября 1721 г. вода прибывала в течение нескольких часов и, по разным подсчетам, поднялась на 254–272 см. Снесены были мосты через каналы, пострадали берега самих каналов, набережные и многие городские постройки. Вода вырывала с корнем деревья, унесла и выбросила на берег многочисленные суда. Погиб парусно-гребной флот, были серьезно повреждены Галерная гавань и укрепления Адмиралтейской крепости. Стихия бушевала не только в дельте Невы. Оказался занесен песком Ладожский канал, серьезно пострадали жилые дома и гавани на Котлине. Погибли люди и домашний скот. По свидетельству современника, общий ущерб достигал 2–3 млн руб. Ю. Н. Беспятых почеркнул, что ситуацию усугубляло то, что после первого катастрофического наводнения в ноябре Санкт-Петербург затапливало еще несколько раз⁵².

После ноябрьских наводнений 1721 г. были изданы указы, более жестко определявшие порядок строительства новых зданий и укрепления набережных. 16 ноября 1721 г. генерал-полицеймейстер А. М. Девиер объявил указ императора: архитектору Н. Ф. Гербелю осмотреть здания в низких местах Переведенской слободы на Адмиралтейском острове, а также измерить уровень, до которого поднималась вода во дворах во время наводнения. Впредь «нижние полы» в новых домах надлежало строить выше «прибылой воды»⁵³. Впрочем, жители Санкт-Петербурга и до этого распоряжения после первых наводнений стали возводить свои дома на высоких фундаментах.

Владельцы дворцов на набережной от Почтового двора до Галерного двора получили указ переделывать пристани (только шесть домов из 70 их не имели), поскольку старые снесло или сильно повредило водой. Пристань против дома вице-адмирала К. И. Крюйса приняли за образец⁵⁴.

6 декабря 1721 г. Правительствующему сенату был направлен указ о клеймении «всякого леса»: казенного, а также принадлежавшего подрядчикам

и частным лицам. Клейма следовало изобразить на бумаге и утвердить в Полицеймейстерской канцелярии. Хозяевам унесенных «великой водой» леса и дров «за переем» следовало отдавать владельцам дворов, к которым их привило, половину найденного имущества. Также «переемщикам» было обещано платить «за карабельные дубовые леса за каждое дерево по гривне»⁵⁵.

С середины 1710-х гг. появляется ряд законодательных актов и административных распоряжений, обязывавших владельцев домов по берегам рек приводить в порядок территорию у воды. Ю. Н. Беспятых связывает издание указов о строительстве и ремонте набережных рек и каналов с наводнениями⁵⁶. Р. А. Нежиховский полагал, что указ 1714 г. о доставке камня вызван необходимостью подсыпки территории⁵⁷. Однако, по нашему мнению, эти повторявшиеся из года в год распоряжения были связаны с текущими работами по благоустройству города.

Итак, невская вода являлась источником серьезной опасности для первых жителей Санкт-Петербурга. До наших дней сохранились законодательные и административные распоряжения, касающиеся мер по сохранению жизни и имущества жителей Санкт-Петербурга, принятые начиная с середины 1710-х гг. Из нарративных источников известно о существовании еще более ранних распоряжений. Подсчетом и ликвидацией ущерба, как правило, занимались пострадавшие канцелярии. После наводнения 1721 г. ведущую роль стала играть Главная полицеймейстерская канцелярия, в компетенцию которой входили вопросы благоустройства и поддержания порядка в городе. Указы и административные распоряжения были направлены на возвращение унесенного водой имущества владельцам, восстановление поврежденных построек, а также привели к уточнению норм строительства новых зданий.

Приложение

1721 г., ноября 7. — Письмо котлинского коменданта В. И. Порошина петербургскому генерал-губернатору А. Д. Меншикову

Светлейший князь премилостивый государь.

Великою погодою от Андреевской батареи по Купеческой гавани ящики гаванные от моря выбило до воды и пушки с места збило, и туры все розбило. А на местах осталось пушек двадцать восемь, туров двадцать два, которые стоят близ караулной избы. И тех пушек ныне поставить невозможно, пока оная Купеческая гавань нарублена не будет. // (л. 320 об.) В Новом Кроншлоте мартыры, которые поставлены были на батареях на углу против афицерских светлиц, и те мартыры водою с места збило и прибило их и (с) станками х караулной избе, и пушку двенатцатифунтовую збросило в воду.

В Старом Кроншлоте мосты все разломало и туры розбило, и пушку ж трехфунтовую скинуло в воду, и восемь лафетов погодою унесло. И пушки на Старом Кроншлоте поставить // (л. 321) невозможно ж, покамест нарублено и намещено будет.

Афицерских и салдацких квартир разбило и унесло пятнадцать, которые построены были близ Андреевской батареи.

^a Вашей высококняжеской светлости милосердого государя всепокорнейший раб Василий Порошин^{-a}.

Ноября 7 дня 1721 году.

РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 859. Л. 320–321. Подлинник. Публикуется впервые.

Подпись-автограф. В правом верхнем углу другими чернилами: № 90.

Примечание: ^{a-a} Рукой В.И. Порошина.

-
- ¹ Базарова Т. А. 1) Создание «Парадиза»: Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого: Очерки. СПб., 2014. С. 79; 2) «Речной лед выше и ниже города прошел»: Освоение водных магистралей в Приневье в начале Северной войны // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2024. Т. 15, вып. 7 (141). URL: <https://history.jes.su/s207987840032054-8-1/>
- ² Нежиховский Р. А. Река Нева и Невская губа. Л., 1981; Померанец К. С. Три века петербургских наводнений. СПб., 2005; Малова Т. И., Родионов А. А. Катастрофическое наводнение Невы 1721 г. (к 300-летию события) // Фундаментальная и прикладная гидрофизика. 2021. Т. 14, № 4. С. 111–118; и др.
- ³ См., напр.: Луппов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957. С. 143–145; Анисимов Е. В. Юный град: Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003. С. 332–335.
- ⁴ Агеева О. Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете...» — град Святого Петра: Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века. СПб., 1999. С. 83–85.
- ⁵ Беспятых Ю. Н. Наводнения в Петербурге Петра I. СПб., 2013.
- ⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого (далее — ПиБ): [в 14 т.]. СПб. (Л.); М., [1887–2022]; Походная канцелярия Александра Даниловича Менищкова (1703–1705) / Авт.-сост.: Е. В. Анисимов, Т. А. Базарова, К. Н. Лемешев, М. Е. Прокурякова. СПб., 2022.
- ⁷ Из книги Ф. Х. Вебера «Преображенная Россия» (ч. I): Приложение о городе Петербурге и относящихся к этому замечаниях // Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 117.
- ⁸ Анисимов Е. В. Юный град. С. 335; Амирханов Л. И. «Невский флот» — первый в мире яхт-клуб // История Петербурга. 2018. № 1 (73). С. 34.
- ⁹ Кочедамов В. И. Мосты Ленинграда. Л.; М., 1958. С. 6.
- ¹⁰ РГАВМФ. Ф. 176 (Адмиралтейская канцелярия при Адмиралтейств-Коллегии). Оп. 1. Д. 62. Л. 345 – 345 об.
- ¹¹ [Юль Ю.] Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом: (1709–1711) // Лавры Полтавы: Юст Юль. Оттон Плейер М., 2001. С. 195.
- ¹² Луппов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. С. 134–136.
- ¹³ Богданов А. И. Описание Санктпетербурга. СПб., 1997. С. 254–255.
- ¹⁴ Материалы для истории русского флота. СПб., 1867. Т. IV. С. 728.

- ¹⁵ ПиБ. М., 1956. Т. 10. № 3850. С. 218–219.
- ¹⁶ Там же. С. 219.
- ¹⁷ Амирханов Л. И. «Невский флот» — первый в мире яхт-клуб. С. 37.
- ¹⁸ Анисимов Е. В. ITINERA PETRI. Биохроника Петра Великого: день за днем. 1672–1725 гг. 01.11.1713, вс. П. в СПб. URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/246485771> (дата обращения 05.01.2025). Буер — (здесь) лодка на полозьях, которая движется по льду с помощью парусов.
- ¹⁹ ПиБ. СПб., 1900. Т. 4. № 1348. С. 367.
- ²⁰ Нартов А. А. Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи) / Подг. текста рукописи и приложений, вступ. ст. П. А. Кротова. СПб., 2001. С. 199.
- ²¹ [Юль Ю.] Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. С. 159–160.
- ²² Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721–1725. Ч. 1–2 // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 256.
- ²³ Беспятых Ю. Н. Петр, море и Петербург // Феномен Петербурга: Труды Третьей международной конференции, состоявшейся 20–24 августа 2001 года во Всероссийском музее А. С. Пушкина. СПб., 2006. С. 332.
- ²⁴ Устрилов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. IV. Ч. II. С. 192–193.
- ²⁵ Базарова Т. А. «Речной лед выше и ниже города прошел»
- ²⁶ Анисимов Е. В. ITINERA PETRI. 05.10.1704, чт. и далее URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/236968769> (дата обращения: 05.01.2025).
- ²⁷ ПСЗ. Т. V. № 3238. С. 593.
- ²⁸ ПиБ. М., 1975. Т. 12. Вып. 1. № 5233. С. 181–182.
- ²⁹ Вебер Ф. Х. Преображенная Россия: Новые записки о нынешнем состоянии Московии / Пер. [с фр.] и comment. Д. В. Соловьева. СПб., 2011. С. 27–28.
- ³⁰ Там же. С. 72.
- ³¹ РГАДА. Ф. 198 (Походная и домовая канцелярии А. Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 604. Л. 18.
- ³² Там же. Д. 859. Л. 41.
- ³³ Там же. Л. 51.
- ³⁴ Походная канцелярия Александра Даниловича Меншикова (1703–1705). С. 544.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 859. Л. 117.
- ³⁶ Там же. Л. 117 – 117 об.
- ³⁷ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 13 (Молдавский — Напрокудить). СПб., 2003. С. 143–144.
- ³⁸ См. напр.: Походный журнал 1704 г. С. 7–8.
- ³⁹ Подробнее см.: Беспятых Ю. Н. Наводнения в Петербурге Петра I. С. 66–70.
- ⁴⁰ ПиБ. Т. 4. № 1349. С. 368–369.
- ⁴¹ Беспятых Ю. Н. Наводнения в Петербурге Петра I. С. 80.
- ⁴² Базарова Т. А. Создание «Парадиза». С. 134–135.
- ⁴³ По мнению Ю. Н. Беспятых, эта фраза относилась не к пожару, а к наводнению (Беспятых Ю. Н. Наводнения в Петербурге Петра I. С. 83).
- ⁴⁴ Подробнее см.: Луппов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. С. 145–152; Базарова Т. А. Создание «Парадиза». С. 133–156.
- ⁴⁵ Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Витворта и секретаря его Вейсброда с 1708 г. по 1711 г. // Сборник РИО. 1886. Т. 50. С. 401. В опубликованном выше тексте письма на английском языке упоминаются колокола, а не набат: «...had they not rung the bells».
- ⁴⁶ [Юль Ю.] Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. С. 128.
- ⁴⁷ Беспятых Ю. Н. Наводнения в Петербурге Петра I. С. 99.
- ⁴⁸ ПСЗ. Т. V. № 2934. С. 169.
- ⁴⁹ Беспятых Ю. Н. Наводнения в Петербурге Петра I. С. 104–105.
- ⁵⁰ Анисимов Е. В. Юный град. С. 333.
- ⁵¹ См. напр.: Беспятых Ю. Н. Наводнения в Петербурге Петра I. С. 130; Малова Т. И., Родинов А. А. Катастрофическое наводнение Невы 1721 г. С. 112.

- ⁵² *Беспятых Ю. Н. Наводнения в Петербурге Петра I. С. 131–148, 198.*
- ⁵³ ПСЗ. Т. VI. № 3853. С. 455.
- ⁵⁴ *Луппов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. С. 137–138; Морозова А. А. Н. Ф. Гербель. Городской архитектор Санкт-Петербурга, 1719–1724 гг. СПб., 2004. С. 70–72.*
- ⁵⁵ ПСЗ. VI. № 3862. С. 463–464.
- ⁵⁶ *Беспятых Ю. Н. Наводнения в Петербурге Петра I. С. 128–129.*
- ⁵⁷ *Нежиховский Р. А. Река Нева и Невская губа. С. 52.*

References

- AGEEVA, O. G. "Velichaishii i slavneishii bolee vsekh gradov v svete..." — grad Svyatogo Petra: Petersburg v russkom obshchestvennom soznanii nachala XVIII veka. [“The Greatest and Most Glorious City in the World...” — the City of Saint Peter: Petersburg in the Russian Public Consciousness at the Beginning of the 17th Century. In Russ.]. St Petersburg, BLITs, 1999. 341 p.
- AMIRKHANOV, L. I. “Nevskii flot” — pervyi v mire yakht-klub [“Nevsky Flot” — the World’s First Yacht Club. In Russ.] In *Istoriya Peterburga*. 2018. No 1 (73), pp. 32–40.
- ANISIMOV, E. V. ITINERA PETRI. Biokhronika Petra Velikogo: den’ za dnem. 1672–1725 gg. [Elektronnyi resurs] [ITINERA PETRI. Biochronology of Peter the Great: day by day. 1672–1725. (Electronic resource In Russ.)]. URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/> (accessed 05.01.2025).
- ANISIMOV, E. V. *Yunyi grad: Peterburg vremen Petra Velikogo* [Young City: Petersburg During the Times of Peter the Great. In Russ.]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2003. 363 p.
- BAZAROVA, T. A. “Rechnoi led vyshe i nizhe goroda proshel”: Osvoenie vodnykh magistralei v Prinev’e v nachale Severnoi voiny [“River Ice above and Below the City Has Passed”: Development of Waterways in the Neva Region at the Beginning of the Great Northern War. In Russ.]. In *Elektronnyi nauchno-obrazovatel’nyi zhurnal “Istoriya”*. 2024. Vol. 15. Iss. 7 (141). DOI: 10.18254/S207987840032054-8
- BAZAROVA, T.A. *Sozdanie “Paradiza”: Sankt-Peterburg i Ingermanlandiya v epokhu Petra Velikogo: Ocherki*. [The Creation of “Paradise”: Essays on St Petersburg and Ingria in the Age of Peter the Great. In Russ.]. St Petersburg, Gol’, 2014. 406 p.
- BESPYATYKH, Y.N. *Navodneniya v Peterburge Petra I* [Inundations in Peter I’s St Petersburg. In Russ.]. St Petersburg, Istoricheskaya illyustratsiya, 2013. 406 p.
- BESPYATYKH, Y.N. Petr, more i Peterburg [Peter, the Sea and Petersburg. In Russ.]. In Bespyatikh, Y.N. (ed.) *Fenomen Peterburga: trudy Tret’ei Mezhdunarodnoi konferentsii, sostoyavsheisya 20–24 avgusta 2001 goda vo Vserossiiskom muzee A.S. Pushkina*. St Petersburg, BLITs, 2006, pp. 320–343.
- KOCHEDAMOV, V.I. *Mosty Leningrada* [Bridges of Leningrad. In Russ.]. Moscow; Leningrad, Iskusstvo, 1958. 58 p.
- LUPPOV, S. P. *Istoriya stroitel’stva Peterburga v pervoi chetverti XVIII veka* [History of the Construction of St. Petersburg in the First Quarter of the 18th Century. In Russ.]. Moscow; Leningrad, Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, 1957. 190 p.
- MALOVA, T. I., RODIONOV, A. A. Katastroficheskoe navodnenie Nevy 1721 g. (k 300-letiyu sobytiya) [Catastrophic Flood of the Neva, 1721 (to the 300th anniversary of the event). In Russ.]. In *Fundamental’naya i prikladnaya gidrofizika*. 2021. Vol. 14, No 4, pp. 111–118. DOI: 10.7868/S2073667321040109
- MOROZOVA, A. A. *N.F. Gerbel’. Gorodskoi arkitektor Sankt-Peterburga, 1719–1724 gg.* [N. F. Härbel. City Architect of St Petersburg, 1719–1724. In Russ.]. St Petersburg, Izd-vo Stroizdat, 2004. 222 p.
- NEZHIKHOVSKII, R. A. *Reka Neva i Nevskaya guba* [The Neva River and the Neva Bay. In Russ.]. Leningrad, Gidrometeoizdat, 1981. 109 p.
- Pohodnaya kancel’ariya Aleksandra Danilovicha Menshikova (1703–1705) [Field Chancellery of Alexander Danilovich Menshikov (1703–1705). In Russ.] / Editorial board: Anisimov E. V., Bazarova T. A., Lemehev K. N., Proskuryakova M. E. St Petersburg, Istoricheskaya illyustratsiya, 2022. 994 p.
- POMERANETS, K. S. *Tri veka peterburgskikh navodnenii* [Three Centuries of St Petersburg Floods. In Russ.]. St Petersburg, Iskusstvo-SPB, 2005. 212 p.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Т. А. Базарова. Петровский Санкт-Петербург и водная стихия // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 9–22

Аннотация: Воды Невы и Финского залива являлись источником опасности для жителей петровского Санкт-Петербурга. В городе было организовано оповещение о времени вскрытия и замерзания Невы, а также о начале наводнений. В статье анализируются указы Петра I и распоряжения местной администрации, которые были призваны минимизировать ущерб, устанавливали нормы строительства новых зданий и пристаней. В приложении к статье публикуется письмо котлинского коменданта В. И. Порошина о последствиях наводнения 5 ноября 1721 г.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, река Нева, Петр I, наводнения, Котлин, водная стихия, стихийное бедствие.

FOR CITATION

Т. А. Базарова. Petrine St. Petersburg and the water element // Petersburg historical journal, no. 1, 2025, pp. 9–22

Abstract: The waters of the Neva and the Gulf of Finland were a source of danger for the inhabitants of Petersburg. In the city, an alarm was organized for the time of the opening and freezing of the Neva, as well as for the beginning of the flooding. The article analyses the decrees of Peter I and the orders of the local administration, which were designed to minimize the damage, and established standards for the construction of new buildings and piers. The article is accompanied by a letter of the Kotlin commander Vasily Poroshin on the consequences of the flood of 5 November 1721.

Key words: St Petersburg, river Neva, Peter I, inundations, Kotlin, water element, natural disaster.

Автор: **Базарова, Татьяна Анатольевна** — к.и.н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: **Bazarova, Tatiana Anatolievna** — Candidate of Sciences (History), Senior Researcher of the St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: tbazarova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9380-5921

О. Ю. Малинова-Тзиафета

Катастрофическое наводнение 1924 года и городское хозяйство Ленинграда — была ли катастрофа?*

Слово «катастрофа» так часто употребляется в обыденной жизни, что вопрос, что же есть катастрофа и как отличить ее от не-катастрофы, на первый взгляд, не кажется удачным. Однако современная социология, работающая над проблемой стихийных бедствий, предлагает полезные идеи для историков. Так, даже катастрофическое наводнение в Петербурге-Ленинграде не всегда становилось катастрофой в социологическом смысле. Статус катастрофического присваивается исходя из того, насколько высоко вода при наводнении поднялась по уровню ординара, т. е. катастрофических наводнений в Петербурге было всего четыре (1777, 1824, 1924, 1955). При этом наводнение 1824 г. сопровождалось многочисленными жертвами среди городского населения, а в 1955 г. жертв удалось избежать вовсе. Социологи же показывают, что статус события конструируется социальными акторами исходя из определенных ценностей и потребностей. Так, одним событиям присваивается значение катастрофы, а другим — нет. Определение катастрофического события как нерутинного, драматичного и угрожающего системе как будто претендует на некоторую объективность, но не вполне учитывает мощное влияние публичной коммуникации на оценку события, пути его преодоления, дальнейшее использование

* Эта статья обсуждалась на заседании памяти Юрия Николаевича Беспятых в ходе III Петербургского исторического форума (октябрь 2024 г.) и посвящается ему как историку и прекрасному человеку и коллеге.

элементов этой коммуникации катастрофы¹. Получается, что понятие «катастрофа» в целом субъективно. Важно, однако, что, оценивая событие как катастрофу, подобно обозначению части своего личного опыта как испытания, автор текста или высказывания проводит границу между моментами исключительного и обыденностью². В какой же степени наводнение 1924 г. в Ленинграде можно считать катастрофой?

В этой статье наводнение 1924 г. обсуждается в контексте других катастроф — наводнений и эпидемий, которые случались в городе в XVIII — начале XX в. Субъективность их восприятия как катастрофы/не-катастрофы ранее не становилась предметом специального исторического исследования. Преодоление последствий всех этих (природных) катализмов всегда затрагивало сферу городского хозяйства. Повальные эпидемии обостряли требования к строительству городских инфраструктур и оздоровлению города. Петербургские наводнения производили большой резонанс среди читающей публики в мире³, требовали масштабного ремонта городской инфраструктуры и каждый раз актуализировали вопрос о строительстве защитных сооружений. Следуя социологии и истории катастроф⁴, наводнение 1924 г. должно было послужить катализатором для дальнейшего изменения ленинградского общества. Однако в первую очередь естественно предположить, что должны были измениться структуры городского хозяйства. Трагедия всегда становилась катализатором для дальнейшей социальной или научно-инженерной активности, пусть и теоретической. Правда, в Петербурге научные и общественные дискуссии о строительстве защитных сооружений от наводнений (начиная с катастрофического наводнения 1777 г.)⁵ и строительстве канализации (начиная с 1830-х гг.) так и не перешли в фазу окончательного выбора общегородского проекта вплоть до революции⁶.

Вопрос о том, можно ли считать наводнения в дореволюционном Петербурге катастрофами в социологическом смысле этого слова, изначально дискуссионен. События эти бывали крайне драматичными для пострадавших, однако при этом их едва ли можно считать нерутинными и меняющими систему. В высочайшем реескрипте Александра I на имя князя А. Б. Куракина небывалый подъем воды 7 ноября 1824 г. назван «внезапным и необыкновенным наводнением», а далее следует ссылка на Божию волю, т. е. на обстоятельства непреодолимой силы⁷. О нереализованных инженерных идеях защиты города от наводнений здесь, разумеется, умолчали. Эта ссылка на неотвратимость наводнения и заботу о пострадавших, но полное отсутствие обещаний предотвратить подобное в будущем говорят об отношении к наводнениям скорее как к неизбежной рутине. Действительно, сезонные затопления города были более или менее масштабными, но они случались регулярно, каждую весну и осень. Первое наводнение произошло в первый же год после основания Петербурга (1703)⁸.

Идеи перенести город в другое место не встречали поддержки, так как первичными были интересы порта, морской торговли и военного флота⁹. Но тем не менее в публичной коммуникации, т. е. в официальных документах и газетах, наводнения, рядовые с точки зрения гидрологов, все же могли обозначаться как словом «катастрофа», так и его синонимом «несчастье»¹⁰ — или не называться так напрямую, но обсуждаться в значении бедствия, резко нарушившего привычный порядок жизни.

Публичные оценки событий как катастроф много говорят о ценностях социальной группы, которая обсуждает этот вопрос. Например, наводнение 1721 г. произвело самое сокрушительное впечатление на влиятельных современников, и их записки позволили современному петербургскому историку Ю. Н. Беспятых назвать его катастрофическим¹¹. При этом в сугубо научном смысле оно причисляется к особо опасным. Уровень подъема воды во время этого наводнения исчисляется по-разному¹², но самый высокий показатель был значительно меньше 299 см по ординару. Ю. Н. Беспятых исходил из впечатлений, описаний и оценок нанесенного ущерба, прианных событию в записках множества известных современников, среди которых Ф. Х. Вебер, Ф. В. Берхольц, А. де Лави, а также знаменитые ученые И. Г. Лейтман и Л. Эйлер, а позже — бытописатели В. Л. Крафт, И. Г. Георги, Н. Н. Головин. Кроме привычных подробностей в виде залитых водой жилых высоких комнат, свиста ветра и размытых улиц, большое значение в записках о наводнении имела гибель множества судов, стоявших на Неве, в том числе военных¹³. Одним словом, наводнению был присвоен статус катастрофического на том основании, что изначально его мощь и разрушительная сила были отмечены в записках иностранцев, доносивших о важнейших событиях в России, знаменитых ученых, а также потому, что разбитые военные корабли были ценностью для Петра и его окружения и их потерю переживали тяжело. С идеей Ю. Н. Беспятых считать наводнение катастрофическим позже согласились гидрологи Т. А. Малова и А. А. Родионов, также занимающиеся историей петербургских наводнений, в том числе на основании того, что уровень суши в городе был существенно ниже современного¹⁴.

Понятия «катастрофа» и «несчастье» в дореволюционном Петербурге, без сомнения, соотносились с сословным разделением общества. До известной степени это было обусловлено пространственно. Районы дореволюционного Петербурга не имели явного деления на бедные и богатые в том смысле, что в одном и том же доме могли жить состоятельные семьи (в бельэтаже) и рабочие (в подвалах и под крышей)¹⁵. Однако разделение по имущественному признаку все же оказывалось в пространственном отношении на степени опасности района в случае сезонных наводнений, а также загрязнения органическими остатками¹⁶. Бедные районы невская вода заливала часто, а богатых она не коснулась даже при катастрофическом наводнении 1824 г. — это описал еще А. С. Пушкин в поэме «Медный всадник».

Если наводнение было относительно рядовым, то, например, аристократическая публика не склонна была уделять этому событию большого внимания. Даже серьезное наводнение 1903 г., впервые зафиксированное на фотопленку, обсуждалось в издании «Новости и Биржевая газета» всего пару дней. А сильный паводок в Сандомире, когда под водой длительное время стояли около 40 деревень, не назван ни катастрофой, ни несчастьем. Рассказ о нем в «Новостях и Биржевой газете» краток и относительно бесстрастен¹⁷. То же, по замечанию историка и географа Дж. Бейтера, происходило с эпидемиями заразных болезней. Например, повальная эпидемия холеры 1892 г. оказала огромное влияние на города в Европе¹⁸. Но она не сплотила городское общество Петербурга вокруг выбора проекта канализации и масштабного решения других городских проблем. Напротив, высшее петербургское общество в своих газетах на дорогой бумаге получало об этой эпидемии лишь самую скучную информацию. Крестового похода против холеры, т. е. объединения творческих сил общественности и инвестиций со стороны капитала во имя строительства канализации, так и не случилось¹⁹. А вот в дешевых газетах для условного среднего класса не только эта, но и многие другие эпидемии обсуждались как «бич» городов и деревень²⁰, т. е. как обстоятельства непреодолимой силы. И это несмотря на то что бедствия эти имели инженерное решение в виде защитных дамб, а также канализаций, водопроводов с очищенной водой и других мер по очищению городского и жилого пространства от органических остатков. Однако в Петербурге до революции не была решена ни одна задача по модернизации города²¹.

Сословный характер катастрофы в виде наводнения, рядового или катастрофического, проявлялся в том числе в том, что в первую очередь это была катастрофа для бедноты, которая очень мало затрагивала жизнь аристократии и социальных групп, составлявших разобщенный и условный средний класс. Журналисты часто намеренно обращали внимание читающей публики на бедственное положение подвальных жильцов (25–35 тыс. на 1899 г.). В статье «Наводненные подвалы» в дешевой газете «Петербургский листок» (1872)²² и серии очерков «Наводнение» (1903) в более дорогой «Новости. Биржевая газета» рассказывается, как, бывало, свист ветра мешал обитателям подвалов во время услышать сигнал о наступлении стихии, и вода врывалась через низкие окна прямо к спящим людям. Без сомнения, для самих бедняков это была катастрофа: ведь, как заметил журналист, «стоит Неве-матушке побежать вспять, им приходится начинать жизнь сначала», а ведь «жертвы стихии» не ожидали такого «несчастия» (синоним слова «катастрофа»)²³. Так обыденное явление превращалось в исключительное, чтобы подчеркнуть отчаяние бедных людей и побудить городские власти начать решать социальную проблему наводнений.

Обычно дореволюционные авторы описывали наводнения не как катастрофу, а как «надвигавшуюся стихию», «опасность» (последним словом обозначались также пожары)²⁴, что можно идентифицировать как удачную метафору,

а также и как хорошо известный прием коммуникации угрозы. Сначала следует, не жалея красок и образов, обозначить опасность и мрачные последствия определенной ситуации для какой-либо социальной группы, а затем указать на наиболее приемлемый для автора способ выхода из кризисной ситуации²⁵. Выходом из положения эти и другие авторы видели расселение жилых подвалов и решение жилищного вопроса силами городских управлений, так как частной инициативы оказывалось недостаточно²⁶. Общественное мнение и сплетни, тем более опубликованные в газете, долгое время оставались главным рычагом социального контроля в городе²⁷. Журналисты публично и зло предъявляли претензии Городской думе за ее бездействие. Гласные хоть и обсуждали вопрос защиты города от наводнений, но дальше дискуссий дело не шло²⁸. К слову, теми же словами: «стихия» и «опасность», приходящая с моря, — наводнения описывались и в 1970–1980-х гг.²⁹, но уже с целью легитимации долгостоящего строительства ленинградской дамбы как единственной защиты и решения старой проблемы³⁰.

Одним словом, наводнения и эпидемии в дореволюционном Петербурге были скорее привычными. Они не становились катализаторами значительных изменений и не привели ни к строительству защитных сооружений от наводнений, ни к радикальной модернизации городского хозяйства, ни даже к расселению затапливаемых подвалов. Те или иные наводнения и эпидемии публично обсуждались как катастрофы, и присвоение событию такого статуса было обусловлено интересами какой-либо социальной группы. Что было катастрофой для бедноты — обсуждал условный средний класс скорее в целях благотворительности. А что было трагедией и для условного среднего класса — далеко не всегда замечали аристократы. Как наводнения, так и эпидемии до революции как будто были частью системы, которую совсем не спешили менять.

Катастрофическое наводнение 23 сентября 1924 года

Наводнение, с которым столкнулась советская власть вскоре после Гражданской войны, было катастрофическим по гидрологическим меркам и произвело самые значительные разрушения³¹. Казалось бы, оно и стало катализатором масштабных изменений, по крайней мере в структуре управления городским хозяйством. Вскоре началось строительство общегородской сплавной канализации и серьезная работа над проектами защитных сооружений от наводнений (1925). Очевидно, однако, что реальным катализатором стала не сама катастрофа 1924 г., а цели и задачи новой власти — приступить к решению проблем городского хозяйства в Петрограде и Москве (1918)³². Катастрофическое наводнение 1924 г. стало, с одной стороны, трагедией и жестоким вызовом для жителей, городской промышленности, городских властей. А с другой стороны — прекрасным окном возможностей для реализации строительства сразу нескольких городских коммунальных сетей.

Годы Первой мировой войны и революции негативно сказались на всех городских сетях, и уже в начале 1918 г. большевики вынуждены были производить масштабные ремонтные работы. Теперь за благоустройство города в самом широком смысле отвечала государственная организация при Петроградской городской управе (городской исполнительной власти)³³ под названием Отдел городского хозяйства (апрель 1918), в ближайшем будущем — Отдел коммунального хозяйства (далее — ОТКОМХОЗ). Принципиально новым в сфере городского хозяйства стало создание одной мощной разветвленной организации, заведовавшей проектированием, строительством и эксплуатацией всех городских сетей и сооружений. Ранее одной лишь эксплуатацией канализационных систем заведовали более шести независимых организаций. Этот переход в управлении канализационными коммуникациями (правительственной, домовой и пр.) был долгим и затратным. Весь период 1918–1925 гг. шло конструирование новой структуры общего учреждения, принципов институционального взаимодействия между отделами, а также Петросоветом. Например, в 1922 г. работы по прокладке канализации контролировала Техническая комиссия секции коммунального хозяйства Петросовета нового созыва. Она имела право осматривать все строительные работы и документацию к ним³⁴. Важной временной цензурой в истории становления городского хозяйства стала «военная тревога 1927 г.», когда стало вполне ясно, что Вторая мировая война неизбежна. Тогда проекты городской инфраструктуры стали замораживаться, а средства передавались на нужды оборонной промышленности. Кроме того, кризис внес серьезные изменения в управление знаниями и производственную культуру структур городского хозяйства в сторону повышенной секретности и постепенного приближения трудовой дисциплины к армейской³⁵. К 1927 г. ОТКОМХОЗ находился под прямым контролем ОГПУ, имевшего свои филиалы (спецотделы, спецбюро, секретные отделы) в каждом тресте³⁶.

Наводнение 23 сентября 1924 г. не произвело подобного кристаллизующего действия на городское хозяйство, даже несмотря на серьезные разрушения в городе, где коммунальные сети и без того требовали ремонта и модернизации. Однако же принципиально новой в данном случае стала ответственность за все сферы жизни города во время наводнения и при его ликвидации, которую государство полностью взяло на себя. Милиция обеспечивала порядок и безопасность, борьбу со спекулянтами, осуществляла мобилизацию всего городского населения на общественные работы, патрулирование улиц во избежание хулиганства и мародерства³⁷. Промышленные предприятия и другие организации были ответственны за распределение техники и рабочей силы для ликвидации последствий наводнения³⁸. Эти меры оставили сословный характер наводнений в прошлом. Жалобы в милицию на то, что власти уделяют внимание центральным улицам в ущерб окраинным, возможно, были как раз рассчитаны на скорейшее исправление несправедливости. То есть наводнение 1924 г., в от-

личие от всех предыдущих, имело общегородской, внесословный и нерутинный характер.

Официально его называли стихийным бедствием, в то время как значение слов «катастрофа» и «нечастье» девальвировало до значения «нечастный случай». В милицейских сводках стояло: «...нечастий с людьми и животными не происходило», «...в момент наводнения особых крупных катастроф не было»³⁹. То есть, по-видимому, катастрофизация события не имела большого смысла — так же как и обращение к полупериферийности, т. е. к сравнению с европейскими городами не в пользу российских с целью побуждения городских властей к благоустройству⁴⁰. Действительно, в случае необходимости воздействовать на власти можно было иным способом. Горожане направляли жалобы прямо в милицию, ОТКОМХОЗ или в газету. Такая публикация в прессе обязывала, например, заведующего почтой публично оправдываться и заверять, что в дни наводнения все сотрудники почты и охранники находились на своих рабочих местах, боролись с прибывающей водой, спасали почтовые посылки и бумаги, а корреспонденция не могла быть доставлена во время из-за того, что улицы стали непроезжими и приходилось разносить ее в пешем порядке⁴¹.

К ликвидации последствий наводнения подошли очень серьезно — и это касалось не только помощи оставшимся без крова, как при Александре I. Уже 25 сентября председатель ВЦИК М. И. Калинин направил Ленинградскому губисполку телеграмму, где заверил его в помощи и поддержке со стороны центральной власти и «всего населения СССР» при ликвидации последствий катастрофического наводнения⁴². В ноябре 1924 г. был выпущен почтово-благотворительный выпуск почтовых марок «Пострадавшему от наводнения Ленинграду»⁴³. Все это говорило о выделении значительных денежных инвестиций для предприятий, организаций и городской инфраструктуры Ленинграда, пострадавших от наводнения.

Эти особые средства дали серьезную возможность отремонтировать и построить заново городские сети независимо от того, пострадали они от наводнения или нет. Причем, судя по официальному порядку отчета о выделенных средствах, такая возможность была изначально заложена в финансовых документах, т. е. власти шли на это вполне осознанно. Итак, порядок для всех организаций, учреждений и промышленных предприятий был относительно един. Сначала всем подотделам и управлениям ОТКОМХОЗа, равно как и другим организациям, например частям Ленинградского военного округа и морского ведомства⁴⁴, в Электротехнический трест заводов слабого тока⁴⁵ был направлен приказ от Ленинградского губернского исполнительного комитета о срочном составлении смет об убытках, а для разбора этих материалов — о создании особой комиссии⁴⁶. ОТКОМХОЗу предполагалось выделить специальные средства для производства работ по восстановлению разрушений, причиненных наводнением 23 сентября 1924 г., а также пополнения запаса попорченных

и уничтоженных материалов (распоряжение от 26 сентября 1924 г.). Эти экстренные расходы требовали особого порядка учета, т.е. составления отдельных документов. На них, а также на расходных ордерах Счетно-финансового отдела проставлялся особый штамп «За счет особого фонда на восстановление Ленинграда от последствий наводнения». Позже все подотделы и управления ОТКОМХОЗа получили циркуляр от Ленинградского губисполкома о формах отчета, оправдательных документах и сроках их подачи в Финансово-счетный подотдел⁴⁷. Эти отчеты тщательно проверялись, и, бывало, подателям отказывали в отпуске денег на основании того, что средства не имели никакого отношения к восстановлению объектов после наводнения⁴⁸. Из средств Особого фонда по ликвидации последствий наводнений производились закупка материалов, расходы на транспорт и выплачивалась заработка плата сотрудникам за сверхурочные часы работы. Например, очень интенсивно работала Особая комиссия для восстановления электроснабжения в Ленинграде (24 сентября – 1 октября 1924 г.), т.е. сразу после наводнения. Однако же техники кабельной сети не сразу получили положенное вознаграждение и были вынуждены даже написать об этом специальное заявление. Там они указывали на свой экстраординарно плотный график в дни наводнения и на опасность для жизни при работе с проводами в условиях контакта с водой⁴⁹.

Впрочем, в документах по ликвидации последствий наводнения была и совершенно особая статья — производство новых ремонтных работ, не предусмотренных сметой расходов ни на 1923/1924 г., ни на 1924/1925 г. Эта статья не учитывала ремонт повреждений от наводнения. Так называемые новые ремонтные работы в отчетах следовало указывать особо (распоряжение от 4 ноября 1924 г.). Они стали прекрасной возможностью для городского хозяйства Ленинграда достроить и отремонтировать то, на что недоставало сил и средств раньше. Например, в городской водопроводной сети за счет этой статьи решено было достроить фильтры на Главной водопроводной станции, перекрыть крышу, исправить стояк на дне р. Невы у водоприемника 48-й трубы⁵⁰. Подобные работы можно найти во всех сферах городского хозяйства.

Уникальный шанс благодаря этой статье расходов получили ленинградские улицы, особенно удаленные от центра города. Они ждали ремонта еще с дореволюционных времен и были очень запущенными. Незавидное положение рабочих кварталов в городе иллюстрирует сухой документ коммунальных служб «Сметы и объяснительные записки по плану канализационных работ на 1922 год». Если составить карту, то все проблемные места смешены от Невского проспекта, центра города, к окраинам. Исключение составляет лишь Малая Конюшенная улица⁵¹. Улицы и ливневая канализация десятилетиями требовали срочного ремонта. Решение об этом было вынесено городскими властями после вмешательства Столыпина (1911–1912), но к работам удалось приступить лишь в 1921–1922 гг.⁵² Промедление сложно объяснить Первой мировой войной, ведь военные действия были удалены

от Петербурга. Скорее, дело в распределении финансов, а также в том, что работы не входили в разряд строго обязательных для тех, кто принимал ответственные решения.

После революции ремонтным работам не помешали ни Гражданская война, ни интервенция, ни голод и разруха начала 1920-х гг. Тем не менее и они не довели город до совершенства. Хронически не хватало средств. В период НЭПа даже планировалось восстановить дореволюционную мостовую повинность. Это был особый налог с горожан, на средства которого можно было бы продолжать ремонтные работы (1923) — главным образом, закупать бетонные трубы⁵³. Но делу помогло катастрофическое наводнение 1924 г.

Далеко не все улицы были залиты водой, но часть особенно сложных объектов решено было включить в смету по ликвидации последствий наводнения как пострадавшие от стихии. Этот вопрос согласовывался между инстанциями и ответственными лицами, и перенос средств совершился вполне официально. Таким образом удалось провести, в том числе, засыпку речки Таракановки, что протекала в рабочем районе Нарвской заставы и по качеству воды вполне оправдывала свое неприятное название. Все нечистоты окрестных кварталов десятилетиями сливались туда, давно превратив ее узкое русло в клоаку. Дабы защитить здоровье местных жителей, ее решено было заключить в большую бетонную трубу и сделать впоследствии частью городской канализации⁵⁴.

Одним словом, катастрофическое наводнение стало мощным вызовом для нового городского хозяйства Ленинграда, а также окном возможностей для ремонта и достройки городских сетей — прежде всего ремонта городских улиц. Условием для быстрой модернизации Ленинграда в таких тяжелых условиях стала полная ответственность государства и общесоюзный сбор средств для ликвидации последствий наводнения. Важным было решение включить туда не только объекты, непосредственно пострадавшие от бури и затопления, но и те, что позволяли создать целостную инфраструктуру городских сетей крупного промышленного города. Стихийное бедствие, несомненно, сыграло консолидирующую роль для ОТКОМХОЗа, промышленных предприятий и горожан. Однако же нельзя сказать, чтобы оно стало катализатором для масштабных изменений в самой структуре управления городским хозяйством или определяющей вехой в его развитии. Более серьезное значение имело изначальное решение властей строить городские инфраструктуры, сформировав для этого единую организацию ОТКОМХОЗ. А позже городское хозяйство изменила «военная тревога 1927 г.» и связанная с ней переориентация экономики СССР на подготовку к войне. Катастрофическое наводнение 1924 г. при всем масштабе разрушений воспринималось скорее как вызов, нежели как катастрофа благодаря подготовленной структуре ликвидации последствий стихийного бедствия и отсутствию коммуникативной необходимости в «катастрофизации» бедствия.

- ¹ Kreps G. A. Disaster as Systemic Event and Social Catalyst // What is a Disaster? A Dozen Perspectives on the Question / Ed. E. L. Quarantelli. London, 1998. P. 25–50.
- ² Рахманова Л. Испытание — адаптация — укоренение: осмысление и воплощение понятий на Севере и в Сибири // Пути России. Т. XXIV: 1917–2017: Сто лет перемен. М., 2017. С. 230.
- ³ Rousinova O. Lisbon and Petersburg: to the problem of mirroring eschatological concepts // Iberian and Slavonic Cultures. Contact and Comparisons / B. E. Cieszyńska (ed.). Lisbon, 2007. P. 302–314; Ananieva A., Haaser R. Wasserströme und Textfluten. Die Überschwemmungskatastrophen 1824 in St. Petersburg und 1838 in Ofen und Pesth als Medienereignisse in der deutschsprachigen Prager Presse // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2014. Bd. 62, Hf. 2. S. 180–214.
- ⁴ Coumel L., Elie M. (eds.) A Belated and Tragic Ecological Revolution: Nature, Disasters, and Green Activist in the Soviet Union and Post-Soviet States, 1960s–2010s. // Special issue of Soviet and Post-Soviet Review. 2013. Vol. 40. No. 2.
- ⁵ Киприянов В. А. Критический обзор проектов для предохраниния С.-Петербурга от наводнения. СПб., 1858.
- ⁶ Малинова-Тзиафета О. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб., 2013. С. 120–156.
- ⁷ Высочайший реескрипт действительному тайному советнику, члену Государственного Совета, сенатору и кавалеру князю Куракину // Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1824. 15 ноября. № 46. С. 1007–1008.
- ⁸ Беспятых Ю. Н. Наводнения в Петербурге Петра I. СПб., 2013. С. 66–69.
- ⁹ Киприянов В. А. Критический обзор проектов для предохраниния С.-Петербурга от наводнения. С. 9.
- ¹⁰ «Несчастье» как синоним слова «катастрофа» см., например: Крещенская катастрофа в Тифлисе // Новости и Биржевая газета. 1892. 16 января. С. 3; «Новое Обозрение» сообщает подробности о катастрофе на Закавказской железной дороге // Новости и Биржевая газета. 1892. 17 января. С. 3.
- ¹¹ Беспятых Ю. Н. Наводнения в Петербурге Петра I. С. 133–134.
- ¹² Малова Т. И., Родионов А. А. Катастрофическое наводнение Невы 1721 г. (к 300-летию события) // Фундаментальная и прикладная гидрофизика. 2021. Т. 14. № 4. С. 111–118.
- ¹³ Беспятых Ю. Н. Наводнения в Петербурге Петра I. С. 133–134.
- ¹⁴ Малова Т. И., Родионов А. А. Катастрофическое наводнение Невы 1721 г. С. 112.
- ¹⁵ Bater J. H. St. Petersburg. Industrialization and Change. London, 1976. P. 402–403.
- ¹⁶ Petersen H.-C. An den Rändern der Stadt? Soziale Räume der Armen in St. Petersburg (1850–1914). Wien; Köln; Weimar, 2019. S. 57–67, 132, 180.
- ¹⁷ Из Сандомира // Новости и Биржевая газета. 1892. 27 февраля. С. 3.
- ¹⁸ Evans R. J. Tod in Hamburg: Stadt, Gesellschaft und Politik in den Cholera-Jahren (1830–1910) / Aus dem Englischen von Klewer K. A. Hamburg, 1996. S. 593, 706–707.
- ¹⁹ Bater J. H. Modernization and Public Health in St. Petersburg (1890–1914) // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 1985. Vol. 37. P. 364–366.
- ²⁰ Внутренняя почта // Новости и Биржевая газета. 1892. 22 февраля. С. 3; Внутренняя почта. Нижний Новгород // Новости и Биржевая газета. 1892. 12 марта. С. 3.
- ²¹ Bater J. H. St. Petersburg. P. 268; Lenger F. Metropolen der Moderne: Eine europäische Stadtgeschichte seit 1850. München, 2013. S. 50–51, 57–58; Zimmermann C. Die Zeit der Metropolen. Urbanisierung und Großstadtentwicklung. Frankfurt am Main, 1996. S. 18f.
- ²² Наводненные подвалы // Петербургский листок. 1872. 15 апреля.
- ²³ Наводнение // Новости и Биржевая газета. 1903. 13 (26) ноября. С. 2.
- ²⁴ Пожары в Одессе // Там же. 1892. 20 января. С. 3; Довольно редкий по своим размерам пожар // Там же. 1892. 22 января. С. 3; Наводнение. Похоронный звон // Там же. 1903. 13 (26) ноября. С. 2.
- ²⁵ Werner S. Bedrohungskommunikation. Eine gesellschaftstheoretische Studie zu Sicherheit und Unsicherheit. Wiesbaden, 2008.
- ²⁶ Гр. С-вь. Жилищный вопрос // Новости и Биржевая газета. 1903. 3 (16) ноября. С. 3.

- ²⁷ Society: Collective Behavior, News and Opinion, Sociology and Modern Society. The collected papers of Robert Ezra Park / Ed. E. C. Hughes. Glencoe: Free Press, 1955. P. 93; *Малинова-Тзиафета О.* Из города на дачу. С. 84.
- ²⁸ Наводнение // Новости и Биржевая газета. 1903. 13 (26) ноября. С. 2–3.
- ²⁹ Григорьев А. «Смирись, стихия!» // Неделя. 1979. № 34 (1014); Антонов П. А. Извечный спор города с морем. История проектов защиты города на Неве от наводнений // Ленинградская панорама. 1984. № 5. С. 31–33; Михайлов В. Опасность приходит с моря // Знание — сила. 1978. № 5. С. 38–40.
- ³⁰ Тзиафетас Г. Старая проблема, современное решение: наводнения и поиск защиты от них в Санкт-Петербурге/Ленинграде (1703–1924) // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 36–47.
- ³¹ Богданов В. И., Малова Т. И. 1) О высоте катастрофического наводнения Невы 1924 года // Доклады Академии наук. 2009. Т. 427, № 3. С. 394–396; 2) О двух оправдавшихся прогнозах катастрофических наводнений Ладожского озера и дельты Невы в 1924 году // Доклады Академии наук. 2013. Т. 449, № 3. С. 346.
- ³² Известия Петроградского городского общественного управления. 1918. 5 июня (23 мая). С. 3.
- ³³ Там же.
- ³⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-3167. Оп. 1. Д. 99. Л. 1, 4 – 4 об.
- ³⁵ Malinova-Tziafeta O. The Great Break 1927–28 and Knowledge Management for a Modern Sewer System in Petrograd/Leningrad (1918–1928) // Water History. 2023. Vol. 15. P. 221–246. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12685-022-00316-9> (date of access: 10.12.2024).
- ³⁶ Малинова-Тзиафета О. 1) Контроль спецслужб в коммунальном хозяйстве Ленинграда и борьба за дисциплину (1918 — первая половина 1930-х гг.) // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 4. С. 947; 2) Контроль ОГПУ — НКВД: Иностранные специалисты и представители нетитульных народов в тресте «Водоканализация» (1918 — первая половина 1930-х гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 5. С. 126–138.
- ³⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-1001. Оп. 106. Д. 524. Л. 58.
- ³⁸ ЦГА СПб. Ф. Р-1516. Оп. 9. Д. 22. Л. 9.
- ³⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-1001. Оп. 106. Д. 524. Л. 69, 70, 102, 114.
- ⁴⁰ Malinova-Tziafeta O. Semi-peripherality discourse and water infrastructure in St. Petersburg/Leningrad (1864–1927) // Die Moderne Stadtgeschichte. 2022. No. 2. S. 131–149.
- ⁴¹ ЦГА СПб. Ф. 947. Оп. 4. Д. 63. Л. 12, 13, 32.
- ⁴² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 102. Д. 291. Л. 517, 518.
- ⁴³ Громов Ю. В. Методическая разработка коллективного филателистического экспоната «Филателия — вспомогательная историческая дисциплина» // Активизация познавательной деятельности студентов в обучении средствами филателии. Опыт участия в Межрегиональной филателистической выставке «Петербургский вернисаж. Неделя почтовых коллекций — 2017» г. Санкт-Петербург, 10–15 октября 2017 г. / Под ред. Ю. В. Громова. Казань, 2017. С. 47–54.
- ⁴⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-7561. Оп. 1. Д. 3.
- ⁴⁵ Там же. Ф. Р-1858. Оп. 1. Д. 531.
- ⁴⁶ Там же. Д. 67. Л. 29, 30, 31 – 31 об., 33, 34.
- ⁴⁷ Там же. Ф. Р-899. Оп. 4. Д. 134. Л. 4, 4 об., 30.
- ⁴⁸ Там же. Ф. Р-3178. Оп. 1. Д. 274. Л. 95 – 95 об.
- ⁴⁹ Там же. Ф. Р-1842. Оп. 2. Д. 430. Л. 12, 13, 30, 31, 36.
- ⁵⁰ Там же. Ф. Р-3191. Оп. 1. Д. 252. Л. 8, 9, 24.
- ⁵¹ Там же. Ф. Р-3167. Оп. 1. Д. 87. Л. 55–59.
- ⁵² Там же. Л. 15.
- ⁵³ Там же. Д. 104. Дело Управления канализацией и мостовых Петрограда. Переписка о привлечении населения города к ремонту мостовых. 10 января 1923 — 22 августа 1923.
- ⁵⁴ Там же. Д. 138. Смета на работы по исправлению повреждений, причиненных наводнением на 1924/1925 год. Л. 29.

References

- Bater, J.H. Modernization and Public Health in St. Petersburg (1890–1914). In *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte*. 1985. Vol. 37, pp. 357–372.
- Bespyatykh, Y.N. *Navodneniya v Peterburge Petra I* [Inundations in Peter I's St Petersburg. In Russ.]. St Petersburg, Istoricheskaya illyustratsiya, 2013. 406 p.
- Bogdanov, V. I., Malova, T. I. O dvukh opravdavshikhsya prognozakh katastroficheskikh navodnenii Ladozhskogo ozera i del'ty Nevy v 1924 godu [On Two Justified Forecasts of Catastrophic Floods of Lake Ladoga and the Neva Delta in 1924. In Russ.]. In *Doklady Akademii nauk*. 2013. Vol. 449. No 3, p. 346.
- Bogdanov, V. I., Malova, T. I. O vysote katastroficheskogo navodneniya Nevy 1924 goda [On the Height of the Catastrophic Flood of the Neva in 1924. In Russ.]. In *Doklady Akademii nauk*. 2009. Vol. 427. No 3, pp. 394–396.
- Evans, R.J. *Tod in Hamburg: Stadt, Gesellschaft und Politik in den Cholera-Jahren (1830–1910)* / aus dem Englischen von Klewer K.A. Hamburg, 1996.
- Gromov, Yu. V. (ed.) Metodicheskaya razrabotka kollektivnogo filatelisticheskogo eksponata "Filateliya – vspomogatel'naya istoricheskaya distsiplina" [Methodical Development of the Collective Philatelic Exhibit "Philately is an Auxiliary Historical Discipline". In Russ.]. In Gromov, Yu. V. (Ed.) *Aktivizatsiya poznavatel'noi deyatel'nosti studentov v obuchenii sredstvami filatelii. Opty uchastiya v Mezhdunarod'noi filatelisticheskoi vystavke "Peterburgskii vernisazh. Nedelya pochtovykh kollektivov – 2017"* g. Sankt-Peterburg, 10–15 oktyabrya 2017 g. Kazan, OOO „Buk“, 2017, pp. 47–54.
- Lenger, F. *Metropolen der Moderne: Eine europäische Stadtgeschichte seit 1850*. München, C. H. Beck, 2013.
- Malinova-Tziafeta, O. Y. *Iz goroda na dachu: sotsiokul'turnye faktory osvoeniya dachnogo prostranstva vokrug Peterburga (1860–1914)* [From City to Dacha: Sociokultural Factors of Development of Dacha Belt around St. Petersburg. In Russ.]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013. 336 p.
- Malinova-Tziafeta, O. Y. Kontrol' OGPU – NKVD: Inostrannye spetsialisty i predstavitieli netitul'nykh narodov v treste "Vodokanalizatsiya" (1918 – pervaya polovina 1930-kh gg.) [Power of the Secret Services: Foreign Specialists and Representatives of Non-Titular Peoples in the Trust "Vodokanalizatsiya" (1918 – First Half of the 1930s). In Russ.]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series 4, History. Regional Studies. International Relations. 2021. Vol. 26. No 5, pp. 126–138.
- Malinova-Tziafeta, O. Y. Kontrol' spetssluzhb v kommunal'nom khozyaistve Leningrada i bor'ba za distsiplinu (1918 – pervaya polovina 1930-kh gg.) [Power of the Secret Services in Leningrad's Communal Economies in the Fight for Discipline (1918 – the First Half of the 1930s). In Russ.]. In *Modern History of Russia*. 2021. Vol. 11. No 4, pp. 947–964.
- MALOVA, T. I., RODIONOV, A. A. Katastroficheskoe navodnenie Nevy 1721 g. (k 300-letiyu sobytiya) [Catastrophic Flood of the Neva, 1721 (to the 300th anniversary of the event). In Russ.]. In *Fundamental'naya i prikladnaya gidrofizika*. 2021. Vol. 14. No 4, pp. 111–118. DOI: 10.7868/S2073667321040109
- Petersen, H.-C. *An den Rändern der Stadt? Soziale Räume der Armen in St. Petersburg (1850–1914)*. Wien, Köln, Weimar, Böhlau Verlag, 2019. 402 s.
- Rakhmanova, L. Ispytanie – adaptatsiya – ukorenenie: osmyslenie i voploschenie ponyatii na Sever i v Sibiri [Testing – adaptation – rooting: understanding and embodiment of concepts in the North and in Siberia. In Russ.]. In Pugacheva, M. G., Zharkov, V. P. (Ed.) *Puti Rossii Vol. XXIV: 1917–2017. Sto let peremen*. Moscow, Moskovskaya vysshaya shkola sotsial'nykh i ekonomicheskikh nauk, 2018, pp. 227–244.
- Rousinova, O. Lisbon and Petersburg: to the problem of mirroring eschatological concepts. In Cieszyńska B. E. (Ed.) *Iberian and Slavonic Cultures. Contact and Comparisons*. Lisbon: CompaRes, 2007, pp. 302–314.
- Tziafetas, G. Staraya problema, sovremennoe reshenie: navodneniya i poisk zashchity ot nikh v Sankt-Peterburge/Leningrade (1703–1924) [Old Problem, Modern Solution: Floods and Protection in St. Petersburg/Leningrad (1703–1924). In Russ.] In *Petersburg historical journal*. 2025. No 1, pp. 36–47.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

О. Ю. Малинова-Тзиафета. Катастрофическое наводнение 1924 года и городское хозяйство Ленинграда – была ли катастрофа? // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 23–35

Аннотация: В статье подробно исследуется вопрос об употреблении слова «катастрофа» и его синонима «несчастье» по отношению к наводнениям и эпидемиям в Петербурге/Ленинграде и трансформации его значения применительно к катастрофическому наводнению 1924 г. Оказывается, что до революции как наводнения, так и эпидемии воспринимались скорее как рутина и часть системы, которую не спешили менять. Стратегия преодоления последствий наводнений в корне изменилась благодаря воле новой власти строить городские инфраструктуры и коллективно, на уровне всей страны, бороться с бедствиями. Само наводнение 1924 г. стало не катализатором изменений, порожденных катастрофой, но вызовом для Кремля, ленинградских городских властей, ленинградской милиции и Отдела коммунального хозяйства Ленинграда. Кроме того, именно наводнение стало окном возможностей для того, чтобы качественно отремонтировать и модернизировать городские сети, особенно водопровод, канализацию и дорожное покрытие. Все эти сети следовало ремонтировать еще до революции, особенно удаленные от центра города. Однако средства на это нашлись лишь благодаря общесоюзной помощи Ленинграду, пострадавшему от стихийного бедствия.

Ключевые слова: наводнение 1924 г. в Ленинграде, городское хозяйство, канализация, водопровод, дорожное покрытие, ремонт улиц, государственное финансирование городского хозяйства, сметы на ремонт, повреждения от наводнения, ликвидация последствий наводнения, катастрофа, несчастье, стихийное бедствие, эпидемии, дореволюционный Петербург, Ленинград.

FOR CITATION

O. Yu. Malinova-Tziafeta. The catastrophic flood 1924 and the urban economy of Leningrad – was there a catastrophe? // Petersburg historical journal, no. 1, 2025, pp. 23–35

Abstract: The article examines the use of the word “catastrophe” in relation to the floods and epidemics in St. Petersburg/Leningrad, and analyses the transformation of its meaning in relation to the catastrophic flood of 1924. The study shows that prior to the revolution, both floods and epidemics were perceived rather as routine and part of state and urban order that was in no hurry to change. However, the flood of 1924 served as a catalyst for change, prompting the Soviet government to take decisive action. The flood presented a challenge to the Kremlin, the Leningrad city authorities, the Leningrad police and the Department of Public Utilities of Leningrad, and led to the implementation of new strategies for combating disasters. The flood also presented a significant opportunity to undertake comprehensive repairs and modernisation of urban infrastructure, particularly water supply, sewerage, and road surfaces. Prior to the revolution, these networks, particularly those located beyond the city centre, should have been subject to repairs; however, financial resources for these endeavours were only made available through the all-Soviet-Union assistance to Leningrad, which itself was grappling with the aftermath of a natural disaster.

Key words: catastrophic flood 1924, public utilities, sewage system, water supply, pavements, street renovation, state fundings for urban economy, flood damage, catastrophe, disaster, epidemics, St. Petersburg before revolution, Leningrad.

Автор: Малинова-Тзиафета, Ольга Юрьевна — к.и.н., научный сотрудник Московской высшей школы социальных и экономических наук («Шанинка») (Москва, Россия).

Author: Malinova-Tziafeta, Olga Yurievna — PhD in History, Research Fellow, The Moscow School of Social and Economic Sciences (“Shaninka”) (Moscow, Russia).

E-mail: o_malin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3922-8091

Г. С. Тзиафетас

Старая проблема, современное решение: наводнения и поиск защиты от них в Санкт-Петербурге/Ленинграде (1703–1924)

История наводнений и попытки найти способ защитить город — вопрос, который волновал петербуржцев с момента основания города и до строительства Комплекса защитных сооружений (далее — КЗС) Петербурга от наводнений (2011). Считается, что с 2011 г. наводнений больше не было благодаря инфраструктуре защиты от наводнений (КЗС) и специально разработанной Системе предупреждения угрозы наводнений (далее — СПУН), которая прогнозирует изменения уровня воды в Неве на 72 ч вперед¹. Однако, пожалуй, самая меткая фраза, описывающая степень озабоченности этим вопросом до начала строительства защитных сооружений (1979), звучит так: «Документов так много, что бумага, потраченная на них, могла бы легко засорить Невскую губу»². Широко известно, что с момента основания города наводнения были одними из первых «незваных гостей» для его жителей. За всю историю города их произошло более трехсот (наиболее высокий подъем воды фиксировался в 1721, 1777, 1824, 1924 и 1955 гг.), часто они сопровождались человеческими жертвами, всегда — материальным ущербом³. В этой статье речь идет о том, каков был научный багаж знаний о наводнениях на протяжении XVIII — начала XX в. и почему первое твердое и в то же время смелое решение строить защитные сооружения от наводнения было принято лишь в 1924 г., после очередного катастрофического наводнения.

Попытки понять, какие природные явления вызывали наводнения в городе, заняли около двух столетий. Ведущие ученые официально признавали, что их знания по этому вопросу очень ограничены. Профессор и академик Ф. Т. Шуберт в письме вдовствующей императрице Марии Федоровне (1824) выразил это вполне открыто: «Нам не только задолго вперед известно, что происходит на небе, мы даже можем с математическою точностью определить физическую причину, которая производит всякое движение, или его останавливает. Напротив того, то, что происходит гораздо ближе к нам, в атмосфере и во внутренности земли, нам очень мало известно»⁴.

Учитывая это, становится понятным, почему дореволюционные городские власти не спешили вкладывать деньги в детальную разработку проектов и строительство защитных сооружений: им было сложно разработать планы защиты, поскольку причины явления не удавалось выявить. До последнего десятилетия XIX века ни одна гипотеза о причинах наводнений не производила на современников впечатления удовлетворительно изученной.

В то же время почти каждая идея о причинах наводнений приводила к созданию своего плана защиты, принципиально отличающегося от других, хотя география и технические возможности ограничивали оригинальность предлагаемых решений. Все это, конечно, нашло отражение в предложениях по защите города от наводнений в дореволюционный период, которые, впрочем, носили характер общих идей⁵. Кроме того, в дело вступили социокультурные аспекты управления городским хозяйством. Итак, идеи о причинах наводнений могли быть сведены к восьми типам.

«Ветровая» гипотеза связывала феномен наводнения с сильными западными ветрами, а также с притяжением Солнца и Луны к Земле. Характерным примером являются записки А. Д. Меншикова, в которых говорится: «...день был зело смутен, и превеликой шторм был, и во весь день шол дождь, и прибылая вода великая была»⁶. Историки, изучающие наводнения XIX и XX вв., также отмечают, что «в первой четверти XVIII столетия, в донесениях Петру I о наводнениях господствовала мысль, что основной причиной наводнений в вершине Финского залива является сильный ветер с моря»⁷. Эта гипотеза отчасти подтверждается современными исследованиями. Признано, что, особенно в Балтийском море, сезонные изменения климата, а точнее зимние ветра играют ключевую роль в изменении уровня моря⁸.

«Стоковая» гипотеза фокусирует внимание на том, что в Финский залив впадает мало рек, а вот в Ботнический — много, и они широкие. Из-за этого при шторме воды Балтики свободно заходят в Финский залив и не могут войти в Ботнический. Реки Невы недостаточно, чтобы перекрыть силу морских вод. Юго-западные ветра вместе с морской волной препятствуют течению Невы, которая по этой причине выходит из берегов и затапливает Петербург⁹. Соответственно, в Петербурге следовало построить специальные отводные каналы, чтобы воде было куда уйти на время наводнения. От теории постепенно

отказались. Это было связано, с одной стороны, с тем, что уже в начале XIX в. стало ясно, что существует иной, пока неизвестный фактор, влиявший на петербургские наводнения. Шуберт писал о причине, «о которой... не знаем» и которая находится вдали от города: «...нужно искать причины более отдаленные, в Северном море или Атлантическом океане»¹⁰. Новые вопросы вызвала попытка измерить количество невских вод, зафиксировать данные о количестве протекающего по Неве потока воды. Французский инженер Ж.-А.-М. Дестрем после катастрофического наводнения 1824 г. дал цифру около $3290 \text{ см}^3/\text{с}$ ¹¹ — конечно, несколько большую, чем среднее значение по многолетним наблюдениям, рассчитанное в XX в. (1981: $2500 \text{ см}^3/\text{с}$)¹². Однако эти измерения Дестрема поставили под сомнение «теорию стока», поскольку рассчитанный объем воды, протекающей через Неву, был недостаточно велик, чтобы вызвать катастрофическое наводнение. Другими словами, роль задержки невской воды как причины наводнения оказалась преувеличенной¹³. Эти простые соображения, очевидно, привели к мысли, что причина наводнений кроется в каких-то иных, более масштабных процессах.

Эти две интерпретации доминировали в XVIII в. Однако они также вызывают вопросы, на которые нет ответов: почему не все штормы с сильным западным ветром вызывают наводнения? Почему иногда наблюдалось значительное повышение уровня воды при ветре с востока или даже при спокойной погоде?¹⁴ Развитие метеорологии и гидрологии в XIX столетии вносит огромный вклад в новые интерпретации. Типичным примером является изучение циклонов в США, которое было начато в 1828 г. американскими учеными¹⁵. В 1842 г. впервые вводится термин «циклон» и предпринимается попытка изучить водные волны и облака¹⁶. Крымская война дала науке новый импульс, поскольку гибель 60 англо-французских кораблей в Балаклавской бухте (ноябрь 1854) привела к активизации научного изучения штормов¹⁷. Настоящей основой для понимания механизма наводнений стало развитие во второй половине XIX и в XX в. таких наук, как метеорология, гидрология и, во вторую очередь, геология.

Гипотеза «длинной волны» была сформулирована в последнее десятилетие XIX в. В 1891 г. путем сопоставления наблюдений за высотой воды между некоторыми городами Финского залива, такими как Ханко, Ревель (Таллинн), Нарва и Выборг, и Санкт-Петербургом было подтверждено влияние моря на наводнения в городе¹⁸. Волна, идущая из Балтийского моря или из горловины Финского залива, в узкой и мелководной Невской губе вырастает, вызывая подъем уровня воды в устье Невы. Этот случай обогатился версией так называемой «Нарвской стены». На дне Невского залива, на высоте Нарвы, где залив становится мельче (с 75 м глубины до 50 или даже 25 м), волна увеличивается в размерах, прежде чем достичь города¹⁹. Идея «прогрессивной» волны, движущейся по Финскому заливу и увеличивающейся, вызывая наводнение, была позже названа длинной волной и официально принята советскими экспертами

и властями²⁰. Сторонником этой точки зрения был М. А. Рыкачёв (1897), руководитель обсерватории в Санкт-Петербурге²¹.

Циклоническая гипотеза объясняла механизм наводнения исходя из метеорологических явлений. Попытка Центральной физической обсерватории города организовать механизм прогнозирования наводнений за 24 часа до затопления города позволила связать наводнения в устье Невы с циклонической деятельностью. Основная идея заключалась во взаимодействии частных вихрей, производящих наводнения, с управляющими циклонами²². Впервые в России была научно подтверждена связь между городскими наводнениями и циклонами. В XX в. эта версия получила дальнейшее развитие за счет уточнения траектории движения циклонов в Финском заливе²³. Хотя большинство циклонов формируется в северной части Атлантического океана, между Исландией и Скандинавскими островами — поэтому они проходят через район Финского залива, — однако значительная часть циклонов образуется непосредственно над изучаемым нами районом²⁴.

Солитон-гипотеза была предложена шотландцем Джоном Скоттом Расселлом, наблюдавшим за волнами на воде. Он установил, что волны могут продолжать устойчиво перемещаться на большие расстояния (1834). Одной из них он дал название «great wave of translation»²⁵. Из-за того, что такая волна имела свойство двигаться в одиночку, а не последовательно с другими, ее назвали «Soliton», т. е. одиночной волной. Этот тип волн также был связан с циклонами, хотя не каждый циклон создает солитоноподобную структуру. В России «солитонная волна» обсуждалась, возможно впервые, на съезде Императорского русского технического общества в 1899 г.²⁶

Сейшевая гипотеза связала наводнение с другим типом волн, часто наблюдающимся в закрытых бухтах или озерах. Поскольку Балтийское море является почти закрытым морем, такие волны встречаются и здесь. Первый комплексный научный анализ этого явления был проведен на Женевском озере (1895). Силами, действующими на воду, обычно являются нисходящий ветер и гравитация. Чередование этих сил создает ритмические колебания, в которых существует вся масса воды²⁷. Их иногда называют стоячими волнами. Исследования этого типа волн (сейш) проводились и в СССР, сначала на озере Байкал и на реке Ангара (1920-е гг.), а затем в Балтийском море (1930-е гг.). В 1937 г. этот тип волн был связан с ленинградскими наводнениями²⁸.

Гипотеза сочетания этих положений гласит, что ни одно из перечисленных теоретических предположений не может считаться надежным, так как современный уровень знаний о природе все еще остается недостаточно полным. Например, существуют взаимно перекрывающиеся процессы движения в природе — до сих пор не вполне очевидные и доказанные учеными. Подобно этому, географические константы оказывают решающее влияние на форму движений в природе. Поэтому гипотезы, в которых описываются различные формы волн из приведенных выше интерпретаций, можно считать более близкими

к реальности. Как отмечал видный специалист по гидротехнике Р. А. Нежиховский, «ни одна из названных форм денивеляции почти никогда не встречается в чистом виде»²⁹. Например, утверждается, что после набегания длинной волны и ее последующего отражения колебания водных масс всего моря преобразуются в затухающие инерционные, т. е. сейши. Аналогично относительно равнозначное влияние ветра, сейши и длинной волны также вызывает небольшие наводнения³⁰.

Тектоническая гипотеза. Фенноскандский полуостров, или, в региональном геологическом контексте, Балтийский щит, граничащий с Русской плитой, является аномальным регионом с геологической/тектонической точки зрения, поскольку он движется с крайне неустойчивой скоростью. Это явление, будучи остатком ледникового периода, продолжается до сих пор и называется «последедниковой деформацией коры Фенноскандии»³¹. Помимо этого, на стыке двух вышеупомянутых геологических плит, как было научно установлено еще в 1894 г. русским геологом А. П. Карпинским, находится геологически активная «зона разрывных нарушений, трещин и разломов», которая определяется воображаемой линией Балтийское море — Финский залив — Ладожское и Онежское озера — Белое море³². Вдоль этой воображаемой линии в прошлом и настоящем наблюдались различные природные явления. Например, в Ладожском озере неоднократно наблюдались особые звуковые явления (brontidi), которые указывают на возможность быстрого и многократного обмена поверхностными и подземными водами через систему трещин³³. Также характерно существование барьера (глайдера), известного как Балтийский глинт протяженностью 1200 км, который в основном виден на северном побережье Эстонии. Ученые более позднего времени поддержали идею существования сложной серии внутритектонических, гляцио-изостатических и планетарных геодинамических деформаций земной коры, затрагивающих этот регион³⁴. То есть нельзя отрицать, что эти деформации также могут оказывать влияние на наводнения в Петербурге-Ленинграде³⁵.

Одним словом, обилие гипотез, некоторые из которых вызывают несогласие в экспертном сообществе по сей день, а также недостаток эмпирических знаний о природе региона не могли не сказываться на отношении к проектам защитных сооружений как к ненадежной идее.

Экспертные дискуссии и защита от наводнений в XVIII — начале XX столетия

В социальном измерении, как это ни странно звучит, частота наводнений определяла и частоту всплесков интереса к защите города от наводнений. Готовность царского правительства и его государственных органов решать проблему затопления города обычно проявлялась сразу после крупного наводнения. Однако ясное представление о том, что катастрофические наводнения случаются далеко не каждый день, вскоре отодвигало принятие решений по проектам за-

щиты на неопределенное будущее. Инженер-подполковник Валерий Киприянов провел серьезный анализ планов защитных сооружений, составленных до 1850-х гг. В каждом из них экспертная комиссия обнаруживала технические недостатки. По его мнению, не было смысла строить дамбу в заливе и возводить укрепления от наводнений. Напротив, он полагал, что эти сооружения все равно не снимут проблему достаточно радикально, а значит, большие финансовые вложения неоправданы³⁶. Так, до 1917 г. в Городскую думу Петербурга передавалось множество проработанных планов защитных сооружений от наводнений. Однако каждый из них был, по сути, вариацией одного из трех следующих типов.

План типа А. В 1727 г. немецкий инженер Буркхард Кристоф фон Миних сделал первую попытку решить проблему, предложив поднять уровень земли и построить бесчисленные дамбы на Неве и по краям Невской губы. Эта идея будет повторяться в проектах вплоть до XX в. и ляжет в основу более позднего и развитого предложения, известного как «восточный план»³⁷.

План типа Б. В царствование Екатерины II русский инженер Илларион Матвеевич Кутузов (1717–1784) спроектировал и углубил Екатерининский канал (с 1923 г. — канал Грибоедова), который вместе с Обводным каналом должен был в случае наводнения служить резервуаром для прибывающей воды, чтобы она уходила туда и не затапливала городские улицы. Наряду с этими каналами по разным проектам планировалось выкопать еще несколько. От этой идеи постепенно отказались в XIX в. в связи с новыми открытиями науки, которые заставили усомниться в стоковой теории — а за этим ушли в прошлое и проекты с дополнительными каналами³⁸. Следует лишь отметить, что зачастую эти каналы строились и по другим причинам, не связанным с наводнениями.

План типа С. Смелый план появился в 1825 г. Французский инженер Пьер-Доминик Базен (1786–1838), директор Института Корпуса инженеров путей сообщения и глава комитетов гражданских и гидротехнических проектов в Санкт-Петербурге, предложил построить дамбу на уровне острова Котлин, которая защитила бы город от длинных волн (впрочем, в то время неизвестных) и в то же время обеспечила бы пространство для стока вод реки Невы в Финский залив. Именно этот более поздний план стал известен как «Западный». Этот план не был поддержан многими экспертами, так как они считали, что, во-первых, он создаст препятствия для торгового и военного судоходства, так как придется строить шлюзы (камерные) — и проход судов через них будет затруднен; и, во-вторых, он создаст застойные зоны от острова Котлин до городской гавани, что создаст проблемы для гигиены города. Комиссия экспертов по транспорту пришла к выводу, что этот проект не должен быть реализован ни при каких обстоятельствах, но не предложила никакого другого решения³⁹.

В отношении представленных проектов почти все экспертные комиссии XIX в. соглашались с тем, что для защиты города от наводнений наиболее подходит проект Миниха: повышение уровня земли и укрепление набережных⁴⁰.

Однако ни одна из частей этого плана не была реализована. Причины заключались в том, что строительство потребовало бы значительных временных затрат. Кроме того, прежде чем повышать уровень земли, следовало завершить проекты городских сетей: расширения и перепланировки улиц, канализационной системы и, главное, ремонта и перестройки дорожного покрытия. Эти городские проблемы часто считались более насущными. Некоторые из них даже сами по себе рассматривались как возможный способ защиты от наводнений — например дренаж почвы⁴¹. Кроме того, необходимо было расселить жилые подвалы, расположенные ниже уровня мостовой, где снимали жилье бедняки. Хотя они были запрещены с 1830-х гг., к 1899 г. в них проживало около 25–35 тыс. жителей города. В случае наводнения вода грозила в прямом смысле хлынуть к ним через окна и двери⁴². Выбор подвальных квартир и углов для жилья не был прихотью, бедняков вынуждал на это острейший квартирный кризис в городе⁴³. Городские власти же не строили бюджетное социальное жилье. Несмотря на то что меценаты и хозяева фабрикозвели несколько домов, это все же не решало проблемы в целом⁴⁴. Впрочем, ни одна из задач городского благоустройства так и не была полностью решена до революции⁴⁵. Эти проекты были реализованы много позже, за счет средств, переданных Ленинграду после наводнения 1924 г.⁴⁶ Между тем наводнения случались регулярно, а дореволюционные экспертные комиссии снова и снова браковали проекты защиты города от них. Они, как и дореволюционные проекты канализации, так и остались чистой наукой или интересными идеями⁴⁷.

По-видимому, инженерные проекты то и дело отклонялись еще и потому, что при монархии в обществе не сложилось ни четких представлений об общем благе, ни гражданского духа и чувства ответственности за судьбу всего городского общества⁴⁸. При этом до реформ 1860–1870-х гг. все решения по городской инфраструктуре принимались закрытыми дворянскими комитетами при Министерстве путей сообщения. И император всегда лично утверждал такие проекты. После Великих реформ городские проблемы в целом приобрели большую социальную значимость, теперь решения принимала Городская дума, т. е. выборный орган самоуправления. Казалось бы, речь уже больше не шла о закрытых комитетах власти, большинство в новых комитетах составляли приглашенные профессионалы. В 1899 г. состоялась конференция, организованная Императорским русским техническим обществом. Все проекты (их было 22) вращались вокруг двух основных групп. Первая идея заключалась в том, чтобы искусственно изменить городской ландшафт, а второй идеей стала дамба в Финском заливе — приблизительно в том виде, в котором мы знаем ее сегодня, но с менее технологичным оборудованием. Тем не менее эту идею защитной дамбы снова сочли «по определению неподходящей» для Петербурга. Скорее всего, решающими здесь были интересы военного и торгового судоходства. Дамба задерживала бы прохождение судов к порту, особенно во время шторма и наводнения. Эта идея становится еще убедительнее, если обратиться к тру-

дам инженера Министерства путей сообщения В. И. Чарномского. В то время большое значение придавалось коммерческой деятельности портов, причем не только крупных, но и мелких. Постоянно и многократно подчеркивалась важность торгового судоходства и опасность дальнейшего значительного сокращения торгового оборота в условиях конкуренции с другими балтийскими портами. Ведь именно для того Петр I и основал город, чтобы тот оставался прежде всего торговым и транзитным⁴⁹. Чтобы сделать идею защиты города от наводнений действительно актуальной, необходимо было возвести в ранг приоритетных ценностей идею об общем благе — а значит, прежде должна была измениться сама природа власти. Впрочем, при СССР интересы порта сравнялись с интересами государственных промышленных предприятий, а значит — и городской инфраструктуры⁵⁰. Все эти объекты затопило и существенно повредило катастрофическое наводнение 1924 г. Однако не столько наводнение решило судьбу ленинградцев, сколько воля советских властей к масштабному совершенствованию и развитию промышленного сектора, модернизации города и его инфраструктуры и вложению в эти проекты значительных средств из государственного бюджета⁵¹. Серьезные работы по проектированию дамбы стали еще одним результатом твердого намерения большевиков решить сразу все инфраструктурные проблемы Ленинграда. По сути, канализация, ремонт уличного покрытия, выпрямление улиц, решение острейшего жилищного кризиса должны были стать символами новой власти, страстно желавшей скорейшей индустриализации. Задачи для городской инфраструктуры были объявлены сразу после революции, в апреле 1918 г.⁵² До революции их не могли решить на протяжении 80 лет, и это очень часто вспоминали в документах по городскому хозяйству в 1920-х гг.⁵³ Таким образом, катастрофическое наводнение 1924 г. не было единственным катализатором начала проектирования и строительства дамбы. Реальная причина была связана не только с защитой заводов, жилого фонда и инфраструктуры от наводнений⁵⁴, но и с тем, что государство приняло на себя полную ответственность за строительство, ремонт и эксплуатацию городского хозяйства в целом.

Хотя о наводнениях в этом районе было известно еще до основания города, понять основные характеристики этого явления стало возможным только в конце XIX — начале XX в., когда наука стала развиваться более планомерно. Дискуссии на эту тему велись лишь в узком кругу специалистов и, как правило, лишь на протяжении короткого времени после крупного или катастрофического наводнения. Даже после великих социальных реформ и перемен 1860—1880-х гг. эта тема оставалась, по сути, дискуссией между специалистами. Появившиеся сложные проекты можно разделить на три отдельные группы. Несмотря на все технические сложности и высокие финансовые требования проектов, причины, по которым ни один из них в итоге не был реализован, в основном носили социальный характер и были связаны с невозможностью осуществить строительство современной городской инфраструктуры. Наводнение

1924 г. нельзя считать катализатором для начала строительства защитных сооружений от наводнений. В большей степени катализатором послужила воля новой власти защищать государственную собственность — прежде всего, заводы и фабрики, а также жилой фонд от разрушения.

- ¹ Бухановский А. В., Калужная А. В., Лопатухин Л. И., Померанец К. С. Наводнения в Санкт-Петербурге: история и современность. СПб., 2017. С. 36.
- ² Гордон Л. Разорванная паутина. СПб., 1995. С. 240.
- ³ Пясковский Р. В., Померанец К. С., Чернышева Е. С. Повторяемость наводнений в Петербурге // Природа. 2003. № 9. С. 21–23; Нежиховский Р. А. Река Нева и Невская губа. Л., 1981. С. 204; Гордеева С. М., Малинин В. Н. Изменчивость морского уровня Финского залива. СПб., 2014. С. 27–29, 112–121.
- ⁴ [Шуберт Ф. Ф.] Причины наводнения в Петербурге 1824 г. [Письмо Ф. Ф. Шуберта] // Русская старина. 1877. № 9. С. 708–714.
- ⁵ Киприянов В. А. Критический обзор проектов для предохранения С.-Петербурга от наводнения. СПб., 1858. С. 111.
- ⁶ Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. [Т.] X: Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. / Публ. С. Р. Долговой, Т. А. Лаптевой. М., 2000. С. 58.
- ⁷ Берг В. Н. Краткий анализ современного состояния методов прогнозов невских наводнений и пути их развития // Вопросы морских гидрологических прогнозов. Л.; М., 1941. С. 24; Грушевский М. С., Лазаренко Н. Н. Изучение Ленинградских наводнений и их предсказание // Труды Государственного океанографического института. Вып. 41. Л., 1957. С. 146.
- ⁸ Ekman M. The changing level of the Baltic Sea during 300 years: A clue to understanding the Earth / Summer Institute for Historical Geophysics. Åland Islands, 2009. Р. 11.
- ⁹ О приливе и отливе, или О прибывании и убывании воды // Исторический, генеалогический и географический Примечания в Ведомостях, изданные в Санктпетербурге при Академии наук с 1729 по 1740 год. Ч. 21. М., 1765. С. 182–183.
- ¹⁰ [Шуберт Ф. Ф.] Причины наводнения в Петербурге 1824 г. С. 710.
- ¹¹ Нежиховский Р. А. Река Нева и Невская губа. С. 46; Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 206. Оп. 1. Д. 1516. Л. 6 – 6 об.; Ф. 218. Оп. 3. Д. 995. Л. 12 – 12 об.
- ¹² Здесь можно привести значение, данное инженером В. И. Чарномским в 3340 см³/с в 1900 г. (Чарномский В. И. К вопросу о мерах для защиты С.-Петербурга от наводнения посредством устройства дамб поперек Финского залива (у Кронштадта). СПб., 1900. С. 2) и несколько более высокое значение, приведенное в 1926 г. в советских документах – 4000 см³/с (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 9. Д. 96. Л. 112).
- ¹³ Нежиховский Р. А. Река Нева и Невская губа. С. 46; Касаткин И. И. Некоторые соображения о мерах для предохранения Ленинграда от наводнений // Записки Московского общества. Вып. 2. М., 1927. С. 67–68.
- ¹⁴ Нежиховский Р. А. Река Нева и Невская губа. С. 46.
- ¹⁵ Джеймсом Поллардом Эспи, Элиасом Лумисом и Уильямом К. Редфилдом, см.: Mille E. R. The evolution of meteorological institutions in the United States // Monthly Weather Review. 1931. January. Vol. 59. No. 1. P. 1–6; Schertenleib U. Aus der Entwicklungsgeschichte der Wetterkarte // Geographica Helvetica: schweizerische Zeitschrift für Geographie. 1993. Hf. 3. S. 126. ULR: <https://www.e-periodica.ch/diglib/view?pid=ghl-003%3A1990%3A45%3A%3A142&referrer=search#146> (дата обращения 10.12.2024).

- ¹⁶ *Piddington H.* The Sailor's Horn-book for the Law of Storms. London, 1948. P. 8. URL: https://books.google.de/books?id=NBYEAAAQAAJ&printsec=frontcover&hl=de&source=gbs_atb#v=snippet&q=Cyclone&f=false (дата обращения 10.12.2024); *Kutzbach G.* The thermal theory of cyclones. A history of meteorological thought in the nineteenth century. Boston: American Meteorological Society, 1979. C. 16; *Ćurić M., Spiridonov V.* History of Meteorology. Cham, 2023. P. 216, 218.
- ¹⁷ *Lindgrén S., Neumann J.* Great historical events that were significantly affected by the weather: 5, some meteorological events of the Crimean war and their consequences // Bulletin of the American Meteorological Society. 1980. Vol. 61, no. 12. P. 1570–1583. URL: <https://www.jstor.org/stable/26221558> (дата обращения 10.12.2024); *Угрюмов А. И.* По сведениям Гидрометцентра: Занимательная метеорология и прогнозы погоды. СПб., 1994. С. 53; *Galus C.* Il y a 150 ans, la Météo nationale naissait d'une tempête en Crimée // Le Mond. 2005. 12 mars. URL: https://www.lemonde.fr/planete/article/2005/03/12/il-y-a-150-ans-la-meteo-nationale-naissait-d'une-tempete-en-crimee_401416_3244.html (дата обращения 10.12.2024); *Kutzbach G.* The thermal theory of cyclones. P. 68.
- ¹⁸ *Шенрок А. М.* Исследование случаев высокого поднятия воды в С.-Петербурге в 1878–1890 годах // Записки Императорской академии наук. Т. 67. Кн. 2. Приложение № 8. СПб., 1891. С. 1–52.
- ¹⁹ *Нежиховский Р. А.* Река Нева и Невская губа. С. 48.
- ²⁰ *Малова Т. И.* Реставрация данных об исторических наводнениях Невы: принципы построения репрезентативного каталога: дис. ... канд. геогр. наук. СПб., 2021, С. 40. URL: <https://cdn.expert-mik.ru/wp-content/uploads/file/3a833a0e7ac890f8371b87220cffc058.pdf> (дата обращения 30.11.2024).
- ²¹ *Рыкачёв М. А.* О наводнениях в Петербурге и о возможности их предсказывать на основании метеорологических наблюдений. СПб., 1898.
- ²² *Малова Т. И.* Реставрация данных об исторических наводнениях Невы. С. 40.
- ²³ *Грушевский М. С., Лазаренко Н. Н.* Изучение Ленинградских наводнений и их предсказание. С. 146.
- ²⁴ *Гордеева С. М., Малинин В. Н.* О типизации траекторий циклонов, приводящих к невским наводнениям // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 2 (23). С. 188. URL: https://www.terrahumana.ru/archiv/12_02/12_02_38.pdf (дата обращения 09.12.2024).
- ²⁵ *Rouse H., Ince S.* History of Hydraulics. New York, 1963. P. 151–154; *Newell A. C.* Solitons in Mathematics and Physics. Philadelphia, 1985. P. 1–21; *Eilbeck C.* John Scott Russell and the solitary wave. URL: https://www.macs.hw.ac.uk/~chris/scott_russell.html (дата обращения 30.11.2024).
- ²⁶ *Старков А. П.* О периодичности Петербургских наводнений и средствах борьбы с ними. СПб., 1900.
- ²⁷ *Forel F. A.* Handbuch der Seenkunde: Allgemeine Limnologie. Stuttgart, 1901. S. 72–81. URL: <https://archive.org/details/handbuchderseen00foregoog/page/n6/mode/2up> (дата обращения 10.12.2024).
- ²⁸ *Дубов В. П.* Сейши Балтийского моря и связь их с наводнениями в Ленинграде // Труды Государственного гидрологического института. Вып. 5. Л., 1937. С. 71–89.
- ²⁹ *Нежиховский Р. А.* Река Нева и Невская губа. С. 50.
- ³⁰ *Бухановский А. В., Калюжная А. В., Лопатухин Л. И., Померанец К. С.* Наводнения в Санкт-Петербурге. С. 28–29.
- ³¹ *Kakkuri J.* Postglacial Deformation of the Fennoscandian Crust // Geophysica. 1997. Vol. 33, no. 1. P. 99–109; *Ekman M.* A concise history of postglacial land uplift research (from its beginning to 1950) // Terra Nova. 1991. Vol. 3. P. 363.
- ³² *Карпинский А. П.* Общий характер колебаний земной коры в пределах Европейской России // Известия Императорской Академии наук. 1894. № 1. С. 1–19.
- ³³ *Ассиновская Б. А., Карпинский В. В.* Ладожские сейсмические явления. СПб., 2020. С. 57.
- ³⁴ *Bogdanov V. L., Kulinich A. V., Nikolaev N. L., Shustova L. E.* Some aspects of studies of the gravity field, geoid and phenomenon of Fennoscandia // Poutanen M., Kakkuri J. (eds.).

- Final results of the Baltic Sea level 1997 GPS Campaign. Research works of the SSC 8.1 of the International Association of Geodesy. Kirkkonummi, 1999. P. 132–140.
- ³⁵ Малова Т. И. Реставрация данных об исторических наводнениях Невы. С. 45.
- ³⁶ Киприянов В. А. Критический обзор проектов для предохранения С.-Петербурга от наводнения. С. 17–18.
- ³⁷ Самойлов А. Морской щит Ленинграда // Техника — молодежи. 1974. № 2. С. 34–35.
- ³⁸ Краткий отчет и протоколы комиссии для рассмотрения вопроса о предохранении Санкт-Петербурга от наводнений под председательством В. В. Салова. СПб., 1900. С. 965–983.
- ³⁹ Там же. С. 901–902.
- ⁴⁰ Obertreis J. Tränen des Sozialismus. Wohnen in Leningrad zwischen Alltag und Utopie 1917–1937. Köln; Weimar, 2004. S. 4; Малинова-Тзиафета О. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб., 2013. С. 69–73; Краткий отчет и протоколы комиссии. С. 1029–1032.
- ⁴¹ Краткий отчет и протоколы комиссии. С. 965–983.
- ⁴² Там же. С. 901–902.
- ⁴³ Obertreis J. Tränen des Sozialismus. Wohnen in Leningrad zwischen Alltag und Utopie 1917–1937. S. 4; Малинова-Тзиафета О. Из города на дачу. С. 69–73; Краткий отчет и протоколы комиссии. С. 1029–1032.
- ⁴⁴ Краткий отчет и протоколы комиссии. С. 1030–1032.
- ⁴⁵ Нардова В. А. Городское самоуправление в России во второй половине XIX — начале XX в.: власть и общество. СПб., 2014. С. 61, 199, 226, 240, 252.
- ⁴⁶ Малинова-Тзиафета О. Ю. Катастрофическое наводнение 1924 года и городское хозяйство Ленинграда — была ли катастрофа? // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 23–35.
- ⁴⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-3167. Оп. 4. Д. 820. Л. 1 – 1 об.
- ⁴⁸ Bater J. H. Modernization and public health in St. Petersburg (1890–1914) // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 3rd ed. 1985. S. 364–366.
- ⁴⁹ См., например: Доклад инженера В. И. Чарномского по трем вопросам, предложенным управлением Водяных и Шоссейных Сообщений и Торговых портов на рассмотрение 1-го метеорологического съезда при Императорской Академии наук // Чарномский В. И., Шпинделер И. Б., Каминский А. А. Метеорологические и гидрологические станции и посты в русских морских портах и прибрежных пунктах Северного, Балтийского, Черного, Азовского и Каспийского морей. С приложением карты. СПб., 1902. С. 82–84; Кулишер И. М. Очерк истории русской торговли до девятнадцатого века включительно. СПб., 1923. С. 183–215.
- ⁵⁰ Известия Петроградского городского общественного управления. 1918. № 38, 5 июня (23 мая). С. 3.
- ⁵¹ Малинова-Тзиафета О. Ю. Катастрофическое наводнение 1924 года. С. 23–35.
- ⁵² Известия Петроградского городского общественного управления. 1918. № 38, 5 июня (23 мая). С. 3.
- ⁵³ ЦГА СПб. Ф. Р-3167. Оп. 1. Д. 104. Л. 1 – 1 об., 2.
- ⁵⁴ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 9. Д. 100. Л. 345 об.; Соколов А. А. Вода: проблемы на рубеже XXI века. Л., 1986. С. 139.

References

- Bogdanov, V. L., Kulinich, A. V., Nikolaev, N. L., Shustova, L. E. Some Aspects of Studies of the Gravity Field, Geoid and Phenomenon of Fennoscandia. In Poutanen M., Kakkuri J. (Eds.) *Final results of the Baltic Sea level 1997 GPS Campaign. Research works of the SSC 8.1 of the International Association of Geodesy*. Kirkkonummi, 1999, pp. 132–140.

- Bukhanovskii, A. V., Kalyuzhnaya, A. V., Lopatukhin, L. I., Pomeranets, K.S. *Navodneniya v Sankt-Peterburge: istoriya i sovremennost'* [Navodneniya v Sankt-Peterburge: istoriya i sovremenost']. In Russ.]. St. Petersburg, Universitet ITMO, 2017. 87 p.
- Curić, M., Spiridonov, V. *History of Meteorology*. Cham-Switzerland, Springer, 2023. 366 p.
- Ekman, M. *The Changing Level of the Baltic Sea During 300 Years: A Clue to Understanding the Earth*. Åland Islands, Summer Institute for Historical Geophysics, 2009. 155 p.
- Gordeeva, S. M., Malinin, V.N. *Izmenchivost' morskogo urovnya Finskogo zaliva* [Variability of the Sea Level of the Gulf of Finland. In Russ.]. St. Petersburg, 2014. 178 p.
- Kakkuri, J. Postglacial Deformation of the Fennoscandian Crust. In *Geophysica*. 1997. Vol. 33. No. 1, pp. 99–109.
- Lindgrén S., Neumann J. Great Historical Events That Were Significantly Affected by the Weather: 5, Some Meteorological Events of the Crimean War and Their Consequences. In *Bulletin of the American Meteorological Society*. 1980. Vol. 61. No. 12, pp. 1570–1583.
- Malinova-Tziafeta, O.Y. *Iz goroda na dachu: sotsiokul'turnye faktory osvoeniya dachnogo prostranstva vokrug Peterburga (1860–1914)* [From City to Dacha: Sociokultural Factors of Development of Dacha Belt around St. Petersburg. In Russ.]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013. 336 p.
- NEZHIKHOVSKII, R.A. *Reka Neva i Nevskaia guba* [The Neva River and the Neva Bay. In Russ.]. Leningrad, Gidrometeoizdat, 1981. 109 p.
- Obertreis, J. *Tränen des Sozialismus. Wohnen in Leningrad zwischen Alltag und Utopie 1917–1937*. Köln/Weimar, Böhlau Verlag, 2004. 456 s.
- Pyaskovskii, R. V., Pomeranets, K. S., Chernysheva, E.S. *Povtoryaemost' navodnenii v Peterburge* [Recurrence of Floods in St. Petersburg. In Russ.]. In *Priroda*. 2003. No 9, pp. 21–23.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Г. С. Тзиафетас. Старая проблема, современное решение: наводнения и поиск защиты от них в Санкт-Петербурге/Ленинграде (1703–1924) // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 36–47

Аннотация. В статье рассматриваются научные взгляды на природу наводнения, проекты защиты Петербурга от наводнения, которые предлагали инженеры XVIII – начала XX в., а также социальные причины того, почему защитные сооружения от наводнений стали всерьез проектировать лишь после катастрофического наводнения 1924 г. Стало ли оно катализатором для властей и инженеров или же этот этап проектирования зависел скорее от других (социальных) процессов?

Ключевые слова: катастрофическое наводнение 1924 г., коммунальное хозяйство, канализация, водоснабжение, тротуары, проекты плотин, представления о природе наводнения, наводнение, ущерб от наводнения, Петербург до революции.

FOR CITATION

G. S. Tziafetas. Old problem, modern solution: Floods and protection in St. Petersburg/Leningrad (1703–1924) // Petersburg historical journal, no. 1, 2025, pp. 36–47

Abstract. The article contains a scientific view of environmental management, projects for protecting St. Petersburg from floods, which were proposed by engineers of the 18th and early 20th centuries, as well as a social justification for why flood supports began to be seriously designed only after the catastrophic floods of 1924. Was it a catalyst for the authorities and engineers – or was this design phase more dependent on other (social) processes?

Key words: catastrophic flood 1924, public utilities, sewage system, water supply, pavements, dam projects, ideas about flood nature, floods, flood damage, St. Petersburg before revolution, Leningrad.

Автор: Тзиафетас, Георгиос С. – магистр искусств, докторант Университета Берн (Берн, Швейцария).

Author: Tziafetas, Georgios S. – Master of Arts, Doctoral Candidate at the University of Bern (Bern, Switzerland).

E-mail: geotziaf@yahoo.de

А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков

Командировки московских историков в европейские университеты XIX века*

Система подготовки профессоров в университетах Российской империи XIX в. включала заграничные командировки — пребывание, как правило в течение двух лет, в одном или нескольких европейских университетах, где российские ученые могли слушать лекции или заниматься собственными научными исследованиями¹. Эта система окончательно сложилась в 1860-х гг.², хотя значительное количество командировок имело место и раньше, во второй четверти XIX в., что было связано с существованием специальных программ подготовки Профессорского института в Дерпте, Главного Педагогического института в Петербурге и др.³

При этом в Московском университете заграничные командировки для будущих профессоров организовывались практически с момента его основания, т. е. с середины XVIII в., а также регулярно происходили в течение всего царствования Александра I⁴. В европейские университеты из Москвы посылали преимущественно представителей естественных наук, будущих ученых-врачей и филологов. Первые историки Московского университета отправились в заграничные командировки только в 1830-х гг. Начиная с этого времени данная практика продолжалась непрерывно в течение всего XIX в.

Можно выделить более десятка русских историков, учившихся или преподававших в Московском университете, которые за период с 1830-х до 1890-х гг.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00048;
<https://rscf.ru/project/23-18-00048/>

с научными целями приезжали в различные европейские научные центры — М. П. Погодин в 1835 г., Т. Н. Грановский в 1836–1839 гг., С. М. Соловьев в 1842–1844 гг., П. Н. Кудрявцев в 1845–1847 гг., С. В. Ешевский в 1859–1861 гг., В. И. Герье в 1862–1865 гг., П. Г. Виноградов в 1875–1876 гг., Н. И. Ка-реев в 1877–1878 гг., М. С. Корелин в 1885–1887 гг., Р. Ю. Виппер в 1885–1886 гг., П. Н. Ардашев в 1896–1898 гг., С. А. Котляревский в 1897–1899 гг. В представленной статье на их примерах поставлена задача проследить эволюцию такого института научной подготовки историков, как заграничная командировка в ее различных аспектах (организационном, содержательном и т. д.), а также оценить, насколько эти командировки влияли на установление взаимосвязей между российской и западноевропейской исторической наукой.

Сам характер заграничной командировки московских историков претерпел за XIX в. значительные изменения, и это хорошо видно уже при сравнении процессов организации поездок. Первоначально они представляли собой совершенно отличные друг от друга казусы, причем сама необходимость командировать русских ученых-историков за границу каждый раз требовала особого обсуждения и обоснования.

Это хорошо демонстрирует уже первый случай: попытка командировать в немецкие университеты магистра Московского университета М. П. Погодина в начале 1826 г. Рассмотрение этого дела происходило в эпоху непосредственно после восстания декабристов и в период роста национального движения в немецких университетах после Вартбургского праздника 1817 г. Поэтому при рассмотрении вопроса в Комитете министров князем А. Н. Голицыным было сформулировано мнение: «Нет пользы посыпать сего магистра в чужие края для окончания наук по нынешним обстоятельствам, а удобнее в Университете можно дать то образование, которое Правительству угодно будет», и именно это мнение утвердил император Николай I⁵.

Погодин все же смог побывать в немецких университетах (первым из историков Московского университета) в августе — сентябре 1835 г., но контекст организации его поездки был уже совершенно иным. При введении в действие нового общеуниверситетского Устава 26 июля 1835 г. впервые образовывалась отдельная кафедра русской истории, для которой в Московском университете предназначался Погодин, до того преподававший всеобщую историю, географию и статистику. От министра народного просвещения С. С. Уварова он получил поручение: прежде чем занять новую кафедру, посетить с научными целями основные немецкие университеты⁶.

Образовавшаяся при этом в Московском университете вакансия по кафедре всеобщей истории также потребовала для ее заполнения прямого участия высшего начальства, т. е. попечителя Московского учебного округа и ministra. Осенью 1835 г., в рамках той же волны реорганизации кафедр, попечитель граф С. Г. Строганов сделал предложение отправиться на стажировку в Германию выпускнику Петербургского университета Т. Н. Грановскому (благодаря

рекомендации его друзей)⁷. Министр одобрил это предложение, согласившись присоединить Грановского к уже сформированной тогда группе выпускников Главного педагогического института, которых посылали в Берлинский университет. Исключительный характер командировки подчеркивался тем, что жалование Грановскому должен был выплачивать напрямую Департамент народного просвещения, а Московский университет впоследствии соглашался компенсировать эту сумму министерству⁸.

Еще более нестандартным образом смог попасть в заграничную поездку С. М. Соловьев. И здесь решающую роль сыграл граф С. Г. Строганов. В тот момент он не имел формального права отправить из Московского университета в командировку для подготовки к профессуре подающего большие надежды молодого исследователя, специализирующегося по русской истории, ибо эту кафедру по-прежнему занимал Погодин. Тогда Строганов рекомендовал Соловьева по окончании университетского курса своему брату, графу А. Г. Строганову, семья которого собралась в длительную поездку за рубеж. Именно в качестве домашнего учителя Строгановых Соловьев путешествовал два года, посещая крупнейшие немецкие и французские научные центры.

Не вполне регулярным, а напротив, возникшим по конкретному поводу можно назвать и формат организации ученой командировки П. Н. Кудрявцева: его кандидатура (за которую через Строганова хлопотал Грановский) была включена в группу из одиннадцати молодых ученых, окончивших университеты в Москве и Киеве, которая отвечала реализованной Уваровым в 1843 г. новой инициативе по подготовке русских профессоров за границей⁹. Финансирование командировки осуществлялось из бюджета университета. Однако отъезд Кудрявцева за границу задержался из-за его затянувшейся процедуры защиты магистерской диссертации, и молодой историк смог отправиться в Берлинский университет только весной 1845 г.

Наконец, и С. В. Ешевский, перешедший после смерти П. Н. Кудрявцева с кафедры русской истории Казанского университета на кафедру всеобщей истории Московского университета, добился двухлетней заграничной командировки в 1859 г. не каким-либо регулярным образом, а по причине слабого здоровья, требовавшего лечения в Европе¹⁰.

Ситуация изменилась в эпоху Великих реформ, затронувших и высшее образование. Решающее значение здесь имело полученное министром народного просвещения А. В. Головиным от императора Александра II в марте 1862 г. разрешение на регулярные заграничные командировки для приготовления молодых ученых к должностям профессоров¹¹. Сразу вслед за ним была сформирована большая группа из более чем восьмидесяти стипендиатов для отправки преимущественно в немецкие университеты, среди которых был и готовившийся занять кафедру всеобщей истории в Московском университете В. И. Герье.

В развитие этого института регулярных стажировок 27 марта 1867 г. появились высочайше утвержденные «Правила», согласно которым были сформулированы определенные требования к командируемым лицам (в частности, наличие магистерской диссертации или по крайней мере сданных в университете магистерских экзаменов или опыта преподавания в звании приват-доцента). Ведущую роль в выборе конкретных кандидатур играло уже не Министерство народного просвещения, а Совет университета (по представлению советов факультетов). Для историков важную роль играло следующее положение «Правил»: рекомендовать к заграничной стажировке можно было только по тем кафедрам, «на которые нельзя окончательно приготовиться в русских университетах; прочих же готовить в русских университетах под руководством профессоров». Это означало фактический запрет на командирование специалистов по кафедре русской истории. Также четко был установлен максимальный срок командировки — два года¹².

«Правила» от 27 марта 1867 г. сохранили свою силу и после университетской реформы 1880-х гг. (а фактически были переутверждены министерским циркуляром от 21 мая 1884 г.)¹³. На примере историков Московского университета видно, как эти «Правила» претворялись в жизнь на практике: за три с лишним десятилетия, протекшие до конца XIX в., в соответствии с ними было командировано шесть молодых ученых, представлявших только кафедру всеобщей истории. Все они были учениками профессора В. И. Герье. Четверо из них отправились за границу после успешной сдачи магистерских экзаменов и во время командировки собирали материалы для будущей магистерской диссертации. Исключение здесь составили П. Г. Виноградов и Р. Ю. Виппер, целью пребывания которых в заграничных университетах была подготовка к сдаче магистерских экзаменов в Московском университете — соответственно, они не имели права на получение стипендии от Министерства и отправились в Европу на частные средства (хотя и с ведома университета). Срок пребывания за границей составлял один или два года, но он оказывался достаточным для достижения значительных научных результатов.

Однако не только организация командировок историков Московского университета претерпела за XIX в. значительную эволюцию, различался также и выбор маршрута поездок. Среди всех немецких университетов наибольшее значение для подготовки историков имел Берлинский, хотя его конкретная роль в этом процессе менялась.

В период первых поездок, 1830–1840-е гг., Берлин, овеянный философской славой Г. Ф. Гегеля и Ф. В. Шеллинга, пользовался особой притягательностью для московской интеллектуальной среды. Это, в частности, отразили отчеты М. П. Погодина о его командировке, публикавшиеся в 1835–1836 гг. в «Журнале Министерства народного просвещения», где молодой профессор рисовал широкую картину университетского преподавания: «Берлинский Университет считается теперь одним из первых университетов в Германии; и в самом деле,

нигде нет столько ученых знаменитостей, как здесь. <...> Преподавателей считается, кажется, с лишком 150. Одну и ту же науку читают пять, шесть человек, смотря по тому, кто какую ее часть обработал. Можно трудиться с успехом!»¹⁴

При этом в данный период на первом плане всегда находилось изучение философии (включая сюда и философию истории), которое особенно важным оказалось для Т. Н. Грановского. Он не только слушал лекции, но и лично познакомился с молодым профессором К. Вердером, с которым вел приватные беседы, касавшиеся «Науки логики» и «Философии права» Гегеля¹⁵. А среди берлинских профессоров-историков Грановского сразу привлекли курсы К. Риттера и Л. Ранке, отмечая у последнего «светлые, живые, поэтические взгляды на науку»¹⁶. Именно Л. Ранке с глубоко научной точки зрения обосновал применение критики исторических источников и развивал эти методы в собственном научном семинаре в Берлинском университете — в нем принимал участие и Грановский. Главной же ценностью для Грановского стало не только огромное количество специальных трудов по истории, дающих возможность прояснить тот или иной вопрос исторического процесса («Здесь, право, нельзя не учиться; средств столько, что стыдно ими не пользоваться»¹⁷), но и сам дух науки, идея служения ей.

В 1840-е гг. Грановскому вторил его ученик П. Н. Кудрявцев: благодаря созданной инфраструктуре науки в Берлине можно сделать «вдвое больше сравнительно с тем, что делал в Москве», в такой мере все здесь — от организации учебного процесса до работы библиотеки — максимально удовлетворяет потребностям студентов как исследователей, участников научного поиска, так что «едва ли есть место более удобное для ученых занятий». И для Кудрявцева теоретические занятия находились на первом месте: «Да и нельзя здесь не заниматься философией: здесь она в самой атмосфере. В Берлине как надобно каждый день обедать, так надобно заниматься философией»¹⁸. Он был восхищен преподаванием Ф. В. Шеллинга, мысль которого, по выражению русского ученого, была «светла как день», а также лекции Вердера и Ранке.

Опыт погружения в берлинскую науку воспринимался в данный период как важнейшее условие подготовки для русского профессора-историка, а нехватка этого опыта считалась большим недостатком. Таков был случай С. М. Соловьева, который хорошо понимал, насколько отсутствие в его путешествии длительного пребывания в Берлине может негативно сказаться на университетской карьере в Москве. В письме к родителям из-за границы Соловьев ясно подчеркивал это его отличие от круга Грановского: «Молодые (теперь уже старые) профессоры, т. е. немецкая партия, не может быть расположена ко мне... не могут уважать моих достоинств, ибо я оканчиваю курс не в Берлине — по их мнению, средоточии всей премудрости»¹⁹.

Однако постепенно Берлинский университет перестал казаться из России центром всех научных сил Германии, и наряду с ним начал выступать Гейдельбергский университет, тяготение к которому постепенно росло. Так, в пред-

ставлении попечителя Киевского университета 1843 г., посвященном подготовке профессоров истории и политической экономии, говорилось, что «главным пунктом своего пребывания образующийся имеет избрать Берлин, но смотря по распорядку преподавания предназначаемых ему наук в обоих университетах, может переехать в Гейдельберг», а наряду с корифеями берлинской науки, у которых необходимо учиться русским ученым (Раумером, Ранке, Риттером, Шталем), в представлении назывались и имена гейдельбергских профессоров К. Г. Рау и Ф. К. Шлоссера²⁰.

На значение трудов и лекций Шлоссера для подготовки историков еще в 1835 г. впервые обратил внимание М. П. Погодин, который выбрал Гейдельберг одним из важных мест для посещения, упоминая, что Шлоссер много работал в архивах и «не указывает ни одну книгу, которой бы не перечел от доски до доски»²¹. А спустя двадцать лет С. В. Ешевский начинает свое обучение с Гейдельберга, желая «взять с путешествия все, что возможно, и заниматься только тем, чем можно заниматься только здесь». Он стремился послушать лекции престарелого Рау (находившегося на закате своей профессорской карьеры), а также более молодых гейдельбергских профессоров-историков, учеников Шлоссера. Ешевский уже не тратил столько времени на философские и общенаучные курсы, а предпочитал собственно исторические. Так, он выбрал курс Л. Гейссера по новой истории, который ему показал, каким образом профессор может читать импровизированно, без готового текста лекций, но так, чтобы постороннему слушателю они казались мастерски обработанными. Позже в Гейдельберге Ешевский посещал уже вполне специализированные курсы профессора К. Б. Штарка, крупнейшего антиковеда и основателя университетского Археологического института, посвященные древнегреческой истории и искусству.

Поэтому для Ешевского восприятие Берлинского университета, где он оказался позже, происходило «на фоне Гейдельберга». Историк выделил его простоту и доступность, но не был восхищен каким-либо особым научным духом, которым уже успел пропитаться ранее. В Берлине Ешевский сосредоточился в основном на историках и филологах-классиках, но некоторые из профессоров — даже пользовавшиеся заслуженной научной славой — не удовлетворяли его по своему историческому содержанию. Самым блестящим профессором университета Ешевский называет пятидесятилетнего И. Г. Дройзена, недавно переведенного в Берлин из Йены. Ешевский стал первым из русских историков, которые учились у Дройзена и могли воспринимать сформулированные им методологические основания «немецкой исторической школы» — в частности, новые научные понятия (например, эллинизм), широкие исторические сопоставления (сравнения объединения Греции под властью Македонии и политических процессов в Германии XIX в.), внимание к идеям свободы и национальной независимости, которые развиваются путем революций²².

Когда же в Берлинский университет в 1862 г. приезжает В. И. Герье, тот вызывает у него двойственное впечатление. Ему удалось одновременно послушать звезд европейской исторической науки, принадлежавших к разным поколениям. Слегка разочаровавшись от занятий уже весьма престарелого Ранке, Герье зато имел возможность посетить лекции Дройзена по политической истории XVIII в. Особенно Герье интересовала деятельность великого немецкого историка-антиковеда, реформатора изучения римской истории Т. Моммзена, который находился тогда в расцвете сил и лишь недавно возглавил кафедру древней истории Берлинского университета — но, вопреки ожиданиям молодого русского ученого, Моммзен в 1862 г. читал не общий курс римской истории, а лишь специальный курс о Плинии Старшем. Более же всего для своего дальнейшего университетского преподавания Герье вынес из семинаров Р. А. Кепке (у которого на пару лет раньше учился и Ешевский). «Большую новостью был для меня исторический семинарий у профессора Кепке с изучением средневековых источников, и моим первым делом в Москве была организация подобного семинария, который отлично прижился у нас»²³. Тем самым, по воспоминаниям Герье, импульс к созданию его знаменитого семинара в Московском университете был получен непосредственно из Берлина.

В то же время, по мнению Герье, берлинские историки слишком увлеклись критическим анализом источников и его техникой: они делали хорошие комментарии к хроникам, но не писали историю. Воспитанный на традициях господствовавшей в Берлине в 1830–1840-х гг. немецкой философии истории в передаче Грановского и Кудрявцева, Герье был буквально поражен тем фактом, что «даже сын самого Гегеля теперь довольствуется тем, что в одном провинциальном университете собирает материалы для скучной истории немецких городов XIV и XV столетия»²⁴.

Напротив, Гейдельберг понравился Герье в научном отношении значительно больше Берлина — и именно потому, что память о великой немецкой классической философии здесь была значительно сильнее, а его ведущий профессор-историк Л. Гейссер, ученик Шлоссера, читал лекции, излагая результаты собственных трудов доступно и красноречиво, словно парламентский оратор.

Неудивительно, что для учеников В. И. Герье, готовившихся к профессуре, пребывание в Берлинском университете уже не имело того решающего значения для профессиональной подготовки, как для предшествующих поколений русских историков. Собственно говоря, длительное время в Берлине находились только П. Г. Виноградов, Р. Ю. Виппер и М. С. Корелин. Последний сразу по приезде стал ходить на большое количество лекций и в основном посвящал свое внимание этому, но затем быстро переключился на другие вопросы. Главный интерес в университетских занятиях для Корелина составляли не лекции, т. е. их фактическая или концептуальная сторона, а лекторы, которые их читали. Корелин писал, что Берлинский университет «привлекает свободой преподавания, но опять не удовлетворяет вследствие элементарности курсов»²⁵,

«хожу на лекции больше для профессоров, чем для науки»²⁶. Для Корелина скорее важно было отметить общее отношение профессоров к науке и их манеру читать лекции, чем воспринять их конкретное историческое содержание.

Виноградов также начал обучение в Германии с Берлинского университета, но гораздо большее значение для него получило последующее посещение лекций в Бонне, где он у профессора А. Д. Шефера прошел подготовку по курсу греческой истории — тому курсу, преподавание которого Герье планировал ему поручить в Московском университете. Шефер действительно был значительным и даже уникальным в своем роде специалистом по древнегреческим источникам, и на этом примере видно, как благодаря наличию такого специалиста меняется место Боннского университета в маршрутах подготовки русских профессоров-историков. Если Погодин и Соловьев навещали его проездом (Погодин, впрочем, подробно описал достопримечательности Боннского университета и беседы с местными профессорами в письме-отчете, опубликованном в «Журнале Министерства народного просвещения»), то спустя четверть века Герье заканчивает здесь свое образование перед тем, как принять кафедру в Московском университете. В 1870-х гг. для Виноградова — это уже один из важнейших немецких центров исторической науки, а в 1890-х С. А. Котляревский выбирает Боннский университет в качестве отправной точки для стажировки в Германии.

С другой стороны, для московских историков так и не стал важным центром Мюнхенский университет: Погодин заезжал сюда в 1835 г. исключительно для того, чтобы повидать читавшего там тогда лекции Ф. В. Шеллинга²⁷, Соловьев увидел в Мюнхене лишь «великолепные дворцы, построенные среди пустырей», куда «путешественники съезжаются со всех концов Европы любоваться на редкости, а народ плачется на налоги»²⁸. В середине 1880-х гг. Корелин и Виппер наконец оценили Мюнхен, но не столько его университет, сколько богатые собрания источников и литературы в королевской библиотеке, которые позволяли широко разрабатывать темы будущих магистерских диссертаций. В 1897 г. к этому мнению присоединился и С. А. Котляревский: в Мюнхене для своей диссертации он работал с папскими регестами, касающимися отношений Рима с различного рода орденами²⁹.

Сходным образом развивалось и отношение московских историков к пребыванию в Вене. Прибывшему туда в 1838 г., после Берлина, Грановскому Вена не понравилась, в ней все было неподвижно и напыщенно, а безжизненность, по Грановскому, совпадала с отжившими формами. Людей, соответствующих богатому архитектурному прошлому города, здесь не было³⁰. Удивительно, но почти в тех же словах спустя полвека описывает Вену и ее научную среду Корелин: ему там «становится скучно после Берлина. Политической и общественной жизни здесь почти совсем не видно», университет, несмотря на внешнее благолепие, в научном плане очень слаб, «в библиотеках порядки ужасные» (Корелину с трудом удавалось находить нужные книги, а иногда приходилось

давать деньги работникам, чтобы они ему помогли)³¹. Ему вторил Виппер, который «пребыванием в Вене остался недоволен: дорого, общественная и политическая жизнь крайне бедна в сравнении с тем, что дает Берлин, университет (говорю, разумеется, только о нашем факультете) прямо позорен для такого центра. В Вене должно быть хорошо туристу, а не нашему брату»³². И только С. А. Котляревский нашел пребывание здесь удовлетворительным (хотя и не вполне удобным), собирая средневековые источники для диссертации.

Во второй половине XIX в. московские историки перестали посещать Прагу, хотя на первом этапе поездок, в 1830–1840-е гг. она весьма их привлекала — но, опять-таки, не столько благодаря своему университету, сколько из-за интереса к истории западных славян в целом. Грановский очень хотел посетить этот центр славянского возрождения, чтобы поговорить с местными авторитетными учеными (среди которых на первом месте стоял П. Й. Шафарик), и, возможно, не без их влияния была сформулирована тема его магистерской диссертации. Соловьев, два года подряд посещавший Прагу, по совету Шафарика начал писать «Краткую историю славянства», которую, впрочем, до конца не довел³³.

И наоборот, именно во второй половине XIX в. одним из главных, новым в сравнении с предшествующим периодом центром подготовки московских историков становится Париж. Первым здесь в конце 1842 г. оказался С. М. Соловьев, который смог высоко оценить местную инфраструктуру для занятий наукой и за долгое время, проведенное во французской столице в качестве гувернера семьи А. Г. Строганова, много раз бывал на лекциях парижских профессоров. Но в 1870–1890-е гг. пятеро из шести учеников Герье (кроме П. Г. Виноградова) уже осознанно избрали Париж основным местом своих научных занятий при работе над диссертацией.

В 1877 г. Н. И. Кареев, получивший после успешной сдачи магистерских экзаменов стипендию Министерства народного просвещения, сразу выехал во Францию, минуя немецкие университеты. В Париже он в первую очередь приступает к работе в двух библиотеках (Национальной и св. Женевьевы), а также в Национальных архивах, где его привлекают как печатные материалы, так и огромная масса неопубликованных источников по истории французского крестьянства XVIII в. Из парижских учебных заведений Кареев предпочитает лекции в École Normale³⁴. Р. Ю. Виппер в 1886 г. также слушал лекции в Сорбонне и в Коллеж де Франс и занимался в библиотеках, а для М. С. Корелина посещение лекций становится главным занятием в Париже с мая по август 1887 г. Оно позволило ему не только ближе познакомиться с французскими историками, но и сформулировать собственные взгляды на историческую науку, причем отталкиваясь от негативных впечатлений: «Мне не нравится общий характер здешней науки (говорю только о наших отраслях): очень уж она литературна, чтобы не сказать фельетонна. <...> Что особенно печально, у французов были некогда Токвиль и Гизо, которые умели соединять широту горизонта и глубину мысли с основательностью исследования, а теперь я не знаю, кого

им можно противопоставить»³⁵. Таким образом, именно в Париже перед Корелиным остро встало проблема идейности и концептуальности исторического исследования, и этот вопрос, по его мнению, должен был стать главным в его диссертации.

Визиты же П. Н. Ардашева и С. А. Котляревского в Париж в 1897–1898 гг. были в первую очередь связаны с работой над источниками. Ардашев с восхищением писал учителю: «В Париже, куда я направился прямо из Петербурга, мне посчастливилось найти неистощимые и почти нетронутые залежи интересного и ценного для моей темы архивного материала», причем, чтобы добраться до него в Национальном архиве Франции и провести исследование этих источников, потребовалось немалое умение и упорство в силу несовершенства инвентарных описей (столь же упорно Ардашев обрабатывал и рукописное собрание Национальной библиотеки)³⁶. Котляревский стал первым учеником Герье, которого зачислили в качестве вольнослушателя в Школу хартий в Париже, где он брал курсы палеографии и дипломатики, высоко оценивая там именно выработку профессиональных навыков историка³⁷.

Эти примеры показывают, что к концу XIX в. у московских историков меняются в том числе и требования, которые они предъявляют к своей подготовке за рубежом, и сам характер их обучения, который эволюционировал в сторону все большей специализации. Характерно в этом смысле, что и Ардашев, и Котляревский уже не обращаются к слушанию общих курсов и даже не выделяют особо имена своих преподавателей, т. е. не относятся к ним как к наставникам, а общаются на равных.

Стоит остановиться еще и на характеристике ответного взгляда на московских историков, командированных за границу, со стороны университетской ученой среды, куда они попадали, и вообще на вопросе, в какой мере они оказывались включенными в эту среду. Уже в 1830-х гг. этот вопрос представлялся важным, как прекрасно показывают письма Т. Н. Грановского. Из них видно, насколько существенным для него стало именно личное общение с профессором К. Вердером и как пылко последний подходил к своей задаче — учить и просвещать ученых из далекой северной России. Прекрасной характеристикой отношения Вердера к русским ученикам служит его письмо, написанное Грановскому в середине сентября 1838 г. Отвечая на сетования того о невозможности свободно говорить по-немецки, Вердер восклицает: «Да будем же мы все говорить одним языком — языком человечества, доброго, исполненного надежд, терпеливого, ненасильственного! Общий дух, который нас ведет, развязет нам речь — а Вам также и немецкую»³⁸. В ходе диалогов со своими новыми друзьями немецкий профессор признавал их равными себе и готов был верить в прекрасное будущее русской науки.

Другой пример подобного рода можно почерпнуть из отчетов С. В. Ешевского: гейдельбергский профессор К. Б. Штарк позволил ему ходить на лекции бесплатно, заметив, что запись на лекции существует только для студентов,

а не для коллег по кафедре (стоит добавить, что Штарк в свое время слушал лекции в Берлинском университете вместе с П. М. Леонтьевым, о котором расспрашивал Ешевского в частных беседах).

Н. И. Карееву во время его командировки в Париж удалось не только завести близкие связи со знаменитым историком-антиковедом Н. Д. Фюстель де Куланжем, лекции которого он посещал, но и попытаться напрямую соединить своего учителя В. И. Герье с профессорами и институциями европейской науки. Фюстель де Куланж проявил к этому живой интерес: получив от Кареева адрес Герье, он обратился к тому с просьбой принять участие в деятельности организуемого им ученого общества³⁹.

Конечно, не всегда отношения московских историков с заграничной университетской средой складывались идеально: например, П. Г. Виноградов не раз сетовал на местных студентов, сталкиваясь с «неприятными чертами немецкой подрастающей учености», и особенно с «презрительной снисходительностью, с которой смотрят на русского полуварвара»⁴⁰. Но уже М. С. Корелин, судя по его отчетам, смог преодолеть эту отчужденность — он осознанно захотел «основательно познакомиться с научными корпорациями студентов и выбрал научные с особеною целью <...> Свой отдых даже стараюсь утилизировать в этом смысле: обедаю в немецкой компании»⁴¹.

Таким образом, анализ заграничных командировок ученых-историков Московского университета выявил значительные изменения в этом институте подготовки профессоров на протяжении XIX в. От «казусного», практически случайного характера командировок, свойственного 1830–1840-м гг. в середине XIX в. происходит переход к целенаправленному отбору кандидатов. Первоначально инициаторами командировок выступало университетское начальство (попечитель университета или министр), но затем возникает новая система, при которой ведущую роль в организации командировок играет учитель, который выбирает своих учеников и определяет программу их обучения за границей. На раннем этапе, до середины XIX в., среди командируемых находились представители кафедр как русской, так и всеобщей истории, но во второй половине XIX в. за границу посылают только всеобщих историков. При этом для раннего этапа характерно преобладающее влияние Берлинского университета на русскую историческую науку, но позднее таких центров подготовки станет больше, и к концу века на одно из первых мест выдвинется Париж.

Развитие исторической науки в XIX в., в особенности в немецких университетах, позволяло русским историкам перенимать новые концептуальные идеи. В то же время научные командировки служили достижению не только учебных и научных целей, но и культурному и политическому развитию историка. Заграничные путешествия сыграли важную роль в формировании научных ориентиров и представлений об актуальных вопросах исторического исследования для нового поколения историков в России. Создалась ситуация, когда во второй половине XIX в. русские историки (особенно П. Г. Виноградов) вошли

в систему сетевых контактов с европейскими учеными, а создавая свои труды, они в том числе откликались на проблематику научных исследований за границей. Установку на то, что инкорпорирование в европейскую историческую науку необходимо для профессионала, ученики Герье в дальнейшем передавали и своим преемникам.

-
- ¹ В историографии имеются работы, посвященные командировкам отдельных ученых: *Кореева Н. С.* Т. Н. Грановский в Берлине (по материалам эпистолярного наследия) // Тимофей Николаевич Грановский: идея всеобщей истории. М., 2006. С. 118–137; *Цыганков Д. А.* Заграничные стажировки московских всеобщих историков в последней четверти XIX века // Прикосновение к вечности: сборник статей. М., 2017. С. 220–246.
 - ² *Свешников А. В.* Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX – начала XX века // Расписание перемен. Очерки истории образовательной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М., 2012. С. 849–887.
 - ³ *Иванов А. Е.* Ученое достоинство в Российской империи. XVIII – начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М., 2016. С. 229–276.
 - ⁴ *Андреев А. Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М., 2005. С. 282.
 - ⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Д. 84. Л. 2 об – 3.
 - ⁶ *Петров Ф. А. М. П.* Погодин и создание кафедры российской истории в Московском университете. М., 1995. С. 54.
 - ⁷ *Станкевич А. В.* Тимофей Николаевич Грановский. М., 1869. С. 49.
 - ⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Ед. хр. 249. Л. 1, 4, 7–8.
 - ⁹ Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). 1843. № 10. Отд. 1. С. 35.
 - ¹⁰ Центральный государственный архив Москвы (далее – ЦГА Москвы). ОХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 27. Д. 753.
 - ¹¹ *Иванов А. Е.* Ученое достоинство... С. 245.
 - ¹² Сборник постановления по МНП. СПб., 1871. Т. 4. Стб. 444–446.
 - ¹³ *Иванов А. Е.* Ученое достоинство... С. 309.
 - ¹⁴ ЖМНП. 1835. № 9. С. 546.
 - ¹⁵ *Carli G.* Russische Reisende und Studiosi in Berlin. Mitte bis Ende der 30er Jahre des 19. Jahrhunderts // Zeitschrift für Slavistik. 1987. Bd. 32, no. 4. S. 541.
 - ¹⁶ Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 395.
 - ¹⁷ *Грановский Т. Н.* Публичные чтения. Статьи. Письма. М., 2010. С. 272–275.
 - ¹⁸ Письма П. Н. Кудрявцева из-за границы (1845–1847) // Русская мысль. 1898. № 1. С. 22–23, 27; № 5. С. 117.
 - ¹⁹ *Соловьев С. М.* Первые научные труды. Письма. М., 1996. С. 96.
 - ²⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 32. Ед. хр. 103. Л. 24.
 - ²¹ ЖМНП. 1836. № 7. С. 204.
 - ²² Письмо С. В. Ешевского К. Н. Бестужеву-Рюмину // Бестужев-Рюмин К. Н. Биографии и характеристики. М., 1997. С. 291–292.
 - ²³ *Герье В. И.* Автобиография // НИОР РГБ. Ф. 70. Л. 9.
 - ²⁴ *Герье В. И.* Очерк развития исторической науки. М., 1866. С. 85.
 - ²⁵ Письма М. С. Корелина // Цыганков Д. А. Профессор В. И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 255.

- ²⁶ Письма М. С. Корелина. С. 254.
- ²⁷ ЖМНП. 1836. № 7. С. 207.
- ²⁸ Соловьев С. М. Первые научные труды. С. 86.
- ²⁹ НИОР РГБ. Ф. 70. Картон 45. Д. 62. Л. 4.
- ³⁰ Грановский Т. Н. Публичные чтения. С. 308.
- ³¹ Письма М. С. Корелина. С. 264.
- ³² Письма С. А. Котляревского // Цыганков Д. А. Профессор В. И. Герье и его ученики. С. 321.
- ³³ Соловьев С. М. Первые научные труды. С. 70.
- ³⁴ Письма Н. И. Каreeва // Цыганков Д. А. Профессор В. И. Герье и его ученики. С. 110–112.
- ³⁵ Письма М. С. Корелина. С. 282–283.
- ³⁶ Письма П. Н. Ардашева // Цыганков Д. А. Профессор В. И. Герье и его ученики. С. 353–356.
- ³⁷ Письма С. А. Котляревского. С. 389.
- ³⁸ Ziegengeist G. Neue Zeugnisse über Turgenew und den “russischen Kreis” in Berlin (1838–1840) // Zetischrift für Slavistik. 1987. Bd. 32, no. 3. S. 390.
- ³⁹ Письма Н. И. Каreeва. С. 115.
- ⁴⁰ Письма П. Г. Виноградова. С. 169.
- ⁴¹ Письма М. С. Корелина. С. 254.

References

ANDREEV, A. YU. *Russkie studenty v nemetskikh universitetakh XVIII – pervoi poloviny XIX veka* [Russian Students in German Universities of the 18th – First Half of the 19th Century. In Russ.] Moscow, Znak, 2005. 432 p.

CARLI, G. Russische Reisende und Studiosi in Berlin. Mitte bis Ende der 30er Jahre des 19. Jahrhunderts. In *Zeitschrift für Slavistik*. 1987. Bd. 32. No 4, s. 541.

IVANOV, A. E. *Uchenoe dostoинство в Российской империи. XVIII – начало XX века. Подготовка и научная квалификация профессоров и преподавателей высшей школы*. [Academic Dignity in the Russian Empire. XVIII – Early XX Century. Training and Scientific Certification of Professors and Teachers of Higher Education. In Russ.] Moscow, Novyi khronograf, 2016. 648 p.

KOREYEVA, N. S. T. N. Granovskii в Berline (po materialam epistolarnogo naslediya) [T. N. Granovsky in Berlin (Based on the Epistolary Heritage). In Russ.]. In Repina L. P. (Ed.) *Timofey Nikolayevich Granovskiy: ideya vseobshchey istorii*. Moscow, 2006. P. 118–137.

PETROV, F. A. M. P. *Pogodin i sozdanie kafedry rossiiskoi istorii v Moskovskom universitete* [M. P. Pogodin and the Creation of the Department of Russian History at Moscow University. In Russ.] Moscow, 1995. 157 p.

SVESHNIKOV, A. V. *Pravitel'stvennaya politika v sfere zarubezhnykh komandirovok russkikh uchenykh vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka* [Government Policy in the Field of Foreign Business Trips of Russian Scientists of the Second Half of the 19th – early 20th Centuries. In Russ.]. In Dmitriev A. N. (Ed.) *Raspisanie peremen. Ocherki istorii obrazovatel'noi politiki v Rossiiskoi imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody)*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. P. 849–887.

TSYGANKOV, D. A. *Professor V.I. Ger'ye i yego ucheniki*. [Professor V. I. Guerrier and His Students. In Russ.] Moscow, ROSSPEN, 2010. 501 p.

TSYGANKOV, D. A. *Zagranichnye stazhirovki moskovskikh vseobshchikh istorikov v poslednei chetverti XIX veka* [Foreign Internships of Moscow General Historians in the Last Quarter of the 19th Century. In Russ.]. In Posternak, A., Zakharov, G. E. (Eds.) *Prikosnovenie k vechnosti. Sbornik statei*. Moscow, 2017. P. 220–246.

ZIEGENEIST, G. Neue Zeugnisse über Turgenew und den “russischen Kreis” in Berlin (1838–1840). In *Zeitschrift für Slavistik*. 1987. Bd. 32, no 3, s. 390.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков. Командировки московских историков в европейские университеты XIX века // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 48–61

Аннотация: Предметом изучения в статье служат научные командировки, во время которых молодые историки Московского университета проходили дополнительную подготовку, а также занимались самостоятельными исследованиями при европейских научных центрах, и в первую очередь — университетах. В статье разобраны вопросы организации таких командировок в 1830–1890-е гг., выбор маршрутов, предпочтительные места пребывания московских историков и характер их занятий там. Особо выделен вклад в инициирование и организацию поездок со стороны университетского начальства (попечителей), а также отдельных профессоров, таких как В. И. Герье. На основании отчетов, посылаемых ими в Россию, а также личной переписки делается вывод о степени восприятия ими концепций зарубежной науки, о том, в какой мере они сами в ходе этих поездок оказывались включены в европейскую университетскую среду.

Ключевые слова: Московский университет, профессора, история, командировки, Берлин, Гейдельберг, Бонн, Париж.

FOR CITATION

A. Yu. Andreev, D. A. Tsygankov. Scientific trips of Moscow historians to European universities of the 19th century // Petersburg historical journal, no. 1, 2025, pp. 48–61

Abstract: The subject of study in the article is scientific trips, during which young historians from Moscow University underwent additional training and engaged in their own research at European scientific centres, primarily at universities. The article addresses the organisation of such trips during the 1830–1890s, the selection of routes, the preferred destinations for Moscow historians, and the nature of their activities there. The article goes on to discuss the role of university authorities (curators) and history professors, such as V. I. Guerrier, in the initiation and organisation of these trips. Drawing upon a comprehensive array of sources, including reports sent back to Russia and personal correspondence, it is concluded that Moscow historians embraced the concepts of world science, and that they, to a certain extent, were themselves integrated into the European university environment.

Key words: Moscow University, professors, history, scientific trips, Berlin, Heidelberg, Bonn, Paris.

Автор: **Андреев, Андрей Юрьевич** — д. и. н., профессор, профессор кафедры истории России XIX — начала XX в. исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Москва — Томск, Россия).

Author: **Andreev, Andrei Yurievich** — Prof. Dr., Dr. of Sciences (History), professor at the Department of Russian History in the 19th and the beginning of the 20th centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; leading researcher at the Laboratory of Socio-Anthropological Research of the Faculty of Historical and Political Sciences National Research Tomsk State University (Moscow — Tomsk, Russia).

E-mail: andrv@hist.msu.ru

ORCID: 0000-0001-7075-6637

Автор: **Цыганков, Дмитрий Андреевич** — д. и. н., доц., доцент кафедры истории России XIX — начала XX в. исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Author: **Tsygankov, Dmitrii Andreevich** — Ass. Prof., Doctor of Sciences (History), ass. professor at the Department of Russian History in the 19th and the beginning of the 20th centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: tsdm@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3005-503X

Д. А. Баринов, Е. А. Ростовцев

**Выпускники историко-филологического
факультета Санкт-Петербургского
университета рубежа XIX–XX вв.:
коллективный портрет и карьерные
перспективы***

В фокусе настоящей статьи ряд важных исследовательских вопросов. Как строилась учебная жизнь и университетская судьба студентов этого периода, сколько из них окончили факультет? Каковы были их дальнейшие взаимоотношения с *alma mater* и между собой? Каковы были траектории карьеры выпускников историко-филологического факультета поколений рубежа веков? Как коллективный портрет историков и филологов соотносился с коллективной биографией их современников – выпускников других факультетов? Какова была динамика изменений в социальном облике и судьбах выпускников разных лет? Какова была роль историко-филологического факультета в формировании элиты российского общества? Каков был вклад когорты выпускников этого поколения в науку, политику, другие сферы социальной жизни?

В поисках ответов на поставленные перед исследованием вопросы мы обратились к методу составления коллективной биографии выпускников. Мы вы-

* Исследование выполнено за счет гранта Санкт-Петербургского научного фонда и Российского научного фонда № 23-28-10296; <https://rscf.ru/project/23-28-10296/>

брали несколько лет выпуска историко-филологического факультета с разницей в 5 лет, чтобы иметь возможность проследить динамику изменений (1890, 1895, 1900 и 1904 гг. (данные за последующие годы в отчетах не публиковались)). На основе комплекса источников¹ нам удалось (пусть иногда частично) восстановить карьерные пути более 2/3 выпускников за взятые годы, что обеспечивает нам основания для нескольких выводов и обобщений. Наиболее важными источниками в этом отношении для нас являлись каталоги и дела в РГИА (Ф. 733) и ЦГИА СПб (Ф. 14. Оп. 3), а также справочник «Весь Санкт-Петербург / Петроград / Ленинград».

На рубеже столетий факультет переживал эпоху своего расцвета. В числе его преподавателей были В. Г. Васильевский, Н. И. Веселовский, В. К. Ернштедт, И. Н. Жданов, В. И. Ламанский, А. С. Лаппо-Данилевский, П. О. Морозов, В. Н. Перетц, Д. К. Петров, С. Ф. Платонов, Я. И. Смирнов, Б. А. Тураев, Г. И. Церетели и многие другие выдающиеся ученые². Историко-филологический факультет находился на третьей позиции как по числу студентов, так и по числу выпускников, заметно уступая и юридическому, и физико-математическому факультетам. Позади него по количеству студентов находился лишь малочисленный факультет восточных языков (табл. 1).

Таблица 1

Количество студентов и выпускников Санкт-Петербургского университета 1890–1904 гг. по факультетам (в том числе% от общего числа)³

Факультет	1890		1895		1900		1904	
	студ.	вы-пуск.	студ.	вы-пуск.	студ.	вы-пуск.	студ.	вы-пуск.
Юридический	909 (51%)	217 (50,4%)	1673 (54,7%)	252 (57,6%)	1965 (55%)	340 (60,4%)	2391 (53%)	344 (59%)
Физико-математический	662 (37,2%)	170 (39,4%)	1085 (35,5%)	147 (33,6%)	1183 (33%)	170 (30,2%)	1476 (33%)	169 (29%)
Историко-филологический	122 (6,9%)	26 (6%)	194 (6,4%)	25 (5,8%)	215 (6%)	24 (4,3%)	373 (8%)	42 (7%)
Восточных языков	88 (4,9%)	18 (4,2%)	105 (3,4%)	13 (3%)	221 (6%)	29 (5,1%)	267 (6%)	31 (5%)
Всего	1781	431	3057	437	3584	563	4507	586

Помимо численного превосходства студентов юридического и физико-математического факультетов, данные табл. 1 демонстрируют, что, несмотря на заметный рост количества студентов на рубеже XIX–XX вв., число выпускниковросло куда менее стремительными темпами. С 1890 по 1904 г. общее количество студентов историко-филологического факультета увеличилось почти в 3 раза, а количество выпускников — менее чем в 2. На физико-математическом факультете количество выпускников оставалось практически неизменным на протяжении всего периода (около полутора сотен человек), хотя число студентов выросло в 2,5 раза. Только выпускники-юристы обнаружили рост, но также

отстающий от темпов роста общей массы студенчества. Эти данные свидетельствуют о том, что заметная часть студентов, поступавшая в университет, так и его и не оканчивала. Из поступивших в 1886 г. университет студентов в 1890 г. его окончило 55%, в следующие годы соотношение поступивших/окончивших составило: 1891/1895 – 59,9%, 1896/1900 – 54,1%, 1900/1904 – 61,2%. Таким образом, только чуть более половины поступивших в университет (в том числе перешедших из других вузов) проходили полный курс обучения. Следует, впрочем, отметить, что это была перманентная проблема дореволюционного университета и рубеж веков принципиально не отличался от предшествующих периодов университетской истории⁴. Как отмечается в литературе, проще всего было учиться на юридическом факультете, который не требовал углубленной специализации⁵; как следствие, он значительно превосходил другие факультеты по численности студентов и еще более – по числу выпускников.

При небольшом числе учащихся размер профессорско-преподавательской корпорации факультета был самым большим в университете. На 1904 г. на историко-филологическом преподавали 66 человек, на юридическом – 56, на физико-математическом – 63, на восточном – 24. При этом профессора и приват-доценты историко-филологического факультета несли сравнительно низкую нагрузку: на 1 преподавателя приходилось 5,6 студентов, в то время как на юрфаке – 42,7, на физмате – 23,4, на восточном – 11,1. Преподавательская корпорация факультета делилась на следующие кафедры: философии, классической филологии, сравнительного языкознания и санскрита, русской словесности, славянской филологии, всеобщей истории, русской истории, романо-германской филологии, истории церкви, теории и истории искусств. Как перечень кафедр, так и учебные планы факультета, отраженные в обозрениях преподавания⁶, демонстрируют академический характер преподавания и получаемых знаний. Такая программа, на первый взгляд, открывала прежде всего перспективы научной или академической карьеры. Составление коллективной биографии выпускников историко-филологического факультета позволяет выяснить, насколько это обстоятельство было значимым для дальнейшей судьбы студентов факультета.

Для того чтобы проследить карьерные перспективы питомцев историко-филологического факультета, мы проанализировали биографии его выпускников за 1890, 1895, 1900 и 1904 гг. Под выпускниками конкретного года мы понимали тех студентов факультета, которые получали выпускное свидетельство в этом году. Следует принимать во внимание, что не все из них получали диплом об окончании университета, который выдавался по результатам государственных экзаменов, в том же году. Собранные нами данные показали, что только 44,3% выпускников окончили гимназию в Санкт-Петербурге и 55,7% – в других городах; таким образом, большая часть студентов, получивших выпускной аттестат, была выходцами из провинции. Возраст выпускников колебался, но имел тенденцию к росту: в 1890 г. – 23,1 год, в 1895 – 24,

в 1900 – 23,5, в 1904 – 24,1. Подавляющая часть молодых людей принадлежала к привилегированным сословиям: 43,5% являлись дворянами, 36,9% указали, что они дети чиновников, 10,8% – мещанство, 6,5% – купечество, 2,2% – дети потомственных почетных граждан.

Выявляя карьерные пути выпускников факультета, мы объединили наиболее популярные из них в несколько категорий, представленных в табл. 2 (в сумме каждый столбец дает больше 100%, так как некоторые универсанты трудились сразу на нескольких поприщах). Систематизированные нами данные о профессиональном пути выпускников историко-филологического факультета позволяют сделать вывод, что в рассматриваемые полтора десятилетия специализация выпускников в значительной степени поменялась. Если среди выпускников 1890 г. почти 60% занимали должности на различных уровнях бюрократического аппарата, то в 1904 г. таких было чуть более четверти. Происходило это падение за счет роста количества выпускников, занимавшихся научно-преподавательской работой в вузах или становившихся преподавателями гимназий.

Таблица 2
Карьерные пути выпускников историко-филологического факультета
1890–1904 гг. (в %)

Карьера	1890	1895	1900	1904
Чиновники	58,8	42,1	18,7	26,1
Педагоги	29,4	31,6	56,3	43,5
Преподаватели / профессора вузов	11,7	5,3	37,5	17,4
Политические деятели	–	5,3	12,5	8,7
Другие	23,4	26,4	–	4,3

Примечание: В графе «Другие» учтены переводчики, публицисты, журналисты и др.

Среди выпускников, окончивших факультет в выбранные четыре года, цепкий ряд выдающихся ученых, в том числе будущих действительных членов Академии наук – С. А. Жебелев, Б. А. Тураев и А. И. Тюменев. Небольшое число выпускников становились политическими деятелями, среди них видные большевики Г. В. Чicherin, К. С. Жарновецкий, трудовик С. Ф. Знаменский, меньшевик В. П. Денисов. Известным немецким публицистом и членом НСДАП стал А. Г. Рипке, видным деятелем русской эмиграции и одним из основателей Русского студенческого христианского движения стал А. В. Ельчанинов.

Корпоративную взаимосвязь между однокурсниками в будущем проследить довольно затруднительно, в особенности по отношению к тем, кто уехал работать в провинцию. Однако в нескольких случаях такую связь предположить можно. Так, нельзя не обратить внимание на поразительную синхронность в биографиях Б. А. Тураева и С. А. Жебелева. Оба окончили историко-филологический университет в 1890 г., в конце десятилетия стали преподавать

на факультете в должности приват-доцента, в 1898 г. защитили магистерские диссертации, в 1904 г. заняли позиции профессора; в 1913 г. Тураев стал членом-корреспондентом Академии наук, а в следующем году это же звание получил и Жебелев. Оба стали академиками уже в советское время. Выпускники факультета 1900 г. А. С. Николаев и С. Н. Поварнин вместе преподавали в советское время на факультете общественных наук Петроградского университета; также в одно время на факультете до революции работали выпускники 1904 г. В. И. Веретенников и А. И. Гребенкин.

Большее значение личные связи,обретенные в годы студенчества, имели в среде революционеров. Так, университетская организация студентов-большевиков сыграла заметную роль в революционных событиях 1905 г., при этом в пропагандистской работе участвовали не только действующие студенты, но и выпускники⁷. В этом случае связь между университетами сохранялась благодаря не корпоративным вузовским традициям, а единству политических взглядов. Из студентов историко-филологического факультета начала 1900-х гг. в работе большевиков участвовали К. С. Жарновецкий, Д. З. Мануильский, И. И. Корель, Н. В. Крыленко, М. К. Климовский, С. Н. Драницын и др.⁸

Примечательно, что по сравнению с первой третью XIX в. распределение карьерных траекторий не претерпело кардинальных изменений (табл. 3). Так, в первом поколении выпускников историко-филологического факультета (1823–1833 гг.) распределение по всем категориям дает сопоставимый процент⁹. Только количество преподавателей гимназий и училищ, выпущенных в 1904 г., ощутимо больше, чем в начале предшествующего столетия.

Таблица 3

**Карьерные пути выпускников историко-филологического факультета
1823–1833 и 1904 гг. (в %)**

Карьера	1823–1833	1904
Чиновники	34,4	26,1
Педагоги	28,9	43,5
Преподаватели / профессора вузов	21,1	17,4
Политические деятели	–	8,7
Другие	4,4	4,3

Примечание: Из-за малого ежегодного количества выпускников в первой трети XIX в. для адекватной выборки во второй графе приведены данные за 10 лет.

Любопытно сравнить профессиональные биографии бывших студентов историко-филологического факультета с остальными факультетами. Для этого мы проанализировали карьеры выпускников других факультетов за 1895 г. и распределили их по аналогичным категориям (табл. 4). Подавляющее большинство выпускников юридического факультета пошло по стезе государственной службы (более 90%), историко-филологический и физико-математиче-

ский факультеты дали стране примерно одинаковое количество бюрократов (42,1 и 46 % соответственно). Физико-математический факультет дал наибольшее количество вузовских преподавателей (46 % относительно общего числа выпускса за 1895 г.).

Таблица 4
Карьерные пути выпускников Санкт-Петербургского университета
1895 г. (в %)

Карьера	Ист.-фил.	Физ.-мат.	Юридический	Восточных яз.
Чиновники	42,1	46	91,7	75
Педагоги	31,6	19	1	—
Преподаватели / профессора вузов	5,3	20,6	4,1	25
Политические деятели	5,3	—	5,2	—
Другие	26,4	27	6,1	—

Проанализируем отдельные биографические примеры каждого из карьерных путей, начав с академического. Как мы уже отмечали выше, практически синхронным образом развивались карьеры Б. А. Тураева и С. А. Жебелева. Схожесть в построении и сроках развития научных карьер тем не менее не делали их тождественными. Академическая карьера Б. А. Тураева была более линейной: после окончания университета он отправился в длительную заграничную командировку, где продолжил заниматься научными изысканиями. По возвращении в Россию защитил магистерскую диссертацию и начал работать в университете, не отвлекаясь на другую преподавательскую работу¹⁰. Путь С. А. Жебелева оказался более тернист. Сразу после окончания университета он остался преподавать в Училище технического рисования, где продолжил работать и после того, как занял должность приват-доцента университета. Университетскую профессуру Жебелев совмещал с профессурой в Историко-филологическом институте и Высшем художественном училище при Академии художеств¹¹. Таким образом, внешнее сходство внутриуниверситетской карьеры не всегда отражало общий характер академической мобильности ученого.

В условиях высокой конкуренции за место преподавателя Санкт-Петербургского университета для многих выпускников вернуться в alma mater уже в качестве работника было непростой задачей. Часто причиной тому были и личные конфликты. Так, историк В. И. Веретенников считал, что его карьере препятствует С. Ф. Платонов: «...еще с давних пор сложилось у меня убеждение (чисто субъективное и, возможно, совершенно неправильное), что Вы очень отрицательно относитесь к моему стремлению к научной деятельности; этим моим убеждением отчасти объясняется и то, что я решился держать магистерский экзамен в Харькове...»¹² Веретенников преподавал в Харькове (в университете и на Высших женских курсах); диссертацию он после долгих переговоров все же защитил в Петербургском университете, однако это не помогло ему

устроиться преподавателем. Только в 1916 г. на непродолжительный срок он стал приват-доцентом по кафедре русской истории, после чего снова отправился в провинциальные университеты (Саратов и Харьков).

Среди видных выпускников рассматриваемого периода, не вошедших в указанные выборки по годам, нельзя не отметить выдающихся ученых — будущих профессоров университета — академиков Я. И. Смирнова (выпуск 1891 г.) и В. Н. Перетца (выпуск 1893 г.), членов-корреспондентов В. Н. Златарского и С. В. Рождественского (выпуск 1891 г.), членов-корреспондентов А. Е. Преснякова и А. И. Лященко (выпуск 1893 г.), члена-корреспондента Д. К. Петрова (выпуск 1894 г.), членов-корреспондентов Н. М. Каринского и Н. К. Козмина (выпуск 1896 г.), академика В. Ф. Шишмарева (выпуск 1897 г.), члена-корреспондента Б. Л. Модзалевского (выпуск 1898 г.), академика Г. А. Ильинского, академиков И. И. Толстого, А. И. Тюмнева и Л. В. Щербу (выпуск 1903 г.), а также их однокурсника, профессора и будущего декана исторического факультета М. Д. Приселкова (выпуск 1903 г.). Этот перечень имен наглядно показывает, что почти каждое поколение выпускников обеспечивало новые блестящие имена для пополнения профессорской коллегии *alma mater*.

Для некоторых выпускников занятия наукой не всегда были связаны с работой в высшей школе или академических институтах. Так, например, специалист по истории русской литературы А. Л. Липовский увлекался научными штудиями, работая преподавателем и директором гимназии им. К. Мая. А. Э. Мальгрен, будучи чиновником в провинциальной Митаве, занимался организацией археологических экспедиций¹³. А. В. Петров продолжал занятия исторической наукой, являясь служащим Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел¹⁴.

В разное время от 30 до 56% выпускников трудилось преподавателями в столичных и провинциальных гимназиях. Для некоторых универсантов этот этап предварял построение научной карьеры; для других он стал основным. Преимуществом работы в училищах и гимназиях был низкий порог входа: преподавать брали практически сразу после университетской скамьи. При этом число читаемых предметов, а соответственно и заработка, регулярно увеличивались; даже минимальный опыт работы позволял совмещать педагогическую работу в нескольких местах. Так, Н. Н. Леман окончил историко-филологический факультет в 1895 г., год провел в ополчении, затем пошел преподавать в реальное училище им. Я. Гуревича¹⁵. Н. К. Эрдель сразу после университета пошел преподавателем в гимназию Видемана, а вскоре был принят преподавателем в женскую Литейную гимназию¹⁶. А.-К. К. Кун уже через несколько лет после университета преподавал в трех местах — во 2-й и 7-й гимназиях Санкт-Петербурга, а также в Приюте принца П. Г. Ольденбургского¹⁷.

В силу ограниченного круга источников (в первую очередь, связанных с провинцией), труднее всего проводить обобщение для выпускников, выйравших карьеру чиновников. В основном речь идет о службе в различных

центральных и провинциальных государственных органах, не отличавшейся яркими взлетами. Наибольших успехов среди выпускников из нашейвыборки достиг А. Н. Юган, ставший иркутским губернатором и бессарабским вице-губернатором; Б. К. Ордин входил в Совет министерства императорского двора, возглавлял при нем различные комитеты¹⁸, князь П. С. Шерemetев в 1916 г. стал членом Государственного совета. В остальном можно говорить только о довольно заурядных карьерных передвижениях. Из известных дореволюционных политических деятелей, окончивших факультет в этот период, но из других выпусков (год окончания 1896 г.) нельзя не отметить будущего видного прогрессиста, члена III и IV Государственных дум и Государственногосовещания 1917 г. А. А. Орлова-Давыдова, впоследствии эмигрировавшего во Францию. Кстати, Орлов-Давыдов являлся помощником А. Ф. Керенского в бытность последнего премьер-министром, который, как известно, первонациально поступил на историко-филологический факультет, а затем перевелся (и окончил в 1904 г.) юридический.

Надо отметить, что многие политически активные студенты этого времени, ставшие затем видными деятелями освободительного движения, по разным причинам, в том числе связанным с полицейскими репрессиями, так и не смогли окончить университет, а некоторые, как упомянутые выше студенты-революционеры, подвергались репрессиям после окончания. Многие из выпускников университета поколения рубежа XIX–XX вв. испытали на себе репрессии уже при советской власти. Можно указать на значительное число крупных фигур среди научного сообщества, чьи судьбы изучены лучше остальных групп выпускников. Среди таких известных репрессированных деятелей – философ и богослов П. П. Аникиев, книговед В. Э. Банк, германист Р. К. Бертольди, историк нового времени В. А. Бутенко, историк России П. Г. Васенко, историк-медиевист А. Г. Вульфиус, антиковед и историк нового времени Э. Д. Гримм, историк-архивист Б. Н. Жукович, историк России С. В. Знаменский, филологи Г. А. Ильинский, В. А. Келтуяла, Э. К. Клейненберг, В. Н. Кораблев, философ И. И. Лапшин, филологи К. К. Микоша, Б. Л. Модзалевский, археолог Л. А. Моисеев, психолог А. П. Нечаев, филолог В. Н. Перетц, историки России М. Д. Приселков и С. В. Рождественский, филолог-классик И. И. Толстой, антиковед Г. Ф. Церетели, филолог-классик и историк искусства Ф. И. Шмидт, филолог-лингвист Л. В. Щерба. Некоторые ученые, как упомянутый выше И. И. Лапшин, были высланы из страны, некоторые, например известный славист Н. В. Ястrebов, вынуждены были сами эмигрировать из Советской России.

Приведенные выше данные показывают, что карьерный трамплин в виде историко-филологического образования оказывался не по силам абсолютному большинству молодежи, выбравшим эту стезю. Можно утверждать, что с точки зрения формирования элиты российского общества наиболее заметен вклад в развитие ученого сообщества именно историко-филологического

факультета, хотя этот карьерный путь избирался довольно редко. В избранные нами годы выпуска факультет окончили целый ряд будущих академиков и профессоров, внесших видимый вклад в различные области гуманитарной науки. Приверженность исследовательской работе была характерна и для тех выпускников, кто в своей профессиональной сфере напрямую был связан с учреждениями науки: они публиковали научные статьи, выступали соавторами сборников и организаторами археологических раскопок. Нельзя не отметить весомый, пусть и менее заметный вклад выпускников факультета в развитие среднего образования; десятки универсантов преподавали во множестве столичных и провинциальных гимназий и училищ, что подтверждается и приведенными нами статистическими показателями. Несмотря на то что число выпускников-чиновников было сравнительно велико (особенно в конце XIX в.), нам не удалось выявить больше впечатляющих карьер, построенных историками и филологами на государственной службе. Очевидно, в сравнении с юридическим факультетом историко-филологический не давал необходимой базы для успешной карьеры бюрократа. Впрочем, нужно учитывать и то, что выпускников факультет давал почти в десять раз меньше. В этом смысле историко-филологический факультет, опять-таки уступая юристам численно, в «душевом соотношении», играл, пожалуй, ведущую роль в университетском освободительном движении, готовя не только чиновников для умирающей империи, но и ее гробовщиков-революционеров, ставших элитой нового, уже советского общества. Однако нельзя не отметить, что социальная трансформация революции и Гражданской войны оказалась для большинства его питомцев, как и для старой элиты в целом, крайне болезненной. Она не только оборвала многие чиновные карьеры, но и нанесла удар по жизни и творческим судьбам ряда выдающихся выпускников факультета, составивших ему научную славу.

-
- ¹ Наиболее важными источниками в этом отношении для нас являлись каталоги и дела РГИА (Ф. 733) и ЦГИА СПб (Ф. 14. Оп. 3), а также справочники «Весь Санкт-Петербург / Петроград / Ленинград» (СПб.; [Пг.; Л.], 1895–1934).
 - ² См. подробнее: *Ростовцев Е. А., Баринов Д. А. Историко-филологический факультет Петербургского университета: проблемы коллективной биографии (1819–1917)* // Клио. 2013. № 10 (82). С. 36–41.
 - ³ Сост. по: Годичный акт. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1895–1904 гг. СПб., 1896–1905.
 - ⁴ См.: *Ростовцев Е. А., Баринов Д. А. Выпускники возрожденного Санкт-Петербургского университета (1823–1833 гг.): опыт просопографического исследования* // Вопросы истории. 2023. № 10-2. С. 38–39; Университетский вопрос (Извлечение из материалов, собранных отделом Высочайше учрежденной комиссии для пересмотра Общего Устава российских университетов, при посещении их в сентябре, октябре и ноябре 1875 года) // ЖМНП. 1876. Ч. CLXXXVII. Отд. IV. С. 134–135.

- ⁵ См. подробнее: *Ростовцев Е. А., Баринов Д. А., Сосницкий Д. А.* Юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета (1819–1917): опыт коллективной биографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14: Право. 2015. Вып. 4. С. 112–127.
- ⁶ См., например: Обозрение преподавания наук на Историко-филологическом факультете Императорского С.-Петербургского университета в осеннем полугодии 1900 года и весенним полугодии 1901 года. СПб., 1900.
- ⁷ Предисловие // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 2: Петербургский-Петроградский университет 1895–1917. Л., 1982. С. 9–11.
- ⁸ *Бондаревская Т. П.* Большевистская организация университета в революции 1905–1907 гг. // Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979. С. 71–72.
- ⁹ *Ростовцев Е. А., Баринов Д. А.* Выпускники возрожденного Санкт-Петербургского университета (1823–1833 гг.): опыт просопографического исследования // Вопросы истории. 2023. № 10-2. С. 45.
- ¹⁰ См. подробнее: *Бутякова Т. А., Вербовский М. Н.* Борис Александрович Тураев — служение науке и Церкви // Христианское чтение. 2014. № 2–3. С. 101–138.
- ¹¹ *Фролов Э. Д.* Сергей Александрович Жебелев (1867–1941) // Античное общество: проблемы политической истории. СПб., 1997. С. 194–212.
- ¹² См. подробнее: *Алеврас Н. Н.* Василий Иванович Веретенников: историк Петербургской школы как актор науки и диссертационной культуры // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 2. С. 145.
- ¹³ См.: *Степанов С. В.* Историк, писатель, археолог Александр Эдуардович Мальмгрен // Мальмгрен А. Э. К вопросу о названиях населенных и других мест Санкт-Петербургской губернии: Материалы для словаря. Луга, 2014. С. 30–34.
- ¹⁴ *Раковский Д. О., Ростовцев Е. А.* Петров Александр Васильевич // Биографика СПбГУ. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/2668-petrov-aleksandr-vasilevic.html> (дата обращения 21.03.2024).
- ¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 171. Оп. 2. Д. 3985. Л. 31 об.
- ¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 320. Оп. 1. Д. 750. Л. 6, 12 об.
- ¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 171. Оп. 2. Д. 3975. Л. 75 об.
- ¹⁸ *Шилов Л. А.* Ордин Борис Кесаревич // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры: Биографический словарь. URL: https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=674 (дата обращения 21.03.2024).

References

- ALEVRAAS, N.N. Vasilii Ivanovich Veretennikov: istorik Peterburgskoi shkoly kak aktor nauki i dissertatsionnoi kul'tury [Vasily Ivanovich Veretennikov: Historian of the St. Petersburg School as an Actor in Science and Dissertation Culture. In Russ.]. In *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii*. 2016. No. 2, pp. 144–157.
- BONDAREVSKAYA, T.P. Bol'shevistskaya organizatsiya universiteta v revolyutsii 1905–1907 gg. [Bolshevik Organization of the University in the Revolution of 1905–1907. In Russ.]. In Sladkevich, N.G. (Ed.) *Peterburgskii universitet i revolyutsionnoe dvizhenie v Rossii*. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1979. P. 67–92.
- BUTYAKOVA, T. A., VERBOVSKYY, M. N. Boris Aleksandrovich Turaev — sluzhenie nauke i Tserkvi [Boris Aleksandrovich Turaev — Service to science and the Church. In Russ.]. In *Khristianskoe chtenie*. 2014. No 2–3, pp. 101–138.
- FROLOV, E. D. Sergei Aleksandrovich Zhebelev (1867–1941). In Russ. In Frolov, E. D. (Ed.) *Antichnoe obshchestvo: problemy politicheskoi istorii*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 1997. P. 194–212.

Predisloviye [Preface]. In Mavrodiin, V. V., Ezhov, V. A. (Eds.) *Leningradskii universitet v vospominaniyakh sovremenников. Vol 2: Peterburgskii-Petrogradskii universitet 1895–1917*. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1982. P. 9–11.

RAKOVSKY, D. O., ROSTOVTSEV, E. A. Petrov Alexander Vasilevich. In *Biography of St. Petersburg State University*. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/2668-petrov-aleksandr-vasilevic.html> (access date: 21.03.2024)

ROSTOVTSEV, E. A., BARINOV, D. A. Istoriko-filologicheskii fakul'tet Peterburgskogo universiteta: problemy kollektivnoi biografii (1819–1917) [Historical and Philological Faculty of St. Petersburg University: Problems of Collective Biography (1819–1917)]. In Russ.]. In *Klio*. 2013. No. 10 (82), pp. 36–41.

ROSTOVTSEV, E. A., BARINOV, D. A. Vypuskniki vozrozhdennogo Sankt-Peterburgskogo universiteta (1823–1833 gg.): opyt prosopograficheskogo issledovaniya [Graduates of the Revived St. Petersburg University (1823–1833): an Experience of Prosopographical Research. In Russ.]. In *Voprosy istorii*. 2023. No 10-2, pp. 38–39.

ROSTOVTSEV, E. A., BARINOV, D. A., SOSNITSKIY, D. A. *Yuridicheskii fakul'tet Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta (1819–1917): opyt kollektivnoi biografii* [Law Faculty of the Imperial St. Petersburg University (1819–1917): An Experience of Collective Biography. In Russ.]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. 14: Pravo. 2015. Vol. 4, pp. 112–127.

SHILOV, L. A. Ordin Boris Kesarevich. In Russ. In *Employees of the RNB — Figures of Science and Culture: Biographical Dictionary*. URL: https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=674 (date of access 21.03.2024).

STEPANOV, S. V. Istorik, pisatel', arkheolog Aleksandr Eduardovich Mal'mgren [Historian, writer, archaeologist Alexander Eduardovich Malmgren. In Russ.]. In Mal'mgren, A. E. *K voprosu o nazvaniyakh naseleennykh i drugikh mest Sankt-Peterburgskoy gubernii: Materialy dlya slovarya*. Luga, 2014. P. 30–34.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Д. А. Баринов, Е. А. Ростовцев. Выпускники историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета рубежа XIX–XX вв.: коллективный портрет и карьерные перспективы // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 62–73

Аннотация: Санкт-Петербургский университет на протяжении всего имперского периода являлся не только крупнейшим научным и образовательным центром страны, но и местом подготовки политической и культурной элиты, важнейшим источником формирования отечественной интеллигенции. В настоящем исследовании рассматривается роль историко-филологического факультета столичного университета в этом процессе. Главным методом исследования для авторов стало составление коллективной биографии выпускников факультета, изучение их карьерных путей, социального состава и т. д. В качестве выборки были взяты выпуски рубежа XIX–XX вв. (1895–1904 гг.). В ходе анализа удалось установить, что дальнейшие профессиональные пути выпускников развивались тремя основными путями: чиновничья карьера, карьера преподавателя гимназий / училищ и научная карьера, связанная, как правило, с работой в высшей школе или Академии наук. При этом количество педагогов и ученых среди выпускников росло, а количество бюрократов падало. Однако многие из тех, кто выбрал карьеру в государственном аппарате, не бросали научных штудий, продолжая публиковать работы, сборники или организовывать экспедиции. В статье также приводятся сравнения с аналогичными показателями по остальным факультетам: юридическому, физико-математическому и восточных языкам. Одной из задач, поставленных в статье, было выявление связей, обретенных студентами во время учебы и сыгравших роль в дальнейшей карьере выпускников. Анализ биографий показал, что наибольшую роль связи играли при построении академической и политической карьеры, где узы студенческой дружбы могли быть важным подспорьем.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский университет, историко-филологический факультет, история высшей школы, история элит.

FOR CITATION

D. A. Barinov, E. A. Rostovtsev. Graduates of the faculty of history and philology of St. Petersburg University at the turn of the 19th–20th centuries: Collective portrait and career prospects // Petersburg historical journal, no. 1, 2025, pp. 62–73

Abstract: Throughout the imperial period, St. Petersburg University functioned not only as the largest scientific and educational center in the country, but also as a training ground for the political and cultural elite, thus serving as the most significant source for the formation of the domestic intelligentsia. This study examines the role of the historical and philological faculty of the capital's university in the formation of the national elite. The primary research method employed by the authors involved the compilation of a collective biography of faculty graduates, encompassing an analysis of their career trajectories, social compositions, and other relevant factors. A sample of issues from the turn of the 19th–20th centuries (1895–1904) was taken for analysis. The analysis revealed that the further professional paths of graduates developed in three main ways: a bureaucratic career, a career as a teacher in gymnasiums and colleges, and a scientific career, usually associated with work in higher education or the Academy of Sciences. Concurrently, the proportion of teachers and scientists among the graduate population increased, while the proportion of bureaucrats decreased. However, many individuals who opted for careers in the government apparatus did not forsake scientific studies, continuing to publish works, compilations, or organise expeditions. The article also provides comparisons with analogous indicators for other faculties, including law, physics, mathematics, and oriental languages. One of the objectives assigned to the article was to identify the connections that students established during their studies and that influenced the trajectory of their future careers. A thorough analysis of biographies revealed that these connections played a pivotal role in the development of academic and political careers, where the ties of student friendship could prove to be a significant asset.

Key words: St. Petersburg University, Faculty of History and Philology, history of higher education, history of elites.

Автор: Баринов, Дмитрий Андреевич — к. и. н., доц., научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Barinov, Dmitry Andreevich — PhD in History, Researcher, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

E-mail: barinovdima1990@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3592-8557

Автор: Ростовцев, Евгений Анатольевич — д. и. н., доц., профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Rostovtsev, Evgeny Anatolyevich — Dr. of History, Associate Professor, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

E-mail: eugene.rostovtsev@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5833-448X

А. А. Сорокин

Дискуссии об организации земского самоуправления в Сибири в начале XX в.*

К началу XX в. проблема расширения географии земского самоуправления была одной из обсуждаемых в рамках дискуссии о дальнейших направлениях развития земского законодательства. Уже после принятия нового Положения о земских учреждениях в 1890 г. Министерство внутренних дел инициировало рассмотрение ряд вопросов, связанных с возможной корректировкой земской избирательной системы, преобразованием городов в отдельные земские единицы, а также с распространением Земского положения на другие губернии. И хотя само Министерство планировало распространить его действие в первую очередь на юго-запад империи, либеральная общественность ожидала, что земское самоуправление появится и в сибирских губерниях.

Данная проблема нашла свое отражение в целом ряде исследований, однако большая часть из них посвящена либо обсуждению проектов учреждения земства в Сибири в период думской монархии¹, либо учреждению и деятельности сибирских земств, возникших уже в 1917 г. при Временном правительстве². Отдельные статьи посвящены не столько анализу проектов, сколько постановке проблемы³. При этом из поля зрения исследователей фактически выпали труды местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйствен-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10037, <https://rscf.ru/project/24-78-10037>. The study was carried out at the expense of a grant Russian Science Foundation, project no. 24-78-10037, <https://rscf.ru/en/project/24-78-10037/>.

ной промышленности, действовавших в том числе и на территории сибирских губерний в 1902–1903 гг. (частично этот материал был привлечен в статье Н. Г. Суворовой⁴). Помимо представлений об отношении к проблеме сибирского земства представителей провинции, эти труды ценные в том числе и проектами организации избирательной системы земских учреждений в Сибири.

Отметим, что уже после пересмотра Положения о земских учреждениях Н. М. Ядринцев в 1892 г. высказывался за необходимость введения выборного земства в Сибири: «Там, где администрация, как убеждает трехсотлетний опыт, употребляет тщетные усилия к искоренению злоупотреблений, естественней всего обратиться к самоуправлению и дать больший простор ему, создав из него самый действительный контроль»⁵.

За несколько лет до учреждения местных комитетов «Вестник права» опубликовал статью, посвященную проблеме распространения Положения о земских учреждениях на окраины империи, в которой был поднят вопрос о необходимости унификации местного самоуправления (хотя и с критикой действовавшей земской избирательной системы): «Вместо пестрой амальгамы правовых институтов отдельных провинций современное государство выставляет идеал объединенного права, одинакового для всей территории, для всех ее жителей, — идеал имперского права»⁶. В «Русской мысли» отмечалось, что в настоящее время доминирует ошибочное представление о том, что, чем шире представительство крестьянского землевладения в земстве, тем менее оно влияет на развитие земского хозяйства, в то время как практика доказывает обратное. При этом делался вывод, что следование этой догме существенно тормозит распространение земского самоуправления на Сибирь, поскольку там частное землевладение практически отсутствует⁷.

Издаваемый в Тобольске «Сибирский листок» в передовой статье одного из январских номеров 1893 г. подчеркивал, что Сибирь в дополнение к городскому самоуправлению нуждается в самоуправлении земском. Это заключалось из того, что при существовавшей местной системе управления каждый администратор вынужден быть и инициатором, и исполнителем любой местной деятельности при недостатке «вспомогательных учреждений»: «Должны существовать органы и учреждения для более мирского выражения общественной деятельности, учреждения, обладающие материальными средствами и некоторою властью для приведения в исполнение своих распоряжений»⁸.

Нижнеудинским комитетом (Иркутская губерния) отмечалось, что «введение земских учреждений в Сибири — дело самого недалекого будущего», поскольку именно с их появлением связывалась возможность решения важнейших хозяйственных задач⁹. Различные комитеты и их докладчики связывали с вопросом о земском самоуправлении решение таких проблем, как развитие ссудо-сберегательных и кредитных товариществ, борьба с песками, развитие кустарной промышленности, здравоохранения и образования, повышение качества статистики, вывод хозяйства из экономического кризиса¹⁰.

На уровне и уездных, и губернских комитетов идея учреждения земства в целом находила поддержку. Критика же ее сводилась в основном к тому, что в Сибири недостаточно образованных и способных вести земское дело людей (непременный член Тобольского губернского управления по крестьянским делам В. И. Лебедев отмечал, что в Тобольской губернии всего 0,34% населения составляет «культурное и способное к земскому самоуправлению», причем большая часть из этого числа приходится на духовенство), а появление новых сборов, необходимых для развития различных сфер, находящихся в земской ответственности, тяжким бременем ложет на местное население, которое и так имеет значительные недоимки¹¹.

Также томский вице-губернатор барон Д. Н. Дельвиг к числу недостатков выборного земства относил необходимость постоянной агитации как до, так и после выборов, которая мешает работать; зависимость от избирателей и неустойчивость положения выборных, которые «первый год только изучают дело, второй меряются с силами своих противников и на третий год более озабочены своим избранием, чем делами своего земского хозяйства». По его мнению, проще было бы организовать земство из назначаемых правительством лиц с обеспечением их достаточным жалованьем (однако Томский губернский комитет это предложение отверг)¹².

Сkeptически был настроен и крестьянский начальник А. А. Райский, отметивший, что в селах мало интеллигенции, в результате чего гласными земских собраний «явились бы исключительно крестьяне, в большинстве неграмотные и мало умственно развитые», а состав земских управ вообще будет трудно сформировать, поэтому земство в таких условиях легко может стать учреждением «бесполезным», а то и «прямо вредным для общественных интересов»¹³.

Вместе с тем Иркутский губернский комитет в своем решении подчеркивал, что в губернии достаточен потенциал для формирования земских органов, в том числе и среди инородческого населения, где «найдется достаточное количество людей, способных с пользою для дела принять участие в земской работе», а опыт земского самоуправления схожей по условиям Вятской губернии только подтверждает возможность успешной деятельности земства в Сибири¹⁴.

Об этом же говорили на заседаниях Томского губернского комитета агроном И. К. Окулич и присяжный поверенный П. В. Вологодский, апеллировавшие к опыту земств Пермской, Вятской и Вологодской губерний и отмечавшие, что земство будет «школой для населения, которая научит население ближе интересоваться своими делами, деятельнее ими заниматься, сознательнее относиться к своим интересам». Их поддержал непременный член губернского управления по крестьянским делам А. А. Барок, по мнению которого, будущее — за выборными институтами самоуправления, в которых большинство будут составлять «лица свободных профессий», постоянно проживающие в селах и хорошо знакомые с нуждами сельского населения и местными условиями. Он полагал, что недостатка в таких людях не должно быть, поскольку коренное крестьянское

население Сибири «в отношении умственного развития» выше крестьян других губерний, причем немало выходцев из местной крестьянской среды оканчивает средние и высшие учебные заведения¹⁵.

Что касается организации системы выборов, то в Змеиногорском комитете (Томская губерния) отмечалась необходимость широкого привлечения «интеллигентных тружеников и высоко образованных людей», а сами выборы предлагалось проводить не на основе ст. 16 и 24 Земского положения (как не соответствующих экономическим и социальным условиям губерний Сибири), а по ст. 84 Учреждения судебных установлений, т.е. из числа всех состоящих на государственной гражданской службе пятого и ниже классов (за исключением части чиновников судебного ведомства и прокуратуры, вице-губернаторов, чинов полиции, а также чиновников, занимающих должности казначеев), состоящих на местной службе по выборам городских обществ (за исключением городских голов), почетных мировых судей, волостных судей и должностных лиц крестьянского самоуправления (занимавших беспорочно не менее 3 лет должности волостных старшин, голов, сельских старост, а также бывших церковными старостами) и иных лиц, обладающих имущественным цензом (владельцы не менее 100 десятин земли или недвижимости стоимостью от 1 тыс. руб. в губернских городах и градоначальствах и от 500 руб. в прочих местах) или получающих жалованье или доход от капитала, торговли, промышленности (от 500 руб. в столицах и от 200 руб. в прочих местах)¹⁶.

Как и в земских губерниях, в Сибири оказалась популярна идея мелкой земской единицы. В Минусинском комитете (Енисейская губерния) мировой судья Д. Е. Лаппо предложил учредить в качестве ее выборных органов волостные собрания и управы. Однако его проект был похож скорее на адаптацию к местной действительности сразу двух положений — о земских начальниках и о земских учреждениях — и был выдержан в консервативном ключе. Волостные собрания предлагалось выбирать на 4 года из гласных от сельских обществ, выборных от волостного избирательного собрания (не более 1/5 от общего количества гласных; в состав самого избирательного собрания включались владельцы обложенной в волости земским сбором недвижимости, а также собственники торговых и промышленных предприятий), а также включать в их состав представителей казенных ведомств, духовенства, мирового судью и председателя и членов волостной управы. Председателем такого собрания становился крестьянский начальник, а управа (председатель и два члена) должна была избираться собранием¹⁷.

Уездное собрание избиралось по этому проекту волостными собраниями (от 3 до 5 гласных от волости) и также включало в себя значительное количество гласных по должности: крестьянских начальников уезда, представителей казенного управления, городского голову, по одному городскому гласному (по выбору думы), депутату от духовенства и мировому судье (по назначению от окружного суда). Управа (председатель и два члена) также избиралась собранием¹⁸.

Гласный Красноярской городской думы, будущий кадет Е. Г. Шольп представил Красноярскому комитету либеральный «Проект общих положений земских учреждений Енисейской губернии», который предполагал трехчленную земскую организацию (волость — уезд — губерния). Обязанности волостных сходов передавались волостному земству (при этом их исполнительный орган — управа — мог состоять из одного человека), горные округа губернии становились самостоятельными волостными земскими единицами (такой же статус получали и уездные города, а Красноярск становился уездной земской единицей; управление городскими земскими единицами организовывалось на началах Городового положения). Председателей созбраний и их товарищей (заместителей) предлагалось избирать из их состава. Уездное земское собрание избиралось волостными земствами, а губернское — уездными, при этом избираемыми в гласные могли стать не только члены этих созбраний, но и вообще все лица, имеющие право участия в волостных избирательных собраниях губернии (кроме того, в уездные гласные могли быть избраны гласные городских дум). Избирательная система приобретала следующую вертикаль: сельский избирательный сход — волостное избирательное собрание — волостное земское собрание — уездное земское собрание — губернское земское собрание. В состав волостных избирательных собраний включались уполномоченные от сельских сходов (по одному на 20 работников), плательщики земских налогов в размере, приходящемся в среднем на 10 надельных душ, представители духовенства и лица иных сословий, получившие высшее образование и прожившие в волости не менее года. В волостные гласные могли избираться как члены волостных избирательных собраний, так и иные плательщики земских налогов, имеющие высшее образование и проживающие в данном уезде не менее года. И активного, и пассивного избирательного права не имели чины полиции и прокуратуры, а также лица, лишенные прав состояния. Количество гласных определялось по формулам: волостных собраний — по 1 на 400 жителей обоего пола в волости, уездных — по 1 на 4 тыс. жителей уезда, губернских — по 1 на 10 тыс. жителей губернии¹⁹.

Сама идея волостной земской организации вызвала дискуссию, однако большинством была признана желательной²⁰. В проект Шольпа комитет внес некоторые корректизы. Право участия в сельском избирательном сходе для выбора уполномоченных получали выборные от сельских обществ, плательщики земских сборов в размере, равном сумме платежей такого количества крестьян, на которое приходится один избиратель, а также иные плательщики при удовлетворении образовательному цензу. Избираемыми в гласные могли стать не только члены нижестоящих земских собраний, но и вообще все лица, имеющие право участия в волостных избирательных собраниях губернии. Председателей созбраний предлагалось избирать из их состава и утверждать в должности правительством²¹.

Енисейский губернатор М. А. Плец полагал, что организация земского самоуправления должна строиться на началах Положения о земских учреждениях 1890 г. для европейских губерний. Однако большинство членов губернского комитета обратилось к постановлениям Красноярского комитета и согласилось, что необходимо ввести волостное земство (взамен сословного волостного управления), и приняло его проект с некоторыми изъятиями. Так, представление избирательного права по образовательному цензу было отвергнуто как несовместимое с земскими принципами. Губернатор и вице-губернатор И. Н. Сазонов активно выступали и против выборов председателей земских собраний — по их мнению, таковых следовало назначать правительством — но они оказались в меньшинстве²².

Дискуссионным оказался при этом вопрос о возможности введения земства в Туруханском крае Енисейской губернии (который занимал 2/3 ее площади), где русское население составляло только около 1/3 от общего числа жителей. Старший чиновник по составлению отводных записей В. Ю. Григорьев в качестве компромисса предлагал не производить от него выборов в уездное и губернское земство, отдав в этом отношении попечение о крае соседнему Енисейскому уездному земству, поскольку «трудно себе представить, чтобы какой-либо самоед или долганин явился гласным в уездном или губернском земстве». Однако полностью лишать земского самоуправления край только по причине преобладания инородческого населения, по его мнению, не стоило. В качестве аргументов приводились и наличие такового у зырян на территории Вологодской губернии, и богатство края, способное увеличить земский бюджет. Однако при голосовании все члены губернского комитета, кроме самого Григорьева, выступили против²³.

В Ишимском совещании (Тобольская губерния) возникла дискуссия о степени самостоятельности земства. Товарищ прокурора Б. Б. Васильев выступал за полностью выборный состав (включая председателя земского собрания), в то время как председатель комитета С. В. Соколов настаивал на том, что следует ориентироваться на существующее Земское положение и учитывать местные условия («крестьяне слишком пока неразвиты, для них нужно руководительство»). Поэтому он предлагал состав управ не выбирать, а назначать от правительства. Податный инспектор Д. Я. Клиновский вообще считал введение земства бесполезным: «Земство при условии работ в нем правительенных чиновников не изменило бы существующего положения, а культурного народа среди населения здесь нет»²⁴.

В Тобольском губернском комитете при обсуждении вопроса о волостном земстве также произошло столкновение позиций губернской администрации и остальных членов комитета. Председатель комитета, губернатор А. П. Лаппа-Старженецкий отмечал, что всесословность в губернии невозможна по причине практически полного отсутствия представителей других сословий, кроме крестьянского. Звучали речи и о том, что «лица зажиточные и интеллигентные

будут пользоваться всесословной волостью в своих интересах и во вред крестьянскому населению». Когда же вопрос об учреждении всесословной земской единицы был поставлен на баллотировку (большинство проголосовало за), губернатор, вице-губернатор и управляющий Казенной палатой отказались от участия в голосовании²⁵.

Тобольский вице-губернатор А. Н. Тройницкий направил в комитет особое мнение, в котором подверг критике сторонников всесословного волостного земства как лиц, обнаруживших «полное незнание самых главных основ земских учреждений» и заявил, что тем самым в земстве окажутся сельские кулаки и мироеды — «элемент крайне вредный в деревне вообще и в земском деле в особенности»²⁶.

Товарищ председателя Томского сельскохозяйственного общества В. Г. Пудовиков предложил проект, основанный не на имущественном, а на налоговом цензе, поскольку первый устраниет значительное количество непосредственно связанных с местностью плательщиков (торговцев и промышленников, арендаторов и т. д.). Это объяснялось тем, что, во-первых, в Сибири практически нет частного землевладения, а, во-вторых, «всякий плательщик сборов имеет несомненное право знать, на что этот сбор расходуется, и выбирать тех лиц, которым поручается расходование этих сборов». При этом, чтобы обеспечить должную квалификацию земских собраний, в которых будет значительное количество крестьян, планировалось предоставить пассивное избирательное право на иных по сравнению с действовавшим Положением 1890 г. основаниях, а именно: ввести для избираемых из числа плательщиков образовательный ценз (не ниже сельского училища) и предоставить возможность избираться тем, кто не имеет нужного налогового ценза, но окончил среднее или высшее учебное заведение и постоянно проживает в данной волости (или уезде) не менее 3–4 лет. Это должно было привлечь «ту интеллигенцию, которой у нас в деревне нет, но которая будет вести земское дело вполне разумно и с полным знанием местных нужд». В связи с этим организация выборов уже не требовала бы разделения на избирательные собрания и съезды: автор проекта предлагал выбирать уполномоченных на всесословных сельских сходах, из числа которых на всесословных волостных сходах избирались бы гласные. Представительство от каждой волости определялось бы в этом случае размером доли в общей сумме поступающих от волостей в земские доходы уезда сборов. В связи с отсутствием предводителей дворянства должность председателя земского собрания становилась бы выборной, как в городском самоуправлении²⁷.

Эта схема вызвала дискуссию. В частности, председатель Томского губернского комитета, губернатор князь С. А. Вяземский выступил против налогового ценза как основы избирательного права, полагая достаточными нормы существующего Земского положения. По его мнению, едва ли желательно было бы вводить в состав земства различных торговцев — «элементы чисто случайные, не имеющие прочных связей с земством только потому, что они уплатили зем-

ский налог». Также он был против предоставления пассивного избирательного права лицам, не имеющим имущественного ценза, находя это противоречием земской идее²⁸.

С этой точкой зрения был согласен и непременный член губернского управления по крестьянским делам А. В. Дуров, считавший, что интересы торговцев нередко противоречат интересам главных плательщиков. Сомневался он и в целесообразности введения образовательного ценза, считая, что это может привести к исключению из числа гласных значительного количества крестьян²⁹.

По итогам дебатов Томский губернский комитет постановил, что в земских выборах могут принимать участие лица, отнесенные по Положению 1890 г. ко 2-му избирательному собранию, а также крестьянские общества и владельцы фабрик и заводов, построенных на арендованной земле. Каких-либо дополнительных ограничений по пассивному избирательному праву решено было не вводить. Вместе с тем допускалось избрание в гласные лиц без ценза, которые имели среднее или высшее образование и длительное время проживали в данной местности. Избрание председателей распорядительных органов должно было происходить по правилам Положения 1890 г. для тех губерний, в которых не имеется поместного дворянства. Также была принята поправка чиновника особых поручений Томской казенной палаты И. Е. Овсянкина о предоставлении права избираться на должность председателя земской управы крестьянам (поскольку требования к кандидатам на эту должность по Положению 1890 г. были высокими, а крупные торговцы и промышленники вряд ли согласились бы занять эту должность, малопривлекательную для владельцев крупных состояний)³⁰.

В четырех сибирских губерниях введение земского самоуправления поддержали Ачинский, Барнаульский, Енисейский, Змеиногорский, Красноярский, Кузнецкий уездные комитеты, Ишимское, Курганское, Тюменское и Ялуторовское уездные совещания, а также все четыре губернских комитета³¹. При этом для одних проектов было характерно стремление к либерализации состава земства за счет предоставления избирательного права по образовательному цензу, выборного характера должности председателя земского собрания, введения в систему земства волостной организации и перехода от имущественного ценза к налоговому (проекты В. Д. Пудовикова и Е. Г. Шольпа). К либеральным проектам можно отнести и постановления Змеиногорского комитета (Томская губерния), предоставлявшего возможность организации представительства от разных кругов (представители городского и крестьянского самоуправления, чиновники, торговцы, промышленники, интеллигенция, собственники недвижимости) и Ялуторовского совещания (Тобольская губерния) о введении земства на основе Положения 1864 г.³² Для представителей же губернских администраций идеалом виделись нормы Положения 1890 г.: разночинцы были для них чуждым земству элементом, к тому же возможность назначения на ключевые земские должности должна была обеспечить подконтрольность губернской

власти. Отчасти эти идеи нашли свое отражение в проекте Д. Е. Лаппо, по которому вся инициатива в земстве в основном принадлежала бы не выборным, а входящим в состав земских собраний по должности представителям администрации и связанным с ней лицам.

- ¹ Тресвятский Л. А. Общественность и местное самоуправление в Восточной Сибири в начале XX века. Томск, 2010; Угрюмова М. В. Думские и правительственные проекты 1907–1917 гг. — источники по изучению истории реформы земского самоуправления в Сибири // Вестник Нижневартовского государственного гуманитарного университета. 2011. № 1. С. 60–70; Шевцов В. В. Вопрос о самоуправлении в Сибири в период революции 1905–1907 гг. // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2012. № 4 (20). С. 138–142.
- ² Анкушева К. А., Бочanova Г. А., Дегальцева Е. А., Кириллов А. К., Ноздрин Г. А., Шиловский М. В., Ус Л. Б. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века / Отв. ред. М. В. Шиловский. Новосибирск, 2006; Сечайко О. Ю. Земство в Восточной Сибири, 1917–1920 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2001.
- ³ Тригуб Г. Я. Проблема введения земства на Востоке России (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 318. С. 133–135; Иванов А. А., Андреев В. В. Проект И. И. Попова о введении земств в Сибири, выработанный в Иркутске накануне первой русской революции // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2017. Т. 22. С. 102–109.
- ⁴ Либуркин В. Н. Деятельность местных комитетов Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и их влияние на развитие общественно-политической жизни Сибири начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988; Суворова Н. Г. Мелкая земская единица в сибирских проектах начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296. С. 125–131.
- ⁵ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Изд. 2-е. СПб., 1892. С. 532.
- ⁶ Л. Введение земских учреждений на окраинах // Вестник права. 1899. № 1. С. 121.
- ⁷ Бирюкович В. В. Земский вопрос в неземских губерниях // Русская мысль. 1899. Кн. VIII. С. 101, 106.
- ⁸ Сибирский листок. 1893. 28 января.
- ⁹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. LV: Иркутская губерния. СПб., 1903. С. 84.
- ¹⁰ То же. Т. LVI: Томская губерния. СПб., 1904. С. 12, 38, 90–91, 160, 216; То же. Т. LIV: Енисейская губерния. СПб., 1903. С. 12, 35–36, 42, 77.
- ¹¹ То же. Т. LV: Иркутская губерния. СПб., 1903. С. 11–12; То же. Т. LVI: Томская губерния. СПб., 1904. С. 8; То же. Т. LIII: Тобольская губерния. СПб., 1903. С. 63.
- ¹² То же. Т. LVI: Томская губерния. СПб., 1904. С. 170–171.
- ¹³ То же. Т. LVI: Томская губерния. СПб., 1904. С. 172–173.
- ¹⁴ То же. Т. LV: Иркутская губерния. СПб., 1903. С. 12.
- ¹⁵ То же. Т. LVI: Томская губерния. СПб., 1904. С. 8–9.
- ¹⁶ То же. Т. LVI: Томская губерния. СПб., 1904. С. 240–241.
- ¹⁷ То же. Т. LIV: Енисейская губерния. СПб., 1903. С. 279–281.
- ¹⁸ Там же. С. 281–282.
- ¹⁹ Там же. С. 196–197.
- ²⁰ Там же. С. 142–143, 148.
- ²¹ Там же. С. 170–172.

- ²² Там же. С. 50–52.
- ²³ Там же. С. 53–54, 57.
- ²⁴ То же. Т. LIII: Тобольская губерния. СПб., 1903. С. 270–271, 305.
- ²⁵ Там же. С. 53.
- ²⁶ Там же. С. 58.
- ²⁷ То же. Т. LVI: Томская губерния. СПб., 1904. С. 164–167.
- ²⁸ Там же. С. 171–172, 174.
- ²⁹ Там же. С. 172.
- ³⁰ Там же. С. 172, 174–175.
- ³¹ Там же. С. 175, 219, 241, 260; То же. Т. LIV: Енисейская губерния. СПб., 1903. С. 49, 70, 89, 148–149; То же. Т. LV: Иркутская губерния. СПб., 1903. С. 12; То же. Т. LIII: Тобольская губерния. СПб., 1903. С. 53, 271, 337, 414, 426.
- ³² То же. Т. LIII: Тобольская губерния. СПб., 1903. С. 426.

References

- ANKUSHEVA, K.A., BOCHANNOVA, G.A., DEGAL`TSEVA, E.A., KIRILLOV, A.K., NOZDRIN, G.A., SHILOVSKII, M.V., US, L.B. *Istoriya obshchestvennogo samoupravleniya v Sibiri vtoroj poloviny` XIX – nachala XX veka* [The History of Public Self-Government in Siberia in the Second Half of the XIX – Early XX Century. In Russ.] / otv. red. M. V. Shilovskii. Novosibirsk, 2006. 352 p.
- IVANOV, A.A., ANDREEV, V.V. Proekt I. I. Popova o vvedenii zemstv v Sibiri, vy`rabotannyi v Irkutiske nakanune pervoi russkoi revolyutsii [I. I. Popov's Project on the Introduction of Zemstvos in Siberia, Developed in Irkutsk on the Eve of the First Russian Revolution. In Russ.]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiozedenie»*. 2017. Vol. 22, pp. 102–109.
- LIBURKIN, V.N. *Deyatel`nost` mestnykh komitetov Osobogo Soveshchaniya o nuzhdakh sel`skokhozyajstvennoi promy`shlennosti i ikh vliyanie na razvitiye obshchestvenno-politicheskoi zhizni Sibiri nachala XX v.* [The Activities of Local Committees of a Special Meeting on the Needs of the Agricultural Industry and their Impact on the Development of Socio-Political Life in Siberia at the Beginning of the Twentieth Century. In Russ.]: Avtoref. diss. ... kandidata istorii. Moscow, 1988. 16 p.
- SECHEIKO, O. YU. *Zemstvo v Vostochnoi Sibiri, 1917–1920 gg.* [Zemstvo in Eastern Siberia, 1917–1920. In Russ.]: Diss. ... kandidata istorii. Irkutsk, 2001. 208 s.
- SUVOROVA, N. G. Melkaya zemskaya edinitsa v sibirskikh proektakh nachala XX v. [Small Zemstvo Unit in Siberian Projects of the Early Twentieth Century. In Russ.]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007. No 296, pp. 125–131.
- TRESVYATSKII, L.A. *Obshchestvennost` i mestnoe samoupravlenie v Vostochnoi Sibiri v nachale XX veka* [The Public and Local Self-Government in Eastern Siberia at the Beginning of the Twentieth Century. In Russ.]. Tomsk, Izdatel`stvo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta, 2010. 184 p.
- TRIGUB, G.YA. Problema vvedeniya zemstva na Vostoche Rossii (konets XIX – nachalo XX v.) [The Problem of the Introduction of Zemstvo in the East of Russia (Late XIX – Early XX Century). In Russ.]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. No 318, pp. 133–135.
- UGRYUMOVA, M.V. Dumskie i pravitel`stvennye proekty 1907–1917 gg. – istochniki po izucheniyu istorii reformy zemskogo samoupravleniya v Sibiri [Duma and government projects 1907–1917 – sources for the study of the history of the reform of zemstvo self-government in Siberia. In Russ.]. In *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 2011. No 1, pp. 60–70.
- SHEVTSOV, V.V. Vopros o samoupravlenii v Sibiri v period revolyutsii 1905–1907 gg. [The Question of Self-Government in Siberia During the Revolution of 1905–1907. In Russ.]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya»*. 2012. No 4 (20), pp. 138–142.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. А. Сорокин. Дискуссии об организации земского самоуправления в Сибири в начале XX в. // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 74–84

Аннотация: В статье впервые рассматриваются дискуссии вокруг учреждения выборного земского самоуправления в Сибири, а также проекты по организации земской избирательной системы в сибирских губерниях и областях в начале XX в. Исследование выполнено на материалах трудов местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Автор выделяет сущность и содержание отношения сибирской общественности к институту выборного земского самоуправления. Приводятся доводы сибирских чиновников в пользу введения принципа назначения в земском самоуправлении в Сибири. Показывается отношение авторов проектов и участников дискуссий в местных комитетах к проблеме сословного состава потенциальных избирателей. Выделяются позиции по проблеме избирательного права и предложения по его расширению за счет налогового и образовательного цензов. Анализируется отношение к национальному составу сибирских губерний и областей в контексте предоставления избирательных прав инородцам. Даётся характеристика избирательных прав сельского и городского населения в различных проектах организации земской избирательной системы. Рассматриваются позиции по отношению к организации мелкой земской единицы в связи со значительной удаленностью населенных пунктов в Сибири друг от друга.

Ключевые слова: земские выборы, земское самоуправление, земство в Сибири, избирательное право, имущественный ценз, мелкая земская единица, налоговый ценз, образовательный ценз, Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, Сибирь.

FOR CITATION

A. A. Sorokin. Discussions on the organization of *zemstvo* self-government in Siberia in the early 20th century // Petersburg historical journal, no. 1, 2025, pp. 74–84

Abstract: The article at first discusses the establishment of an elected *zemstvos'* self-government in Siberia, as well as projects on the organisation of a *zemstvos'* electoral system in Siberian provinces and regions in the early 20th century. The study was carried out on the materials of the proceedings of the local committees of the Special Council on the Needs of the Agricultural Industry. The author highlights the essence and content of the attitude of the Siberian public to the institution of elected *zemstvos'* self-government, and presents the arguments of Siberian officials in favour of introducing the principle of appointment in the *zemstvos'* self-government in Siberia. The attitude of the authors of the projects and participants in discussions in local committees to the problem of the class composition of potential voters is also demonstrated. The article goes on to highlight the positions on the issue of suffrage and proposals for its expansion at the expense of tax and educational qualifications. The analysis then shifts to the national composition of Siberian provinces and regions in the context of granting voting rights to foreigners, before concluding with a discussion of the characteristics of the electoral rights of rural and urban populations in various projects of the organisation of the *zemstvos'* electoral system. Finally, the article considers the organisation of a small *zemstvos'* unit in the context of the significant remoteness of Siberian settlements from each other.

Key words: *zemstvos'* elections, *zemstvos'* self-government, *zemstvo* in Siberia, electoral law, property qualification, small *zemstvos'* unit, tax qualification, educational qualification, Special Council on the Needs of the Agricultural Industry, Siberia.

Автор: Сорокин, Александр Анатольевич — к. и. н., доцент, ведущий научный сотрудник кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета (Нижний Новгород, Россия).

Author: Sorokin Alexander Anatolievich — PhD in History, docent, Leading Researcher of the Department of Foreign Regional Studies and Local History of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (National Research University) (Nizhny Novgorod, Russia).

E-mail: skaliger1989@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1710-0801

М. Д. Новиков

Девиации в процессе проведения внутренних государственных займов 1946–1957 годов в СССР*

Государственные займы в СССР были важной частью финансовой политики, однако в процессе их реализации возникали социальные ситуации, которые можно классифицировать как девиантные. В данном случае под девиацией следует понимать любое отклонение от нормативной рамки – как в положительную, так и в отрицательную стороны.

В современной историографии послевоенных займов раскрыто немалое количество экономических и социальных сюжетов¹, однако вопрос девиаций не рассматривался в рамках самостоятельного исследования.

Цель статьи состоит в выявлении девиаций в ходе осуществления кампаний внутренних государственных займов. Чтобы достичь этой цели, необходимо определить предлагаемые государством способы поведения для граждан и их практическое осуществление, а также выявить факторы, способствовавшие появлению девиаций.

Источниковой базой для исследования выступили документы, обнаруженные в фондах Государственного архива Российской Федерации (далее – ГА РФ), Российского государственного архива экономики (далее – РГАЭ), Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб), Центрального

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 23-78-01100 «Советские массовые займы 1946–1957 гг.: социальные аспекты государственной финансовой политики».

государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Среди использованных материалов – делопроизводственная документация (сводки о проведении займовых кампаний, справки о проведении кампаний в различных частях СССР, отчеты и спецсообщения о преступлениях против социалистической собственности, сводки о злоупотреблениях в системе сберкасс), письма граждан и т. д. Помимо этого, для раскрытия некоторых вопросов были привлечены сведения из периодических изданий.

Государство, проводя кампании займов, формально обозначало рамку нормативного поведения граждан. В газетах были опубликованы условия проведения займов, где указывались суммы подписки граждан. За период с 1946 по 1957 г. имелось три итерации минимального размера подписки: 1946–1952 – сумма, равная 3–4-недельному заработка; 1953–1956 – сумма, равная двухнедельному заработка; 1957 – сумма, равная двухнедельному заработка, а те, кто получал менее 500 руб. в месяц, могли не подписываться на заем. Эти условия были опорными для советских людей, однако в той же прессе восхвалялись те, кто подписывался на заем кратно больше установленного норматива. Нередко такими людьми были передовики производства, университетская профессура, деятели культуры и искусства². В партийных сводках о проведении кампаний подписки также часто фигурировали люди, подписавшиеся на суммы выше месячного заработка³. Их пример должен был мотивировать граждан с разным уровнем дохода на перевыполнение общих планов подписки, установленных партийно-государственными структурами.

Максимальный предел суммы подписки не был формально обозначен условиями выпуска займа, однако подписка по минимальному уровню тоже не была достаточной. В инструктивном письме Министерства финансов СССР от 8 марта 1947 г. № 2-6,2с встречается следующая цитата о лозунге «трехчетырехнедельный заработок – в заём»: «Этот лозунг нельзя рассматривать как обязательный минимум или как предел подписки каждого отдельного рабочего, служащего или крестьянина»⁴. Так закреплялся приоритет политической трактовки над правовой.

В 1955 г. размеры подписки на государственные займы среди городского населения стали дифференцировать в зависимости от размера заработка. Данные изменения существовали только в Инструкции Министерства финансов СССР № 182. По принятым в ней правилам, финансовые отделы и сберкассы были обязаны «не допускать» приема сверхсумм подписки от граждан в зависимости от уровня их заработка:

1. Те, кто получал до 700 руб. в месяц, – не более суммы трехнедельного заработка;
2. Те, кто получал свыше 700 руб. в месяц, – не более суммы месячного заработка;
3. Высокооплачиваемые работники, получавшие более 2000 руб. в месяц, – неограниченная сумма подписки⁵.

Появление подобных мер можно объяснить постепенным увеличением размера внутреннего государственного долга, поскольку к 1955 г. у граждан могло скопиться немалое количество облигаций, а отказываться от проведения займовых кампаний в тот момент никто не планировал. Вместе с тем никуда не исчезала необходимость выполнения плановых показателей, что также требовало от исполнителей на местах привлечения максимального количества денежных средств.

В СМИ продолжали сообщать о людях, которые подписывались свыше обозначенных нормативов, распространяли сведения о гражданах, которые получали выигрыши по займам и качественно улучшали условия жизни (строили личные дома, приобретали новые бытовые приборы, автомобили, мотоциклы). Подобная информационная картина способствовала закреплению у советских людей мысли о благотворности займов не только в создании общественных благ, но и об их выгодном влиянии на личный уровень жизни.

Пристальное внимание уделялось гражданам, имевшим несколько официальных источников заработка, а также членам ВКП(б)-КПСС, которые не подписывались на суммы, соответствующие уровню своего заработка⁶. Для подобных граждан отклонение от этой нормы, наоборот, не воспринималось позитивно.

Нарушение принципа добровольности подписки не оставалось без внимания граждан, о чем они неоднократно писали как в периодическую печать, так и в органы власти.

Иногда руководители предприятий и парторгии прибегали к преждевременной подписке граждан, чтобы к моменту официального начала кампании мог быть достигнут показатель, который был установлен для предприятия. Такая практика не одобрялась на самом высоком уровне, поскольку это квалифицировалось как нарушение принципа добровольности, однако оно не было уголовным. Если о каких-либо фактах нарушений становилось известно, то для регулирования включались методы партийной, дисциплинарной и административной ответственности. Нередко ответственные за проведение кампаний снимались со своих должностей, получали выговоры и предупреждения. Так, например, по итогам реализации займовой кампании 1952 г. в ряде районов Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики (ЧАССР) был объявлен строгий выговор председателю Крайно-Четайского райисполкома, а также были сняты с должностей отдельные заведующие районными финотделами и сберкассами⁷. Сотрудники сберкасс не обеспечили должный контроль над сбором средств и не смогли наладить работу с сельским и колхозным активом по вопросам оплаты подписки на заем, за что и потеряли свои должности. Совет министров РСФСР постановил объявить выговор за систематическое непоступление средств по займу председателю Совета министров ЧАССР и министру финансов ЧАССР и вынес предупреждение об их личной ответственности за сбор средств посредством займа на селе⁸.

При этом не исключалась возможность привлечения некоторых из отстранных работников к судебной ответственности за возникновение убытков или присвоение взносов по займу. Это чаще распространялось на бухгалтеров, кассиров, контролеров и заведующих сберкассами, а также на налоговых агентов. Наказание могло достигать 25 лет лишения свободы⁹.

Также одним из распространенных нарушений хода подписки была невыдача облигаций советским гражданам после оплаты. Благодаря письму начальника Управления военного строительства о невыдаче облигаций займа 1952 г. военная прокуратура обратила внимание на организацию Н. М. Павленко¹⁰.

Контроль над проведением займов в сельской местности был не менее пристальным, чем в городе. Подобная ситуация обусловлена разницей сбора средств по подписке. В городе предприятия, учреждения и организации контролировали перечисление средств через бухгалтерии, сберкассы и финансовые отделы, поэтому учет и проверка полного поступления денег по подписке была гораздо более институционализирована, чем в сельской местности, где функции по сбору средств займа были возложены на налоговых агентов. Уровень горизонтальных связей становился фактором, способствующим возникновению проблем, а сама роль налогового агента влекла высокий уровень риска, в том числе для жизни и здоровья исполнителя. Свидетельством опасности могут выступить сообщения Главного управления государственных трудовых сберкасс и государственного кредита СССР (ГУТСК и ГК СССР) о хищении у налоговых инспекторов и их помощников взносов по займу или облигаций. Только в ноябре 1948 г. в общесоюзной сводке о злоупотреблениях фигурировали 3 сообщения об ограблении касс налоговых агентов в УССР и ЛитССР¹¹.

Главными преступными девиациями были скупка облигаций по цене ниже номинала с последующим получением выигрышей, а также подделка облигаций. По статье 59.8 Уголовного кодекса РСФСР подделка государственных ценных бумаг наказывалась не ниже 3 лет лишения свободы для индивидуальных преступников и вплоть до применения высшей меры наказания, если она была учинена по предварительному сговору в виде промысла¹². В отличие от подделки ценных бумаг, скупка облигаций не имела фиксированного состава преступления. Только в 1951 г. Пленум Верховного суда СССР вынес постановление № 5/11/у «О квалификации скупки облигаций госзаймов по пониженным против номинала ценам», которое предполагало привлечение нарушителей к ответственности по статье 59.12 УК РСФСР и соответствующим статьям УК союзных республик¹³. Эта статья была связана с нарушением правил валютных операций. Ответственность за подобные нарушения предполагала лишение свободы сроком до 3 лет с конфискацией всего или части имущества¹⁴. Дополнительным документом, который регламентировал борьбу с данным явлением, была ориентировка «Об усилении борьбы со скупщиками облигаций» от 21 мая 1951 г.¹⁵

Оба вида преступлений были широко распространены, о чем свидетельствуют данные спецсообщений и справок Главного управления милиции МВД СССР.

Скупкой облигаций могли заниматься как отдельные граждане, так и организованные группы, в которых могли быть люди вполне уважаемых профессий (врачи, университетские преподаватели). В частности, в справке о результатах борьбы со спекуляцией за 1950 г. УБХСС ГУМ МВД СССР сообщило о привлечении к уголовной ответственности в Узбекской ССР врача Н. В. Шеина и его жену К. Д. Землянскую, которые занимались скупкой облигаций госзаймов из расчета 4,5–7,5 руб. за сторублевую облигацию, преследуя цель наживы на выигрышах. Шеин выигрывал в каждом тираже до 15 тыс. руб., а в ходе обыска у злоумышленников было обнаружено и изъято облигаций разных государственных заемов СССР на сумму 1478835 руб.¹⁶

Другим примером может послужить случай 1952 г.: лектор Ереванского политехнического института кандидат химических наук Г. Т. Галфаян с 1948 г. скапал облигации по стоимости 4–7 руб. за сторублевую облигацию. Всего в его квартире были обнаружены облигации на сумму 1620000 руб. До момента ареста он получил около 70 тыс. руб. выигрышей¹⁷.

В 1954 г. в ГУМ МВД СССР вышла ориентировка об агентурно-оперативных мероприятиях по борьбе с нелегальной скупкой облигаций госзаймов. В документе отражено немалое количество сведений о механизмах взаимодействия преступников, особенностях агентурной работы с правонарушителями, а также упоминаются успехи советской милиции в борьбе с ними. Выделяли мелких скупщиков облигаций и оптовиков. Мелкие работали на рынках, маскируясь под продавцов старых вещей или нищих, а если привлекали внимание правоохранительных органов или их агентов-информаторов, то уводили потенциальных покупателей за пределы рынков или в специальные места. Мелкие продавали облигации скупщикам-оптовикам, имея выгоду в 1–2 руб. с каждой сторублевой облигации. Оптовики часто приезжали в города проведения тиражей выигрышей, чтобы успеть реализовать ценные бумаги до публикации таблиц. Все невыигрышные облигации продавались другим скупщикам по более высоким ценам¹⁸. Авторы ориентировки отмечали, что некоторые граждане писали на облигациях свои имена, что способствовало установлению преступных связей, а также привлечению свидетелей к делам о скупке.

Несмотря на подробное описание процессов и практик, существовавших в деятельности скупщиков облигаций, милиция в данном документе не давала ответа на вопросы о том, почему скупка облигаций имела место в советском обществе и что побуждало людей продавать облигации государственных заемов. В подобных по характеру документах обычно сообщалось о том, какие новые или изощренные способы нарушения социалистического законодательства имели место, а итогом выступало предложение об усилении или активизации мер по борьбе со скупщиками облигаций с учетом описанного опыта.

Непосредственными преступлениями, направленными на сферу государственных ценных бумаг, были их подделка и скупка. Вместе с тем облигации займов и собранные по ним денежные средства становились объектом для краж и разбойных нападений. Их могли совершать как сотрудники системы сберкасс, так и другие преступники, что влекло за собой меры уголовной ответственности (изъятие и арест имущества, лишение свободы, высшая мера наказания). Информация о подобных нарушениях фиксировалась не только органами внутренних дел, но и ГУТСК и ГК СССР.

Органами внутренних дел у спекулянтов и других преступников часто изымались облигации госзаймов. Суммы были довольно высокими. К примеру, в 1949 г. сотрудники УБХСС изъяли у преступников облигаций займа 1947 г. на 7 345 866 руб., а в 1950 г. — на 13 815 886 руб.¹⁹, и это был далеко не предел, поскольку данные со временем уточнялись в сторону увеличения.

Подделка облигаций также была довольно широко распространена. В ГА РФ сохранилась книга учета таких облигаций за период с 1948 по 1953 г., поступавших в сберкассы различного уровня в разных концах СССР. Наибольшее число случаев было зафиксировано в Алтайском крае (41), Молдавской ССР (38), Свердловской области (33), Литовской ССР (29), Ростовской области (27), Станиславской области (26), Грузинской ССР (25), Киевской области (25), Латвийской ССР (24), Кемеровской области (20) и Эстонской ССР (20)²⁰. Среди облигаций, на которые обратили внимание сотрудники сберкасс, были представлены бумаги как военного времени, так и восстановления и развития народного хозяйства СССР (с 1947 по 1950 г.), конверсионного 2%-ного займа 1948 г., Внутреннего 3%-ного выигрышного займа, а также займов развития народного хозяйства СССР (выпуска 1951 г.).

Раскрытие дел о подделке облигаций осуществлялось как методами агентурной работы, так и благодаря бдительности работников сберкасс и комиссий по уничтожению ценностей. Примером дела, которое было раскрыто благодаря агентурной работе, может выступить история из г. Пензы. В ходе реализации материалов агентурного дела «Фальшивые» сотрудники УБХСС раскрыли в 1952 г. группу подделывателей облигаций из четырех человек, занимавшихся этим с 1946 г. Глава преступного сообщества В. Н. Зотов за это время подделал 28 облигаций, используя метод снятия верхнего слоя цифр серии облигаций и наклейки новых цифр. Один из участников группы получал выигрыши по поддельной ценной бумаге в г. Саратове. При попытке получить выигрыш по фальшивой облигации была поймана другая соучастница Зотова, но она не дала против него показаний, поэтому не удалось выйти на след преступника. К 1951 г. он усовершенствовал свой метод изменения цифр, для чего применял специальные кислоты, полученные у зубного врача, и изготовленные из алюминия нумераторы. К моменту сообщения об аресте Зотова были пойманы не все его сообщники, поэтому не все подробности дела были отражены в полном объеме²¹.

Примером ситуации, где бдительность проявили сотрудники системы сберкасс и комиссий по уничтожению тиражных ценностей, может стать ситуация в Хабаровской межобластной комиссии. В 1952 г. были обнаружены 7 поддельных облигаций, по которым в г. Александровске Сахалинской области в феврале и марте 1952 г. были выплачены выигрыши на сумму 3900 руб. Подделки были достаточно искусными, поэтому их анализом занимались специалисты Научно-исследовательского института криминалистики ГУМ МВД СССР. Они установили, что подделка была осуществлена путем полной подчистки целого участка с несколькими цифрами серий, подрисовкой линий защитной сетки и проставлением нужных цифр отдельными литерами типографского шрифта²². В ходе розыска преступников и агентурно-оперативной работы было установлено, что подделку осуществил художник-гравер М. П. Прилипко, осужденный Киевским облсудом в 1950 г. за подделку облигаций и приговоренный к 10 годам лишения свободы. Наказание он отбывал в 202-м саперном пункте строительства № 506 МВД СССР. Будучи художником в культурно-воспитательной части, Прилипко использовал свое положение и возобновил подделку облигаций на территории лагеря. Он передавал облигации вольнонаемным шоферам, которые с помощью подставных лиц предоставляли их в сберкассы Александровского и Кировского районов Сахалинской области. По 6 облигациям удалось получить 2400 руб. В ходе обыска у Прилипко были обнаружены еще 4 поддельных облигации, алюминиевые пластинки с цифрами, 2 ампулы спецкрасителя, валик для раскатки красителя, станок для закрепления цифр²³. Органы милиции и БХСС тщательно проверяли лиц, которые в силу особенностей профессиональной деятельности могли быть заподозрены в фальшивомонетчестве (фотографы, граверы, цинкографы, литографы и т. п.)²⁴.

Помимо скупки и подделки этих ценных бумаг встречалось и воровство погашенных облигаций. В частности, в этих правонарушениях могли быть замечены работники финансовых органов. Примером стал случай из Грузинской ССР. 29 ноября 1952 г. при очередном сжигании погашенных облигаций начальник отдела по проверке и уничтожению погашенных облигаций УГТСК министерства финансов Грузинской ССР Т. Ф. Кобрava лично вскрыл 2 запломбированных мешка с пакетами погашенных облигаций и похитил часть из них. Кобрava был членом КПСС, хотя в 1932 г. привлекался к уголовной ответственности за кражу. Преступник был задержан при выходе из здания министерства финансов Грузинской ССР. Хищением облигаций он занимался с 1951 г., в дело был вовлечен и его заместитель. Они планировали реализовывать погашенные облигации через работников сберкасс нескольких районов Грузинской ССР, чтобы повторно получать выигрыши²⁵.

Приведенные примеры не являлись единичными, они вполне явно демонстрируют как отношение граждан к облигациям, так и ряд организационных несовершенств займовых кампаний, которые отдельные лица использовали в преступных целях.

Несмотря на существование официальной нормы, государство стремилось закрепить позитивное девиантное поведение, но законодательная норма не полностью соответствовала требуемому политическому поведению.

Девиации, которые возникали в процессе реализации кампаний, с одной стороны, были порождены организационными несовершенствами их проведения, с другой стороны, демонстрировали сложности функционирования советской экономики в послевоенный период. Государству нужно было решать задачу пополнения государственного бюджета, но и провоцировать социальное недовольство оно тоже не могло, поэтому и сохранялась лотерейная модель получения выигрышей, а также демонстрировалось благотворное влияние средств, полученных в ходе займа, для всей страны. Если между сталинским и хрущевским периодом есть некоторые разлики в организационных особенностях реализации займов (суммы выигрышер, проведение подписки), то виды девиаций не менялись (подписка ниже или сверх нормы, скупка и подделка облигаций). Со временем уточнялись способы борьбы с преступлениями в сфере ценных бумаг, но не количество возможных видов правонарушений.

Для большинства советских граждан ценность самих облигаций была невысокой, потому что никаких способов распоряжения ими, кроме получения выигрыша или погашения, официально не существовало. Насущные проблемы и нехватка денег скорее подталкивали к их продаже скупщикам, предлагавшим реальные деньги, нежели ждать выигрыша, который мог и не прийти. Несовершенство государственной политики в данной сфере использовалось криминальными элементами в корыстных целях.

¹ См.: Козлов В. А., Козлова М. Е. Принуждение к добровольности: сваговцы и послевоенные займы // Маленький СССР и его обитатели. М., 2021. С. 113–126.; Клинова М. А. «Сегодня играю с министром финансов Зверевым в 1-й тираж 1-го займа»: проблематика выигрыша по займам в это-документах 1946–1957 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 137–146.; Сухарев А. Н. Послевоенные облигационные займы СССР: финансовая конструкция и особенности применения // Финансы. 2020. № 7. С. 57–64.; Forestier-Peyrat E., Ironside K. The Communist World of Public Debt (1917–1991): The Failure of a Countermodel? // A World of Public Debts. Palgrave Studies in the History of Finance. 2020. P. 317–345.

² Напр.: Яркая демонстрация единства // Ленинградская правда. 1948. 5 мая.

³ Например, председатель ленинградского отделения Союза художников СССР В. А. Серов под подписался в 1948 г. на сумму в 16 тыс. руб. (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 20. Д. 604. Л. 1).

⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-1853. Оп. 8. Д. 34. Л. 2.

⁵ Инструкция Министерства финансов СССР № 182 о порядке ведения городскими, районными финансовыми отделами и центральными сберегательными кассами расчетов, учета и отчетности по Государственному займу развития народного хозяйства СССР (выпуск 1955 года). М., 1955.

- ⁶ Например, в Ленинграде, в ходе подписки на заем 1949 г. известный писатель Ю. П. Герман и актер А. И. Райкин оформили ее ниже своего месячного заработка (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 54. Д. 26. Л. 137).
- ⁷ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 1390. Л. 2.
- ⁸ Там же. Л. 8.
- ⁹ РГАЭ. Ф. 7599. Оп. 20. Д. 526. Л. 64.
- ¹⁰ Хлевнюк О. В. Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. М., 2022. С. 146–148.
- ¹¹ РГАЭ. Ф. 7599. Оп. 20. Д. 526. Л. 42.
- ¹² Уголовный кодекс РСФСР (Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов). М., 1950. С. 50–51.
- ¹³ ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 820. Л. 67.
- ¹⁴ Уголовный кодекс РСФСР. С. 52.
- ¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 820. Л. 67.
- ¹⁶ Там же. Д. 819. Л. 25 об.–26.
- ¹⁷ Там же. Д. 827. Л. 236.
- ¹⁸ Там же. Оп. 5. Д. 178. Л. 172–178.
- ¹⁹ Там же. Оп. 3. Д. 819. Л. 23 об.
- ²⁰ Там же. Д. 813.
- ²¹ Там же. Д. 827. Л. 58.
- ²² Там же. Л. 263.
- ²³ Там же. Л. 275–276.
- ²⁴ Там же. Оп. 5. Д. 100. Л. 19.
- ²⁵ Там же. Оп. 3. Д. 830. Л. 28–29.

References

- Forestier-Peyrat É., Ironside K. The communist world of public debt (1917–1991): The failure of a countermodel? In Barreyre N., Delalande N. (eds.). *A World of Public Debts. Palgrave Studies in the History of Finance*. London: Palgrave Macmillan, 2020. P. 317–345.
- Khlevnyuk O.V. *Korporatsiya samovantsev. Tenevaya ekonomika i korruptsiya v stalinskom SSSR* [Corporation of impostors. The shadow economy and corruption in Stalin's USSR. In Russ.]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. P. 146–148.
- Kozlov V.A., Kozlova M. E. Prinuzhdenie k dobrovol'nosti: svagovtsy i poslevoennye zaimy [Coercion to voluntariness: Svagovtsy and post-war loans. In Russ.] In *Malen'kii SSSR i ego obitateli*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. P. 113–126.
- Klinova M. A. “Segodnia igrau s ministrom finansov Zverevym v 1-i tirazh 1-go zaima”: problematika vyigrysha po zaimam v ego-dokumentakh 1946–1957 gg. [“Today I'm playing with finance minister Zverev in the 1st edition of the 1st loan”: the problems of winning loans in ego documents 1946–1957. In Russ.] In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2023. No. 486, pp. 137–146.
- Sukharev A.N. Poslevoennye obligatsionnye zaimy SSSR: finansovaia konstruktsiia i osobennosti primenienia [Post-War bonded loans of the USSR: Financial design and application features. In Russ.] In *Finansy*. 2020. No. 7, pp. 57–64.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

М. Д. Новиков. Девиации в процессе проведения внутренних государственных займов 1946–1957 годов в СССР // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 85–95

Аннотация: В статье исследуется проблематика девиаций в ходе проведения кампаний государственных внутренних займов 1946–1957 гг. в СССР. Существующие исследования не рассматривают данный сюжет как самостоятельный. Для работы был привлечен объемный массив документов из фондов федеральных и региональных архивов. Были проанализированы позитивные и негативные варианты девиантного поведения, а также затронуты особенности преступности в советской финансовой сфере. В ходе работы было выявлено, что девиации были обусловлены организационными несовершенствами займовых кампаний, где при существовании закрепленной государством нормы, само же государство провоцировало граждан на позитивные девиации, привлекая для этого средства информационного воздействия. В ситуациях, когда этого было недостаточно, использовались методы, которые не всегда можно было оценить как законные, но и непосредственной уголовной ответственности они за собой не влекли. Необходимость выполнения плановых заданий также требовала от исполнителей государственных решений определенной настойчивости, что также можно определить в рамках девиантного поведения. Кроме того, в статье описаны примеры преступлений, которые происходили в ходе проведения изучаемых массово-политических кампаний. Документы правоохранительных органов демонстрируют исследователям разнообразие способов нарушения социалистической законности, а также обширный перечень граждан из разных социально-профессиональных групп, прибегавших к преступным методам взаимодействия с советскими ценными бумагами. Однако в этих материалах почти не уделялось внимание причинам, побуждавшим граждан идти на подобные деяния, что также подчеркивает проблемный характер практики государственного заимствования в СССР.

Ключевые слова: государственные займы, девиации, облигации, СССР, мобилизационная экономика, нормативное поведение, преступность, социальная история.

FOR CITATION

M. D. Novikov. Deviations in the process of conducting internal government loans in the USSR in 1946–1957 // Petersburg historical journal, no. 1, 2025, pp. 85–95

Abstract: The present article investigates the problem of deviations during the state domestic loan campaigns of 1946–1957 in the USSR. Existing studies have not considered this subject as an independent one. To address this lacuna, an extensive array of documents from federal and regional archives was analysed. A comprehensive analysis was conducted, encompassing both positive and negative manifestations of deviant behaviour. Additionally, the study delved into the intricacies of criminal activities within the Soviet financial sector. The study revealed that deviations were caused by organisational imperfections in loan campaigns, where the state itself, by establishing a norm, prompted citizens to engage in positive deviations, using informational influence as means to this end. In instances where these measures proved ineffective, recourse was headed to methods that, while not always fully legal, did not constitute a breach of criminal law. The necessity to accomplish the designated objectives necessitated a degree of persistence from the actors responsible for implementing state directives, which can be conceptualised as deviant behaviour. Furthermore, the article provides a detailed exposition of criminal activities that were prevalent during the mass-political campaigns under scrutiny. The documents of law enforcement agencies demonstrate a variety of methods of violating socialist legality, as well as an extensive list of citizens from different socio-professional groups who resorted to criminal methods of interaction with Soviet security forces. However, these materials pay little attention to the reasons that motivated citizens to commit such acts, thereby emphasised the problematic nature of the practice of state borrowing in the USSR.

Key words: state loans, deviations, bonds, USSR, mobilization economy, normative behavior, crime, social history.

Автор: Новиков, Максим Дмитриевич — к. и. н., старший преподаватель Высшей школы общественных наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Novikov, Maxim Dmitrievich — PhD in History, Senior Lecturer, Graduate School of Social Sciences, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia).

E-mail: maximnovikov3@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4831-4063

Т. В. Кудрявцева

АбORTы и средства прерывания беременности в античных практике, общественном мнении и магии*

Проблема абортов, искусственного прерывания нежелательной беременности, была актуальна во все времена и остается таковой поныне. Контрацептивы и abortивные средства являлись и являются также важной формой контроля рождаемости¹. Очевидно, что осведомленность о том, как прерывается беременность, в значительной степени основывалась на знаниях и опыте по части выкидышей. Женщины экспериментировали с искусственным прерыванием нежелательной беременности с незапамятных времен.

То, что прерывание беременности — вещь опасная и чреватая различными осложнениями, в античном мире прекрасно знали и врачи, и широкая общественность. Вот, например, Плутарх в биографии спартанского законодателя Ликурга рассказывает, как беременная невестка Ликурга (жена его покойного брата — спартанского царя) предлагала вытравить плод, с тем чтобы Ликург стал царем, а ее взял в жены. Этот гнусный замысел возмутил Ликурга, так как он хотел честно передать престол племяннику, если родится мальчик, и он стал уговаривать злодейку, «не нужно-де истреблением плода и ядом увечить свое тело и подвергать опасности жизнь, а заботу о том, как поскорее убрать с дороги новорожденного, он, мол, берет на себя» (Plut. Lyc., 3; пер.

* Исследование выполнено в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена за счет гранта РНФ (Российского научного фонда) № 24-28-00515, <https://rscf.ru/project/24-28-00515/>

С. П. Маркиша). О тяжелых последствиях абортов рассуждает автор первой книги «О женских болезнях» Гиппократа корпуса: «Когда женщина получит большую рану вследствие выкидыша или когда матка изъязвлена едкими пессариями² <...> и когда плод будет изгнан», то женщину ждет в лучшем случае бесплодие, а если она «истощена и исхудала, она умирает» (*De mul. affect.*, I, 67; пер. В. И. Руднева).

В «Любовных элегиях» Овидия герой переживает за свою возлюбленную: «Бремя утробы своей безрассудно исторгла Коринна. И, обессилев, лежит. С жизнью в ней борется смерть. Втайне решилась она на опасное дело; я вправе гневаться... Только мой гнев меньше, чем страх за нее» (Am., II, 13, 1–4, пер. зд. и далее С. В. Шервинского). В следующей элегии из того же сборника поэт сетует на тех, кто себя «собственным ранят оружием, слепо берутся за меч, с жизнью враждуя своей», и желает, чтобы «та, что пример подала выбрасывать нежный зародыш, — / Лучше погибла б она в битве с самою собой» (Am., II, 14, 3–6). Эта тема и осуждение тех, кто утробу язвит «каким-то особым оружием» (*ibid.*, 27: *vestra quid effoditis subiectis viscera telis*) или травит «нерожденных детей ядом смертельный» (*ibid.*, 28: *et nondum natis dira venena datis*), проходят красной нитью через элегию. Овидий обосновывает свое неприятие абортов тем, что «сгинул бы с этаким злом весь человеческий род» (*ibid.*, 10), перечисляя знаменитых мифологических героев, кто в таком случае не появился бы на свет, включив и себя в этот список (*ibid.*, 13–22).

Поэт называет в качестве способа прерывания беременности хирургические инструменты и некие зелья (Ov. Am., II, 14, 27–28). В зависимости от предпринятых мер некоторые виды абортов были относительно безопасны, другие — нет, многое определялось мастерством и опытом того, кто брался за дело. Очевидно, что далеко не всегда женщина, решившаяся на искусственное прерывание беременности, обращалась к опытному специалисту — врачу или повивальной бабке. Она могла искать помощи и у личностей сомнительной компетенции, но не задающих неудобные вопросы. Среди последних, вероятно, оказывались и те, кто считался сведущим в магических зельях и практиках. Добровольными помощницами могли выступать и приятельницы, да и сама пожелавшая вытравить плод женщина, если была достаточно образована, способна была обойтись собственными силами, извлекая соответствующие знания из, к примеру, «Женских болезней» Сорана³.

Самый распространенный способ прерывания беременности — с помощью лекарственных средств, если судить по великому множеству упоминаемых в литературе снадобий и примочек. Популярность данного метода объясняется не только обилием сведений, но и тем, что здесь легко соблюдалась секретность⁴: травы можно брать с собственного огорода, прикупать на рынке, собирать в ближайшем лесу. Однако, как и другие abortивные средства, он мог быть опасным для здоровья женщины. В пятой книге «Эпидемий⁵» автор рассказывает об одном случае из своей практики: у жены Сима произошел выкидыш,

не то от плодогонного средства («что-то выпив»), не то сам по себе (*πιούσῃ τι ἢ αὐτόματον τοῦτο ξυνέβῃ*). У нее были рвота, спазмы, бессонница; язык, который кусала несчастная, стал толстым и почернел, на четвертый день она умерла (Epid., V, 53). Симптомы, которые перечисляет врач, скорее свидетельствуют в пользу первой версии — женщина приняла некое abortивное зелье, оказавшееся для нее смертельным.

Среди зелий были как простые по составу (например, настойка из цикламена или корень пираканты), так и довольно заковыристые⁶. Рецепты по их изготовлению мы находим у самых разных авторах — в Гиппократовом корпусе, у Педания Диоскорида⁷, у Сорана (он, правда, предпочитает abortивным средствам контрацептивы — Gyn., I, 60), у пергамского медика и философа Галена (ок. 129–216) и у Псевдо-Галена⁸. Инструкции по изготовлению снадобий встречаются не только у специалистов-медиков, но и у поэтов или писателей-эрuditов типа Плиния Старшего. У каких-то растений, упоминаемых в этих рецептах, в дело шли корень, семена, листья, смола, плоды; из других готовили масло, сок, но чаще всего — настойку или отвар.

Во многих рецептах abortивных зелий используется вино. В трактате «О женских болезнях» из Гиппократова корпуса находим целый ряд таких рецептов: лепестки целомудренника (*Vitex agnus-castus*, «авраамово дерево») в вине; растолочь плоды портулака и давать в старом белом вине; 9 семян черного тополя критского смолоть и пить с вином; листья и цветки лютика растолочь и пить со сладким эгинским; немного мяты, руты, кориандра, стружку можжевельника или кипариса пить в ароматном вине и т.д. (De mul. affect., I, 78).

Если верить античным авторам, некоторые греческие вина отличались поистине примечательными свойствами: Плиний Старший и Элиан утверждают, что аркадское вызывало безумие у мужчин и плодовитость у женщин (Plin. NH, XIV, 22, 116⁹; Ael. VH, XIII, 6), а вино из ахайского городка Керинеи/Керинии (у Плиния — *Sagynia*) обладало противозачаточными свойствами, и женщине достаточно было съесть виноград, из которого оно готовилось, чтобы случился выкидыш (Plin., ibid.; Ael., ibid.). Диоскорид же рассказывает о производстве особого abortивного вина (5–67 <*φθόριος ἐμβρύων οἶνος*>)¹⁰: между виноградных лоз сажали чемерицу (*Veratrum*), бешеный огурец (*Ecballium elaterium*), выонок смолоносный (*Convolvulus scammonia*); растущий рядом виноград черпал из них силу и приобретал abortивные свойства. Вино из него смешивали с водой и давали женщине натощак, предварительно вызывая рвоту.

Не так часто, как растения, но в ход шли и средства животного происхождения. Некоторые примеры: 2 ложки бобровой струи (*Castoreum*) принимали как питье вместе с мятоей болотной (Dios., 2–24 ὡς τοῦ <*κάστορος ὅρχις*>); три растертых морских ежа следовало употреблять с вином (Hipp. De mul. affect. I, 78) или пить растворенный в вине заячий сычужный фермент (Dios., 2–75 <*πιτύα*>). Мальва с гусиным жиром может привести к аборту (Plin. NH, XX, 84, 226). Плиний здесь ссылается на римского автора Секстия Нигера, назвав-

шего даже имя пострадавшей женщины — фиванка Олимпиада (*ibid.*). Находил применение и помет некоторых животных: Диоскорид советует принимать в напитке со специями помет горных коз; в качестве abortifacientного средства он рекомендует вдыхать аромат помета стервятника (2–80 <ἀπόπατος>).

Окуривание ослиными копытами ускоряет роды и даже вызывает выкидыши (Plin. NH, XXVIII, 251: *ungulae asininae suffitio partum maturat ut vel abortus evocetur*). Вообще осел, по Плинию, — очень полезное для гинекологии животное. Изъязвления и уплотнения матки излечиваются высушенным ослиным салом, завернутым в шерсть (*ibid.*, 250). Примочки на грудь из высушенной ослиной селезенки вызывают приток грудного молока. Ослиный помет «в свежем виде», как и зола, подавляет маточное кровотечение (*ibid.*, 251). Различные ослиные части и продукты жизнедеятельности использовали не только гинекологи, но и любители магии. По подсчетам А. Салайовы, ослы как поставщики ингредиентов для магических обрядов чаще, чем другие животные, упоминаются в греческих магических папирусах (в 23 из 142). Исследовательница спрашивливо отмечает, что это связано с распространностью (и соответственно доступностью) осла как домашнего животного во всем античном Средиземноморье; сыграла свою роль и египетская традиция — связь осла с египетскими богами и магическими обрядами¹¹.

Очень часто в качестве abortifacientных средств применялись пессарии. Они считались более действенными, чем зелья, хотя ингредиенты — нередко одни и те же¹². Часто использовались такие растения, как мыльнянка, зверобой, горная рута, мирра, чемерица белая, бешеный огурец, цикламен, люпин, кедровое масло, золототысячник, смешанные с водой, вином или горячим маслом и превращенные в пессарии. Один из рецептов Гиппократова сборника предлагает растолочь стебель златоцвета, такое же количество семени сельдерея, 15 икринок каракатицы, смочить в сладком вине и использовать как вагинальный суппозиторий (De mul. affect., I, 78). В различных сочетаниях (с медом, вином) в качестве пессария на льняной прокладке широко использовался сок бешено-го огурца (*Ecballium elaterium*); в ход шла и головка вареного чеснока; квасцы с маслом в льняной кудели; в шерстяной затычке — высушенная желчь морского скорпиона или черный тмин, растертый в вине, и т. п. (*ibid.*).

Огромное количество abortifacientных и противозачаточных рецептов снадобий и пессариев, кочующих их сборника в сборник, порой лишь с незначительными добавлениями или изменениями, скорее всего, опирались на богатую средиземноморскую традицию — похожие советы и рецепты находим и в древнеегипетских папирусах¹³.

Античные авторы полагали некоторые abortifacientные средства столь сильными, что верили: их применение даже в качестве мази имело необходимый эффект. Гален уверяет, что прикладыванием мази из цикламена на брюшную полость можно вызвать выкидыши (Gal., XII, 51¹⁴–60. De Cyclamino). Сок растения, которое Плиний называет *sisymbrium silvestre* — то ли гулявник

(*sisymbrium*), то ли жерушник лесной (*Rorippa sylvestris*), — «не следует употреблять беременной, только в случае уже мертвого плода — ведь если его приложить, случится выкидыш» (NH, XX, 91: *non edendum gravidis nisi mortuo concepti, quippe etiam inpositum eicit*). Диоскорид предлагает в качестве abortивного средства мазь из измельченного корня белокрыльника болотного (*Dracunculus minor*, *Calla palustris*) — даже запах его увядших листьев губит эмбрион; достаточно 30 его зерен выпить с уксусом, чтобы случился выкидыш (2–167 <ἀρον> δρακοντία μικρά).

В одном из медицинских трактатов Псевдо-Галена (Ps.-Galen. *De rem. parab.* = Gal., XII, 480) рекомендуется взять два киафа очищенных бобов (чечевицы? — лат. *faba*), вскипятить в горшке с уксусом. Доведя до полуготовности, добавить унцию алоэ, сделать из этого мягкий пластырь и, приложив от пупка до лобка, повязать. В этом же сочинении находим поистине волшебный рецепт abortiona во сне с помощью подобной мази. «Одну часть листьев кипариса завари водой и тщательно раздави до получения однородной массы. Изготовив мягкий пластырь, нанести на пупок и живот, связав полоской; скажи женщине, чтобы она легла на спину (села, опрокинувшись, на цирюльникову скамью), и она, заснув, без труда скинет (курсив наш. — T. K.)» (*ibid.*, 481: *καὶ κοιφῷμένη ἀπόνως ἐκβάλλει*).

Едва ли такого рода примочки и мази были эффективны и действительно избавляли от нежеланного плода во сне, но зато в большинстве своем были относительно безопасны. Однако на практике отчаявшиеся женщины, которым лекарственные средства не помогли, очевидно, переходили к более действенным, но одновременно опасным и болезненным средствам. Какие-то из них можно было сочетать и с приемом снаidобий.

Античные врачи и на теоретическом, и на практическом уровне знали, что внешнее воздействие (травма, удар, падение) и интенсивные физические упражнения или нагрузка могут привести к выкидышу. Автор трактатов из Гиппократова корпуса «*De genitura*», или «*De semine*» («О зарождении», или «О семени») и «*De natura pueri*» («О природе ребенка»)¹⁵ говорит о том, что ушиб плода в результате, например, падения или иного физического воздействия чреват его увечьем, искалечиванием или гибелю (Hipp. Gen., 1, 10). Поведал он и о случае из своей практики: его родственница владела ценной девушки-певицей (*μουσοεργός*), которая часто «имела дело с мужчинами». Забеременев, та могла эту ценность утратить, поэтому и понадобилась консультация врача. Тот посоветовал ей подпрыгивать, ударяя ногами о ягодицы (*πρὸς πυγῆν πηδήσαι*)¹⁶. «И когда она сделала это семь раз, семя с шумом вылилось на землю» (Hipp. Nat. puer., 13, пер. В. И. Руднева)¹⁷. Правда, успеху этих экзерсисов способствовало то, что семени было всего лишь 6 дней от роду (*ibid.*). В первой книге «О женских болезнях» перечисляются опасные ситуации, могущие привести к выкидышу, в том числе: если женщина поднимет тяжесть, получит удар или прыгнет, или с ней случится обморок, или она много или мало ест, или ис-

пугается и закричит и т. п. (Hipp. De mul. affect., I, 25). В «Эпидемиях» упоминаются конкретные случаи выкидыша после падения (Hipp. Epid., VII, 41; 97).

Разумеется, беременные женщины также понимали, что падение, удар или иное внешнее воздействие могут вызвать выкидыш, и эти знания, как и опыт (свой или чужой), могли использовать, если решались на аборт. До нас дошло небольшое количество фрагментов судебной речи Лисия, условно называемой «Об aborte», на которую ссылаются несколько поздних авторов. В лексиконе Гарпократиона, греческого грамматика из Александрии II в., она фигурирует как «Речь против Антигена об aborte» (*Λυσίας ἐν τῷ κατὰ Αντιγένους ἀμβλώσεως*); иск якобы подал Антиген, а речь написана для ответчика, защищающего свою мать (Lex. Cant. s. v. *ἐπιτίμιον*). Ритор Сопатр из Апамеи (IV в.) приводит иные детали процесса: «Антиген обвиняет свою жену, скинувшую плод по своей воле, в убийстве, заявив, что она вызвала у себя выкидыш и лишила его возможности стать отцом ребенка» (Sopat. Rh. Ἐκ διαφόρων τινά χρήσιμα 300,10 Rabe Proleg. Syll.). О деталях обвинения, как и то, по какой именно жалобе (*γραφή*) было возбуждено дело, понять из фрагментов очень сложно¹⁸. Мне кажется наиболее убедительной следующая реконструкция: в результате чьих-то умышленных действий и физического воздействия (возможно, по инициативе самой беременной) произошел выкидыш на достаточно позднем сроке беременности, что позволило обвинителю, ссылавшемуся на мнения врачей и повитух, представить плод «живым»¹⁹.

У Сорана в его книге «О женских болезнях» (*Гυναικείον*), которая была настольным пособием для всех повитух Римской империи, приводится комплексная метода, благодаря которой можно избавиться от нежелательной беременности. Она включает в себя диету (есть мало, воздерживаться от вина), кровопускание, спа-процедуры (сидячие и лежачие ванны) и всевозможные упражнения. Эфесский врач советует использовать смягчающие пессарии, трястись в повозке, скакать на лошади и других тягловых животных, энергично двигаться, прыгать, носить тяжести, пить мочегонные отвары, использовать очистительные клизмы, умасливать тело теплым оливковым маслом, а затем с силой растирать (т. е. делать массаж), особенно вокруг лобка, живота и поясницы. Хорошо также принимать сидячие ванны с отваром льняного семени, пажитника, мальвы, алтея, полыни. Параллельно — делать припарки из старого оливкового масла, можно с соком руты или с медом, или с маслом ириса, или с полынью и медом, или с опопанаксом и медом, рутой или сирийской мазью. Если эти обычные припарки не помогают, переходить к их более радикальному варианту: мука из люпина вместе с бычьей желчью и полынью (Gyn., I, 64–65). Соран подчеркивает: предписанные меры будут эффективны, если срок беременности небольшой, лучше всего — первые 30 дней после зачатия.

Прерывание беременности, вызванное внешним воздействием, могло прийтись по душе некоторым женщинам — его можно было представить как результат несчастного случая, но, очевидно, здесь имелся большой риск: требовалось

так дозировать внешнее воздействие, чтобы не нанести какой-либо фатальной травмы себе, а также не вызвать подозрений в намеренном умерщвлении плода на поздних сроках беременности, поэтому возможность применения и эффективность данного средства была ограниченной²⁰.

Видимо, были и те, кто решался на хирургический аборт, и те, кто был в состоянии его исполнить, но из дошедшей до нас медицинской литературы нам известны случаи извлечения только мертвого плода. Подробное описание дает, например, древнеримский ученый Август Корнелий Цельс (I в.) в своем трактате «О медицине» (De med. VII, 29, 1–10), а также Соран (Gyn., IV, 9–13). Впрочем, такого рода операции случались задолго до Цельса и Сорана. Душераздирающее описание этой процедуры содержится в трактатах Гиппократова сборника — «О женских болезнях» (De mul. affect., I, 68–70), «О вырезывании умершего в утробе плода» (De fetus in utero excisione) и «О сверхплодотворении» (De superfetatione).

О том, что эмбриотомию ради спасения жизни матери проводили не только именитые, но и простые провинциальные врачи, свидетельствует археологическая находка в г. Паундбери (графство Дорсет, Великобритания). Во время раскопок некрополя III в. был обнаружен гроб с телом расчлененного доношенного (ок. 40 недель) младенца. Факт хирургического вмешательства подтверждается характерными разрезами костей²¹; предполагается, что мертвый плод был извлечен из материнского чрева ровно таким образом, как описано у Сорана (Gyn., IV, 9–13)²². Женского захоронения рядом обнаружено не было, т.е., по-видимому, мать ребенка осталась жива.

К хирургическим абортам прибегали, скорее всего, довольно редко, только при угрозе жизни беременной — дело это сложное и в отсутствие анестезии крайне мучительное для женщины; при использовании острых инструментов для извлечения эмбриона велик был риск повредить окружающие ткани и органы, вызвать кровотечение, опасное воспаление и т. п. (Sor. Gyn., I, 65).

Очевидно, что среди описанных способов избавления от нежелательной беременности: лекарственные средства (перорально или в виде пессариев), различные виды внешнего и/или физического воздействия, хирургическое вмешательство — предпочтительным и наиболее часто встречающимся было употребление снадобий всякого рода. Поскольку именно зелья были чуть ли не главным abortивным средством, тема абортов обрела магический контекст и подтекст, ибо все, что касается зелий, в античности в значительной степени относилось к сфере магических практик, как правило, связанных с женщинами — колдуньями, отравительницами и знахарками²³. Существовали стойкие мужские страхи и предрассудки относительно снадобий, изготавливаемых или употребляемых женщинами, будь то яд, приворотное зелье, афродизиак, abortивное средство.

Неудивительно, что в книгах «Естественной истории» Плиния Старшего, посвященных медицине и в особенности лекарственным средствам (NH, XX—

XXIX), мы встречаем множество рецептов и инструкций с магической составляющей. Абортивные средства римский ученый помещает в один ряд с любовными и волшебными зельями, сопровождая свой рассказ многочисленными примерами из мифологии, а даваемые им описания применения этих средств относятся не только к медицине, сколько к магии (NH, XXV; XXVII). Так, чтобы эти снадобья оказались действенны, надо обязательно через них переступить²⁴. Например, после рассуждений о способности цикламена отвращать действие вредоносных зелий (XXV, 87, 115) Плиний ссылается на некое общее мнение («говорят» — tradunt): если беременная просто переступит через высущенный корень цикламена, у нее случится выкидыш (*ibid.*: si praegnas radicem eam transgrediatur, abortum fieri). Столь же опасна для беременной оносма: если та ее съест или переступит через это растение, выкидыша не миновать (XVII, 86, 110: *praegnas, si edit eam aut supergradiatur, abortum facere dicitur*). Такого рода представления о суперабортивных способностях этих растений встречаем и у Диоскорида (2–164 <κυκλάμιος>; 3–134 <ὄνοσμα>) и тоже со ссылкой на распространенное мнение — «говорят» (φασὶ δέ). Эти страшилки тем удивительнее, что и цикламен, и оносма распространены в Средиземноморье, Причерноморье, Малой Азии и в других регионах античной ойкумены²⁵, и как гречанки, так и жительницы Древней Италии нередко должны были с ними встречаться. Однако никаких сведений в наших источниках, что желающие легко и быстро избавиться от нежелательной беременности, гуляли на полянках, заросших этими цветами, прыгали/переступали через них и добивались желаемого, — нет.

Еще одно волшебноеabortивное средство встречаем у Диоскорида — оксиаканта (1–93 <οξυάκανθα>)²⁶: «Рассказывают (ἱστορεῖται), что (его) корень может вызывать выкидыши, если ласково трижды хлестнуть им по животу или потереть». Трижды — это тоже что-то связанное с магической обрядностью²⁷.

Столь же магически опасны для беременных были и некоторые животные. Плиний утверждает, что выкидыши может вызвать старая кожа змеи, растворенная в вине (XXX, 44, 129). Ссылаясь опять же на широко распространенное мнение (constat), он предостерегает: «...беременным следует опасаться яйца вороны, так как, если через него переступить, произойдет выкидыши через рот» (*ibid.*, 130: *ovum corvi cavendum gravidis constat, quoniam transgressis abortum per os faciat*). Чтобы не случилось подобной неожиданности, лучше запастись «орлиным камнем» (аэтитом): ведь найденный в орлином гнезде²⁸ камень защищает плод от всяких козней, могущих вызвать выкидыши (*ibid.*: *lapis aetites in aquilae repertus nido custodit partus contra omnes abortuum insidia*). Высказывались разные предположения, что это за камень: камень с каверной, который содержит внутри себя другой камень или песок, таким образом как бы «беременный» им (Diosc., 5–160 <Αετίτης>; ср. Plin. NH, X, 4, 12), или окаменелый плод с семенем внутри. Его соотносили с чревом матери, содержащим зародыш, а его эффективность как средства против выкидышей объяснялась действием

симпатической магии (*similia similibus*)²⁹. В качестве амулета против выкидыши Диоскорид (*ibid.*) и Дамигерон (*Dam., 1*)³⁰ советуют привязать аэтий к левой руке. Плиний добавляет: женщинам и стельному скоту прикреплять его, завернув в шкуру жертвенного животного (*NH, XXXVI, 39, 151*).

Подобного рода амулеты пользовались, по всей видимости, популярностью, ибо порой достаточно было взгляда какого-нибудь чудища, чтобы случился выкидыш. Об одном из таких существ узнаем из трактата «*De theriaca ad Pisonem*» («*К Пизону о териаке*³¹»), который приписывался Галену, однако начиная с XVI в. его авторство неоднократно подвергалось сомнению³². Автор трактата, ссылаясь опять же на молву (*φασί* — «говорят»), рассказывает о некоем двуглавом существе — амфисбене: если беременная с ним столкнется, она скинет ребенка (*Gal., XIV, 243*: *τοῦτο δή φασι τὸ ζῶον εἰ ὑπερβάλῃ γυνὴ κατὰ γαστρὸς ἔχουσα, ἐκτιτρώσκει τὸ παιδίον κακῶς*). Мифологическая змея с двумя головами на разных концах, которая может двигаться в обе стороны, т. е. вперед и назад, известна была издревле (*Ael. Nat. Anim., IX, 23*). В Эсхиловом «*Агамемноне*» Кассандра вспоминает о ней, ставя в ряд с другим чудовищем — Скиллой (*Aesch. Agam., 1233*: *ἀμφίσβαιναν, ἢ Σκύλλαν τινὰ*). Плиний Старший описывает ее так: «У амфисбены две головы, то есть имеется и на хвосте, как будто одного рта недостаточно, чтобы яд изливать» (*NH, VIII, 35, 85*). Страшную амфисбену с двойной головой, ползущую по песку, Лукан в поэме «*Фарсалия*» поместил в компанию других аспидов Ливийской пустыни (*Luc. Phars., IX, 719*). Если упоминаемые выше старая кожа змеи или яйцо ворона по крайней мере относились к реальным представителям животного мира, то амфисбена — это уже область чистой сказки.

В Псевдо-Галеновом трактате «О легко приготавливаемых лекарствах» (*De remediis parabilibus*) в качестве средства вытравления плода фигурирует «финикийский камень», которым надо намазаться (*Gal., XIV, 480*). Это еще можно себе представить. Но далее следует нечто безумное с точки зрения здравого смысла: беременная скинет недоразвившийся плод, если переступит через этот камень, укушенный (или отгрызенный) собакой (*ibid.*: *ἀτελὲς δὲ ἔμφρυνον ἐκβάλλει λίθος κυνόδηκτος ἀν τεθῇ καὶ ὑπερβῆ αὐτὸν ἢ κύουσα*). Очевидно, перед нами уже не медицинское предписание, а магическое: здесь и момент перехода наличествует (*ὑπερβῆ* — от *ὑπερβαίνω* «переступить через что-то»).

По античным поверьям, магическими свойствами обладает и менструальная кровь. Плиний Старший испытывает прямо-таки хтонический ужас перед этой особенностью женского организма³³, когда описывает его пагубные последствия. При этом он замечает, что о силе менструальных выделений ходят разные дикие и ужасные истории (*dira et infanda vaticinantur*), однако соглашается передать некоторые из них (*NH, XXVIII, 23, 77*). Если в дни месячного цикла женщина обнаженной пройдет по полю с посевами, то издохнут гусеницы, червяки, жуки и прочие вредители (*ibid., 23, 78*); а если она пройдется на рассвете, увянут посевы; если женщина в таком состоянии прикасается к ульям, пчелы

улетают; от ее прикосновения чернеет полотно, которое кипятят; лезвие ножа затупляется, медь покрывается ржавчиной и издает неприятный запах, особенно если луна убывающая; у жеребячихся кобыл при прикосновении или даже взгляде происходит выкидыш (*ibid.*, 23, 79). Но и сами женщины не застрахованы от этого зла: выкидыш вызывается каплей менструальной крови, особо если беременная переступит через этот мазок (*ibid.*, 23, 80–81).

В той книге «Естественной истории», где Плиний повествует о страшной силе менструальной крови, из тени выходит и пара «знающих женщин», к тому же конкуренток. Римский писатель передает спор об abortivных снадобьях Лайды и Элефантиды, видимо, специалисток в области народной медицины, как то: уголь от сожженного корня капусты или же мирт, или тамариск надо погасить менструальной кровью; ослицы будут бесплодны столько лет, сколько съели смоченных в этой крови ячменных зерен. Приводили они, по словам Плинния, и другие чудовищные и противоречивые рецепты (*monstrifica aut inter ipsas pugnantia*), при этом одна утверждала, что плодовитость обеспечивается теми же способами, от которых, по мнению другой, случается бесплодие (*ibid.*, 23, 81). Ученый делает вывод: лучше им не верить (*ibid.*: *melius est non credere*).

Кого именно имел в виду Плиний, точно не установить. Имена «*Lais*» и «*Elephantis*» — достаточно распространенные в определенных кругах дам полусвета, и если первую в данном контексте идентифицировать невозможно, то во второй предполагали куртизанку и поэтессу³⁴, эротический сборник которой император Тиберий разложил вместе с непристойными картинками и статуями в своих спальнях на Капри, чтобы не было недостатка в образцах для соответствующих игрищ (*Suet. Tib.*, 43); ее легкомысленные книжки упоминал в эпиграмме Марциал (*Mart.*, XII, 43: *molles Elephantidos libelli*). Игровый опус Элефантиды, к тому же с картинками, имел преданных читателей. Как сказано в одном из стихотворений «Приаповой книги»: «Богу стойкому несколько картинок / откровенных из книг Элефантиды / в дар Лалага приносит, умоляя / перейти от рисунков сразу к делу» (*Carm. Priap.*, 4; пер. М. Амелина). Ее перу принадлежало и несколько окромедицинских сочинений: Гален назвал имя Элефантиды в ряду авторов сочинений о косметических средствах (*Gal.*, XII, 41: *διὸ τοῦ κομψτικοῦ*).

Вера во влияние сверхъестественного и магических ритуалов на все, что относится к области человеческой fertильности начинает с момента зачатия и кончая родами, очевидна: она свойственна многим народам в разные эпохи. Приводя примеры сомнительных магических манипуляций и экзотических отваров и зелий, античные авторы сообщали здесь не медицинские факты, а народные верования и суеверия, даже если их невероятность и абсурдность вызывала у них сомнение и недоумение, скрывавшиеся за формулами «говорят», «сообщают», «известно» и т. п. Случайность или недомолвки могли породить сложившиеся в определенных кругах повитух и «знающих женщин» представления об эффективности диковинных снадобий и обрядов — так и слагались

поверья об их волшебных или опасных свойствах. В действительности же их эффективность была весьма сомнительна, и действенны некоторые предлагаемые зелья могли быть разве что на ранних сроках беременности. Иррациональные рецепты и практики с элементами магии и оккультизма включали в себя и элементы древних верований, фольклора, мифотворчества. Иногда ученые авторы, такие как Плиний, даже вступали в дискуссию с «народной медицинской» и выражали сомнение в действенности предлагаемых средств (см. выше: Plin. NH, XXVIII, 23, 81). А вот Гален рассуждает в трактате «О смешивании и силе простых лекарств» о неких нелепых (*γελοῖα*) средствах — тех, что якобы «связывают тяжущихся, так что не могут говорить в суде³⁵, или тех, что заставляют беременную выкинуть плод (*ἢ ἐκτρῶσαι ποιῆσαι τὴν κύουσαν*), или навсегда препятствуют зачатию, или делают то и другое». Ученый медик не удержался от язвительного замечания: «Дивлюсь я, клянусь богами, что за мысли у них — записывать такое. Ведь когда живущим такое знание приносит на самом деле бесславие, как надеяться им на добрую славу в посмертии?» (Gal., XII, 251). Однако ни Плиний, ни Диоскорид, ни Гален, ни Соран победить свою доверчивость или надежду на чудо до конца не смогли. Приводя в своих сочинениях безумные рецепты и ритуалы с элементами магии и оккультизма, они пытались их лишь как-то систематизировать и частично рационализировать.

Большое разнообразие abortивных методов и средств, применявшихся в античности, свидетельствует об их распространенности и позволяет сделать вывод о том, что женщины, желавшие прервать нежелательную беременность или вынужденные это сделать по медицинским показаниям, и те, кто им помогал, — подруги, знахарки, повитухи, врачи и т. д., нередко прибегали к аборта姆. Очевидно, что этим помощникам не всегда хватало специальных медицинских знаний по гинекологии, фармакологии, хирургии, поэтому искусственное прерывание беременности было болезненным и опасным для тех, кто на него решался. Однако нехватка знаний компенсировалась верой в чудодейственные и сверхъестественные средства и секреты, размывая границу между наукой и суеверием.

¹ См. об этом на примере Древней Греции подробнее в нашей статье: Кудрявцева Т. В. Контроль рождаемости в древнегреческом обществе // Петербургский исторический журнал. 2021. № 3. С. 51–62.

² Пессарий служил для приложения к матке лекарственных веществ, изготавлялся в разных формах и разной длины в виде шарика, желудя, свечки. См.: Карпов В. П. Примечания // Гиппократ. Избранные книги. М., 1936. С. 682.

³ Соран (98 – ок. 138) — врач из Эфеса, практиковавший в Риме при императорах Траяне и Адриане.

⁴ Kapparis K. Abortion in the Ancient World. London, 2002. P. 18.

- ⁵ «Эпидемии» (Ἐπιδημίαι, лат. Epidemiae) — зд. означает врачебные визиты в те города, в которых практиковал автор книги. Из семи книг данного сочинения авторство Гиппократа единодушно признается за первой и третьей; об авторах других книг высказывались разные мнения. Так, пятая книга приписывалась внуку или иным потомкам (родственникам) Гиппократа. См., например: Карпов В. П. Примечания. Эпидемии. Кн. 5 и 7 // Гиппократ. Сочинения. Т. 2. М., 1944. С. 204–205; Smith W. D. Introduction // Hippocrates. Vol. VII. London, 1994. P. 1–2; King H. Hippocrates' Woman. Reading the Female Body in Ancient Greece. London; New York, 1998. Р. 65.
- ⁶ Подробнее о рецептах abortивных и противозачаточных средств: Кудрявцева Т. В. Контроль рождаемости в древнегреческом обществе. С. 51–62; Riddle J. M. Contraception and Abortion from the Ancient World to the Renaissance. Cambridge Mass., London, 1992. P. 74–86; Kapparis K. Abortion in the Ancient World. P. 13–22.
- ⁷ Диоскорид (I в.) — греческий врач и фармаколог из г. Аназарба (Малая Азия), автор работы «О лекарственных веществах» (Περὶ ὕλης ἰατρικῆς, лат. De materia medica), основоположник всей европейской фармакологии.
- ⁸ В поздней античности и раннем средневековье ходило множество латинских трактатов под именем Галена. Псевдо-Галеновы опусы продавались в Риме еще при жизни самого Галена: Пролыгина И. В. Гален. О собственных книгах // ΣΧΟΛΗ. 2017. Vol. 11.2. С. 637; Fortuna S. Pseudo-Galenic Texts in the Editions of Galen (1490–1689) // Medicina nei secoli: Journal of History of Medicine and Medical Humanities. 2020. Vol. 32/1. P. 117.
- ⁹ Нумерация книг и параграфов Плиния Старшего дается по изданию: The Loeb Classical Library: Pliny. Natural History. Vols. 6–10. Cambridge, 1961–1966.
- ¹⁰ Я ссылаюсь на Диоскорида по изданию К. Кюна на языке оригинала (древнегреческом) с латинским переводом: Pedanii Dioscoridis. De materia medica libri quinque // Medicorum ghaesorum opera quae exstant / Ed. C. G. Kühn. Vol. 25. Lipsiae, 1829.
- ¹¹ См.: Salayová A. Animals as Magical Ingredients in Greek Magical Papyri: Preliminary Statistical Analysis of Animal Species // Graeco-Latina Brunensis. 2017. Vol. 22. No. 1. P. 196–197. Об осле в египетской магии и магических папирусах см.: Левинская О. Л. Античная Asinaria: история одного сюжета. М., 2008. С. 21–24.
- ¹² Kapparis K. Abortion in the Ancient World. P. 20.
- ¹³ Например, в Ebers Papyrus. См. подробнее: Hämel R. Der künstliche Abortus im Altertum // Sudhoffs Archiv für Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften, 1936. Bd. 29, H. 4/5 S. 226–227; Riddle J. M. Op. cit. P. 81–82.
- ¹⁴ Нумерация сочинений Галена (том, страница) дается по изданию: Claudi Galeni Opera Omnia / Ed. K.G. Kühn. Leipzig: Car. Snoblochii, 1821–1833. 22 vols. В данном случае речь идет о трактате *De simplicium medicamentorum temperamentis ac facultatibus* («О смешивании и силе простых лекарств»).
- ¹⁵ То, что эти трактаты принадлежат одному и тому же автору, ни у кого не вызывает сомнений. См. подробнее (со ссылками на литературу): Lonie I. M. Introduction // The Hippocratic Treatises “On Generation” “On the Nature of the Child” “Diseases IV” / A Commentary by I. M. Lonie. Berlin; New York, 1981. P. 43–51. Относительно его личности высказывались разные предположения: сам Гиппократ, его зять Полибий или безымянный представитель кnidской школы, которому принадлежат и «Женские болезни». В. П. Карпов в предисловии к переводу трактатов называет автора «врачом, по всей вероятности немолодым, с большим опытом, чрезвычайно широким кругозором и с сильным натуралистическим склонением»: Карпов В. П. Примечания // Гиппократ. Избранные книги. С. 221–222.
- ¹⁶ Комментаторы, начиная с Литтре (Littré), видят здесь отсылку к известному спартанскому танцу, о котором упоминал в «Лисистрате» Аристофан (Lys., 82): γυμνάδομαι γὰρ καὶ ποτὶ πυγὴν ἄλλομαι. См.: Lonie I. M. Commentary // The Hippocratic Treatises “On Generation” “On the Nature of the Child” “Diseases IV”. P. 167; Карпов В. П. Примечания. С. 257.
- ¹⁷ Этот же случай приводит Гален в своих трактатах «De semine» («О семени») и «De foetu formatione» («О формировании плода»), видимо, весьма им впечатленный; он как

раз приписывает свидетельство о нем Полибию, зятю и ученику Гиппократа, или даже самому великому врачу (Gal., IV, 525; IV, 654).

- ¹⁸ См. разбор источников, литературы и дискуссию о формулировке обвинения: *Кудрявцева Т. В.* Фрагменты речи Лисия «Об аборте» и загадка γραφὴ ἄμβλωσεως (жалобы по обвинению в аборте) // Метаморфозы истории. 2021. Вып. 20. С. 39–52.
- ¹⁹ То, что такой аргумент в речи приводился, вытекает из фрагмента (достаточно запутанного) Гермогена Тарского, христианского богослова и философа II–III вв.: «Он, обвиняя в убийстве, доказывает виновность таким образом, что представляет плод как живого, и на протяжении всей речи говорит: “как врачи и повитухи заявляли”» (Proleg. in Hermog. Stat. 200,16 Rabe (20a Carey)).
- ²⁰ См.: *Kapparis K.* Abortion in the Ancient World. P. 24.
- ²¹ Фото см.: *Redfern R. C., Gowland R. L.* A Bioarchaeological Perspective on the Pre-Adult Stages of the Life Course: Implications for the Care and Health of Children in the Roman Empire // Families in the Roman and Late Antique World / Eds. M. Harlow, L. Larsson. Lovén; London, 2012. P. 122. Fig. 7.3.
- ²² Ibid. P. 25.
- ²³ См. подробнее, с анализом конкретных примеров: *Кудрявцева Т. В.* Судебная магия в античности. СПб., 2023, особенно: С. 129–186.
- ²⁴ О переступании и перешагивании в ритуале — см., например: *Байбурина А. К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 89, 163, 204.
- ²⁵ Cyclamen // Plants of the World Online. URL: <https://powo.science.kew.org/taxon/urn:lsid:ipni.org:names:32774-1> (дата обращения: 01.09.2024); Onosma // Plants of the World Online. URL: <https://powo.science.kew.org/taxon/urn:lsid:ipni.org:names:4714-1> (дата обращения: 01.09.2024).
- ²⁶ Oxyacantha (օչնականθա) — то ли Berberis vulgaris, т. е. барбарис, то ли Crataegus oxyacantha — боярышник.
- ²⁷ Та или иная манипуляция, повторяемая трижды, встречается в магических практиках многих народов мира (см.: *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Пер. с англ. М. К. Рыклина. М., 1980. 52 примера; *Байбурина А. К.* Ритуал в традиционной культуре. С. 71, 74, 95, 98, 113, 116, 135, 136, 143, 171. Феофраст советует, собирая лекарственные растения, трижды очерчивать круг (Theophr. Hist. plant., IX, 8). У античных авторов нередки упоминания о том, что заклинание для достижения эффекта надо было произносить трижды или трижды по девять: e. g. Varro. De re rust., I, 2, 26; Tib. I, 2, 56; Ov. Met., VII, 190–191; XIV, 57–58, 387; Plin. NH, XXVII, 131, 106. См.: *Зубарева А. В.* Магическая песнь: протомузикальные формы интонирования в древнеримских заговорах и заклинаниях // Проблемы истории, филологии, культуры. 2023. № 1. С. 153–154).
- ²⁸ Это не единственное объяснение названия камня «орлиный» у Плиния. В других книгах «Естественной истории» предлагаются такие: орел строит из него гнездо (X, 4, 12); он схож цветом с орлиным оперением (XXXVII, 72, 187).
- ²⁹ *Barb A. A. The Eagle-Stone // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes.* 1950. Vol. 13. P. 316–317.
- ³⁰ Дамигерон — автор сочинения II в. «De lapidibus» («О камнях»), в котором он описал их лечебные свойства. Ссылаюсь по изданию: *Orphei Lithica. Accedit Damigeron de lapidibus / Rec. E. Abel. Berolini,* 1881. P. 163.
- ³¹ Териак (θηριακή) полагали универсальным противоядием. Первым, если верить Плинию, такое противоядие, в котором было 54 компонента, создал понтийский царь Митридат VI (NH, XXV, 3, 6). Врач Нерона, Андromах, усовершенствовал состав, увеличив количество компонентов до 64, назвав териак Mithridatium. См.: *Majno G.* The Healing Hand: Man and Wound in the Ancient World. Cambridge; London, 1991. P. 413–414.
- ³² О дискуссии и аргументах — см.: *Leigh R. A. The Treatise // On Theriac to Piso, Attributed to Galen. A Critical Edition with Translation and Commentary (Studies in Ancient Medicine,* 47). P. 19–53.

- ³³ Такое отношение к менструальной крови нетипично для античных философов и авторов медицинских трактатов. См., например, рассуждения Хелен Кинг о соотнесении менструальной крови и крови жертвенных животных на основе анализа античных текстов: *King H. Hippocrates' Woman*. P. 88–98.
- ³⁴ *Crusius O. Elephantis 3 // Pauly's Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft / Neue Bearbeitung von G. Wissowa*. Stuttgart, 1905. Bd. V, 2. Sp. 2324–2325; *Women Writers of Ancient Greece and Rome: An Anthology* / Ed. I. M. Plant. P. 118.
- ³⁵ О связи античной магии и риторики, убежденности в том, что с помощью определенных магических практик можно связать язык, лишить речи соперника в тяжбе или его защитников, об используемых для этого табличках с проклятиями, зельях и обрядах см.: *Кудрявцева Т. В. Судебная магия в античности*. С. 69–91.

References

- BAYBURIN, A. K. *Ritual v traditsionnoi kul'ture. Strukturno-semanticeskii analiz vostochnoslavyanskikh obryadov* [Ritual in Traditional Culture. Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rituals. In Russ.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993.
- BARB, A. A. The Eagle-Stone. In *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 1950. Vol. 13, pp. 316–318.
- DASEN, V. Becoming Human: from the Embryo to the Newborn Child. In Grubbs J. E., Parkin T. (Eds.) *The Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World*. Oxford, 2013. P. 17–39.
- FORTUNA, S. Pseudo-Galenic Texts in the Editions of Galen (1490–1689). In *Medicina nei secoli: Journal of History of Medicine and Medical Humanities*. 2020. Vol. 32/1, pp. 117–138.
- FREZER, DZH. *Zolotaya vetr. Issledovanie magii i religii* [The Golden Bough: A Study in Magic and Religion. In Russ.] / Per. s angl. M. K. Ryklina. Moscow, Politizdat, 1980.
- KAPPARIS, K. *Abortion in the Ancient World*. London, Bristol Classical Press, 2002.
- KING, H. *Hippocrates' Woman. Reading the Female Body in Ancient Greece*. London; New York: Routledge, 1998.
- KUDRYAVTSEVA, T. V. Kontrol rozhdaemosti v drevnegrecheskom obshchestve [Birth Control in Ancient Greek Society. In Russ.]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. 2021. No 3 (31), pp. 51–62.
- KUDRYAVTSEVA, T. V. *Fragmenty rechi Lisiya "Ob aborte" i zagadka γραφὴ ἀμβλώσεως (zhaloby po obvineniyu v aborte)* [The Fragments of the Lysian Speech “On the Abortion” and the Mystery of the γραφὴ ἀμβλώσεως (a Public Prosecution for Abortion). In Russ.]. In *Metamorfozy istorii*, 2021. Iss. 20, pp. 39–52.
- KUDRYAVTSEVA, T. V. *Sudebnaya magiya v antichnosti* [The Judicial Magic in Antiquity. In Russ.]. St. Petersburg, Gumanitarnaya akademiya Publ., 2023.
- LEIGH, R. A. *On Theriac to Piso, Attributed to Galen*. A Critical Edition With Translation and Commentary. Boston, Brill, 2016.
- LEVINSKAYA, O. L. *Antichnaya Asinaria: istoriya odnogo syuzhetu* [Ancient Asinaria. The Story of One Plot. In Russ.]. Moscow, RGGU, 2008.
- LONIE, I. M. Commentary. In *The Hippocratic Treatises “On Generation” “On the Nature of the Child” “Diseases IV”* / A Commentary by I. M. Lonie. Berlin; New York, 1981. P. 99–374.
- LONIE, I. M. Introduction. In *The Hippocratic Treatises “On Generation” “On the Nature of the Child” “Diseases IV”* / A Commentary by I. M. Lonie. Berlin; New York, 1981. P. 43–86.
- MAJNO, G. *The Healing Hand: Man and Wound in the Ancient World*. Cambr. Mass.; London, Harvard University Press, 1991.
- PROLYGINA, I. V. *Galen. O sobstvennykh knigakh* [Galen. On my own books. In Russ.]. In ΣΧΟΛΗ. 2017. Vol. 11.2, pp. 636–677.
- REDFERN, R. C., GOWLAND, R. L. A Bioarchaeological Perspective on the Pre-Adult Stages of the Life Course: Implications for the Care and Health of Children in the Roman Empire. In Harlow M., Larsson L. (Eds.) *Families in the Roman and Late Antique World*. Lovén; London, 2012. P. 111–140.

RIDDLE, J. M. *Contraception and Abortion from the Ancient World to the Renaissance*. Cambridge Mass., London, Harvard Univ. Press, 1992.

SALAYOVÁ, A. Animals as Magical Ingredients in Greek Magical Papyri: Preliminary Statistical Analysis of Animal Species. In *Graeco-Latina Brunensis*. 2017. Vol. 22. P. 191–206.

SMITH, W. D. Introduction. In *Hippocrates*. Vol. VII. London, 1994. P. 1–15.

ZUBAREVA, A. V. Magicheskaya pesn': protomuzikal'nyie formy intonirovaniya v drevnerimskikh zagovorakh i zaklinaniyakh [Magic Song: Proto-Musical Intoning Forms in the Ancient Roman Spells and Incantations. In Russ.]. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2023. No. 1, pp. 145–157.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Т. В. Кудрявцева. АбORTы и СРЕДСТВА ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ В АНТИЧНЫХ ПРАКТИКАХ, общественном мнении и магии // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 96–111

Аннотация: В статье на основе сведений из Гиппократова корпуса, сочинений Плиния Старшего, Диоскорида, Галена, Псевдо-Галена и Сорана исследуются различные формы прерывания беременности, применяемые в античном обществе, осведомленность о которых в значительной степени основывалась на знаниях и опыте по части выкидыши. Самый распространенный способ — с помощью различных снадобий и пессарiev; приводится ряд примеров. Также античные врачи и на теоретическом, и на практическом уровне знали, что внешнее воздействие (травма, удар, падение) и интенсивные физические упражнения или нагрузка могут привести к выкидышу и использоваться как abortивное средство. В их трактатах подробно описывался и хирургический аборт, применяемый, очевидно, по медицинским показаниям. В статье подчеркивается: поскольку именно зелья были главным abortивным средством, тема abortов обрела магический контекст и подтекст, ибо все, что касается зелий, в античности в значительной степени относилось к магическим практикам, как правило, связанным с женщиными — колдуньями и знахарками. В исследуемых источниках мы встречаем множество abortивных рецептов и инструкций с магической составляющей. Приводятся примеры сомнительных манипуляций и экзотических зелий, античные авторы сообщали не столько медицинские факты, сколько народные верования и суеверия, даже если их невероятность и абсурдность вызывали у них сомнения и недоумение, скрывавшиеся за ссылками на общественное мнение и формуулами «говорят», «сообщают», «известно» и т. п. Иногда ученые авторы вступали в дискуссию с «народной медициной» и выражали сомнение в действенности предлагаемых средств, однако победить свою доверчивость или надежду на чудо они до конца не смогли, пытаясь лишь как-то систематизировать и частично рационализировать фантастические рецепты и ритуалы.

Ключевые слова: Античность, аборт, выкидыши, Гиппократов корпус, Плиний Старший, Гален, Диоскорид, Соран, магия.

FOR CITATION

T. V. Kudryavtseva. Abortions and abortifacients in ancient practice, public opinion and magic // Petersburg historical journal, no. 1, 2025, pp. 96–111

Abstract: The article, which is based on information from the Hippocratic Corpus, the works of Pliny the Elder, Dioscorides, Galen, Pseudo-Galen and Soranus, examines various forms of abortion used in ancient society. The most prevalent method was the utilisation of various potions and pessaries, with several case studies provided for illustration. Moreover, it is evident that ancient Greek and Roman medical practitioners were cognisant of the fact that external factors, such as injury, physical impact, or exertion, could potentially result in miscarriage and could be employed as abortifacient agents. The surgical abortion was also described in detail in their treatises, evidently for medical reasons. The article emphasises that, given the potions were the primary abortifacient, the topic of abortion acquired a magical context and subtext, because everything related to potions in antiquity was largely referred to magical practices, usually associated with women — witches and healers. A thorough examination of the sources reveals a plethora of abortive recipes and instructions that are imbued with a magical undertone. The ancient authors reported examples of dubious manipulations and

exotic potions, but their accounts were more focused on folk beliefs and superstitions rather than on medical facts. They concealed the improbability and absurdity of these beliefs by referencing public opinion and the saying “it is said”, “reportedly”, and “it is known”. On occasion, these learned authors engaged in discourse with “folk medicine” and articulated reservations concerning the efficacy of the proposed remedies. However, they were unable to entirely dispel the gullibility or the hope for a miraculous outcome, instead endeavouring to systemize and partially rationalize the fantastical recipes and rituals.

Key words: Antiquity, abortion, miscarriage, Hippocratic Corpus, Pliny the Elder, Galen, Dioscorides, Soranus, magic.

Автор: Кудрявцева, Татьяна Владимировна — д. и. н., проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Kudryavtseva, Tatyana Vladimirovna — Dr. Sci. (History), Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia).

E-mail: tvkudryavtseva@herzen.spb.ru, tatyankavk@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1636-5704

А. И. Макурин, Д. М. Нечипорук

**Истина находится посередине:
опыт исследования сибирской ссылки
шотландским ученым
Джеймсом Янгом Симпсоном***

Во второй половине XIX в. в Россию устремилось немало путешественников из Великобритании и США, которые желали познакомиться с огромной империей в процессе путешествия. Этому способствовали динамичное развитие туризма в Евразии, появление новых направлений для посещения. По мере развития дорожной инфраструктуры, строительства железных дорог и открытия водных маршрутов иностранцы получали возможность путешествовать по труднодоступным территориям России: Кавказ, Средняя Азия, европейский Север, Сибирь. Главной целью поездки было увидеть малоизвестный край, его природу, главные города и достопримечательности. При этом Сибирь как место ссылки не особенно интересовала путешественников до середины 1870-х гг., хотя обширный край ассоциировался за рубежом именно с тюрьмами¹. Англо-американские путешественники обычно ограничивались краткими сообщениями о статусе заключенных, выделяя в Иркутске польскую колонию ссыльных. В середине 1870-х гг., когда в европейских странах и США появилась потребность в обмене опытом по реформированию тюрем, а также начался подъем христи-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 23-28-01108 «Сибирь в англо-американских путеводителях: формирование современных образов края во второй половине XIX – первой четверти XX в.».

анского миссионерства за рубежом, у иностранцев стал расти интерес к положению дел в пенитенциарной системе России. Это напрямую отразилось на интересах путешественников, написавших путевые заметки о посещении Сибири. Начиная с поездки английского священника, филантропа, миссионера Генри Лансделла тема сибирской ссылки и положения заключенных стала главной в травелогах 1880-х — начала 1890-х гг. Благожелательный взгляд Лансделла на тюрьмы Сибири и условия содержания заключенных в конце 1870-х гг. был вскоре раскритикован американскими журналистами Дж. Бьюэлом и Дж. Кеннаном². Статьи Кеннана о Сибири имели большой резонанс в англо-американской печати и получили поддержку в среде российской революционной эмиграции (С. Степняк, П. А. Кропоткин), которая с начала 1880-х гг. выступала в зарубежной печати с оправданием террора «Народной воли»³. При этом необходимо отметить, что возмущение англичан условиями содержания политзаключенных и жестокого отношения администрации к ним носило во многом не политический, а религиозно-гуманитарный характер. Далеко не все среди активных миссионеров и путешественников поверили публикациям Кеннана. В 1889 г., после выхода книги из «Из Пекина в Кале», в спор об условиях содержания сибирских заключенных включился видный английский путешественник, член Королевского географического общества Гарри Де Виндт⁴. Он оппонировал Кеннану в оценке характера тюремного режима сибирских тюрем, дискутируя с ним в английской прессе, а затем в своей книге «Сибирь как она есть»⁵. В связи с поддержкой русской писательницы Ольги Новиковой, проживавшей в Лондоне и выступавшей в роли неофициального лоббиста интересов российской монархии, публикации де Виндта зачастую воспринимались в Великобритании как попытка российского правительства нивелировать положительное восприятие работ Кеннана⁶.

В отечественной историографии дискуссия в англо-американской прессе конца 1880-х — начала 1890-х гг. о жестокостях сибирской ссылки традиционно исследуется с точки зрения восприятия в России, в особенности в среде российского революционного движения. Именно поэтому на первый план среди историков вышли исследования по биографии Кеннана, книга которого «Сибирь и ссылка» пользовалась большой популярностью в России среди образованных людей. В центре внимания оказались споры горячих сторонников и ярых оппонентов свидетельств Кеннана, а также публичная поддержка американцем российских «нигилистов»⁷.

Противопоставление разоблачительных статей Кеннана положительным отзывам о сибирских тюрьмах Лансделла было важным инструментом пропаганды английского «Общества друзей русской свободы», объединившего

под своей эгидой лондонский кружок эмигрантов во главе с революционерами С. М. Степняком-Кравчинским и Ф. В. Волховским и поддержанного некоторыми английскими либералами-пацифистами. Выступая на страницах своего журнала «Free Russia» («Свободная Россия») с критикой самодержавия, общество продвигало работы Кеннана о сибирской ссылке как единственное достоверное свидетельство.

Английский юрист и видный либеральный политик из Ньюкасла, президент вышеупомянутого общества Роберт Спенс Уотсон (1837–1911) в аннотации на травелог Лансделла «По Сибири» отмечал, что священник, «по его собственным словам, потратил в общей сложности всего пятнадцать часов на личный осмотр тюрем, в то время как Кеннан посвятил большую часть своего времени их изучению»⁸.

Похожие аргументы о поверхностном знании предмета и незнании русского языка приводил в своей статье бывший ссыльный, народник Ф. В. Волховский, выступая с критикой выводов де Виндта, посетившего губернскую тюрьму в Томске в августе 1890 г. В дискуссии участвовали столичные газеты, например консервативное издание «Пэлл Мэлл», дававшее слово на своих страницах как де Виндту, так и Кеннану⁹.

Де Виндт, выступавший в качестве защитника российского правительства, не строил свою аргументацию на полном отрицании недостатков и административного произвола в сибирской ссылке. Английский путешественник делал акцент на преобразованиях и улучшениях, которые постепенно и последовательно внедрялись с момента начала в Российской империи тюремной реформы 1879 г. Де Виндт настаивал, что с 1889 г. произошли позитивные перемены в сфере транспортировки заключенных и доставления к месту заключения, ссылаясь на свой опыт посещений и официальные отчеты. Точка зрения де Виндта была, с одной стороны, неприемлема для противников российского самодержавия внутри российской революционной эмиграции, а с другой стороны, британская пресса находила выводы путешественника малоубедительными по сравнению с более подробным анализом Кеннана¹⁰. Кроме того, позиция де Виндта была непопулярна на фоне новостей о массовом самоубийстве политических заключенных на Кариской каторге в ноябре 1889 г. Для британской прессы это трагическое событие стало дополнительным свидетельством правоты американского журналиста¹¹.

Вне внимания историков остались травелоги и публикации англичан, которые не отнесли себя ни к одному из лагерей, рассчитывавших тем самым избежать крайностей в оценках самодержавия при рассмотрении вопроса об условиях сибирской ссылки. Такая сбалансированная точка зрения на сибирскую ссылку стала возможной на фоне начала реализации одного из крупнейших инфраструктурных проектов конца XIX – начала XX в. – строительства Транссиба¹². Это стало происходить после того, как британские газеты в 1892–1893 гг. все чаще стали писать о «грандиозном проекте Царя».

Обсуждение сибирской ссылки и восприятие самого края до начала 1890-х гг. проходило в контексте восприятия Сибири как далекого и отсталого края. Новый облик Сибири, т. е. преобразование края на фоне строительства железной дороги и реформы пенитенциарной системы, стали главной темой травелога шотландского дипломата, теолога, ученого Джеймса Янга Симпсона, который отправился в путешествие по Сибири спустя одиннадцать лет после Кеннана и шесть лет спустя после де Виндта. Путешествуя по краю в новых реалиях, он воспринимал Сибирь в контексте упомянутой выше дискуссии о сибирской ссылке в Великобритании¹³. Принадлежа к новому поколению британских путешественников, Симпсон стремился по-другому посмотреть на Сибирь, иначе, чем его предшественники интерпретировать увиденное в поездке. К тому же он выучил русский язык. В России Симпсон познакомился и поддерживал личные отношения с некоторыми влиятельными русскими чиновниками. Самым видным из них был управляющий делами Комитета министров, а затем председатель Государственного совета А. Н. Куломзин, с которым Симпсон имел деловую переписку¹⁴. Большое значение для формирования взглядов Симпсона имело знакомство с А. П. Саломоном, ставшим с 1896 г. начальником Главного тюремного управления и снискавшим уважение современников за гуманное отношение к заключенным¹⁵. Религиозно-этические взгляды Симпсона также основывались на идеях гуманного отношения к заключенным и во время последующих визитов в Россию он встречался с членами Особого совещания о ссылке и каторге. В конце концов, равно как и де Виндт с Кеннаном, Симпсон стал экспертом по дореволюционной России, посетив страну с 1896 по 1917 г. пять раз¹⁶.

Интерес к России и Сибири возник у Симпсона в начале 1890-х гг. после знакомства в Эдинбурге с русским филантропом князем Николаем Сергеевичем Голицыным, родственником видного государственного деятеля Н. Д. Голицына. По свидетельству Симпсона, Голицын сочувственно относился ко всем жертвам политических преследований в России. Голицын пригласил своего шотландского друга, выпускника Эдинбургского университета, провести Рождество в своем поместье на юге России. Изучив русский язык, Симпсон весной 1896 г. прибыл в Россию в сопровождении Голицына, который помог получить официальное разрешение на посещение мест заключения в Сибири и сопровождал шотландца на протяжении всей поездки. Проследовав через Москву, путешественники отправились на восток, пробыв в Сибири до конца лета¹⁷.

Главную цель поездки Симпсон видел в подробном изучении мест ссылки и заключения в Сибири, чтобы понять, как изменились условия содержания заключенных за первую половину 1890-х гг. Травелог, изданный в 1898 г., в самом названии указывал на стремление по-новому изучить сибирскую ссылку в свете строительства трансконтинентальной железной дороги. Симпсон исследовал историю вопроса посещения сибирской ссылки на основе имевшихся в его распоряжении источников и подвел итог предшествующим

дискуссиям о сибирской ссылке. По его мнению, современные представления о Сибири сложились всего из трех источников: описание края англо-американскими путешественниками, которые путешествовали зимой, отдельные газетные заметки и публикации Кеннана, поддержаные работами политических эмигрантов, часть которых сами были некогда сибирскимисылыми. Симпсон был знаком с травелогами Лансделла и де Виндта, считая, что последний предложил крайнюю альтернативу точки зрения Кеннана. Как считал Симпсон, истина в вопросе о характере сибирской ссылки лежит посередине между противоположными взглядами Кеннана и де Виндта¹⁸. Симпсон полагал, что в контексте начавшегося развития Сибири необходимо заново вернуться к тем вопросам, которые обсуждались предшественниками. Анализируя состав осужденных по категориям, Симпсон обращался к ведомственной статистике Главного тюремного управления и ссылался на отчет ведомства за 1894 г. Подробная характеристика категорий и статуса ссыльных в восьмой главе его книги свидетельствует о том, что Симпсон был хорошо знаком не только с отчетами, но и с «Уставом о содержащихся под стражей» 1886 г. Наконец, большое значение при изучении пенитенциарной системы Симпсон отводил личным беседам и расспросам государственных деятелей, местных чиновников и простых служащих, с которыми удалось познакомиться во время поездки¹⁹.

Главное внимание в своей книге Симпсон уделил тем вопросам, которые уже обсуждались в травелогах его предшественников: перенаселенности тюрем и качеству бытовых условий заключенных, исследованию процесса этапирования осужденных, общей оценке сибирской ссылки по итогам ее реформирования в предшествующие годы и в контексте строящейся железнодорожной линии.

Рассказ о московских ночлежках, предварявший повествование о томской пересыльной тюрьме, стал вступлением к проблеме переполненности тюрем, о которой ранее спорили де Виндт и Кеннан, так и не прийдя к общему мнению²⁰. Кеннан критиковал тюремные власти за переполненность камер, а де Виндт считал, что ситуация с чрезмерным наполнением камер постепенно решается. Симпсон, стараясь избегать крайностей, показал, что в тюрьмах количество заключенных колеблется в течение года. При этом он показал, что в ночлежных домах условия едва ли не хуже, чем в тюрьмах²¹.

Симпсон придерживался точки зрения, что условия содержания в пересыльных тюрьмах разнятся от города к городу. Сравнивая Тюменскую и Томскую тюрьмы, путешественник заметил, что «тюрьма в Тюмени была гораздо менее желанным местом из двух». Симпсона поразила чистота томской тюрьмы в отличие от тюменской. Элементарное питание для заключенных — хлеб и квас — также было лучше в Томске²².

Наиболее значимое место в исследовании тюремной системы в работе Симпсона отводилось изучению процесса этапирования осужденных, кото-

рые сначала добирались из Москвы до Нижнего Новгорода, затем на баржах по Волге и Каме до Перми и оттуда поездом до Томска²³. Симпсон отмечал, что из этого города начиналась пересылка ссыльных, представлявшая собой систему, известную как «этапирование заключенных», т. е. когда в пути осужденные проводят одну или две ночи в различных местах заключения²⁴.

Симпсон писал, что из Перми в Тюмень заключенные ехали целые сутки в обычном вагоне третьего класса, хоть и с решетками на окнах — «роскошь по сравнению с конными повозками, в которых переселенцам, проезжающим по Транссибирской магистрали, приходится проводить неделю». Аналогичную картину он наблюдал на барже, которая перевозила заключенных из Тюмени в Томск. На ее борту находилось 26 конвоиров, ютившихся в одном тесном помещении, где едва хватало места, чтобы разойтись. Таким образом, делал вывод Симпсон, «судьба стражника ненамного лучше, чем судьба его подопечного, за исключением той значительной разницы между ними, что один надзиратель, а другой — его подопечный»²⁵.

В Томске, как указывал Симпсон, заключенных готовили к длительно-му пути в Нерчинск — один из главных центров дореволюционной каторги и ссылки. По словам конвойного офицера, с которым иностранец пообщался в городе, время пути должно было составить три месяца, и когда Симпсон прибыл в Верхнеудинск (Улан-Удэ), то он повстречал ту же партию этапируемых, уже сильно уставших в пути: «...некоторые из осужденных в изнеможении опустились на землю»²⁶.

В условиях развития Сибири этапирование, по мнению Симпсона, необходимо было реформировать. Он выделил три важных момента, которые следовало изменить. Во-первых, денежное содержание заключенных (8,5 коп.) казалось Симпсону несправедливым, поскольку оно не соответствовало рыночным ценам в Сибири. Второе замечание касалось материального состояния этапов Западной Сибири, которая уступала в этом отношении Восточной, но в целом Симпсон положительно оценивал качество мест заключения на этапах. Многие из них, по его мнению, были в отличном состоянии, а некоторые требовали простого ремонта. Недостаточность средств на ремонт Симпсон объяснял не пре-небрежением к заключенным, а тем, что в правительстве ожидали завершения строительства железной дороги, когда необходимость в содержании тюрем на этапе отпадет²⁷. В-третьих, Симпсон указал на проблему медицинского обслуживания на этапах, поскольку это касалось в равной степени и осужденных, и охранников. Больных оставляли в городах, но, поскольку расстояние между ними могло составлять более ста миль, то отсутствие лечения приводило к высокой смертности среди заболевших. Участь солдат и офицеров была так же тяжела, как и судьба любого из каторжников. Для лечения солдат в пути у офицера было «только касторовое масло и немного хинина».

Симпсон рассчитывал, что строительство железной дороги будет важным фактором реализации идеи А. П. Саломона и сделает перемещение заключенных

более гуманным, избавив участников этапирования от рисков для их здоровья. Изнурительное этапирование, считал он, с каждым годом будет сокращаться, а когда железная дорога дойдет до Нерчинска, то необходимость в этапировании окончательно отпадет²⁸.

Симпсон пересматривал распространенное среди иностранцев отношение к Сибири в связи со строительством Транссиба. Он предсказывал Транссибу ведущую роль в усилении имперского влияния на Дальнем Востоке. Возведение дороги, по его мнению, приведет к широкому использованию труда заключенных, что оценивалось путешественником позитивно, поскольку так решалась проблема «всеобщего безделья осужденных и отсутствия серьезной цели в обеспечении их работой»²⁹.

Подытоживая свои наблюдения во время поездки, Симпсон делал пять выводов относительно текущего состояния сибирской ссылки и перспектив ее эволюции в конце XIX – начале XX в. Во-первых, он отмечал, что сибирская ссылка произвела на него противоречивое впечатление: организация ссылки в некоторых аспектах достойна подражания, как, например, в вопросе предоставления большой степени свободы ссылочным, пользовавшимся правом на переписку, выписку книг и газет и т. д. Однако тюремные власти и администрация имели возможности для злоупотреблений, хотя и в меньшей степени, чем это было ранее. Во-вторых, Симпсон полагал, что произвол в тюрьмах и ссылке был отражением общего стиля управления в Российской империи в самых разных сферах. «Произвол настолько укоренился во всех русских делах, что здесь нас это не должно удивлять: это тот порок, который продолжится дольше прочих». В-третьих, Симпсон пришел к выводу, что положение заключенных лучше в крупных пенитенциарных учреждениях, чем в небольших локальных тюрьмах. В качестве примеров он приводил поселения осужденных в Александровском централе и на Нерчинской каторге, условия существования в которых он находил «приемлемыми». В худшую сторону отличалось положение дел в губернских тюрьмах, где содержалось не очень много осужденных. Симпсон оптимистично считал, что прокладка железной дороги и укрупнение тюрем приведет к улучшению содержания заключенных: «...железная дорога произведет революцию в этапировании — фактически покончит с ним; и не следует ожидать, что местное тюремное управление надолго отстанет от прогресса, к которому стремятся все отрасли системы». В этом аспекте критики сибирской ссылки Симпсон соглашался с де Виндтом, ожидая, что в недалеком будущем преступники все меньше будут страдать от невыносимых условий на фоне улучшения качества управления системой: «...начальнику тюрьмы, возможно, и удастся замять смерть пяти человек от удушения или голода, но объяснить смерть сотни заключенных будет сложно. Терпимость существования в крупных учреждениях обусловлена количеством заключенных, и тем фактом, что для них необходимо обеспечить приемлемое довольствие в связи с их численностью. Кроме того, заключенные там находятся под

опекой лучших управленцев». В-четвертых, Симпсон пессимистично смотрел на уровень медицинского обслуживания в ссылке. Низкое качество лечения из-за недостаточного финансирования он считал главным недостатком сибирской ссылки. В-пятых, Симпсон после знакомства с планами преобразования ссылки, разработанными под руководством начальника Главного тюремного управления А. П. Саломона, считал, что начинается новая эпоха в истории сибирской ссылки, связанная с отменой пешего этапирования и заменой ссылки на заключение в исправительные арестантские отделения и тюрьмы³⁰. Прогнозы Симпсона в целом оказались верными. Соломуну удалось инициировать преобразование сибирской ссылки, и 10 июня 1900 г. Государственный совет утвердил Временные правила о замене ссылки на поселение и житье другими наказаниями³¹.

Наблюдения о Сибири и его взгляд на состояние ссылки сначала были опубликованы Симпсоном в шотландском журнале «Blackwood's Magazine» в 1897 г. в качестве отдельных статей. Впоследствии статьи были переработаны в книгу с некоторыми дополнениями. Еще в период опубликования статей в британских газетах и журналах начали появляться отклики на работы Симпсона. В большинстве своем они были положительными. Автор сумел убедить аудиторию, что за его впечатлениями и выводами стояла как предварительная работа по изучению вопроса о ссылке, так и поездка по главным тюремным учреждениям Сибири³². У Симпсона получилось осуществить задуманную им идею травелога о меняющемся крае, который постепенно преодолевает имидж места для ссылки преступников благодаря начавшейся крестьянской колонизации и строительству железной дороги. Его книга стала последним значимым англо-американским травелогом в XIX в., посвященным сибирским тюрьмам. Симпсон не только стремился разобраться в крайностях взглядов де Виндта и Кеннана, предложив, насколько это было возможно в его положении иностранного наблюдателя, объективный взгляд на положение заключенных, но и считал важным показать ключевое значение Транссиба для освоения края и отказа от прежних форм наказания и этапирования заключенных. Вскоре Кеннана перестала интересовать тема ссылки, и он переключился на другие проблемы. В последующих зарубежных травелогах о Сибири англо-американские авторы, включая самого Симпсона, больше писали о потенциале и возможном экономическом развитии края, чем о несправедливостях и зверствах, творящихся на катаргах и в тюрьмах. С постройкой Транссиба в начале XX в. тема ссылки была вытеснена из повестки авторов травелогов, поскольку Сибирь все больше ассоциировалась у иностранцев, путешествовавших по Транссибу в период с 1899 по 1914 г., с большим ресурсным, экономическим и человеческим потенциалом, развитие которого, как считалось, способно превратить обширный край в процветающую область к середине XX в. Процветание Сибири никак не вязалось с прежними представлениями о ней как о месте ссылки.

- ¹ *Knox T. W.* Overland through Asia, Pictures of Siberian, Chinese, and Tartar Life. Hartford, 1870. P. 262–265.
- ² *Lansdell H.* Through Siberia. Vols. 1–2. London, 1882; *Buel J.* Russian Nihilism and Exile Life in Siberia. St. Louis, 1883; *Kennan G.* Siberia and the Exile System. New York, 1891.
- ³ Нечипорук Д. М. Во имя нигилизма: Американское общество друзей русской свободы и русская революционная эмиграция (1890–1930 гг.). СПб., 2018. С. 40–61.
- ⁴ *De Windt H.* From Pekin to Calais by Land. London, 1889.
- ⁵ *De Windt H.* Siberia as it is. London, 1892. P. 355–356.
- ⁶ The Glasgow Herald. 1892. No. 54. P. 4.
- ⁷ Меламед Е. И. Русские университеты Джорджа Кеннана: Судьба писателя и его книг. Иркутск, 1988; Нечипорук Д. М. Во имя нигилизма; Иванов А. А. Сибирская политическая ссылка XVII – начала XX в. в исследований современников: учебное пособие. Иркутск, 2013. С. 52–137.
- ⁸ Free Russia. American Edition. 1890. No. 4. P. 16.
- ⁹ *De Windt H.* Siberian prisons // Pall Mall Gazette. 1890. No. 7992. P. 2; *Kennan G.* To the editor of the Pall Mall Gazette // Ibid. 1890. No. 7996. P. 3.
- ¹⁰ Birmingham Daily Gazette. 1892. No. 7877. P. 8; Leeds Mercury. 1892. No. 16816. P. 8.
- ¹¹ Manchester Courier. Weekly Supplement. 1890. No. 10445. P. 1.
- ¹² Лукоянов И. В. Сибирская железная дорога: замыслы, проекты, воплощения // Россия и АТР. 2021. № 1. С. 38–51.
- ¹³ *Simpson J. Yo.* Side-lights on Siberia; some account of the great Siberian railroad, the prisons and exile system. Edinburgh; London, 1898. P. 329–331, 371.
- ¹⁴ Российский государственный исторический архив. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 438. Л. 1.
- ¹⁵ Беккин Р. «...Не уклоняться в сферы, мне столь чуждые» (Александровский лицей) // Аврора. 2018. № 3. URL: <https://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/content/ne-uklonyatsya-v-sfery-mne-stol-chuzhdye> (дата обращения 16.03.2024).
- ¹⁶ *Simpson J. Yo.* The garment of the living God: studies in the relations of science and religion: the Sprunt lectures delivered in Richmond Theological Seminary in 1934. London: Hodder & Stoughton, 1934. P. 24, 37, 40–43.
- ¹⁷ Ibid. P. 24.
- ¹⁸ *Simpson J. Yo.* Side-lights on Siberia. P. 195.
- ¹⁹ Ibid. P. 197, 256.
- ²⁰ Ibid. P. 145–146.
- ²¹ Ibid. P. 143.
- ²² Ibid. P. 144–149.
- ²³ Ibid. P. 142–143, 147.
- ²⁴ Ibid. P. 173.
- ²⁵ Ibid. P. 147, 164.
- ²⁶ Ibid. P. 141.
- ²⁷ Ibid. P. 191.
- ²⁸ Ibid. P. 193.
- ²⁹ Ibid. P. 374.
- ³⁰ Ibid. P. 373–374.
- ³¹ Архипов С. В., Бурукин В. В. Обсуждение института ссылки в механизме колонизации Сибири и Дальнего Востока в общественных и правительственные кругах России в XIX веке // Вестник Кузбасского института. 2016. № 1 (26). С. 133.
- ³² Pall Mall Gazette. 1898. No. 10274. P. 4; Liverpool Mercury. 1898. No. 15666. P. 9.

References

- ARHPOV, S. V., BURUKIN, V. V. Obsuzhdenie instituta ssylki v mekhanizme kolonizatsii Sibiri i Dal'nego Vostoka v obshchestvennykh i pravitel'stvennykh krugakh Rossii v XIX veke [Discussion of the Institution of Exile in the Mechanism of Colonization of Siberia and the Far East in Public and Government Circles of Russia in the 19th century. In Russ.]. In *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 2016. No 1 (26), pp. 129–135.
- BORTNIKOVA, O. N. *Sibir' tyuremnaya: penitentsiarnaya sistema Zapadnoi Sibiri v 1801–1917 gg.* [Prison Siberia: the Penitentiary System of Western Siberia in 1801–1917. In Russ.] Tyumen', Tyumenskij juridicheskij institut MVD RF, 1999.
- IVANOV, A. A. *Sibirskaya politicheskaya ssylka XVII — nachala XX v. v issledovaniyah sovremenников. Uchebnoe posobie* [Siberian Political Exile of the 17th – Early 20th Centuries in the Studies of Contemporaries. In Russ.]. Irkutsk, 2013. P. 52–137.
- LUKOYANOV, I. V. *Sibirskaya zheleznaya doroga: zamysly, proekty, voploscheniya* [Siberian Railway: ideas, projects, implementations. In Russ.]. In *Rossiya i ATR*. 2021. No 1, pp. 38–51.
- MELAMED, E. I. *Russkie university Dzhordzha Kennana: Sud'ba pisatelya i ego knig* [Russian Universities of George Kennan: The Fate of the Writer and His Books. In Russ.]. Irkutsk, 1988.
- NECHIPORUK, D. M. *Vo imya nigliizma: Amerikanskoe obshchestvo druzei russkoi svobody i russkaya revolyutsionnaya emigratsiya (1890–1930 gg.)*. [In the Name of Nihilism: The American Society of Friends of Russian Freedom and the Russian Revolutionary Emigration (1890–1930). In Russ.] St. Petersburg, 2018.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. И. Макурин, Д. М. Нечипорук. Истина находится посередине: опыт исследования сибирской ссылки шотландским ученым Джеймсом Янгом Симпсоном // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 112–122

Аннотация: В статье исследуется дискуссия о сибирской ссылке в среде английских и американских путешественников в конце 1880-х – середине 1890-х гг. Показано, что первоначально тема сибирской ссылки не сильно интересовала англо-американских путешественников. На первый план данная тема вышла после путешествия английского миссионера Г. Лансделла в 1878 г. Поездка американского журналиста Дж. Кеннана в 1885 г. и его критика содержания заключенных в книге «Сибирь и ссылка», опубликованной в 1891 г., породила оживленную дискуссию среди англичан, часть которых оспорила выводы Кеннана. Главным критиком был путешественник и писатель, британский аристократ Г. де Виндт. Он указывал, что оценка Кеннаном деятельности российских властей по исправлению тюремной системы имела предвзятый характер, а к моменту публикации книги Кеннана содержание заключенных во многом было исправлено. Тем не менее в английской прессе до середины 1890-х гг. в большей степени поддерживали точку зрения Кеннана. Новости о строительстве Транссибирской железной дороги начали менять отношение как к Сибири, так и к ссылке. Анализ работы шотландского путешественника, в будущем видного дипломата Джеймса Янга Симпсона (1873–1934), посетившего сибирскую ссылку после поездок Кеннана и де Виндта, показал, что отношение к краю начало меняться, а выводы Кеннана перестали быть актуальными. Симпсон, впечатленный размахом прокладки железной дороги, считал, что вскоре этапирование заключенных пешком и по воде прекратится, а условия содержания заключенных будут улучшаться. Симпсон считал некорректным обобщать выводы по условиям содержания заключенных в Сибири, указывая на различное отношение к преступникам в зависимости от характера управления и типа тюрем. Травелог Симпсона оказался последней значительной книгой XIX в., посвященной сибирской ссылке. В дальнейшем путешественники в большей степени интересовались перспективами экономического развития Сибири и местом края в международных отношениях на Дальнем Востоке в начале XX в.

Ключевые слова: Сибирь, ссылка, путешественники, Великобритания, Дж. Я. Симпсон, Дж. Кеннан, Г. Лансделл, Г. де Виндт.

FOR CITATION

A. I. Makurin, D. M. Nechiporuk. The truth is in the middle: the experience of studying the Siberian exile by the Scottish scientist James Young Simpson // Petersburg historical journal, no. 1, 2025, pp. 112–122

Abstract: This article examines the debate about Siberian exile among English and American travelers in the late 1880s and mid-1890s. It shows that initially the Siberian exile did not attract much attention among Anglo-American travelers who published books about their travels in Russia. After the journey of the English missionary Henry Lansdell through Siberia in 1878, the Siberian exile became the main subject of discussion among Anglo-American travelers in the 1880s. For example, an 1885 trip to Siberia by the American journalist George Kennan and his criticism of the treatment of political prisoners paved the way for a lively debate among Englishmen about the harshness of Siberian exile. Some of them disputed Kennan's conclusions. The main opponent was the avid traveler and writer, the British aristocrat Harry de Windt. He pointed out that since Kennan's visit to Siberian prisons, conditions for prisoners had been improved by the Imperial authorities. Until the mid-1890s, however, the British press largely supported Kennan's view. News of the construction of the Trans-Siberian Railway began to change attitudes in the West towards both Siberia and exile. An analysis of the work of the Scottish traveler and diplomat James Young Simpson (1873–1934), who visited the Siberian exile after Kennan and de Windt's trips, shows that attitudes towards the region had begun to change after 1895; Kennan's conclusions were no longer relevant. Simpson, impressed by the scale of the railway construction, believed that the transport of prisoners on foot and by water should cease. He expected prisoner conditions to improve. Simpson warned that it was wrong to generalise about prison conditions in Siberia. He pointed out that attitudes towards criminals varied according to the style of prison administration and the type of prison. After Simpson foreign travelers were more interested in the prospects of Siberia's economic development, as well as the geopolitical position of the region in the Far East at the beginning of the 20th century.

Key words: Siberia, exile, travelers, the United Kingdom, J. Yo. Simpson, G. Kennan, H. Lansdell, H. de Windt.

Автор: Макурин, Андрей Игоревич — к. и. н., старший научный сотрудник Тюменского государственного университета, доц. кафедры всеобщей истории РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург — Тюмень, Россия).

Author: Makurin, Andrey Igorevich — PhD in History, Senior Researcher of Tyumen State University PhD in History, Associate Professor, Department of World History, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg — Tyumen, Russia).

E-mail: aimdif@yandex.ru

Автор: Нечипорук, Дмитрий Михайлович — к. и. н., старший научный сотрудник Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия).

Author: Nechiporuk, Dmitrii Mikhailovich — PhD in History, Senior Researcher of Tyumen State University (Tyumen, Russia).

E-mail: nechiporuk79@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3913-5311

Л. В. Антонова

Выставки в Лондоне в контексте культуры питания британцев последней трети XIX – начала XX в.*

Викторианская и эдвардианская эпохи были временем беспрецедентного индустриального развития, урбанизации и связанных с ней социальных трансформаций, научного прогресса, широчайшей колониальной экспансии и обусловленного ею взаимопроникновения западной и восточной цивилизаций. Все эти обстоятельства меняли облик английских городов и сказывались на самых разных сторонах жизни и быта англичан. Британская и колониальная повседневность XIX – начала XX в. неизменно привлекает внимание исследователей, что находит отражение в обширной научной и научно-популярной литературе. Один из интересных аспектов данной темы – культура питания и те новшества, которые проникали в нее под влиянием перечисленных выше факторов¹.

Англичане всегда любили сытно поесть. В конце XVIII – первой половине XIX в. основу их рациона составляли зерновые, рыба, мясо и дичь, небольшое количество овощей, пудинги с садовыми фруктами; пиво было основным напитком. Разнообразие стола зависело от дохода, бедные горожане питались в основном хлебом с сыром, пивом и чаем². Индустриализация второй половины столетия изменила логистику внутри страны, обеспечила транспортировку грузов из заокеанских колоний, как следствие рацион обогащался, менялись

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 23-28-01269; <https://rscf.ru/project/23-28-01269/>

привычки питания. Это касалось в меньшей степени сельских жителей, чьи возможности по-прежнему были ограничены, а образ жизни оставался более консервативным, а также аристократии — заморские продукты, напротив, стали доступны им раньше. Изменения затронули в первую очередь городской средний и рабочий класс.

В поздневикторианские времена города в середине дня, т. е. во время обеда, были заполнены множеством рабочих. Это послужило распространению в 1880-е гг. многочисленных недорогих кофеен, ориентированных на посетителей с разным уровнем дохода. Они были похожи на пабы, но предлагали не пиво и другие алкогольные напитки, а кофе, чай, какао в разлив и определенный небольшой ассортимент еды, которую можно было съесть на ходу. Люди скромного достатка могли быстро перекусить и в так называемых устричных барах — маленьких ресторанчиках, работавших по типу самообслуживания, или купить с собой готовые креветки и сэндвичи. Также в 1880-х массово появлялись магазинчики, предлагавшие за 3–5 пенсов фиш-энд-чипс — быструю и дешевую еду для рабочего класса. Они стали так популярны, что в начале XX в. по всей Британии их насчитывалось 25 тыс. Данный факт, без сомнения, являлся следствием технического прогресса — новые морские траулеры позволяли выловить в североатлантических водах много рыбы — обычно для этого блюда использовалась треска, — и быстро доставить ее на городские рынки. Промышленное развитие также изменило облик домашней кухни и заведений общественного питания. Появились новые технологии обработки металла, а значит, более дешевые кастрюли, сковороды, формы для пирогов и другие кухонные приспособления. Однако в конце века большинство горожан чаще обедали не дома, а в ресторанах или сетевых чайных и кофейнях в зависимости от дохода. Все чаще вместо того, чтобы готовить самостоятельно, покупали полуфабрикаты или готовую еду. Особенно это касалось людей, распорядок рабочего дня которых не позволял тратить много времени на приготовление пищи, а стесненные жилищные условия не предполагали наличия места и приспособлений для этого. К 1870-м гг. для хозяйки из рабочего класса не считалось зазорным покупать соусы, джем, сгущенное молоко, самоподнимающуюся муку, растворимые супы и т. д.³ Чайепитие уже давно стало частью английской культуры в широком смысле. Теперь же цены на чай снизились и из дорогого деликатеса, доступного в прошлые века только состоятельным слоям общества, он превратился в напиток бедняков, которые потребляли его в огромных количествах, запивая им хлеб или картофель⁴.

Итак, на изменение образа жизни англичан влияло техническое развитие и социальные трансформации города, но закреплению нового типа культуры потребления и пищевых привычек способствовали и другие факторы общественной жизни. Одним из них можно назвать международные и колониальные выставки, регулярно проходившие в рассматриваемый нами период в крупных британских городах и, прежде всего, в Лондоне. Каким образом практика проведения крупных выставок была связана с культурой питания англичанина?

Тематические международные выставки 1880–1900-х гг. занимали огромные площади⁵. Обойти такую выставку за пару часов было невозможно. Туда могли прийти семьями и провести за разглядыванием экспозиций целый день. Соответственно, организаторы заботились о том, чтобы гостям было где отдохнуть, плотно пообедать или быстро перекусить и, конечно, оставить деньги — все-таки выставки были мероприятием, ориентированным на извлечение прибыли.

Тема еды на выставках находила отражение в самом разном контексте. Так, например, на Выставке здоровья в 1884 г. было немало разделов, так или иначе связанных с питанием. Специально к ней было издано большое разнообразие брошюрок о системе здравоохранения, здоровом образе жизни, безопасных условиях труда и т. д. Среди них были посвященные еде: «Физиология пищеварения», «Диета, здоровье и работа», «Еда и ее приготовление для младенцев и инвалидов», «Английские и экзотические фрукты» и др.⁶ Заметим здесь, что с середины века в Англии распространялось вегетарианство, хотя некоторые врачи и отдельные связанные с движением трезвости христианские организации и до этого пропагандировали отказ от мяса. В 1847 г. было основано вегетарианское общество в Манчестере, а в 1849 г. — в Лондоне. Манчестерское общество имело на Выставке здоровья свой павильон, где предлагало ознакомиться с тематическими брошюрами и книгами, а также продавало комплексные обеды, напитки, супы, пироги, пудинги и другие блюда без мяса, рыбы и птицы. Вырученные средства пошли на благотворительные цели, а именно на питание для нищих⁷. Все это укладывалось в общий контекст основной темы данной выставки. Кстати, в выставочных каталогах того времени можно было встретить очень много рекламы разного рода готовых продуктов и полуфабрикатов, которые подавались как здоровая пища. К примеру, некий напиток под названием «Kola» с рекомендацией от ведущего медицинского журнала «Lancet», проведшего его анализ и обещавшего невероятный тонизирующий эффект благодаря высокому содержанию кофеина⁸.

В то же время британскую публику, по-видимому, особенно привлекала идея попробовать восточную кухню. В 1884 г. в индийской секции помимо уже привычных пряностей и консервов присутствовали иллюстрации, муляжи фруктов и чучела животных, употребляемых в пищу. В связи с этим было замечено, что гораздо интереснее привезти в Лондон большое количество продуктов и нескольких туземных поваров, чтобы они ежедневно готовили на продажу «хороший мусульманский или индусский обед» из традиционных блюд⁹. Спустя два года на Колониальной и Индийской выставке организаторы активнее всего рекламировали азиатскую кухню. «Дополнит привлекательность индийской секции то, что у взращенных на говядине британцев будет возможность побаловать себя настоящим индийским обедом, сервированным туземцами в истинно восточном стиле, — обещала в своем обзоре “Pall Mall Gazette”, — оценят ли они остроту карри и перца и экзотику черепахового супа?»¹⁰

На упомянутой выставке 1886 г. в изобилии были представлены продукты со всей империи. Чтобы посетители могли не только посмотреть на выставленную продукцию или приобрести ее на «колониальном рынке», была организована также «колониальная столовая», которой руководила Национальная школа кулинарии. Там можно было заказать полный обед. В каталоге приводились следующие цены: горячее мясо или рыба с хлебом и картофелем обошлись бы в 6 пенсов; за 1 шиллинг можно было получить горячее или холодное мясо, сладкое и сыр; выпить чашку индийского чая, кофе, шоколада или какао — всего 2 пенса. В лекционном зале Кулинарная школа проводила уроки — с двенадцати до часа по «кулинарии высокого класса», затем — по «элементарной кулинарии». Один раз в неделю индиец из Мадраса давал урок по приготовлению карри и других индийских блюд. Кроме того, на выставке было несколько баров, а в подвальном этаже Альберт-холла отвели место под винный погреб. Все, что касалось спиртных напитков, строго регламентировалось. Забавно, что один из пунктов правил категорически запрещал подавать любые алкогольные напитки сотрудникам выставки¹¹.

Правда, работа этой «колониальной столовой» не обошлась без проблем. В отношении обслуживания и ассортимента поступали жалобы. Часть помещений, первоначально отведенных под столовую, в итоге была передана продавцам колониальных вин, в связи с чем возникла путаница, где какие сорта вин подаются. Вина и пиво разливались и в самой столовой, и в многочисленных барах. Ассортимент поражал воображение — австралийская колония Виктория представила список вин из 200 наименований, хотя в наличии было только 80. Также свои бары были в канадской, кипрской, капской экспозициях. В отчетах приводились следующие цифры: продано 304 585 стаканов вина, в среднем 1 стакан на 13 посетителей. Южноавстралийские и канадские комиссары даже заказывали дополнительные поставки¹².

Какой-то недовольный посетитель написал в «The Times», что «в “колониальной столовой” школы кулинарии нет ничего колониального». Управляющая Э. Кларк ответила на это, что «вся баранина и ягненок были новозеландскими, сыры — канадскими, мука, картофель, лук, кабачки и т. д. из Виктории до тех пор, пока я могла их достать... но вскоре поставки прекратились. Мне постоянно говорили, что товары предназначены для выставки, а не для продажи»¹³. Общее число обедов и ужинов, поданных за период выставки, составило 588 313. Количество персонала столовой насчитывало около 85 человек. Официанткам было запрещено принимать от гостей чаевые, но желающие могли оставить их в коробочках на столах. По окончании выставки общая собранная сумма в размере 785 фунтов 15 шиллингов и 7 пенсов была поделена между всеми сотрудниками в соответствии со сложностью и временем работы — от 25 до 1 фунта на человека. Для небогатых посетителей работала также дешевая закусочная. Самыми частыми ее клиентами были рабочие и их семьи, попавшие на выставку с льготной экскурсией. Они могли утолить жажду и голод чашкой кофе или

чая, стаканом молока или лимонада за 1 пенс, хлебом с маслом за полпенса или куском кекса за 1 пенс¹⁴.

Отметим, что влияние индийской кухни на британскую было существенным. Смесь специй под названием карри завезли в Англию сотрудники Ост-Индской компании. Строго говоря, настоящий карри не мог быть сделан в Англии, так как в Индии для него растирают свежие пряности, но уже в кулинарных книгах XVIII в. появились рецепты «карри от лорда Клайва»¹⁵. Некоторые кулинарные традиции восточной империи такочно вошли в рацион Британии, что включаются в современные книги о британской кухне как традиционные для нее. Конечно, более активно этот процесс пошел во второй половине XX в. с усилением миграции индийцев и пакистанцев в бывшую метрополию.

С 1890-х гг. местом проведения крупных коммерческих выставок в Лондоне становится Эрлс-корт. Известный в то время антрепренер и экспозиционер Имре Киральфи¹⁶ стал главным организатором серии выставок, прославивших Британскую империю: выставка Индии, Цейлона, Борнео и Бирмы в 1896 г., Юбилейная 1897 г., Выставка Более Великой Британии в 1899 г. (Greater Britain — термин, употреблявшийся для обозначения имперских владений). В начале века при его участии были проведены Женская выставка 1900 г., Военная 1901 г. и др.

И. Киральфи был прежде всего бизнесменом, знатившим, как угодить публике и как на ней заработать. Как говорилось в каталоге военной выставки 1901 г., в Эрлс-корте было все для того, чтобы «насытить не только ум, но и тело». Развлекательная инфраструктура Эрлс-корта включала широчайший выбор мест, где можно поесть. Причем устроители явно ориентировались на гостей с самым разным достатком — от тех, кто мог позволить себе роскошный ресторанный обед, до желавших скромно перекусить на ходу. Также в одной из секций выставки была «изобретательная новинка в области общественного питания», «без ожидания, без чаевых» — автоматический буфет, по всей видимости, представлявший собой автомат с прохладительными напитками¹⁷. Можно было зайти в гриль-бар или расположенный рядом «Королевский ресторан». Из его французских окон гости любовались живописными пейзажами, но многие предпочитали столики на улице, чтобы послушать живой оркестр, игравший в павильоне рядом¹⁸. Также в садах у музыкального павильона расположился, по-видимому, самый дорогой ресторан Эрлс-корта — «Квадрант». Блюда от первоклассного шефа Кордон Блю могли посоперничать с лучшими лондонскими ресторанами. Столик нужно было заказать заранее письмом, телеграммой или по телефону¹⁹. Для публики попроще — пивная, тоже с «автоматической машиной для пива», чоп-хаус — самый дешевый тип английского ресторана, и столовая. Цены в последней были самые демократичные: холодное мясо за 6 пенсов, хлеб и сыр — за 2, молоко — 1 пенс, чай, кофе, минеральная вода — 2 пенса. Столовая обслуживала также организованные экскурсионные группы по предварительному заказу²⁰. Интересна реклама ресторана от фирмы

«Nao Food Co.», которая обещала обеды, ужины, шоколад и какао, вина и т. д. по умеренным ценам. Все блюда, подаваемые в этом ресторане, готовились из свежайшей дичи, птицы, говядины, барабанины по известным рецептам «Nao Food». «Блюда чрезвычайно изысканны и замечательны своими необычными восстанавливающими свойствами, особенно для женщин и детей», — гласила заметка²¹. Судя по рекламе в том же каталоге, эта фирма торговала разного рода полуфабрикатами (супы, растворимые смеси и т. д.)²². В дополнение к вышеперечисленному на территории Эрлс-Корта было множество небольших баров, буфетов и чайных павильонов.

Все эти заведения работали и на других выставках И. Киральфи, даже их описания копировались из каталога в каталог. Кулинарное разнообразие вносили продукты и блюда, отвечавшие тематике очередной выставки. Как уже отмечалось, многие из них были колониальными. Большой выбор заокеанской продукции был представлен в 1899 г. на Выставке Более Великой Британии. Правительство австралийской колонии Виктория — этой «Калифорнии южного полушария», — организовало систематические поставки свежих фруктов, молочных и мясных продуктов. Это стало возможным благодаря оснащению грузовых судов современными холодильными системами. На самой выставке также были оборудованы холодильные камеры для хранения продукции, предназначенней на продажу. В связи с этим в обзоре «The Times» говорилось о важности внедрения новых технологий для обеспечения продовольствием метрополии и развития торговли колоний с другими странами. С 1890 г. импорт замороженного мяса в Британию вырос с 20 тыс. коровьих и 3 млн бараньих туш до 120 тыс. и 5,5 млн соответственно в 1899 г. В Австралии сезон яблок приходился на февраль, лучшее сливочное масло делалось с октября по март, а сезон сбора сырья для сухофруктов (изюм, чернослив, инжир) не совпадал с северным полушарием. Вкупе с развитием технологий хранения и транспортировки это открывало большие перспективы, чтобы занять соответствующую нишу на мировом рынке²³.

В Эрлс-корте прошел и ряд выставок, посвященных другим государствам. В 1906 г. — Австрийская выставка, в 1908 г. — Венгерская. На первой для гостей работали венская пекарня и цех по изготовлению сосисок. В обоих шла бойкая торговля²⁴. На венгерской выставке также не обошлось без традиционных блюд, которые разносили официантки в национальных костюмах²⁵. В 1910 г. уже на другой площадке — в Шепардс-буш — И. Киральфи организовал Англо-Японскую выставку. Правда, кулинарная тема в заметках о ней ограничивалась описаниями чайной торговли²⁶. Возможно, японскую кухню сочли уж слишком экзотической, чтобы предлагать британской публике.

В рассматриваемый период в Лондоне регулярно проходили кратковременные выставки, посвященные непосредственно теме еды и кулинарии, организатором которых выступала одноименная ассоциация, а патронами становились королева, принц Уэльский и другие члены королевской семьи. Так, например,

в 1904 г. в Альберт-холле при участии множества почетных гостей была открыта уже 15-я по счету такая выставка. В отличие от крупных международных выставок, продолжавшихся по несколько месяцев, как правило в течение всего светского сезона, это небольшое тематическое мероприятие было рассчитано всего на четыре дня, видимо, в связи с тем, что большая часть экспонатов не подлежала долгому хранению. Программа выставки включала кулинарные соревнования, которые, надо заметить, и по сей день очень популярны в западных странах. Кстати, судьей на этой выставке выступал сам шеф-повар короля. Одной из главных просветительских задач называлась демонстрация различных технологий приготовления пищи, доступных для рабочего класса. «Приготовление еды в Англии, особенно среди беднейших классов, было ужасным. Значительная часть еды оказывалась в отходах просто потому, что люди не знали, как ее готовить», — сказал лорд-мэр на открытии²⁷. Это укладывалось в популярные тогда идеи экономной кулинарии, в рамках которой продвигалась мысль о том, что бедняки недоедают не потому, что имеют слишком маленький доход, а потому что нерационально распоряжаются заработком и не умеют правильно готовить пищу. Эта тема звучала еще на Выставке здоровья в 1884 г.

Сходные социальные задачи выполняла и выставка «еды и безалкогольных напитков», проведенная ассоциацией трезвости несколькими годами ранее. Помимо демонстрации рабочему люду, «как обеспечить свою семью хорошей полноценной едой», здесь говорили о борьбе с алкоголизмом, проблемах морали и нравственности²⁸.

В 1910 г. в Лондоне, Бирмингеме и Глазго прошла серия выставок, посвященных пищевой промышленности и «чистой еде». Ее целью была борьба с «разрастающимся бедствием — подделкой и загрязнением наших продуктов питания»²⁹. Известно, что одним из следствий развития массовой индустрии пищевых продуктов было появление на рынке фальсификаторов, некачественной и даже опасной продукции. На выставке можно было увидеть фруктовое пюре с морковью, репой и опилками; шоколадные сливки с воском; хлеб с медным и цинковым порошком; кофе, чай и какао с желудями, не говоря уже о всевозможных химических красителях в разных продуктах. Для сравнения были представлены качественные товары, «изготовленные лучшими фирмами»³⁰. Очевидно, что такие продукты стоили дороже и оказывались не по карману семье низкоквалифицированного рабочего. Описанные выше международные и колониальные выставки были мероприятиями очень статусными, поэтому их посетитель мог рассчитывать приобрести качественные продукты, например на «колониальном рынке», а также пообедать хорошо приготовленными блюдами. К тому же посещение такой выставки для простого человека было событием нерядовым и по такому случаю он, вероятно, был готов потратить больше денег. Товары в магазинах — другое дело. Скорее всего, пообедать в закусочной у знакомого хозяина для лондонского рабочего могло быть куда безопаснее, чем готовить самостоятельно из дешевых консервированных продуктов.

Таким образом, описанные нами выставки были массовыми объединяющими, рекламными мероприятиями, которые давали посетителям-британцам разнообразный опыт. Во-первых, это было пространство, где люди разного социального происхождения проводили свой досуг с развлекательной, образовательной, рекреационной целью. Одной из составляющих этого времепрепровождения было обязательное посещение заведений общественного питания. Такая практика в целом уже становилась привычной частью городской жизни индустриальной эпохи. Также в случае Лондона, столицы крупнейшей империи, это был опыт взаимодействия с колониальным миром. Выставки давали возможность пообщаться с колонистами и туземцами, узнать о различных имперских национальных практиках и даже стать их участниками. Посетители соприкасались с другой культурой сразу на нескольких уровнях: не только рассматривали разнообразие экспонатов, но и покупали на память сделанные туземными ремесленниками безделушки, пробовали новые продукты питания и блюда. Это тоже было одним из способов соприкосновения и взаимовлияния восточных и западных традиций и своего рода рекламой успехов британской колонизации, обогащавшей культуру метрополии. Немаловажна и просветительская задача выставок, поднимавших вопрос о здоровом питании и качестве продуктов. Конечно, не следует преувеличивать значение выставочных мероприятий в вопросе трансформации культуры питания или изменений в иных аспектах жизни и быта британцев. Однако выставки действительно были весьма популярным и эффективным способом пропаганды и рекламы, способствовали закреплению новых ценностей, привычек, повседневных практик, сформировавшихся в данную эпоху.

-
- ¹ Диттрич Т. В. Повседневная жизнь викторианской Англии. М., 2007. С. 32–37; Уорсли Л. Английский дом. Интимная история. М., 2011. С. 320–421.
 - ² Pool D. What Jane Austen ate and Charles Dickens knew. New York, 1994. P. 203–212; Тревельян Дж. М. Социальная история Англии. М., 1959. С. 422–424.
 - ³ Broomfield A. Food and cooking in Victorian England: a history. Westport, 2007. P. 16–19, 53–57; Диттрич Т. В. Повседневная жизнь викторианской Англии. С. 323–327.
 - ⁴ Pool D. What Jane Austen ate and Charles Dickens knew. P. 208–209.
 - ⁵ Hoffenberg P. H. An empire on display: English, Indian, and Australian Exhibitions from the Crystal Palace to the Great War. London, 2001.
 - ⁶ International Health Exhibition: Official catalogue. London, 1884. P. xlvi.
 - ⁷ Ibid. P. 12.
 - ⁸ Military Exhibition. Guide and catalogue. London, 1901. P. 128.
 - ⁹ Ibid. P. xlivi.
 - ¹⁰ Pall Mall Gazette. 1886. March 13. P. 4.
 - ¹¹ Report of the Royal commission for the Colonial and Indian Exhibition. London, 1887. P. lxx.
 - ¹² Ibid. P. 269.
 - ¹³ Ibid.
 - ¹⁴ Ibid. P. 271–174.

- ¹⁵ Hartley D. Food in England. London, 1954. P. 19.
- ¹⁶ Антонова Л. В. Имре Киральфи — шоумен, антрепренер, экспозиционер // Метаморфозы истории. 2021. № 19. С. 38–55.
- ¹⁷ Military Exhibition. Guide and catalogue. London, 1901. P. 117, 49.
- ¹⁸ Ibid. P. 135.
- ¹⁹ Ibid. P. 117.
- ²⁰ Ibid. P. 118.
- ²¹ Ibid. P. 48.
- ²² Ibid. P. 104.
- ²³ The Times. 1899. June 8. P. 15.
- ²⁴ The Times. 1906. August 17. P. 6.
- ²⁵ The Times. 1908. August 10. P. 4.
- ²⁶ The Times. 1910. May 14. P. 10.
- ²⁷ The Times. 1904. April 28. P. 14.
- ²⁸ The Times. 1898. December 5. P. 9.
- ²⁹ The Times. 1910. February 25. P. 19.
- ³⁰ The Times. 1910. May 25. P. 12.

References

- DITTRICH T. V. *Povsednevnaia zhizn' viktorianskoi Anglii* [Everyday Life in Victorian England. In Russ.]. Moscow, 2007.
- UORSLI L. *Anglijskii dom. Intimnaia istoriia* [English Home. Intimate History. In Russ.]. Moscow, 2011.
- TREVEL'JAN J. M. *Sotsial'naiia istoriia Anglii* [Social History of England. In Russ.]. Moscow, 1959.
- ANTONOVA L. V. Imre Kiral'fi — shoumen, antreprenor, ekspozitsioner [Imre Kiral'fi — Showman, Entrepreneur, Exhibition Designer. In Russ.] In *Metamorfozy istorii*. 2021. No. 19, pp. 38–55.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Л. В. Антонова. Выставки в Лондоне в контексте культуры питания британцев последней трети XIX – начала XX в. // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 123–132

Аннотация: В статье с опорой на материалы международных, колониальных и национальных выставок в Лондоне рассматриваются кулинарные пристрастия британцев, привычки приготовления и потребления еды в последней трети XIX – начале XX в. В тот период посещение выставочных мероприятий, в организации которых Британия имела самый передовой опыт, было популярным времяпрепровождением лондонцев и туристов и обязательно предполагало «кулинарную программу». На выставках рубежа веков посетители могли попробовать блюда, приготовленные из колониальных продуктов, приобрести восточные пряности, алкогольные напитки, фрукты и различные экзотические деликатесы. Большой выбор ресторанов, кофеен и недорогих закусочных для гостей экспозиций в числе других факторов способствовал закреплению привычки людей из разных классов потреблять еду в общественных местах. Просветительская программа выставок включала образовательные мастер-классы и лекции о здоровом питании, иностранной, в том числе туземной кухне. Делаются выводы о том, что выставки были эффективной рекламой новых продуктов питания, доставку которых в Европу сделал возможным прогресс в транспорте и технологиях хранения. В прикладном смысле это стимулировало развитие внутриимперской торговли. В то же время полученный на выставках новый гастрономический опыт способствовал взаимопроникновению европейских и восточных кулинарных традиций, что в определенной степени помогало обывателям лучше понять образ жизни, обычая и менталитет «другого».

Ключевые слова: культура питания, гастрономия, реклама, международные выставки, колониализм, Британская империя, «образ другого».

FOR CITATION

L. V. Antonova. Exhibitions in London in the context of British food culture of the last third of the 19th – early 20th Centuries // Petersburg historical journal, no. 1, 2025, pp. 123–132

Abstract: The article, based on materials from international, colonial and national exhibitions in London, examines the culinary preferences of the British, their habits of preparing and consuming food in the last third of the 19th – early 20th centuries. At that time, visiting exhibitions, in the organization of which Britain had the most advanced experience, was a popular pastime for Londoners and tourists and necessarily included a “culinary program”. At the exhibitions of the turn of the century, visitors could try dishes prepared from colonial products, buy oriental spices, alcoholic beverages, fruits and various exotic delicacies. A large selection of restaurants, coffee shops and inexpensive eateries were offered to the exhibition guests. This factor among others contributed to the consolidation of the habit of eating in public places for people of different classes. The educational program of the exhibitions included educational master classes and lectures on healthy eating, foreign, including native, cuisine. It is concluded that the exhibitions were effective advertisements for new food products, the delivery of which to Europe was made possible by progress in transport and storage technologies. In a practical sense, this contributed to the development of intra-imperial trade. At the same time, the new gastronomic experience gained at the exhibitions contributed to the interpenetration of European and Eastern culinary traditions, which, to a certain extent, helped ordinary people better understand the lifestyle, customs and mentality of “the other”.

Key words: food culture, gastronomy, advertising, international exhibitions, colonialism, British Empire, image of “the other”.

Автор: Антонова, Лидия Владимировна — к. и. н., доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Псковского государственного университета (Псков, Россия).

Author: Antonova, Lidia Vladimirovna — PhD in History, Associate Professor of the Russian and World History Department, Pskov State University (Pskov, Russia).

E-mail: antonova.lidia.24@yandex.ru

Л. А. Герд

Пол Андерсон и его визит в Палестину в 1923 г.

Палестина под британским управлением в 1920-е гг.

В 1917 г. Палестина была оккупирована британскими войсками и вошла в число английских колоний. Британское управление было здесь временным: предполагалось, что оно продолжится до тех пор, пока страна не будет способна к самостоятельной жизни. Права и обязанности британской администрации были определены в мандате на Палестину 1922 г.; период мандата длился до 1948 г., когда было образовано государство Израиль¹.

Англичане имели большой опыт управления в колониях Азии и Африки, где они по возможности сохраняли существующие формы религиозной и общественной жизни. Однако в Палестине они столкнулись с гораздо более сложной ситуацией. Основное население страны, арабы (христиане и мусульмане), проживавшие там в течение столетий, считали ее своей территорией. Между тем уже в XIX в. в Палестину начинают переселяться со всего мира евреи, которые также считали ее своей землей. Идея «еврейского дома» руководила состоятельными представителями еврейских общин, которые настояли на принятии «декларации Бальфура» (2 ноября 1917 г.). В 1910—1920-е гг. начинается массовое переселение евреев в Палестину, преимущественно из бывшей Российской империи. Британцы на протяжении всего периода мандата с переменным успехом старались сохранять равновесие между враждующими сторонами.

Еще одним фактором, с которым пришлось иметь дело английскими властям, был фактор религиозный. Уже со времен Крестовых походов христиане Европы

начинают устраивать свои церковные и благотворительные учреждения в Святой Земле. Греко-православные, сирийские, коптские, католические, а позднее и протестантские церкви, монастыри и подворья, при которых открывались больницы, приюты и школы, были разбросаны по всей Палестине. В местах, непосредственно связанных с земной жизнью Христа, шло жесткое соперничество за обладание участками земли; в XIX в. оно стало составной частью восточного вопроса, в который после 1830-х гг. вступила и Россия. Религиозное соперничество приобрело политический характер; оно дополнилось культурной конкуренцией в области археологии. Во второй половине XIX — начале XX в. создается феномен «Русской Палестины» — на средства жертвователей были куплены участки, связанные с евангельскими событиями; там строились подворья для приема паломников, церкви и монастыри. Управлением этой деятельностью, а также многотысячным русским паломничеством до 1914 г. занимались три русских учреждения: консульство в Иерусалиме, Русская духовная миссия (далее — РДМ) и Императорское Православное Палестинское общество (далее ИППО)².

Русские учреждения в Палестине в начале 1920-х гг.

С началом Первой мировой войны консульство было закрыто, служащие русских учреждений были вынуждены покинуть Палестину или отправились в ссылку. В Иерусалиме остались лишь монахини, несколько сот не возвратившихся в Россию паломниц и духовенство. Здания РДМ и ИППО были заняты турецкими солдатами; движимое имущество было разграблено. В 1919 г. туда вернулся сотрудник ИППО Николай Романович Селезнев. Он прибыл в Палестину по поручению члена Совета общества А. А. Нератова и имел полномочия в качестве управляющего подворьями от верховного правителя А. В. Колчака. Согласно отчетам, которые Селезнев составил в 1919–1920 гг., Сергиевское подворье было занято англичанами еще в 1917 г., Елизаветинское и Николаевское подворья были отданы британским войскам, в Мариинском располагалась гражданская тюрьма³. Хотя Селезнев приехал в Палестину с разрешением от британской военной миссии юга России, он не мог добиться официального признания в должности управляющего от губернатора Иерусалима Рональда Сторса. На протяжении нескольких лет, до своей смерти в 1925 г., Селезнев боролся за узаконение статуса ИППО и его сотрудников администрацией мандата и за право самостоятельно распоряжаться имуществами и доходами от аренды. Аналогичные усилия предпринимались начальниками РДМ и архиепископом Анастасием (Грибановским), который специально прибыл в Палестину для устройства дел миссии. Положение РДМ усложнялось еще тем, что, в отличие от ИППО, она имела большие долги, частью унаследованные еще с дореволюционных времен, а частью сделанные во время войны. Сотрудники русских учреждений, духовенство, монахини и паломницы, не будучи в состоянии самостоятельно зарабатывать на жизнь и не получавшие доходов из России, зачастую находились на грани голода⁴.

Британская администрация в 1920 г. приняла решение о сдаче в аренду пустующих помещений РДМ и ИППО, правда, по заниженной цене. На вырученные деньги производился ремонт зданий и осуществлялось содержание русской колонии. Поначалу деньги русским передавались через испанского консула Пабло Жорьетта, который еще во время войны выполнял функции временного управляющего имуществами, а впоследствии уже непосредственно британскими управляющими. Оба русских учреждения, над которыми была установлена опека, на протяжении многих лет тщетно доказывали свои права на владение и самостоятельное распоряжение имуществами. Англичане их юридических прав не признавали и сами принимали решения о перераспределении доходов с имущества⁵.

В 1920 г. Высшее церковное управление назначило временно исполняющим обязанности начальника РДМ иеромонаха Мелетия (Розова), который фактически уже управлял миссией. 13 апреля 1921 г. Управление направило в Иерусалим архиепископа Анастасия (Грибановского) для урегулирования ее имущественного и материального положения. Архиепископ Анастасий приезжал в Иерусалим сначала в мае, затем в сентябре 1921 г. и констатировал ее бедственное положение. В результате его усилий многие участки РДМ (прежде числившиеся за архимандритом Леонидом (Сенцовым)) в течение 1922 г. были официально закреплены за миссией. Единственную статью дохода РДМ составляла арендная плата, которой было явно недостаточно для содержания нескольких сот человек. 8 августа 1923 г. был составлен проект еще одного договора аренды РДМ на участок земли для застройки по Яффской улице⁶; разрешение на эту сделку было дано властями мандата много лет спустя. Палестинское общество оказалось в лучшем положении: оно не имело долгов, и арендной платы в целом хватало для скромного содержания его сотрудников. В течение ряда лет ИППО выделяло РДМ ежегодную сумму для пожилых паломниц, оставшихся в Палестине после Первой мировой войны. Оно также давало РДМ деньги в долг, которые та не могла выплатить. Последнее обстоятельство вызывало трения в их отношениях: в ноябре 1923 г. А. А. Ширинский-Шихматов требовал, чтобы имущество РДМ было заложено в счет будущих кредитов. К началу 1930-х гг. конфликты между миссией и ИППО постоянно возрастили. Поскольку ИППО отказывалось выдавать РДМ необходимые ей суммы, власти мандата приняли решение о перераспределении финансов обоих русских учреждений с изъятием денег у Общества⁷.

В феврале — июне 1923 г. была произведена ревизия финансов РДМ в связи с назначением нового начальника, иеромонаха Иеронима (Чернова). Для осуществления ревизии митрополит Антоний (Храповицкий) делегировал епископа Аполлинария (Кошевого). Выявленные в ходе проверки ошибки в ведении приходо-расходных книг не могли существенно изменить материального положения РДМ: угроза продажи ее имущества с молотка нависала постоянно, вплоть до установления окончательной опеки британской администрации над русскими учреждениями в 1926 г.⁸

Миссия в Палестину Пола Андерсона и Дональда Лоури

После окончания Первой мировой войны в Палестину возобновились паломнические и туристические поездки из Европы и США. Летом 1923 г. туда отправились два молодых американца, Пол Андерсон и Дональд Лоури; оба были сотрудниками Ассоциации молодых христиан (Young Men's Christian Association, сокр. YMCA⁹).

Пол Андерсон (1894–1985), активный член Нью-Йоркской организации YMCA (основана в 1852 г.), стал одним из самых видных ее деятелей в XX в.; вся его судьба была связана с Россией и русской культурой¹⁰. Именно Американский союз молодых людей был инициатором создания YMCA в России в 1900 г., организации спортзалов и читален, занятый по изучению Библии и основания Русского студенческого христианского движения (далее – РСХД). Гибкость в отношении православия и вместе с тем интерес к нему и к русской культуре со стороны американских членов YMCA привели к тесным контактам и сотрудничеству, продолжавшемуся десятилетиями. В 1917 г. Андерсон был приглашен в Россию в качестве секретаря Джона Мотта, лидера международной YMCA, который в то время вел переговоры с церковными деятелями Петрограда и Временным правительством о перспективах работы в России (Мотт был участником американской дипломатической миссии в России весной и летом 1917 г.). Андерсон, прибыв с миссией 12 июня 1917 г., остался в Петрограде после ее отъезда и помогал в организации помощи военнопленным. В России его стали называть Павел Францевич. В августе 2018 г. большинство сотрудников YMCA покинули Россию через Финляндию. Андерсон же по поручению Этана Колтона, старшего секретаря русского направления, остался в Москве единственным иностранным представителем организации и продолжил руководство ее российскими сотрудниками. 17 сентября 1918 г. он был арестован ВЧК и помещен в заключение на Лубянке; вскоре он был освобожден, и 4 октября 1918 г. покинул Россию.

Дальнейшая жизнь и деятельность Пола Андерсона связана с русской эмиграцией. В 1920–1924 гг. он жил в Берлине, где работал директором заочной школы-программы, разработанной для помощи в образовании русским эмигрантам; стоял у истоков издательства «YMCA Press», участвовал в организации Религиозно-философской академии, поддерживал развитие РСХД. Впоследствии, с изменением экономической и политической ситуации в Германии, вместе со многими русскими эмигрантами Андерсон переехал в Париж, где продолжил свою деятельность в тесном сотрудничестве со Свято-Сергиевским богословским институтом¹¹.

В свете этих обстоятельств поездка Андерсона в Палестину летом 1923 г. представляется не обычным паломничеством. Именно в Берлине находился в те годы Совет ИППО во главе с А.А. Ширинским-Шихматовым, с которым Андерсон, несомненно, поддерживал контакты. Не менее ревностным защитником Русской церкви и русских эмигрантов был и спутник Андерсона Дональд

Лоури, который в годы Первой мировой войны также ездил в Россию и участвовал в деле помощи военнопленным. В 1923 г. он выпустил книгу «Свет России»¹². Встает вопрос: почему поездка была совершена именно летом 1923 г.?

16 марта 1921 г. было заключено торговое соглашение Советской России с Великобританией, которым *de facto* признавалось существование Советского государства¹³. В нем шла речь только о британской собственности в России и российской в Великобритании (ст. 10). Вопрос о российских имуществах в Палестине возник годом позже. В мае 1923 г. в советско-английских отношениях возник кризис: 2 мая британский представитель в Москве Р. Ходжсон подал правительству меморандум с требованиями, в числе которых было прекращение преследований священнослужителей на территории СССР и выплата компенсаций семьям британских подданных, пострадавших во время Гражданской войны. Для вручения ответной ноты Чичерина (от 11 мая) и для переговоров в Лондон отправился Л. Б. Красин. Его встреча с министром иностранных дел Дж. Керзоном осталась практически безрезультатной: советский представитель обещал, что его правительство не будет предпринимать действий, которые могут расцениваться Великобританией как враждебные¹⁴. Вдогонку 18 мая 1923 г. Красин передал британскому МИД ноту с требованием передать СССР имущество бывших русских учреждений в Палестине¹⁵.

Это заявление вызвало большое беспокойство в среде русской эмиграции. Права собственности на русские имущества, с их точки зрения, несомненно принадлежали Русской церкви в изгнании, РДМ и зарубежному ППО с штаб-квартирой в Берлине. Поскольку британцы не спешили с признанием русских обществ, то существовала опасность, что имущества могут быть переданы СССР¹⁶. Советская сторона утверждала следующее: ИППО и РДМ как церковные организации были упразднены декретом Советской власти от 1918 г. об отделении Церкви от государства, а СССР являлся правопреемником царского правительства¹⁷. В ноте Красина выражались опасения, что имущества могут быть распроданы. Дальнейшие годы прошли в бесконечных спорах, в ходе которых британское правительство выбрало безопасную для себя кункторскую линию: в ожидании более определенной политической ситуации (напомним, что советская власть рассматривалась им как временная до середины 1940-х гг.), оно постаралось максимально откладывать дело, не предпринимать никаких решительных действий и выступать хранителем собственности. Формальной причиной для отказа советской стороне было несоответствие религиозно-благотворительных задач русских учреждений атеистическому характеру большевистского государства. Эмигрантским же организациям англичане отказывали, так как в их глазах они не имели юридического статуса. В течение 1923–1926 гг. британцы поставили дело о русских имуществах на строго юридическую основу и далее управляли ими согласно принятому Указу о русских имуществах. Следует отдать властям мандата справедливость, имущества были не только почти полностью сохранены, но к концу 1930-х гг. освобождены от долгов.

Отчет П. Андерсона Этану Колтону о поездке в Палестину летом 1923 г. был написан в сентябре того же года¹⁸. Он показывает, что Андерсон поехал в Св. Землю по поручению Колтона, в согласовании с берлинским Советом ИППО. Сведения о положении русских учреждений были получены Андерсоном «в результате многочисленных разговоров с г-ном Селезневым» и являются отражением взгляда Селезнева на положение дел. Нет свидетельств, чтобы Андерсон вел переговоры с руководством РДМ. После получения ноты Красина британские власти потребовали от Селезнева документов, подтверждающих права ИППО на имущества, которые тот заведомо не мог представить, так как архивы Общества остались в России (эмигранты считали их утраченными, хотя они сохранялись в составе перевезенных в Москву фондов Министерства иностранных дел). Андерсон с удовлетворением говорит о встрече с русской колонией и теплом приеме, который был ему оказан. Размеры русских подворий произвели на него большое впечатление. Селезnev представил ему проблемы ИППО и попросил о содействии. Уже после отъезда Андерсона, в сентябре 1923 г. он отправился в Европу, чтобы заручиться поддержкой русских эмигрантов и получить от них максимальное количество документов¹⁹. Селезнев побывал в Берлине, Париже и Лондоне, где встречался с людьми разных направлений, которые были готовы помочь Обществу. В Лондоне он договорился с юристом В. Р. Айдельсоном, чтобы тот представлял интересы ИППО перед британскими властями.

В своем отчете Андерсон затрагивает деликатный вопрос о сионистских симпатиях палестинского правительства. Вслед за Селезневым он высказывает опасения, что «сионизм пользуется очень сильной поддержкой у правительства, и потому нетрудно будет представить себе еврейско-советское соглашение просто для перевода прав на евреев, в составе правительства, или вне его, которые получат выгоду от сделки». Известно, что многие колониальные администраторы Палестины не разделяли идеи сионизма. Некоторые британские аристократы и высшее англиканское духовенство сомневались в том, что Герберт Сэмюэль, открыто исповедующий иудаизм, может занимать пост верховного комиссара.

Отчет Андерсона был частным письмом и не предназначался для британского МИД или Министерства колоний. В заключение своего отчета Андерсон предлагал Колтону ознакомить с его содержанием центерберийского архиепископа в надежде, что тот окажет содействие русским религиозным учреждениям. Архиепископ Рэндал Дэвидсон уже не в первый раз получал просьбы подобного рода. В феврале 1921 г. в Палестину были привезены для погребения останки вел. кн. Елизаветы Федоровны (до 1917 г. председателя ИППО), и по этому случаю туда прибыла из Англии ее сестра Виктория. В Иерусалиме она встречалась с Н. Р. Селезневым, а по возвращении в течение нескольких месяцев вела переписку с архиепископом Дэвидсоном и У. Черчиллем, пытаясь помочь ИППО²⁰.

Итак, по просьбе Андерсона Колтон переслал его письмо Джорджу Беллу, капеллану центерберийского архиепископа Рэндала Дэвидсона. Тот, в свою очередь, поделился отчетом со своим хорошим знакомым, секретарем МИД Дж. Шакбургом. Неосторожная и, более того, безответственная фраза о возможности соглашения с советскими властями в корыстных целях сразу привлекла внимание Шакбурга, который усомнился в том, что палестинское правительство будет предпринимать какие-либо шаги без одобрения из Лондона; кроме того, никаких доказательств того, чтобы велись подобные переговоры, не имелось²¹. Далее случилось нечто непредсказуемое: письмо Андерсона попало в руки верховному комиссару Герберту Сэмюэлю. Неудивительно, что отчет, который из частного письма неожиданно стал официальным донесением и оказался в руках Сэмюэля, вызвал у последнего бурю негодования. Его, высокопоставленного администратора его величества, обвиняют в коррупции! «Я могу рассматривать такое предположение, сделанное без малейшего повода или свидетельства в его пользу, не иначе как тяжкое оскорбление чести моей администрации, и я склонен задуматься о том, возможно ли с юридической точки зрения скорее возбудить против г-на Андерсона дело о клевете, чем заниматься детальным изучением его обвинений», — писал он госсекретарю по делам колоний Виктору Кэвендешу²². Чтобы избежать скандала и судебного разбирательства, вину взял на себя секретарь МИД Дж. Шакбург, который попросил у верховного комиссара прощения за произошедшее недоразумение²³. Сэмюэль решил не раздувать конфликта и пообещал забыть «чудовищное письмо» Андерсона²⁴.

Имущества Палестинского общества после 1923 г.

Поездка П. Андерсона и Д. Лоури не принесла ИППО никакой пользы, скорее усугубила недоверие верховного комиссара к русскому управляющему. Слезнев вернулся из поездки по Европе, заручившись пачкой документов, среди которых самым весомым было пространное заключение известного юриста из русских эмигрантов Бориса Эмилиевича Нольде о правомочности зарубежного Палестинского общества (1 октября 1923 г.)²⁵. Кроме того, он написал пристанный меморандум о состоянии ИППО²⁶, представил список имуществ²⁷, а также доверенности от А. А. Ширинского-Шихматова и бывшего консула в Египте А. Смирнова. Ни один из этих документов не имел влияния на дальнейшие решения администрации мандата.

Борьба эмигрантских учреждений за самостоятельное управление своими имуществами была обречена на неудачу. По мнению одного из авторитетных юристов британского Министерства колоний, Антона Бертрама (который, кстати, в те же годы был экспертом в комиссии по делам Иерусалимского патриархата), «Российское Палестинское общество является искусственным юридическим лицом <...> иностранные корпорации в других странах должны получать признание со стороны Лиги Наций. Если корпорация была распущена в своей

стране, она перестает существовать и за ее пределами. Она не будет иметь юридического статуса в делах другой страны, и все имущества, которые прежде ей принадлежали и находятся в другой стране, не будут иметь владельца». Следовательно, продолжал Бертрам, «покупатель собственности у такого лица рискует остаться без документов на покупку»²⁸

По итогам представленных Селезневым в конце октября документов Г. Сэмюэль отправил в Министерство по делам колоний подробное изложение, в котором представил свою точку зрения. Он находил вполне удобным, чтобы до времени деньги от аренды русских обществ передавались русским учреждениям через испанского консула, так как это избавляло администрацию мандата от лишних хлопот. Н. Р. Селезnev в его глазах не имел никакого официального статуса, так как он действовал по доверенности от А. А. Ширинского-Шихматова (председателя непризнанного англичанами ИППО) и бывшего царского консула в Египте А. Смирнова, который также не мог рассматриваться как официальное лицо. «Гражданская администрация до сих пор отказывает г-ну Селезневу или любому другому лицу, претендующему быть представителем Православного Палестинского общества или Духовной миссии, в праве заниматься или распоряжаться имуществами общества», — писал Сэмюэль²⁹. Пока оба британских министерства обсуждали текст ответа на советскую ноту, верховному комиссару была дана инструкция не регистрировать никаких сделок с русскими имуществами. «Я согласен, что Вы должны предпринять необходимые шаги, чтобы не допустить эти лица до распоряжения недвижимыми имуществами, зарегистрированными на имя обществ или лиц, которые владеют ими от лица обществ», — говорилось в ответной инструкции Сэмюэлю от министра по делам колоний Виктора Кэвендиша³⁰.

Установление официальных отношений между Великобританией и СССР в начале 1924 г. еще более укрепило британские министерства в их позиции. Хотя правительство мандата формально давало возможность претендентам на собственность заявлять о своих правах в суде, по сути, были приняты все меры, чтобы они ее не получили. Для того чтобы лишний раз обезопасить себя и пресечь потенциальное влияние на палестинский суд со стороны просоветских элементов в Палестине, британские власти приняли решение об изъятии дел о русских имуществах из компетенции палестинского суда. Эта мера, впрочем, оказалась излишней: Советское правительство хорошо понимало ситуацию и даже не пыталось начинать дорогостоящие судебные процессы. До начала 1940-х гг. советские представители, несмотря на многочисленные настойчивые просьбы, не были допущены на территорию Палестины. Англичане опасались, что когда-нибудь им придется передать имущества правительству в России (независимо от того, каким оно будет) и держать формальный ответ за их сохранность. Решительные действия в пользу передачи прав на собственность эмигрантским учреждениям (во избежание перехода их «в советские руки») были предприняты властями мандата только весной 1948 г., но они ока-

зались запоздалыми³¹. Результатом британского управления было, во-первых, сохранение русских имуществ от продажи или конфискации, и, во-вторых, сохранение части собственности за русскими заграничными учреждениями.

¹ Louis R. Wm., Stookey R. W. The End of the Palestine Mandate. Ostin: University of Texas Press, 1986; Mazza R. Jerusalem. From the Ottomans to the British. London; New York: I. B. Tauris Publishers, 2009; Luxenberg A. X. The Palestine Mandate and the Creation of Israel, 1920–1949. Broomal: Mason Crest Publishers, 2014; Hyamson A. M. Palestine under the Mandate, 1920–1948. London: Routledge, 2022. Подробнее обзор историографии по периоду мандата см.: Герд Л. А. Положение христиан в Святой Земле во время Первой мировой войны и в период Британского мандата // Православный Палестинский сборник. 2023. Вып. 121. С. 108–131.

² Staurou T. G. Russian Interests in Palestine, 1882–1914. Thessalonike, 1963; Hopwood D. The Russian Presence in Syria and Palestine, 1843–1914: Church and Politics in the Near East. Oxford: Clarendon Press, 1969; Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. I–II / Изд. подг. Н. Н. Лисовой. М.: Международные отношения, 2000; Лисовой Н. Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М.: Индрик, 2006; Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 1–3. М.: Индрик, 2017–2020; Юшманов Н. В. 1) Российские учреждения в Палестине и Сирии перед началом войны с Турцией // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. 1914. Т. 25. С. 436–464; 2) Русские учреждения в Палестине и Сирии во время войны с Турцией // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. 1915. Т. 26. С. 147, 181, 373–408; 1916. С. 267–288.

³ Сафонов Д. В. Русские люди и русское имущество в документах управляющего подворьями Православного Палестинского Общества в Иерусалиме (1919–1925 г.) // Христианство на Ближнем Востоке. 2017. № 4. С. 16–20.

⁴ Сафонов Д. В. 1) Деятельность Н. Р. Селезнева в документах Государственного архива Израиля // Иерусалимский вестник Императорского Православного Палестинского общества. 2014. Вып. 3–4. Иерусалим, 2013. С. 113–216; 2) Русские люди и русское имущество на Святой Земле в документах управляющего подворьями Православного Палестинского Общества в Иерусалиме (1919–1925 гг.) // Христианство на Ближнем Востоке. 2017. № 4. С. 4–84; Урясов М. Н. Управляющие подворьями Православного Палестинского общества в Иерусалиме с 1919 по 1951 год // Христианство на Ближнем Востоке. 2021. Т. 5, № 2. С. 145–154; Герд Л. А. Русские имущества в Палестине в 1920-е годы (по материалам британских архивов) // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4 (40). С. 82–96.

⁵ Герд Л. А. Русские имущества в Палестине в 1920-е годы; Баталден С. Судьба русского землевладения в Иерусалиме во время Палестинского мандата // Палестинский сборник. 1993. № 32 (95). С. 3–7.

⁶ The National Archives of Great Britain, Colonial Office (далее – CO) 733/118, f. 490–491. Копия.

⁷ В 1932 г. в Указ об управлении русскими имуществами (от 1926 г.) была внесена поправка, дающая право британским администраторам использовать средства одного русского учреждения в пользу другого (CO 733/212/12, f. 18–19).

⁸ Сафонов Д. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме в 1921–1923 гг. (по новым документам из архива Свято-Троицкой семинарии в Джорданвилле (США)) // Сретенский сборник. 2010. Вып. 2. С. 519–595.

⁹ YMCA была основана в 1844 г. английским филантропом Джорджем Вильямсом (1821–1905). Целью общества было укрепление и развитие нравственных принципов молодежи

на основании христианства. Вскоре у общества появились организации не только в Англии, но и в США, Канаде и в Париже. В 1855 г. на Всемирном конгрессе в Париже были выработаны основные принципы деятельности ассоциации. В России YMCA была основана в 1900 г. (Общество нравственному, умственному и физическому развитию молодых людей «Маяк»). В Совет общества входили многие литераторы, ученые, общественные деятели. В годы Первой мировой войны общество осуществляло уход за ранеными, помощь беженцам и военнопленным. В России оно было запрещено в 1918 г. и продолжило свою деятельность в среде русских эмигрантов.

- ¹⁰ Алексеева И. А. История всемирного христианского молодежного движения в России. М.: АИРО-XXI, 2007; Miller M. L. The American YMCA and Russian Culture: the Preservation and Expansion of Orthodox Christianity, 1900–1940. Lanham: Lexington Books, 2013; Миллер М. Л. Пол Б. Андерсон, американский ХСМЛ и русские православные, 1900–1940 гг. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2016. Вып. 1. С. 42–51; Miller M. L. Paul B. Anderson: Advocate for Russian Christians During the Era of Soviet Power (в печати).
- ¹¹ Миллер М. Л. Пол Б. Андерсон, американский ХСМЛ и русские православные. С. 44–45.
- ¹² Lowrie D. A. The Light of Russia. An Introduction to the Russian Church. Prague: YMCA Press, 1923. Впоследствии Лоури, как и Андерсон, работал в среде русских эмигрантов, а в 1946–1952 гг. возглавлял издательство «YMCA Press».
- ¹³ История внешней политики СССР. 1917–1985 / Под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева. Т. 1. М.: Наука, 1986. С. 123–126.
- ¹⁴ История внешней политики СССР. Т. 1. С. 177–178; Сергеев С. Ю. Ультиматум Керзона Советской России 1923 г.: новая интерпретация // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. 2015. С. 97–105.
- ¹⁵ L. Krassin – G. Curzon, LK/5841, 18 мая 1923 г. // The National Archives of Great Britain, Public Records Office, Foreign Office (далее – FO) 371/9370, f. 141–143, оригинал.
- ¹⁶ Глава Синода Епископов Русской Православной Церкви за Границей (РПЦЗ) митрополит Антоний (Храповицкий) немедленно отправил письмо премьер-министру Стэнли Болдуину (19 июля 1923 г. // FO 371/9370, f. 162–162v., оригинал). Немногим позже за права обоих русских обществ заступился митрополит Евлогий (Георгиевский). Митрополит Евлогий Георгиевский – архиепископу Р. Дэвидсону. 19 сентября 1923 (CO 733/59, f. 610–611, оригинал на бланке. FO 371/9370, f. 199–200, копия).
- ¹⁷ Палестинское общество, переставшее быть «Императорским» и «Православным», боролось за свое существование в советском государстве до начала 1930-х гг., но в международных переговорах оно просто игнорировалось. Эмигрантским организациям, которые знали о его существовании и поддерживали контакты с некоторыми членами, было выгодно считать его креатурой большевиков и также игнорировать (Герд Л. А. Императорское Православное Палестинское общество в 1910–1920-е годы // Православный Палестинский сборник. 2022. Т. 120. С. 103–125).
- ¹⁸ P. Anderson – E. T. Colton, 12 сентября 1923 г. // Lambeth Palace Library. R. T. Davidson. Vol. 477, f. 180–181.
- ¹⁹ Сафонов Д. В. Поездка Н. Р. Селезнева в 1923 г. в Европу // Иерусалимский вестник Императорского Православного Палестинского общества. 2012. Вып. 2. Иерусалим, 2012. С. 175–186.
- ²⁰ Герд Л. А. Маркиза Виктория Милфордхэвен и Православное Палестинское Общество. По материалам переписки (1921–1923) // Православный Палестинский сборник. 2023. Вып. 122. С. 72–91.
- ²¹ J. Shuckburg – G. Bell, 26 октября 1923 г. // CO 733/59, f. 623–624. Отпуск; G. Bell – J. Shuckburg, 31 октября 1923 г. // CO 733/59, f. 625. Оригинал.
- ²² H. Samuel – V. Cavendish, 9 ноября 1923 г. // CO 733/51, f. 32–33. Оригинал.
- ²³ J. Shuckburgh – H. Samuel, 6 декабря 1923 г. // CO 733/51, f. 36–37. Отпуск.
- ²⁴ H. Samuel – J. Shuckburgh, 14 декабря 1923 г. // CO 733/51, f. 40. Оригинал.
- ²⁵ Оригинал, заверенный российским эмигрантским консульством в Париже // FO 371/10491 N, f. 208–218; копии: CO 733/51, f. 310–319; CO 733/62, f. 300–310.

- ²⁶ CO 733/62, f. 31–32. Оригинал.
- ²⁷ CO 733/62, f. 336–338. Оригинал. По всей видимости, такой же список был вручен и П. Андерсону.
- ²⁸ A. Bertram – H. Young, 24 августа 1923 г. // CO 733/56, f. 72–75. Оригинал.
- ²⁹ Выдержки из отчета Г. Сэмюэля № 965. 26 октября 1923 г. // CO 733/80, f. 20–29. Полный текст отчета: H. Samuel – V. Cavendish, Earl of Devonshire // CO 733/50, f. 403–413. Оригинал.
- ³⁰ CO 733/80, f. 29.
- ³¹ Телеграмма А. Каннингама 1 апреля 1948 г. // CO 733/490/2. Копия.

References

- ALEXEEVA, I. A. *Istoriya vsemirnogo khristianskogo molodezhnogo dvizheniya v Rossii* [The History of the World Christian Youth Movement in Russia. In Russ.]. Moscow, AIRO-XXI, 2007.
- BATALDEN, S. Sud'ba russkogo zemlevladieniya v Jerusalime vo vremya Palestinskogo mandata [The Fate of the Russian Land Ownership in Jerusalem During the Mandate for Palestine. In Russ.]. In *Palestinskii Sbornik*, 1993. No. 32 (95), pp. 3–7.
- GERD, L. A. Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo v 1910–1920e gody [The Imperial Orthodox Palestine Society in the 1910–1920s. In Russ.]. In *Pravoslavnyi Palestinskii Sbornik*. 2022. Vol. 120, pp. 103–125.
- GERD, L. A. Markiza Victoriya Milfordhaven i Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo. Po materialam perepiski (1921–1923) [The Marquess Victoria Milford Haven and the Orthodox Palestine Society (Based on Her Correspondence, 1921–1923). In Russ.]. In *Pravoslavnyi Palestinskii Sbornik*. 2023. Vol. 122, pp. 72–91.
- GERD, L. A. Russkie imushchestva v Palestine v 1920e gody (po materialam britanskikh arkhivov) [The Russian Properties in Palestine in the 1920s (Based on British Archives). In Russ.] In *Peterburgskii istoricheskiy zhurnal*. 2023. No 4 (40), pp. 82–96.
- GUS'KOVA, D. M. YMCA v Rossii: istoriya I nastoiashchee [YMCA in Russia: Past and Present. In Russ.]. In *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 2006. No 1–2, pp. 159–175.
- HOPWOOD, D. *The Russian Presence in Syria and Palestine, 1843–1914: Church and Politics in the Near East*. Oxford: Clarendon Press, 1969.
- HYAMSON ALBERT, M. *Palestine under the Mandate, 1920–1948*. Taylor & Francis, 2022.
- LISOVOI, N. N. *Russkoe dukhovnoe I politicheskoe prisutstvie v Sviatoi Zemle I na Blizhnem Vostoke v XIX – nachale XX vv.* [Russian Spiritual and Political Presence in the Holy Land and the Near East in the 19th and the Beginning of the 20th Century. In Russ.]. Moscow, Indrik, 2006.
- LOUIS, R. WM., STOOKEY, R. W. (Eds.) *The End of the Palestine Mandate*. University of Texas Press, 1986.
- LOWRIE, D. A. *The Light of Russia. An Introduction to the Russian Church*. Prague, YMCA Press, 1923.
- LUXENBERG, A. X. *The Palestine Mandate and the Creation of Israel, 1920–1949*. Broomall, PA, Mason Crest Publishers, 2014.
- MAZZA, R. *Jerusalem. From the Ottomans to the British*. London – New York: I. B. Tauris Publishers, 2009.
- MILLER, M. L. *The American YMCA and Russian Culture. The Preservation and Expansion of Orthodox Christianity, 1900–1940*. Lanham, Maryland, Lexington Books, 2013.
- MILLER, M. L. *Paul B. Anderson: Advocate for Russian Christians During the Era of Soviet Power (forthcoming)*.
- MILLER, M. L. Paul B. Anderson, amerikanskii HSML i russkie pravoslavnye, 1900–1940 [Paul B. Anderson, the American YMCA and the Russian Orthodox. In Russ.]. In *Vestnik SPbGU. Ser. 2*. 2016. No 1, pp. 42–51.
- SAFONOV, D. Russkaya Dukhovnaya Missiya v Ierusalime v 1921–1923 gg. (po novym documentam iz arkhiva Svyato-Troitskoi seminarii v Jordanville (USA)) [The Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem in 1921–1923 (Based on New Documents from the Archives of St. Trinity Seminary in Jordanville (the USA)). In Russ.]. In *Sretenskii Sbornik*. 2010. Vol. 2, pp. 519–595.

SAFONOV, D. Poezdka N. R. Selezneva v 1923 g. v Evropu [The Voyage of N. R. Seleznev to Europe in 1923. In Russ.]. In *Ierusalimskii Vestnik Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva*. 2012. Vol. 2. Jerusalem, 2012. P. 175–186.

SAFONOV, D. Dejatel'nost' N. R. Selezneva v dokumentakh Gosudarstvennogo arkhiva Izrail'a [The activities of N. R. Selznev After the Documents from the State Archives of Israel. In Russ.]. In *Ierusalimskii Vestnik Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva*. 2014. Vol. 3–4. Jerusalem, 2013. P. 113–216.

SAFONOV, D. V. Russkie lyudi i russkoe imushchestvo na Svyatoi Zemle v dokumentakh upravlyayushchego podvor'yami Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva v Ierusalime (1919–1925) [The Russians and the Russian Properties in the Holy Land After the Documents of the Administrator of the Dependencies of the Orthodox Palestine Society in Jerusalem (1919–1925). In Russ.]. In *Khristianstvo na Blizhnem Vostoke*. 2017. No 4, pp. 4–84.

STAOUROU, T.G. *Russian Interests in Palestine, 1882–1914. A study of Religious and Educational Enterprise*. Thessalonike, Institute for Balkan Studies, 1963.

URIASOV, M.N. Upravlyayushchie podvor'yami Pravoslavnogo Palestinskogo Obshestva v Ierusalime s 1919 po 1951 gody [The Administrators of the Dependencies of the Orthodox Palestine Society in Jerusalem from 1919 to 1951. In Russ.]. In *Khristianstvo na Blizhnem Vostoke*. 2021. Vol. 5. No 2, pp. 145–154.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Л. А. Герд. Пол Андерсон и его визит в Палестину в 1923 г. // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 133–145

Аннотация: Имущества русских учреждений в Святой Земле, принадлежавшие до Первой мировой войны российскому правительству, Императорскому Православному Палестинскому обществу и Русской Духовной миссии, в период британского управления (1917–1948 гг.) стали объектом непрерывных споров. На них претендовали эмигрантские организации (зарубежное Палестинское общество и духовная миссия, подчинявшаяся РПЦЗ), а также советское правительство. Власти мандата взяли на себя опеку над имуществами: они сдали их внаем и употребляли деньги на содержание русской колонии Иерусалима и ремонт зданий. Находясь между противоборствующими сторонами, англичане поставили дело на прочную юридическую основу и не допустили до управления имуществами ни советских представителей, ни русских эмигрантов. Переписка о визите в Палестину летом 1923 г. деятеля русского зарубежья и Ассоциации христианской молодежи Пола Андерсона открывает еще одну малоизвестную страницу в непростых отношениях Палестинского общества с британской администрацией. Документы о визите Андерсона важны для истории зарубежного Палестинского общества и свидетельствуют о его контактах в 1920-е гг. Они органично дополняют череду попыток восстановить юридический статус Общества в Палестине, которые предпринимались на протяжении всего действия британского мандата.

Ключевые слова: Православное Палестинское общество, Святая Земля, британский мандат, русские имущества в Палестине, русская эмиграция, ИМКА.

FOR CITATION

L. A. Gerd. Paul Anderson and his visit to Palestine in 1923 // Petersburg historical journal, no. 1, 2025, pp. 133–145

Abstract: The properties of the Russian institutions in the Holy Land before the First World War belonged to the Russian Government, The Imperial Orthodox Palestine Society and the Russian Ecclesiastical Mission. During the British administration of Palestine (1917–1948) they were a subject of endless discussions. Both the Russian emigrant organizations (the Palestine Society abroad and the Ecclesiastical Mission, subject to the Russian Orthodox Church Abroad) on one side, and the Soviet Government on the other side pretended to be legal owners of the properties. The administration of the mandate took the responsibility over the Russian properties, rented them out and used the money for supporting the Russians in Jerusalem and for maintenance of the buildings. The British authorities put the issue on a solid law base and did not admit to the administration either the Soviet representatives, or the Russian emigrants. The correspondence about the visit to Palestine in

Summer 1923 of Paul Anderson, member of the Young Christian men's organization, famous for his activities among the Russian emigrants, contributes to the picture of the complicated relations between the Palestine Society and the British administration. The documents on Anderson's visit are of primary importance for the history of the Palestine Society abroad and its contacts in the 1920s. They are a logical supplement to the series of attempts of the Society to restore its legal status in Palestine, which it undertook during the whole period of the British Mandate.

Key words: Orthodox Palestine Society, The Holy Land, the British Mandate, Russian properties in Palestine, Russian emigration, YMCA.

Автор: Герд, Лора Александровна — д. и. н., ведущий научный сотрудник Отдела всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Gerd, Lora Aleksandrovna — Dr. in History, Leading Researcher, Department of General History, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: loragerd@gmail.com

Т. В. Анисимова

Архаичные черты письма Тихонравовского хронографа

Реконструкция истории становления древнерусской хронографии получила в последнее время новое развитие в связи с привлечением к сравнительным исследованиям Тихонравовского хронографа¹ (далее — ТХ). Его особая роль обусловлена, как выяснилось, восхождением к так называемому Хронографу по Великому изложению 2-го вида (далее — ХВИ-2), включая и его библейскую часть².

Бумага рукописи имеет филиграны конца XV — начала XVI в.³ Несмотря на наличие в почерке палеографических признаков начала XVI в. — регулярных вариантов грецизированной буквы «е» и «з» в виде «тройки», западнорусское происхождение рукописи не исключает и ее датировку концом XV в.

Текст ТХ начинается со слов Толковой Палеи⁴: «въспріа. сим же оубо творец нѣкаку таину намъ (про)мысля, оукрывает и таины своего свидѣніа, напослѣдокъ обавляет разума...» и обрывается на фрагменте Жития Константина Великого и Елены: «...съхранити дѣтище, яко зѣницю ока, чая боудоющаго явитися конца нощнаго ради». Продолжение хронографа (с византийским периодом истории) некогда существовало в виде отдельного тома.

Судя по отразившимся в письме первой половины ТХ архаичным графико-орфографическим чертам, ее антиграф представлял собой рукопись XIII в.

Речь идет о пяти случаях написания слова «господь» с особым «г» — с «молоточком» (рис. 1) в цитатах из Толковой Палеи: «Насади **господь** богъ раи въ Едемъ...» (л. 31); Книги Бытия: «и рече **господь** къ Икоусу» (Быт. 10: 8; л. 173), «и рече **господь** Икоусови» (Быт. 11: 6; л. 173 об.); 3-й Книги Царств:

«и се ты нынѣ разумѣши, яко азъ есмь **господь**» (З Цар. 20: 28; л. 302 об.); Книги пророка Осии: «и не въспѣша сердца их ко мънѣ, глаголеть **господь**» (Ос 7: 14; л. 334 об.).

Рис. 1. Написание буквы «г» с «молоточком» на л. 173, 302 об., 334 об.

Последняя цитата принадлежит обширной пророческой компиляции, архетип которой послужил источником «Речи философа» Повести временных лет⁵.

Иногда писец воспринимал «молоточек» как часть овала буквы «б» и механически переписывал слово «**господь**» как «**босподь**». Три таких случая приходятся на заимствования из Второзакония: «аще послужити **босподеви**» (Втор. 11: 13; л. 165 об.); «отженеть от вас **босподь** страны» (Втор. 11: 23; л. 165 об.); «елико створи **босподь** богъ в земли Ег҃пѣтстїи» (Втор. 29: 2; л. 168 об.). По одному случаю обнаружены подобные примеры и во фрагментах Толковой Палеи: «которыи же **босподь** призвавы имя котораго господа?» (л. 196 об.); Книги Судей: «се глаголеть **босподь** богъ Иїраилевъ» (Суд. 6: 8; л. 241 об.) и 1-й Книги Царств: «и рече Самоиль: видите, сего же избра **босподь**» (1 Цар. 10: 24; л. 255).

Замены писцом графемы «г» с «молоточком» на букву «б» фиксируются также в названии Сугубой пещеры в цитате из Книги Бытия: «и ископаста емоу гробъ Исакъ и Измаиль в тои же пещери **Субубеи**» (Быт. 25: 9; л. 82 об.); в названии родины Ионы пророка Геторфы в Книге 16 толковых пророков: «иже бѣ от **Беторфы**» (л. 307) и в имени Геозий в заимствовании из 4-й Книги Царств: «**Беозии** же, слоуга Ельсеев, свещавъ себѣ, глаголя...» (4 Цар. 5: 20; л. 315).

Написания буквы «г» с «молоточком» отмечены Е. Ф. Карским как «двойное г» (сходное с «F») в трех южнославянских рукописях XII – начала XIII в.: Вukanово Евангелие – **глаголете** (л. 126а) и **възгласи** (л. 105а); Боянское Евангелие-палимпсест – «**помогутъ**» (л. 26), **господь** (л. 99а, 104а и др.); Охридский Апостол – «**господеви**» (л. 60)⁶.

Предназначение «молоточка» в букве «г» до сих пор не выяснено. Болгарская исследовательница Анна-Мария Тотоманова высказала гипотезу о возникновении данной графемы под влиянием двух петель у глаголической буквы «г»: поскольку и в Боянском Евангелии, и в Охридском Апостоле есть глаголические части, а Вukanово Евангелие написано с глаголицы⁷.

Как известно, редкие черты графем ранних южнославянских рукописей механически копировались и русскими писцами вплоть до XIII в. Так, Л. В. Чепренин обратил внимание на воспроизведение в древнерусских домонгольских

рукописях знаков сильного смягчения в виде верхних крючков у «л» и «н» (не указывая на конкретные памятники)⁸, а В. Н. Щепкин добавил к этим примерам букву «м» и отметил их редкость, в том числе в болгарских рукописях, полагая, что они «выражали диалектические факты языка»⁹. А. И. Соболевский отмечает их наличие в немногих рукописях XII — начала XIII в., в частности: в Мстиславовом Евангелии начала XII в. для «л», «н» и «д»¹⁰.

В качестве дополнения к этим наблюдениям можно привести также Изборник XIII в.¹¹, Выголексинский сборник конца XII в.¹², южнорусский Успенский сборник конца XII — начала XIII в.¹³, Псалтырь толковую Феодорита Кирского второй половины XI в.¹⁴ и Синайский Патерик последней четверти XI — начала XII в.¹⁵

Примеры использования древнерусскими писцами граffiti «г» с «молоточком» в историографии отсутствуют. В ТХ они встречаются в различных источниках его текста и тем самым своеобразно маркируют первоначальный слой статей антиграфа рукописи, который заканчивается на упомянутой выше пророческой компиляции. Отсутствие архаичных следов в остальной части ТХ может указывать на какое-то механическое соединение в его антиграфе разно-временных рукописей.

Следует отметить и сохраненные в ТХ в тех же пределах древнерусские формы редуцированных в сочетаниях с плавными: *тъ-р^б-т, *тъ-л^б-т (характерные для памятников древнерусской письменности вплоть до середины XIII в. и необъяснимые с точки зрения второго южнославянского влияния или диалектных особенностей) на фоне их частичной утраты в древнейших списках Толковой Палеи: Коломенском 1406 г.¹⁶ (далее — Тр 38) и Александро-Невском последней четверти XIV в.¹⁷ (далее — Ал-Нев).

ТХ	Тр 38	Ал-Нев
въльхованіемъ (л. 44)	волхваньемъ (л. 43в)	волхвованиемъ (л. 53в)
тъльстотъ (л. 46 об.)	тольстотъ (л. 46а)	тольстотъ (л. 57в)
въльны ¹⁸ (л. 48 об.)	вольны (л. 48а)	волны (л. 60г)
въльхованію (л. 60)	волхвованию (л. 59а)	волхвованию (л. 786)
въльсви, въльхвом (л. 182 об. — 183 об.)	вольсви, вольхвомъ, вольшьствомъ, волсви (л. 123в)	вольсви, въльхвомъ, вольшествомъ (л. 169г-170а)
въльхъванія (л. 208)	вольхвования (л. 144г)	волхвования (л. 204б)
съльжютъ (л. 225)	солжутъ (л. 162 а)	—

Подобные примеры обнаруживаются в ТХ не только в цитатах из Толковой Палеи, но и на материале других источников, например — Хроники Георгия Амартола: «стъльпътвореніе» (л. 58 об.).

Встречаются в ТХ и случаи употребления форм атематического аориста глагола «рещи»: «рѣхъ» (л. 72, 72 об., 75 об., 76 об., 77, 77 об., 78 об., 89, 94 об., 95, 96,

96 об., 105, 112, 211, 233, 236 об., 260 об., 314,), «рѣхомъ» (л. 8, 11 об., 17, 126 об., 208 об., 253).

Судя по диалектным особенностям письма, ТХ мог быть изготовлен в западнорусских пределах, о чем свидетельствуют следующие признаки орографии:

- мена «ѣ», «е» и «и» в корне: «писнѣ» (л. 1); «снигъ» (л. 35), «дѣни лита» (л. 36 об.), «симени» (л. 56 об.), «дѣвень» (л. 72), «добролипаа» (л. 78 об.), «лоунохотініе» (л. 80 об.), «при двирех» (л. 81), «колина» (л. 106, 108 об.), «сиричъ» (л. 110), «человикоу» (л. 123 об.), «заповиди» (л. 127), «завѣдя» (л. 135), «влизи» (л. 142), «коумѣра» (л. 146 об.), «мисто» (л. 155), «при рикахъ» (л. 159), «звизды» (л. 163), «едѣнѣх» (л. 178), «жевъ» (л. 178), «на вики» (л. 188), «недиля» (л. 218), «неразлѣчно» (л. 239 об.), «на лѣце» (л. 321 об.), «неисцил ная» (л. 333 об.), «оучиню» (л. 334), «рѣзоу» (л. 350 об.); «свѣтокъ» (л. 351), «крипокъ» (л. 388), «зрак мидѣ» (л. 395 об.), «испѣша» (л. 399), «желити» (л. 400);
- случаи мены «ч» и «ц»: «жречи» (л. 146 об.), «старечъ» (л. 156), «мець» (л. 172), «велицающиisia» (л. 341), «оцищеніе», «оцищеню», «оцисти», «оцѣсти», «оцистить», «оциститься», «оцищаетъ», «оцищающа», «оцища еми», «оцистивъся» (л. 91, 91 об., 99, 109 об., 126 об., 146, 146 об., 149, 151, 161, 163 об., 169 об., 217 об., 345 и др.).

Писцу рукописи принадлежали и часто встречающиеся формы просторечья: «повчая» (л. 5 об.), «каци» (л. 8), «хрептътомъ» (л. 21 об.), «вже» (л. 42), «вказа» (л. 49 об.), «не взнавши» (л. 109 об.), «з домомъ» (л. 55), «здаланіа» (л. 72), «до збытья» (л. 110), «здоумаша» (л. 136 об.), «тощыно» (л. 143), «ф Рафине» (л. 145 об.), «збираите» (л. 145 об.), «тяшко» (л. 146), «вunoутрѣ» (л. 148), «излѣшша» (л. 157), «дваша» (л. 157 об.), «дваци» (л. 159), «ели» вместо «или» (л. 162 об.), «сквернава» (л. 166), «запози» (л. 168 об.), «поссемъ» (л. 171 об.), «оутамо», «оуто» (л. 176 об.), «казаніе» (л. 215 об.), «сурувое» (л. 225 об.), «зага ноу имъ загадку» (л. 249 об.), «вжада» (л. 250), «зане каза ю» (л. 254), «в точи нарощлися» (л. 262), «глясяху» (л. 266), «пра» вместо «про» (л. 267 об.), «изнова» (л. 268 об.), «серыцем» (л. 287 об.), «доколѣжъ» (л. 300), «нады» (л. 305), «би числено» (л. 307 об.), «тогда» (л. 308), «навергъ горы» (л. 309 об.), «восквоздъ» (л. 311 об.), «нихтоже» (л. 318), а также чередование «о» и «ѣ», «е» и «ѣ», характерное для бытового письма: «мѣа» (л. 127 об.), «въевѣда» (л. 135), «помощ никъ» (л. 139 об.), «сынъвъм» (л. 157), «на ввѣстоки» (л. 161 об.), «ввѣховать» (л. 162 об.), «въевать» (л. 176 об.), «възъшла» (л. 210 об.), «само» вместо «самъ» (л. 225 об.), «извѣды» (л. 243), «канѣваль» (л. 243 об.), «лоупюныря дивъи» (л. 313 – 313 об.).

Создание рукописи в западнорусской контактной зоне подтверждают и многочисленные киноварные комментарии, выполненные на ее полях характерной для этих регионов скорописью XVI в. (рис. 2).

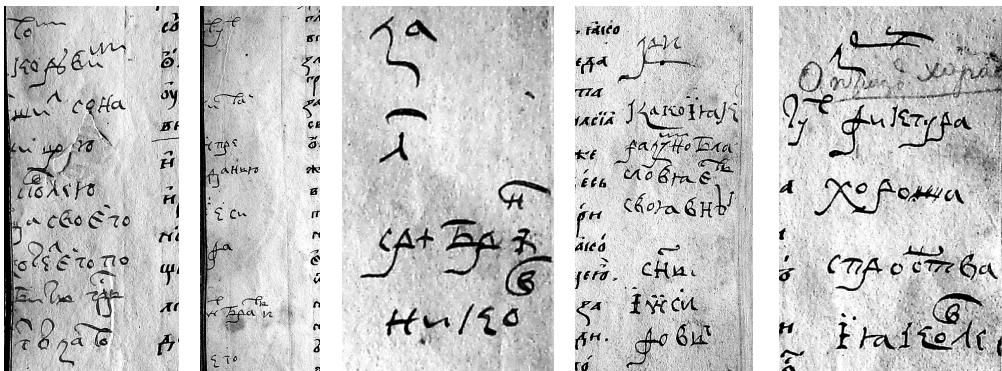

Рис. 2. Приписки на л. 86 об., 93 об., 94, 98, 100

На полях некоторых листов рукописи имеются рисунки указующего перста (вместо указания «зри»), выполненные, судя по цвету чернил, самим ее писцом (рис. 3).

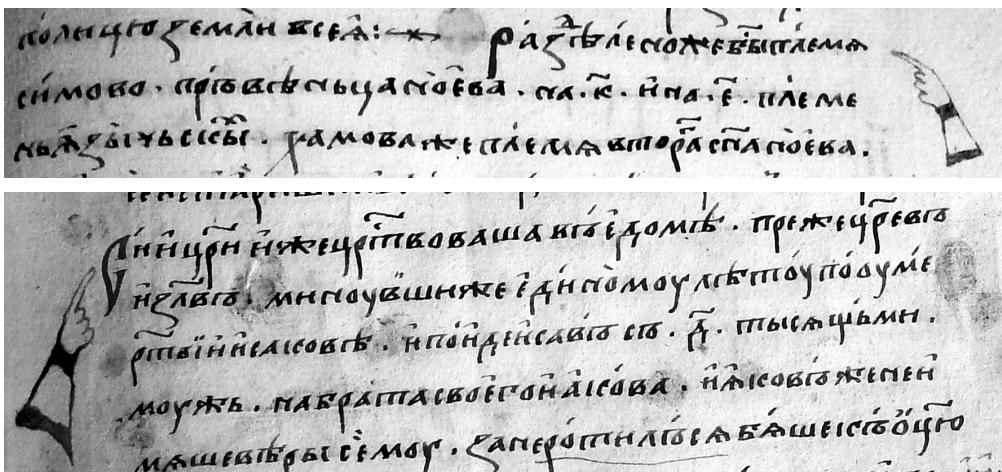

Рис. 3. Рисунки указующего перста на л. 60, 84

Сходные изображения руки имеются и на полях Виленского хронографа XVI в.¹⁹ (рис. 4), свидетельствуя, возможно, о единстве или близости книгописных центров обеих рукописей.

Исходя из отмеченных выше особенностей состава ТХ, можно объяснить архаичные черты рукописи следующим образом. В каком-то православном западнорусском книгописном центре (например, в Супрасльском монастыре) хранился древний пергаменный хронограф, библейское начало которого (по крайней мере до пророческой компиляции включительно) представляло собой рукопись XIII в., а ее продолжение могло быть переписано в более позд-

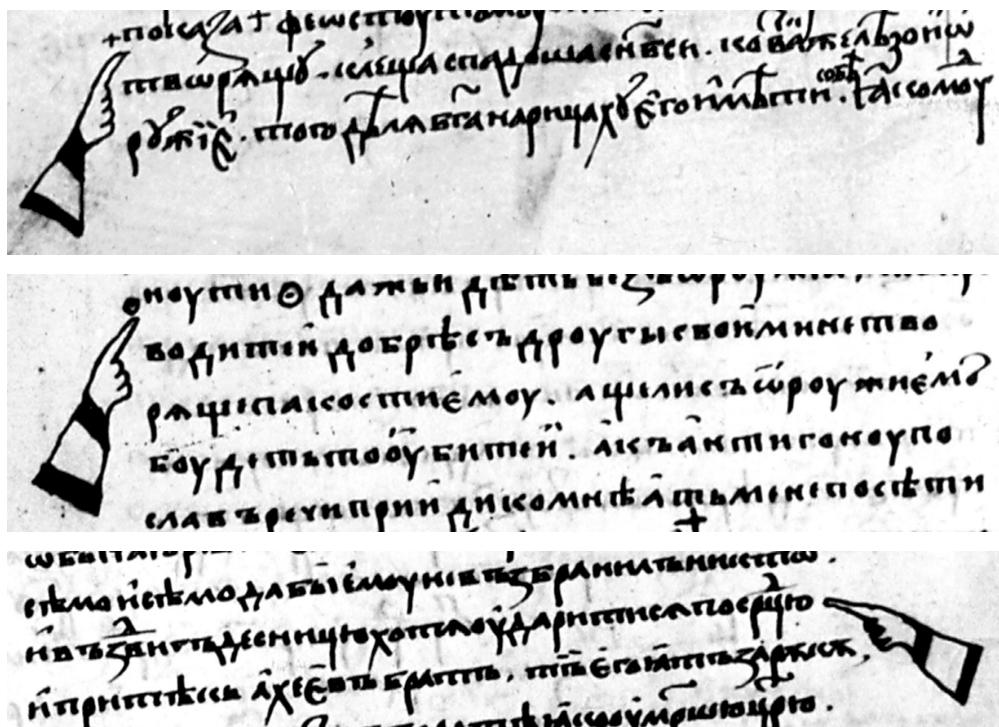

Рис. 4. Рисунки указующего перста на л. 34, 506 об., 562 Виленского хронографа

ний период в связи с различными переделками хронографа, превращенного таким образом в антиграф ТХ. Эта гипотеза требует, однако, более детального текстологического обоснования.

¹ Российская государственная библиотека (далее – РГБ). ОР. Ф. 299 (Собр. Н. С. Тихонравова). № 704.

² Творогов О. В. 1) Древнерусские хронографы. М.; Л., 1975. С. 65–67, 72–73, 82–85, 91–94; 2) Материалы к истории русских хронографов. 2. Софийский хронограф и Хроника Иоанна Малалы // ТОДРЛ. Т. 36. Л., 1982. С. 188, 190; 3) Хронограф Тихонравовский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 2: Л–Я. Л., 1989. С. 506; Анисимова Т. В. 1) Тихонравовский хронограф. Исследование, публикация текста // Летописи и хроники. Новые исследования. 2013–2014. М.; СПб., 2015. С. 3–166; 2) Тихонравовский хронограф. Исследование, публикация текста. Ч. 2 // Летописи и хроники. Новые исследования. 2015–2016. М.; СПб., 2017. С. 12–171; 3) Фрагменты Послания митрополита Климента Смолятича к пресвитеру Фоме в Тихонравовском хронографе. // Paleoslavica. XXV/2. Cambridge, 2017. С. 63–79; 4) «Изборные» 3-я и 4-я Книги Царств в Тихонравовском хронографе // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2020. Вып. 4 (82). С. 99–119; 5) К исследованию библейской

части Хронографа по Великому изложению // Летописи и хроники. Новые исследования. 2017–2018. М.; СПб., 2019. С. 3–20; 6) Об источнике сокращенного Восьмикнижия в Толковой Палее и Тихонравовском хронографе // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2021. № 3 (85). С. 119–138; 7) К изучению фрагментов Хроники Иоанна Малалы в Тихонравовском хронографе // *Palaeoslavica*. XXX (№ 1/2). Cambridge, 2022. Р. 1–21; 8) Происхождение сходных статей в библейских частях древнерусских хронографов: сказания о столпотворении, Серухе, Фарре, Аврааме и Исафе // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2023. № 4 (94). С. 182–205; 9) Происхождение сходных статей в библейских частях древнерусских хронографов: рассказ о расселении народов и столпотворении // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного Университета. Сер. III: Филология. Вып. 74. М., 2023. С. 9–30; 10) Апокрифы о Моисее в древнерусских хронографах // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2024. № 2 (96). С. 157–177; и др.

³ Анисимова Т. В. Тихонравовский хронограф. 2015. С. 3.

⁴ Текст рукописей цитируется здесь и далее в упрощенной орфографии, с раскрытием титл.

⁵ Анисимова Т. В. 1) Тихонравовский хронограф. 2015. С. 15–30; 2) О цитатах из Книги Иакова Жидовина в пророческой компиляции Тихонравовского хронографа // ТОДРЛ. Т. 71. СПб., 2024. (В печати).

⁶ Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928. С. 183.

⁷ Благодарю А.-М. Тотоманову за устную консультацию.

⁸ Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956. С. 154, 159.

⁹ Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967. С. 11, 14.

¹⁰ Соболевский А. И. Славяно-русская палеография (лекции). СПб., 1908. С. 52.

¹¹ РНБ. Q.p.I.18. Л. 184, 193, 194 об. См.: Никольский Н. К. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII в. СПб., 1892. С. 55–56; *Wqtróbska H. The Izbornik of the 13th century (Cod. Leningrad, GPB, Q.p.I.18): Text in transcription*, Nijmegen 1987 (Полата кънигописъная, т. 19/20). S. 377; *Pereswetoff-Morath A. A Grin without a Cat. Adversus Iudeaos texts in the literature of medieval Russia (988–1504)*. Vol. 1. Lund: Lund univ., 2002. S. 128.

¹² РГБ. Ф. 178. № 1832. Изд.: Выголексинский сборник / Изд. подг. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтюрина, В. С. Голышенко; под ред. С. И. Коткова. М., 1977. С. 37, 41; *Pereswetoff-Morath A. A Grin without a Cat*. S. 128.

¹³ ГИМ. Успенское собр. № 4. См.: Князевская О. А. Палеографическое описание [Успенского сборника]. Время и место написания рукописи // Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 22.

¹⁴ ГИМ. Чудовское собр. № 7. Л. 22. Воспроизведение см.: Уханова Е. В. Древнерусские скриптории XI – первой трети XII в. М.; СПб., 2017. Ил. 17.

¹⁵ ГИМ. Синодальное собр. № 551. Л. 17 об., 19, 40. Воспроизведение см.: Уханова Е. В. Древнерусские скриптории. Ил. 66, 67, 71.

¹⁶ РГБ. Ф. 304/1 (Собр. Троице-Сергиевой лавры). № 38.

¹⁷ РНБ. А.1.119.

¹⁸ Р. п. ед. ч. от слова: «волна».

¹⁹ БАН Литвы. Вильнюс. F19-109.

References

ANISIMOVA, T. V. "Izbornye" 3-ya i 4-ya Knigi Tsarstv v Tikhonravovskom khronografе ["Izbornye" 3rd and 4th Books of the Tsars in the Tikhonravovsky Chronograph. In Russ.]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. Moscow, 2020. No 4 (82), pp. 99–119.

- ANISIMOVA, T. V. Apokrify o Moisee v drevnerusskikh khronografakh [The Apocrypha of Moses in Ancient Russian Chronographs. In Russ.]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. Moscow, 2024. No 2 (96), pp. 157–177.
- ANISIMOVA, T. V. Fragmenty Poslaniya mitropolita Klimenta Smolyaticha k presviteru Fome v Tikhonravovskom khronografe [Fragments of Metropolitan Kliment Smolyatich's Epistle to Presbyter Thomas in the Tikhonravovsky Chronograph. In Russ.]. In *Paleoslavica*. XXV/2. Cambridge — Massachusetts, 2017. P. 63–79.
- ANISIMOVA, T. V. K issledovaniyu bibleiskoi chasti Khronografa po Velikomu izlozeniyu [To Study the Biblical Part of the Chronograph According to the Great Exposition. In Russ.]. In *Letopisi i khroniki. Novye issledovaniya*. 2017–2018. Moscow; St. Petersburg, 2019. P. 3–20.
- ANISIMOVA, T. V. K izucheniyu fragmentov Khroniki Ioanna Malaly v Tikhonravovskom khronografe [To Study Fragments of the Chronicle of John Malala in the Tikhonravovsky Chronograph. In Russ.]. In *Palaeoslavica*. XXX (No 1/2). Cambridge — Massachusetts, 2022. P. 1–21.
- ANISIMOVA, T. V. O tsitatakh iz Knigi Iakova Zhidovina v prorocheskoi kompilyatsii Tikhonravovskogo khronografa [A Quote from the Book by Yakov Zhidovin in the Prophetic Compilation of the Tikhonravovsky Chronograph. In Russ.]. In *TODRL*. 2024. Vol. 71. (v pechat).
- ANISIMOVA, T. V. Ob istochnike sokrashchennogo Vos'miknizhiya v Tolkovoi Palee i Tikhonravovskom khronografe [About the Source of the Abridged Octateuch in the Tolkovaya Paley and Tikhonravovsky Chronograph. In Russ.]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. Moscow, 2021. No 3 (85), pp. 119–138.
- ANISIMOVA, T. V. Proiskhozhdenie skhodnykh statei v bibleiskikh chastyakh drevnerusskikh khronografov: skazaniya o stolpotvoreniy, Serukhe, Farre, Avraame i Isave [The Origin of Similar Articles in the Biblical Parts of Ancient Russian Chronographs: Stories about Pandemonium, Seruch, Terah, Abraham and Esau. In Russ.]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. Moscow, 2023. No 4 (94), pp. 182–205.
- ANISIMOVA, T. V. Proiskhozhdenie skhodnykh statei v bibleiskikh chastyakh drevnerusskikh khronografov: rasskaz o rasselenii narodov i stolpotvreinii [The Origin of Similar Articles in the Biblical Parts of Ancient Russian Chronographs: a Story about the Settlement of Peoples and Pandemonium. In Russ.]. In *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta. Seriya III: Filologiya*. Iss. 74. Moscow, 2023. P. 9–30.
- ANISIMOVA, T. V. Tikhonravovskii khronograf. Issledovanie, publikatsiya teksta [Tikhonravovsky Chronograph. Research, Publication of the Text. In Russ.]. In *Letopisi i khroniki. Novye issledovaniya*. 2013–2014. Moscow; St. Petersburg, 2015. P. 3–166.
- ANISIMOVA, T. V. Tikhonravovskii khronograf. Issledovanie, publikatsiya teksta. Chast' 2. [Tikhonravovsky Chronograph. Research, Publication of the Text. Part 2. In Russ.]. In *Letopisi i khroniki. Novye issledovaniya*. 2015–2016. Moscow; St. Petersburg, 2017. P. 12–171.
- CHEREPNIN, L. V. *Russkaya paleografiya* [Russian Paleography. In Russ.]. Moscow, 1956.
- KNYAZEVSKAYA, O. A. Paleograficheskoe opisanie [Uspenskogo sbornika]. Vremya i mesto napisaniya rukopisi [Paleographic Description [The Uspenskii Collection]. Time and place of writing the manuscript. In Russ.]. In *Uspenskii sbornik XII–XIII vv.* Moscow, 1971. P. 22.
- PERESWETOFF-MORATH, A. A *Grin without a Cat. Adversus Iudeos Texts in the Literature of Medieval Russia (988–1504)*. Vol. 1. Lund: Lund univ., 2002.
- SHCHEPKIN, V. N. *Russkaya paleografiya* [Russian Paleography. In Russ.]. Moscow, 1967.
- TVOROGOV, O. V. *Drevnerusskie khronografy* [Ancient Russian Chronographs. In Russ.]. Moscow; Leningrad, 1975.
- TVOROGOV, O. V. Khronograf Tikhonravovskii [Tikhonravovsky Chronograph. In Russ.]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. Iss. 2. Vtoraya polovina XIV – XVI v. Ch. 2: L–Ya*. Leningrad, 1989. S. 506.
- TVOROGOV, O. V. Materialy k istorii russkikh khronografov. 2. Sofiiskii khronograf i Khronika Ioanna Malaly [Materials on the History of Russian Chronographs. 2. The Sofia Chronograph and the Chronicle of John Malala. In Russ.]. In *TODRL*. T. 36. Leningrad, 1982. P. 188–221.
- UKHANOVA, E. V. *Drevnerusskie skriptorii XI – pervoi treti XII v.* [Ancient Russian Scriptoriums of the XI – First Third of the XII Century. In Russ.]. Moscow; St. Petersburg, 2017.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Т. В. Анисимова. Архаичные черты письма Тихонравовского хронографа // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 146–154

Аннотация: В статье исследуются отразившиеся в письме первой половины Тихонравовского хронографа (датирующегося концом XV – началом XVI в.) архаичные графико-орфографические черты антиграфа XIII в., в частности: случаи написания буквы «г» с так называемым «молоточком», употребления форм асигматического аориста глагола «рѣщи»: «рѣхъ», «рѣхомъ», сохранения редуцированных в сочетании с плавными: *тъ-гъ-т, *тъ-лъ-т. Приведены примеры диалектных особенностей письма и относительно более поздние (XVI в.?) киноварные приписки на полях, свидетельствующие о создании и бытовании рукописи в западнорусской контактной зоне. Обнаружено близкое сходство рисунков указанных перстов на ее полях с аналогичными рисунками на полях Виленского хронографа. Отмечено, что примеры использования древнерусскими писцами графемы «г» с «молоточком» в историографии отсутствуют. В Тихонравовском хронографе они встречаются в различных источниках его текста и тем самым своеобразно маркируют первоначальный слой статей антиграфа рукописи, который заканчивается на обширной пророческой компиляции, архетип которой послужил источником «Речи философа» Повести временных лет. Отсутствие архаичных следов в остальной части Тихонравовского хронографа может указывать на какое-то механическое соединение в его антиграфе разновременных рукописей.

Ключевые слова: Тихонравовский хронограф, палеография, архаичное письмо, антиграф XIII в., западнорусская контактная зона, Виленский хронограф.

FOR CITATION

T. V. Anisimova. Archaic features of Tikhonravov chronograph writing // Petersburg historical journal, no. 1, 2025, pp. 146–154

Abstract: The article explores the archaic graphic and orthographic features of the 13th-century antigraph reflected in the letter of the first half of the Tikhonravov chronograph (dating from the end of the 15th – beginning of the 16th centuries), in particular cases of writing the letter “г” with the so-called “hammer”, and the use of the forms of the asigmatic aorist of the verb “рѣщи”: “рѣхъ”, “рѣхомъ”, and the preservation of reduced forms in combination with smooth forms: *тъ-гъ-т, *тъ-лъ-т. Examples of dialect features of writing and relatively later (16th century?) cinnabar marginal notes are given, indicating the creation and existence of the manuscript in the Western Russian contact zone. A close similarity was found between the drawings of pointing fingers on its margins and similar drawings on the margins of the Vilna chronograph. It is noteworthy that there are no extant examples in the historiography of the use of the grapheme “г” with a “hammer” by ancient Russian scribes. However, in the Tikhonravov chronograph, these letters are present in various sources of its text and thus uniquely mark the initial layer of articles of the manuscript’s antigraph, which ends with an extensive prophetic compilation. The archetype of this compilation served as the source of the “Philosopher’s Speech” in the Tale of Bygone Years. The absence of archaic traces in the rest of the text may indicate some kind of mechanical connection in its antigraph of different-time manuscripts.

Key words: Tikhonravovsky chronograph, paleography, archaic writing, 13th century antigraph, West Russian contact zone, Vilna chronograph.

Автор: Анисимова, Татьяна Владимировна – ведущий научный сотрудник Российской государственной библиотеки (Москва, Россия).

Author: Anisimova, Tatiana Vladimirovna – Leading Researcher, Russian State Library (Moscow, Russia).

E-mail: tanisim@yandex.ru

М. В. Корогодина, Н. Н. Левченко

**Конволют или сборник:
проблемы типологизации^{*}**

Терминология, используемая при характеристике рукописных книг, — одна из тех проблем, которые сохраняют свою актуальность на протяжении десятилетий, но неизменно остаются нерешенными. Несмотря на очевидную необходимость использовать четко определенные термины и многочисленные попытки выработать единую терминологию, в том числе на международных совещаниях, как схема описания рукописей, так и используемые термины отличаются разнообразием и в большей степени следуют традициям того или иного научного центра, чем общей методике. Наиболее активно разработка единой терминологии велась в 1970–1980-х гг. в Археографической комиссии СССР и в международном информационном центре об источниках по истории Балкан и Средиземноморья (CIBAL)¹. С развитием баз данных и цифровых проектов, позволяющих представлять как копии рукописей, так и их описания, проблема единой терминологии, которая делала бы совместимыми результаты работы различных исследовательских групп, стала еще более острой. Это заставляет каждое следующее поколение исследователей возвращаться к рассмотрению терминов и схем описания рукописей².

Термины «конволют», «сборная рукопись» и «сборник», постоянно используемые исследователями рукописной книги, часто понимаются лишь интуитивно, без четких характеристик. Определения этих терминов можно найти

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00372,
<https://rscf.ru/project/25-28-00372/>

в «Методическом пособии по описанию славяно-русских рукописей», согласно которому сборником называется рукопись, «составленная из трех и более самостоятельных статей», а конволютами (или сборными рукописями — «Методическое пособие...» не делает различий между ними) являются «рукописные книги, в которых механически объединены разновременные отдельные (самостоятельные) части»³. По мнению составителей, к конволютам нельзя относить книги, состоящие из двух тесно связанных по содержанию частей; рукописи, часть листов которых относится к другому времени, но содержит фрагмент того же произведения («с восполнениями»); а также кодексы с одним основным произведением, в конце или начале которого есть небольшое число листов из рукописи другого времени и содержания, подшитых случайно («с дополнениями / прибавлениями»).

Определению конволюта соответствуют многочисленные средневековые, а также поздние коллекционерские и библиотечные кодексы, которые состоят из разновременных тетрадей, листов и фрагментов рукописей, случайным образом собранных под один переплет для сохранности. Яркий пример — рукопись из собрания М. К. Бобровского, которая представляет собой подшивку листов из рукописных и старопечатных книг XV–XIX вв., копии фрагментов рукописей, сделанные самим славистом в начале XIX в., а также фотолитографированные снимки⁴.

В качестве примера рукописи с восполнениями можно указать Толковый Апостол Александра Солтана — кодекс 1470-х гг. из Великого княжества Литовского, который был вывезен в Россию в XVII в. и в начале XVIII в. разделен на три части для продажи⁵. По крайней мере одна из частей была тогда же дополнена до полного объема, при этом доля восполнений превышает первоначальный текст в два раза. Несмотря на разновременный характер частей, подобный кодекс не может быть назван конволютом.

Также к конволютам не относятся рукописи, характер которых предусматривал продолжение записей: монастырская и церковная документация, синодики, вкладные книги и другие⁶, несмотря на то что это сложные по составу книги, включающие разновременные части. При формировании книжного блока хозяйственных книг бумага закладывалась с запасом, что позволяло вести записи длительное время, по мере необходимости подшивались новые тетради. Например, Синодик Троицкой церкви Глинского посада города Холмогор⁷ сложился из помянника середины XVII в., к которому в начале XVIII в. присоединили предисловие и «Последование по исходе души от тела», вероятно, из другой рукописи. Записи и подшивка новых тетрадей к книжному блоку велись вплоть до последней четверти XVIII в.

Последний пример показывает, что предлагаемые в «Методическом пособии...» термины применимы только к ограниченному кругу кодексов, история формирования которых известна или очевидна. Иначе исследователь не всегда может определить, сложился ли кодекс в результате «механического объединения

нения» разнородных частей. В некоторых случаях невозможно провести грань между случайным и сознательным соединением двух произведений, принадлежащих к разным жанрам, — возможно, владелец рукописей руководствовался особыми соображениями, объединяя под одним переплетом житие и поучение или акафист и историческую повесть. Другой названный в «Методическом пособии...» признак — разновременной характер частей кодекса — не является обязательным свойством конволюта, поскольку позднейший владелец мог объединить самостоятельные тексты одного времени. Наконец, из числа конволютов исключаются рукописи, к которым присоединено «небольшое» количество листов. Очевидно, дело не в количестве листов, а в процентном соотношении основной части и дополнительной, но каков должен быть этот процент? Эти вопросы кажутся схоластическими, но для каждого, кто имеет дело с необходимостью подготовить краткое описание рукописи, они приобретают значимый характер.

Таким образом, для характеристики типа кодекса, в том числе краткой, исследователям часто необходимо реконструировать историю его создания и бытования. Примером служат сборники, созданные по инициативе игумена Антониево-Сийского монастыря Феодосия⁸. Насчитывающие до 900 листов, эти рукописи содержат подборку житийных текстов севернорусского происхождения, написанных многочисленными скорописными и полууставными почерками на бумаге разных сортов, но приблизительно в одно время: по филиграням кодексы датируются второй — третьей четвертью XVII в.⁹ Не исключено также, что часть тетрадей в составе сборников была изъята из других рукописей, хранящихся в библиотеке Антониево-Сийского монастыря¹⁰. Эта распространенная среди монастырских книжников практика, при которой для составления келейных четырех книг не только копировались тексты, но и расшивались уже существующие рукописи, была описана Н. Н. Розовым¹¹. Учитывая сложный состав сборников иг. Феодосия, исследователи используют различные термины для их характеристики: М. В. Кукушкина называет их сборниками¹², Е. А. Рыжова — сборниками-конволютами¹³.

Обращаясь к подобным рукописям из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, О. Л. Новикова употребляет термин «тематический конволют»¹⁴. По мнению исследовательницы, «тематический конволют» — сборник, сформированный из фрагментов рукописей одной тематики, но разного происхождения. О. Л. Новикова выделяет также «авторский конволют» — сборник, составленный одним человеком из частей созданных им ранее сборников или же нескольких небольших рукописей. По этой классификации сборники иг. Феодосия занимают промежуточное положение: с одной стороны, они создавались под руководством игумена и неразрывно с ним связаны, с другой — представляют собой подборку памятников агиографии. Формально такие кодексы можно назвать конволютами — в один переплет собраны тетради, созданные несколькими переписчиками при разных обстоятельствах. Однако очевидно, что такое

объединение текстов не является механическим, поскольку ясен замысел со-ставителей сборников, и сами памятники в кодексах не случайны, а выбраны сознательно и расположены в определенном порядке.

Аналогичный вопрос возникает при изучении рукописей, появившихся в результате расшивки старых книг монастырской библиотеки и соединения изъятых оттуда тетрадей в новый кодекс — так восполняли нехватку необходимых для богослужения книг. Ярким примером служат «ветшанные» минеи, описанные М. А. Шибаевым¹⁵. Вероятно, так же появился иноческий Требник из Антониево-Сийского монастыря, включающий тетради с 1590-х до 1620-х гг.¹⁶ Условно конволюты такого типа можно назвать «монастырскими», поскольку они создавались на основе монастырской библиотеки, чаще всего — для обеспечения богослужения в обители.

К такому же типу «монастырских конволютов» можно отнести архиерейский сборник Александро-Ошевенского монастыря¹⁷. В рукописи соединено несколько разновременных чинов освящения церкви, переписанных в одном месте и для одних целей, но в разное время, и объединенных по принципу функциональности. Вероятно, кодекс сохранил часть монастырского архива обители. Формально книга является конволютом, поскольку соединяет разновременные части, однако такое определение без дополнительных комментариев не позволит показать единство замысла при создании рукописи.

Еще сложнее решить вопрос с характеристикой кодекса, в котором к виленскому изданию Пандектов Никона Черногорца, готовившемуся в типографии Мамоничей в 1590-х гг., добавили рукописный текст¹⁸. Как кажется, такое сочетание можно назвать только конволютом, однако в данной книге это не механическое соединение разных частей, а сознательное дополнение неоконченного издания, обрывавшегося на середине фразы¹⁹. В кодексе, хранящемся в БАН, текст был продолжен на той же бумаге, что и издание. Это позволяет предполагать, что переписчиками были те же люди, которые и готовили издание. Однако работа над кодексом завершилась лишь в 1610-х гг., когда разрозненные печатные и рукописные части были соединены, а недостающие тексты переписаны до конца. Несмотря на сложную структуру книги, в данном случае следует говорить не о конволюте, а о восполнениях, в том числе авторских, т. е. о едином тексте, задуманном создателями книги.

Таким образом, термин «восполнения» сложнее, чем кажется на первый взгляд, если речь идет о книге, создание которой растянулось на годы. В воскресном Октоихе из собрания П. А. Сырку соединены две части, относящиеся к разным языковым изводам, болгарскому и ресавскому, и датирующиеся с разницей в треть столетия²⁰. Б. Христова считала Октоих валахо-молдавской рукописью, которая не была окончена в начале XVI в., поэтому ее переписка была продолжена в середине столетия²¹. Более поздняя часть Октоиха в три раза пре-восходит по объему первоначальный текст. Еще больше дисбаланс между первоначальной и поздней частями в псковском Тихомировском списке Кормчей.

В этой рукописи к первоначальной части, датируемой 1420-ми гг., относятся всего 18 листов²², к которым в середине XV в. было приписано не менее двухсот листов²³. Здесь вряд ли уместно говорить о восполнениях — растянувшаяся на десятилетия история создания кодекса требует отдельного подробного комментария.

В некоторых случаях о том, что переплет соединяет части, первоначально бытовавшие отдельно друг от друга, можно догадаться только случайно. В болгарском Стишном Прологе конца XIV в. сплетены февраль и март, написанные на одной бумаге, но разными почерками²⁴. Поскольку начало и конец рукописи утрачены, можно полагать, что это лишь фрагменты сентябрьской и мартовской половин годом, созданные одновременно, как годовой комплект²⁵. О самостоятельном бытованиях двух половина Пролога сообщает запись в конце сентябрьской половины года, в которой сказано о переплете двух томов в 1517/1518 г.²⁶ Можно ли назвать конволютом соединение двух частей, изначально создавшихся в качестве единого целого, но разделенного на две половины? Кажется, ответ должен быть отрицательным, однако отказ от ясного указания на позднее соединение двух половин Пролога перечеркивает полуторавековую историю самостоятельного бытования двух книг.

Сходные вопросы возникают при изучении сборника русского происхождения 1640-х гг.²⁷, в который вошли Житие Григория Омиритского, Кормчая книга и Житие Даниила Столпника. Тексты написаны разными почерками на разной бумаге и имеют отдельную нумерацию тетрадей²⁸. Конец Кормчей книги утрачен, что говорит о самостоятельном бытованиях этой части до того, как рукопись была переплетена. Жанровые различия и кодикологические признаки указывают на то, что кодекс является конволютом, однако все три части датируются одним временем, к которому относится и переплет книги. Это заставляет предполагать, что владелец по странной прихоти заказывал разные тексты, и книгу нужно считать сложившейся единовременно, т. е. сборником.

Приведенные примеры показывают, что история формирования рукописных книг бывает столь сложна и разнообразна, что не может быть охарактеризована только с помощью терминов, не позволяющих представить наблюдения исследователя над рукописью. Эти наблюдения часто имеют ключевое значение для понимания истории книги и должны быть отражены описательно и максимально полно. При исследовании рукописи важно отличать термины, используемые для характеристики ее содержания (названия книги), от терминов, передающих особенности строения кодекса. Термин «сборник» описывает состав книги и относится к кодексам, соединяющим три и более частей, различающихся по жанрам, но объединенных происхождением или замыслом их создателя. Термин «конволют» характеризует строение кодекса, состоящего из двух и более частей разного происхождения. Соответственно, сборником-конволютом называется рукопись, части которой не имеют ни общности происхождения,

ни тематической близости. Указание на книгу с восполнениями используется для кодексов, в которых утраченные листы восстановлены или написаны заново в более позднее время с целью представить текст без утрат.

- ¹ Костюхина Л. М., Покровская В. Ф., Розов Н. Н., Тихомиров Н. Б., Щепкина М. В. Описание сборников // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 1 / Редколл. Л. П. Жуковская (отв. ред.), Л. И. Панин, Н. Б. Тихомиров, Н. Б. Шеламанова, С. О. Шмидт. М., 1973. С. 214–223; Описание и каталогизирование средневековых рукописей / Гл. ред. К. Станчев. София, 1984. (Balcanica, III. Etudes et documents; 3); Препоръчителен списък на названията на средновековните славянски ръкописи според жанровата им типология. Проект // СИБАЛ. Информационен бюллетин. 1987. № 11. С. 20–29.
- ² Скарпа М., Рипаранте М., Панева-Маринова Д., Гойнов М., Лучев Д. Онлайн база данни на южнославянски ръкописи от XIV в. // Palaeobulgarica. 2022. Vol. XLVI (1). P. 181–194.
- ³ Костюхина Л. М., Покровская В. Ф., Розов Н. Н., Тихомиров Н. Б., Щепкина М. В. Описание сборников. С. 214 (определение сборника), 221 (определение конволюта).
- ⁴ БАН, Бобр. 1 (1.3.31). Сборник М. К. Бобровского «Материалы по славянской филологии и археологии». Конволют XV–XIX вв. 214 л.
- ⁵ БАН, 31.3.24. См.: Корогодина М. В., Сапожникова О. С., Сергеев А. Г. Описание рукописей XV века Библиотеки Российской академии наук. Вып. 1: Священное Писание. М.; СПб., 2022. С. 171–192; Корогодина М. В. Толковый Апостол Александра Солтана // Словене. 2022. № 2. С. 92–124.
- ⁶ Например, при описании помянников, характер которых предусматривал продолжение записей, И. В. Дергачева рекомендует «разграничивать время написания первоначального текста и приписок», см.: Дергачева И. В. Типология синодиков в русской письменности XV–XVII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. Вып. 3 / Редколл. Л. П. Жуковская (отв. ред.), Б. Н. Морозов, А. А. Турцов, Н. Б. Шеламанова, С. О. Шмидт. М., 1990. С. 260.
- ⁷ БАН, Арханг. Д. 314. См.: Корпус записей на рукописных книгах Архангельского собрания Отдела рукописей БАН / Авт.-сост. Л. Б. Белова, Н. А. Ефимова. СПб., 2022. С. 131–132.
- ⁸ БАН, Арханг. Д. 233, 234, 235. См.: Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII веков. Л., 1977. С. 103, 108–109; Рыжова Е. А. Антониево-Сийский монастырь. Житие Антония Сийского (Книжные центры Русского Севера). Сыктывкар, 2000. С. 130–131; Рыжова Е. А. Литературное творчество книжников Антониево-Сийского монастыря XVI–XVIII вв. // Книжные центры Древней Руси. Северорусские монастыри / Отв. ред. С. А. Семячко. СПб., 2001. С. 228, сн. 52.
- ⁹ Описание Рукописного отдела Библиотеки академии наук СССР. Т. 3. Вып. 2: Исторические сборники XV–XVII вв. / Сост. А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская. М., 1965. С. 230–234; Минеева С. В. Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.): [в 2 т.]. М., 2001. Т. 1. С. 689–692; Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах северной России. СПб., 1890. С. 91–92 (№ 126, 127), 98 (№ 110); Корпус записей на рукописных книгах Архангельского собрания Отдела рукописей БАН. С. 110–111.
- ¹⁰ Предположение Л. Б. Беловой, высказанное в личной беседе.
- ¹¹ Розов Н. Н. О некоторых трудностях описания четырех сборников русских монастырских библиотек // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 354.
- ¹² Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. С. 109.

- ¹³ Рыжова Е. А. Антониево-Сийский монастырь. Житие Антония Сийского. С. 130.
- ¹⁴ Новикова О. Л. Архивы кирилловских старцев // Очерки феодальной России. Вып. 17. М.; СПб., 2013. С. 100.
- ¹⁵ Шибаев М. А. 1) Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века. Историко-кодикологическое исследование. М.; СПб., 2013. С. 15; 2) «Ветшанные» минеи и реконструкция сборников XV в. из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2014. Т. 62. С. 480–496.
- ¹⁶ БАН, Арханг. Д. 164. См.: Описание Рукописного отдела Библиотеки академии наук СССР. Т. 8. Вып. 1: Рукописи Архангельского собрания / Сост. А. А. Амосов, Л. Б. Белова, М. В. Кукушкина. Л., 1989. С. 220–221; Корогодина М. В. Исповедь в России в XIV–XIX вв.: Исследование и тексты. СПб., 2006. С. 341; Белова Л. Б. Библиотека Антониево-Сийского монастыря (вновь выявленные рукописи в составе Архангельского собрания БАН) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. Вып. 7 / Отв. ред. и сост. В. Г. Подковырова. СПб., 2019. С. 317, 321, № 250; Корпус записей на рукописных книгах Архангельского собрания Отдела рукописей БАН. С. 91–92.
- ¹⁷ БАН, Археогр. ком. 193. Две части: 1) л. 1–57, последняя четверть XV в.; 2) л. 58–65, начало XVI в.
- ¹⁸ БАН, 32.7.2.
- ¹⁹ Кириллические издания Отдела редкой книги БАН. 1493–1600: каталог / Сост.: М. Ю. Гордеева, А. А. Романова. СПб., 2010. № 39а (автор описания — М. В. Корогодина); Корогодина М. В. Неоконченное Виленское издание Пандектов Никона Черногорца: История с продолжением // Палеография, кодикология, дипломатика. Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов: Материалы Международной научной конференции в честь 75-летия д. и. н., чл.-корр. Афинской академии Б. Л. Фонкича. Москва, 27–28 февраля 2013 г. М., 2013. С. 170–173; Вознесенский А. В. О виленском издании «Пандект» Никона Черногорца, напечатанном предположительно около 1592 г. // Vilnius universiteto bibliotecos metraštis. Vilnius, 2015. Р. 325–338; Корогодина М. В. Памятники церковного права в рукописях XV — начала XX века. М., СПб., 2020. (Описание Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук; т. 11; вып. 1). С. 200–208.
- ²⁰ БАН, Сырку 72 (13.7.3). Две части: 1) л. 1–30, начало XVI в., болг.; 2) л. 31–124, середина XVI в., серб. (ресавская).
- ²¹ Христова Б. Ръкописната сбирка а П. А. Сирку в Ленинград // Известия на Народната библиотека «Кирил и Методий». Т. 18 (24). София, 1983. С. 276, № 6; Николов А. Н., Герд Л. А. П. А. Сирку в Болгарии (1878–1879). София, 2012. (Studia mediaevalia Slavica et Byzantina; 3). С. 378, № 16.
- ²² ГПНТБ СО РАН, Тихом. 536/539. Л. 143–153, 289–295. См.: Корогодина М. В. Кормчие книги XIV — первой половины XVII века. М.; СПб., 2017. Т. 2: Описание редакций. С. 82–83.
- ²³ ГПНТБ СО РАН, Тихом. 536/539. Л. 89–142, 154–288, 296–319. Во второй половине XV в. часть листов была утрачена, недостающий текст восполнен в начале XVI в. См.: Корогодина М. В. Церковное управление в Пскове и канонические сборники XV в. // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVII вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: Сб. трудов международной научной конференции 19–21 мая 2010 г. Псков, 2011. С. 255–273.
- ²⁴ БАН, Сырку 75. Л. 181–262.
- ²⁵ Сергеев А. Г. Описание бумажных рукописей XIV века Библиотеки Российской академии наук / Науч. ред. М. В. Корогодина. СПб., 2017. (Славяно-русские рукописи Библиотеки РАН). С. 40–41, 77–78.
- ²⁶ БАН, Сырку 75. Л. 216 об.
- ²⁷ БАН, 34.4.2.
- ²⁸ Корогодина М. В. Памятники церковного права в рукописях XV — начала XX века. С. 112–115.

References

- BELOVA, L. B. Biblioteka Antonievo-Siiskogo monastyrja (vnov' vyayavlennye rukopisi v sostave Arkhangelskogo sobraniya BAN) [The Library of the Antonievo-Siisky Monastery (Recently Identified Manuscripts from the Arkhangelsk Collection of the BAN). In Russ.]. In Podkovyrova, V. G. (Ed.) *Materialy i soobshcheniya po fondam Otdela rukopisei BAN*. Vol. 7. St. Petersburg, 2019. P. 274–330.
- DERGACHEVA, I. V. *Tipologiya sinodikov v russkoj pis'mennosti XV–XVII vv.* [The Typology of Synodics in Russian Writing from the 15th to 17th Centuries. In Russ.]. In Zhukovskaya L. P. (Ed.) *Metodicheskie rekomendatsii po opisaniju slavyano-russikh rukopisnykh knig*. Vol. 3. Moscow, 1990. P. 246–270.
- KHRISTOVA, B. *R"kopisnata sbirka a P.A. Syrku v Leningrad* [The Handwritten Collection of P. A. Syrku in Leningrad. In Bulg.]. In *Izvestiya na Narodnata biblioteka "Kiril i Metodii"*. Sofia, 1983. No 18 (24), pp. 253–282.
- Kirillicheskie izdaniya Otdela redkoi knigi BAN. 1493–1600: katalog* [The Cyrillic Editions from The Rare Book Department BAN. 1493–1600: Catalog. In Russ.] / sost.: M. Yu. Gordeeva, A. A. Romanova. St. Petersburg, 2010.
- KOROGODINA, M. V. *Ispoved' v Rossii v XIV–XIX vv.: Issledovanie i teksty* [The Confession in Russia During the 14th–19th Centuries: The Research and Texts. In Russ.]. St. Petersburg, 2006.
- KOROGODINA, M. V. *Kormchie knigi XIV – pervoi poloviny XVII veka* [The Nomocanons from the 14th to the First Half of the 17th Centuries. In Russ.] [V 2 t.]. Moscow, St. Petersburg, 2017.
- KOROGODINA, M. V. Neokonchennoe Vilenskoe izdanie Pandektor Nikona Chernogortsja: Istochnika prodolzheniem [The Unfinished Vilna Edition of Nikon Chernogorets's Pandects: A Story with a Sequel. In Russ.]. In *Paleografija, kodikologija, diplomatiка. Sovremennyj opyt issledovaniya grecheskikh, latinskikh i slavyanskikh rukopisei i dokumentov. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii v chest' 75-letiya d.i.n., chl.-korr. Afinskoi Akademii B. L. Fonkicha. Moskva, 27–28 fevralya 2013 g.* Moscow, 2013. P. 170–173.
- KOROGODINA, M. V. *Pamyatniki tserkonogo prava v rukopisyakh XV – nachala XX veka. (Opisanie Rukopisnogo otdela Biblioteki Rossiiskoi akademii nauk. T. 11. Vyp. 1)* [The Monuments of Church Law in Manuscripts from the 15th to the Early 20th Century: A Description of the Manuscript Collection of the Library of the Russian Academy of Sciences, Vol. 11, Iss. 1. In Russ.] Moscow, St. Petersburg, 2020.
- KOROGODINA, M. V. Tolkovyi Apostol Aleksandra Soltana [The Explanatory Apostle of Alexander Soltan. In Russ.]. In *Slovene*. 2022. No 2, pp. 92–124.
- KOROGODINA, M. V. Tserkovnoe upravlenie v Pskove i kanonicheskie sborniki XV v. [The Administration of the Church in Pskov and the Canonical Collections from the 15th Century. In Russ.]. In *Pskov, russkie zemli v Vostochnaya Evropa v XV–XVII vv. K 500-letiju vkhozhdeniya Pskova v sostav edinogo Russkogo gosudarstva: Sb. trudov mezdunarodnoi nauchnoi konferentsii 19–21 maya 2010 g.* Pskov, 2011. P. 255–273.
- KOROGODINA, M. V., SAPOZHNIKOVA O. S., SERGEEV A. G. *Opisanie rukopisei XV veka Biblioteki Rossiiskoi akademii nauk. Vyp. 1: Svyashchennoe Pisanie* [The Description of the 15th-Century Manuscripts from the Library of the Russian Academy of Sciences. Vol. 1: The Holy Scriptures. In Russ.]. Moscow, St. Petersburg, 2022.
- Korpus zapisei na rukopisnykh knigakh Arkhangelskogo sobraniya Otdela rukopisei BAN* [The Corpus of Records on Handwritten Books of the Arkhangelsk Collection of the Department of Manuscripts of the BAN. In Russ.] / avt.-sost. L. B. Belova, N. A. Efimova. St. Petersburg, 2022.
- KOSTYUKHINA, L. M., POKROVSKAYA, V. F., ROZOV, N. N., TIKHOMIROV, N. B., SHCHEPKINA, M. V. Opisanie sbornikov [Description of Collections. In Russ.]. In Zhukovskaya L. P. (Ed.) *Metodicheskoe posobie po opisaniju slavyano-russikh rukopisei dlya Svodnogo kataloga rukopisei, khranящихchikhsya v SSSR*. Vol. 1 Moscow, 1973. P. 214–223.
- KUKUSHKINA, M. V. *Monastyrskie biblioteki Russkogo Severa. Ocherki po istorii knizhnii kul'tury XVI–XVII vekov* [The Monastic Libraries of the Russian North: Essays on the History of Book Culture in the 16th and 17th Centuries. In Russ.]. Leningrad, 1977.
- MINEEVA, S. V. *Rukopisnaya traditsiya Zhitiya prep. Zosimy i Savvatija Solovetskih (XVI–XVIII vv.)* [The Handwritten Tradition of The Life of the Reverend Zosima and Savvaty of Solovki (the 16th–18th Centuries). In Russ.] [V 2 t.]. Moscow, 2001.
- NIKOLOV, A. N., GERD, L. A. P. A. *Syrku v Bulgarii (1878–1879)* [P. A. Syrku in Bulgaria (1878–1879)]. In Russ., Bulg.]. Sofia, 2012. (Studia mediaevalia Slavica et Byzantina, 3).
- NOVIKOVA, O. L. Arkhivy kirillovskikh startsev [Archives of the Kirillovsky Elders. In Russ.]. In *Ocherki feodal'noi Rossii*. Vol. 17. Moscow, St. Petersburg, 2013. P. 93–132.
- Opisanie i katalogizirovanie srednevekovykh rukopisei* [The Description and Cataloging of Medieval Manuscripts. In Russ.] / gl. red. K. Stanchev. Sofia, 1984. (Balcanica, III. Etudes et documents, 3).

Opisanie Rukopisnogo otdela Biblioteki akademii nauk SSSR. T. 3. Vyp. 2: Istoricheskie sborniki XV–XVII vv. [The Description of The Manuscript Department of The Library of the Academy of Sciences of the USSR, Vol. 3, Iss. 2: The Historical collections of the 15th–17th centuries. In Russ.] / sost. A. I. Kopanev, M. V. Kukushkina, V. F. Pokrovskaya. Moscow, 1965.

Opisanie Rukopisnogo otdela Biblioteki akademii nauk SSSR. T. 8. Vyp. 1: Rukopisi Arkhangelskogo sobraniya [The Description of The Manuscript Department of The Library of the Academy of Sciences of the USSR, Vol. 8, Iss. 1: The Arkhangelsk Collection Manuscripts. In Russ.] / sost. A. A. Amosov, L. B. Belova, M. V. Kukushkina. Leningrad, 1989.

Prepor'chitelen spis'k na nazvaniyata na srednovekovnite slavyanski r'kopisi spored zhanrovata im tipologiya. Proekt [The Recommendation List of Names of Medieval Slavic Manuscripts by Genre Typology. Project. In Bulg.]. In *SIBAL. Informationsen byuletin*. 1987. No 11, pp. 20–29.

ROZOV, N. N. O nekotorykh trudnostyakh opisaniya chet'ikh sbornikov russkikh monastyrskikh bibliotek [Regarding Some Difficulties in Describing the Collections of Russian Monastic Libraries. In Russ.]. In *Issledovaniya po drevnei i novoi literature*. Leningrad, 1987. P. 353–357.

RYZHOVA, E. A. *Antonievo-Siiskii monastyr'. Zhitie Antoniya Siiskogo (Knizhnye tsentry Russkogo Severa)* [The Antonievo-Siisky Monastery. The Life of Anthony Siisky (Book centers of the Russian North). In Russ.] Syktyvkar, 2000.

RYZHOVA, E. A. Literaturnoe tvorchestvo knizhnikov Antonievo-Siiskogo monastyrya XVI–XVIII vv. [The Literary Work of the Scribes from the Antonievo-Siisky Monastery in the 16th–18th Centuries. In Russ.]. In Semyachko S. A. (Ed.) *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi. Severnorusskie monastyri*. St. Petersburg, 2001. P. 218–264.

SERGEEV, A. G. *Opisanie bumazhnykh rukopisei XIV veka Biblioteki Rossiiskoi akademii nauk* [The Description of the 14th-Century Paper Manuscripts from the Library of the Russian Academy of Sciences. In Russ.] / nauch. red. M. V. Korogodina. St. Petersburg, 2017. (Slavyano-russkie rukopisi Biblioteki RAN).

SHIBAEV, M. A. "Vetshannyе" minei i rekonstruktziya sbornikov XV v. iz biblioteki Kirillo-Belozerskogo monastyrya ["Vetshannyе" Minei and the 15th-Century Collections from the Library of the Kirillo-Belozersky Monastery. In Russ.]. In *Trudy Ot dela drevnerusskoi literatury*. St. Petersburg, 2014. Vol. 62, pp. 480–496.

SHIBAEV, M. A. *Rukopisi Kirillo-Belozerskogo monastyrya XV veka. Istoriko-kodikologicheskoe issledovanie* [The Manuscripts from the Kirillo-Belozersky Monastery of the 15th Century: A Historical and Codicological Study. In Russ.] Moscow, St. Petersburg, 2013.

SKARPA, M., RIPARANTE, M., PANNEVA-MARINOVA, D., GOINOV, M., LUCHEV, D. Onlain baza danni na yuzhnoсловянски r'kopisi ot XIV v. [The Online Database of South Slavic Manuscripts from the 14th Century. In Bulg.]. In *Palaeobulgarica*. 2022. Vol. XLVI. No 1, pp. 181–194.

VIKTOROV, A. E. *Opisi rukopisnykh sobranii v knigokhranilishchakh severnoi Rossii* [The Inventories of Handwritten Collections in Book Depositories in Northern Russia. In Russ.]. St. Petersburg, 1890.

VOZNESENSKII, A. V. O vilenskom izdani "Pandekt" Nikona Chernogorts, napechatannom predpolozhitel'no okolo 1592 g. [Regarding the Vilna Edition of Nikon Chernogorets' Pandects, which was Presumably Printed around 1592. In Russ.]. In *Vilniaus universiteto bibliotecos metraštis*. Vilnius, 2015. P. 325–338.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

М. В. Корогодина, Н. Н. Левченко. Конволют или сборник: проблемы типологизации // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 155–164

Аннотация: При изучении рукописных книг исследователи часто используют термины «конволют», «сборник» или «сборная рукопись», «сборник с восполнениями», вкладывая в них разные понятия. В статье рассмотрены кодексы, происходящие из южнославянских земель, Московского государства и Великого княжества Литовского и имеющие сложную структуру: книги, собиравшиеся в монастырях из фрагментов более ранних рукописей или составлявшиеся книжниками на протяжении десятилетий. В некоторых случаях части кодекса объединяет датировка, тематическое единство или почерк, но остальные признаки не позволяют считать рукопись созданной единовременно. Такие книги требуют подробной характеристики. Авторы статьи предлагают свои определения терминов «конволют» и «сборник», относя первый к кодикологической структуре рукописи, а второй — к ее содержанию.

Ключевые слова: кодикология, палеография, славянские рукописи, археография, конволют.

FOR CITATION

M. V. Korogodina, N. N. Levchenko. Convolute or miscellany: the problem of typology // Petersburg historical journal, no. 1, 2025, pp. 155–164

Abstract: Researchers of the manuscripts often use the terms “convolute”, “miscellany” or “collected manuscript”, “miscellany with additions”, putting different concepts into them. The article examines codices that have a complex structure: books collected in monasteries from fragments of earlier manuscripts, or compiled by a scribe over decades. In some cases, parts of the codex are united by dating, theme or scribe, though other features do not allow to consider the manuscript written at the same time. Such books require detailed descriptions. The authors of the article offer their definitions of the terms “convolute” and “miscellany”, relating the first to the codicological structure of the manuscript, and the second to its content.

Key words: codicology, palaeography, Slavic manuscripts, archeography, convolute.

Автор: Корогодина, Мария Владимировна — д. и. н., главный научный сотрудник, руководитель Научно-исследовательского отдела рукописей Библиотеки Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Korogodina, Maria Vladimirovna — Dr. in History, the Main Researcher, Head of the Manuscript Department of the Library of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: mvkorogod@gmail.com

Автор: Левченко, Надежда Николаевна — ведущий библиотекарь Научно-исследовательского отдела рукописей Библиотеки Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Levchenko, Nadezhda Nikolayevna — the Chief Librarian of the Manuscript Department of the Library of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: nadule612@gmail.com

М. С. Крутова

Труды Л. П. Жуковской по палеографии в ее личном фонде в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки

Лидия Петровна Жуковская (05.03.1920–06.01.1994) — выдающийся палеограф, историк языка, славист, текстолог, чьи научные труды получили широкое признание в мировой науке¹. Она была талантливым палеографом, изучавшим рукописные книги во всех книгохранилищах СССР и книгохранилищах мира, доступных исследовательнице в середине и конце XX в.

Документы в ее архиве содержат информацию о том, какую палеографическую школу прошла Л. П. Жуковская. Своими учителями, хотя и неофициальными, она считала М. Н. Тихомирова и М. В. Щепкину. Она считала, что важную роль в ее становлении как палеографа сыграл рукописный отдел Исторического музея, «в котором она работала ежедневно с февраля и даже прикрепляла в столовой ГИМа (где теперь зал заседаний) свою аспирантскую обеденную карточку на ежедневные обеды. Рукописным отделом ГИМа заведовал тогда академик М. Н. Тихомиров, который не стеснялся своих учеников просвещать громко, сидя на высокой лестнице под потолком справа от входной двери, ведущей в читальный зал. Как ни внимательно читала Л. П. Жуковская свое Галичское евангелие 1357 г. <...>, но многие заветы и особенно критика в адрес лингвистов ей запомнились. Завет “всякую дурь, которая приходит в голову, записывать и откладывать до времени” помогла ей в корне пересмотреть взгляды на Архангельское евангелие 1092 г., принадлежавшие таким корифеям лингвистики, какими были Н. Н. Дурново и М. А. Соколов»².

Другим неофициальным учителем Л. П. Жуковской была М. В. Щепкина. Ее высказывания о палеографии, истории книжных памятников, а также «экскурсии для сановных посетителей просвещали одновременно и читателей, которые, казалось бы, должны были заниматься своими рукописями. Особенно выковало палеографическую наблюдательность Лидии Петровны обоснование ею существования четырех писцов Галичского Евангелия. Пришлось в спорах с первоначально не соглашавшейся М. В. Щепкиной доказывать даже ей существование 2-го и 3-го писцов (до того было выявлено всего 2 писца: 1-й и, по определению Л. П. Жуковской, 4-й) <...>. Без этой школы, без этой полемики вряд ли могла бы выступить Л. П. Жуковская в 1955 г. — тогда еще молодой специалист — с исследованием палеографии принципиально нового, незадолго до того открытого памятника — новгородских берестяных грамот»³.

В архиве сохранились законспектированные Л. П. Жуковской лекции по палеографии, которые читала М. В. Щепкина⁴. В своем отзыве 1963 г. на докторскую диссертацию соискательницы о Псалтири Томича Л. П. Жуковская подчеркнула ценность палеографических наблюдений исследовательницы над этим рукописным памятником⁵. Она отметила важность для ее становления как палеографа «труда молодого В. В. Виноградова о языке Жития Саввы Освященного, который стал ей известен только в 1966 г., когда она готовила его к публикации по полуистершейся рукописи, написанной в 1917 г.»⁶.

Архивные материалы фонда № 860 содержат интересные сведения о преподавании Л. П. Жуковской курсов по палеографии в различных научных учебных заведениях. Так, в 1987 г. она вела спецсеминар по палеографии в Московском государственном педагогическом институте⁷; в 1987–1988 гг. семинар «Актуальные проблемы русской палеографии для молодых сотрудников Отдела рукописей РГБ», а в 1989 г. там же семинар «История русского языка и палеографии»⁸. В 1987 г. она преподавала палеографию в Московском педагогическом институте и палеографию и историю языка в Поморском государственном университете⁹. Следует отметить, что при чтении лекций по истории церковнославянского и русского языка, а также славянской письменности она не обходила стороной вопросы палеографии, о чем свидетельствуют планы прочитанных ею курсов в Православной гимназии имени прп. Сергия Радонежского и Православном Свято-Тихоновском институте¹⁰.

В большинстве ее работ так или иначе рассматриваются вопросы палеографии, так как все они основаны на конкретных письменных источниках. При жизни она опубликовала целый ряд работ, посвященных палеографии. В 1963 г. ею была издана монография «Развитие славяно-русской палеографии (В дореволюционной России и в СССР)»¹¹, в которой подробно прослежен путь становления палеографии в России как науки и которая до сих пор не потеряла своей актуальности. В 2020 г. этот труд и некоторые другие были переизданы ее учениками в честь ее 100-летия в Институте русского языка им. В. В. Виноградова¹². Особенности выработанного Л. П. Жуковской палеографического ана-

лиза описаны ее ученицей Г. С. Бааранковой во вступительной статье к сборнику. В личном архивном фонде Л. П. Жуковской хранятся рукописные варианты этой монографии и материалы для ее написания, показывающие, как кропотливо исследовательница работала над текстом своих работ¹³.

В лингвистической энциклопедии «Русский язык» содержится статья о палеографии, написанная Л. П. Жуковской, в которой дано классическое определение палеографии: «...это историко-филологическая дисциплина, изучающая создание знаков письменности и их развитие; теоретическая палеография устанавливает закономерности исторически изменившихся особенностей письма; практическая и описательная палеография исследуют индивидуальные особенности писцов или отдельных рукописей с целью определения времени и места воздания этих рукописей, участия писавших их лиц и границ работы писцов»¹⁴. Следует заметить, что исследовательница считала палеографию не вспомогательной, а самостоятельной научной дисциплиной.

Большая часть научных исследований Л. П. Жуковской связана с лингвистическим и текстологическим изучением рукописных памятников, которое у нее всегда было основано на их кропотливом палеографическом анализе. Так, ею были исследованы свыше 500 списков Евангелий, в их числе знаменитые Остромирово, Архангельское, Галическое; свыше 200 списков Пролога; Изборник Святослава 1073 г. и многие другие. Только перечисление архивных материалов, посвященных им и содержащих описание палеографических особенностей, намного превысило заданный объем данной статьи, поэтому лишь заметим, что эти материалы содержат чрезвычайно ценный материал, лишь частично опубликованный. Крайне ценными представляются картотеки палеографических, текстологических, лингвистических особенностей списков Евангелий¹⁵. Там находим важные заметки автора о списках Евангелий и других памятников письменности.

Например, о Евангелии из собрания Гильфердинга № 1 она пишет: «Роскошная рукопись, 10–12 букв в строке! 2 столбца, 412 л. (в конце более убоги написано). Заставка с плетением: киноварные ремни, желтый и серо-голубой фон. Звериные формы... сверху по бокам [заставки “покоем”] две птицы» (л. 109). О Микитином Евангелии ею замечено: «Не исключено, что Мкт довольно точно в Смоленщине списано с новгородского оригинала» (л. 210); «Великолепная тератология, крупные инициалы с <...> ресничками (меховушками), светлыми зелеными просветами, но они еще не стилизованные круглые» (л. 213). О Евангелии № 5 из Софийского собрания: «Можно думать, будто бы над є знак йотации вынесен наверх, язычок идет вверх вправо и круто спускается колокольчиком, но этот же знак над z, над начальным ф на л. 54б; часто пишет очень маленькие ф посередине <...>. Великолепные малые эмальерные инициалы, которыми написан заголовок перед чтениями нового лета <...>. В начале ф почти постоянно в строке, с л. 45 постепенно включается р обычное (на л. 46 – несколько). Особо четкой границы не увидела» (л. 655–657)¹⁶.

Следует заметить, что довольно часто Л. П. Жуковская воспроизводила особенности графического написания букв. Она прекрасно рисовала, поэтому не только эта единица хранения, но и многие другие содержат рисунки орнаментальных украшений, инициалов, заставок и др., как, например, при подготовке статьи «Инициалы в древнерусских рукописных книгах» для журнала «Русская речь»¹⁷ или при описании «Мстиславова Евангелия»¹⁸.

Изучению художественных особенностей рукописных книг Л. П. Жуковская уделяла особое внимание, но, будучи палеографом и текстологом, считала, что «в древних книгах текст существовал не для того, чтобы красиво разместить украшения, а украшения создавались для текста, и поэтому нет оснований искать в них симметрию, композиционные закономерности и определенную архитектонику размещения инициалов и других украшений на листе рукописной книги. Украшения в рукописи показывали границу отрывка текста, имеющего вполне определенное законченное содержание или несущего определенную функцию (например, читается в определенный день недели, а не переходит в другой). Нет никаких оснований исходить из первичности орнамента, к которому писец должен был приспособливать текст»¹⁹.

Особым предметом размышлений Л. П. Жуковской, как и для других палеографов, были почерки писцов, при этом она использовала как лите́ральный, так и э́клиттеральный методы атрибуции²⁰. Они достаточно убедительно описаны в ее трудах. Хотелось бы обратить внимание не только на варианты опубликованных работ, но и на подготовительные материалы к ним. Изучая памятник, исследовательница часто копировала тексты рукописей и при этом оставляла на полях палеографические комментарии или краткие заметки об особенностях списков рукописей или почерка писца. В этом можно убедиться, обратившись, например, к копиям памятей различных святых в списках Пролога (Ф. 860. Картон 72–75). Такова, например, копия текста проложной статьи «Слова св. Василия о пьянстве» на 27 июля (Тип-171. Ф. 381. Собр. Синодальной типографии, сер.(?) – втор. пол. XIV в.), на полях которой находим комментарий: «...ε узкого нет, во всех позициях ε широкое без верхнего загиба вправо или с очень малым изгибом, с поднятым язычком. Всегда s у всех писцов. Буквы ф в начале слова (с двумя точками над буквами или с точкой внутри буквы), реже о, ь вместо ё в начале слова, титло т-образное очень редко, покрытие слабоизогнутой скобой; ογ только после согласных на конце строк. ы — постоянно ы в значении ы, при этом отдельно стоящая правая мачта перечеркивается одной или двумя волосными линиями»²¹.

Следует также сказать о том, что исследовательница уделяла большое внимание материалу для письма книг, написанных на бересте, пергамене и бумаге. Одной из первых ее известных работ является монография, посвященная берестяным грамотам²². В одном из писем к Д. С. Лихачеву она с юмором заметила, что выдающийся историк языка В. И. Борковский назвал ее: «“отцом (!!!) берестяной палеографии”»; благодаря ему вышла первая монография “Новго-

родские берестяные грамоты” в “Учпедгизе”»²³. К проблемам датировки пергаменных книг²⁴, расхода пергамина на текст²⁵, особенностям почерков и оформления текста она обращалась во многих своих работах. Все это помогло ей обосновать правомерность «широких дат» для пергаменных рукописей. Сходные вопросы она поднимала и относительно рукописей, написанных на бумаге²⁶, например в таких публикациях: «Рекомендации для выявления водяных знаков (филиграней) в рукописных книгах форматом 4° и датировки рукописей по филиграням»²⁷; «О якобы датированных списках Стишного пролога (Троицкое собрание ГБЛ)»²⁸; «О значении исследования понтизо и некоторых других вопросах филиграноведения»²⁹; «О необходимости филигранологического анализа рукописей при изучении проблемы так называемого “второго южнославянского влияния”»³⁰. В ее архиве сохранились варианты этих статей.

Л. П. Жуковская была ответственным редактором и автором многих описаний рукописных книг, вошедших в «Сводный каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIII вв.». Эта работа велась ею с 1970 по 1984 г. в Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР на общественных началах. Об истории работы над каталогом можно найти ценную информацию в ее переписке с учеными и в автобиографиях. В 1969 г. С. О. Шмидт пригласил ее «руководить работой по созданию Сводного каталога, задуманного М. Н. Тихомировым, но не успевшим его осуществить <...>. Арх[еографическая] ком[иссия] выделила на эту грандиозную работу только одного штатного (т. е. оплачиваемого) сотрудника — Н. Б. Шеламанову»³¹. Более двадцати лет Л. П. Жуковская вне плана и безвозмездно руководила этой работой. Перед ней стояли трудные задачи выработки инструкций по описанию рукописей, проведения координирующих совещаний, создания методических пособий, что и было осуществлено. В ходе работы над Сводным каталогом она разработала рекомендации для определения языка (извода) древних славянских рукописей и для выявления водяных знаков и датировки рукописей. В письме от 12.10.1986 Л. П. Жуковская рассказала академику Д. С. Лихачеву о заседании, прошедшем в Институте мировой литературы им. М. Горького, на котором она подняла, в связи с работой над Сводным каталогом, важную для нее проблему уточнения терминологии при определении письма славянских памятников: «Я только сейчас, возвращаясь из Югославии с заседания комиссии М[еждународного] К[омитета] С[лавистов] по составлению Словаря (фактически — словарей) церковнославянского языка, в которой я — вице-председатель при председателе Ф. Мареше (он в Вене, и нужен представитель из славянских стран, а прежде был один Курц), начала понимать в поезде, почему у нас не получается взаимопонимания не только с болгарами, но и с сербами, тем более с македонцами. У них относительно мало рукописей от древности и средневековья, и они могут позволить себе вводить в каталоги частные (с наших позиций — имею в виду Щепкина, Соболевского, Карского...) определения, отражающие диалектное членение и даже скрипторные особенности письма. Мы же — русские

палеографы, причем лингвисты все были, — даем глобальное разделение, зависящее от языка исконных славянских групп: извод русский (= восточнославянский = древнерусский), болгарский, сербский. Осложняет все, конечно, Македония. Но, думаю, что в XXI веке это все утрясется. Это письмо со срезанными верхушками букв я вижу палеографически, но не вижу существенных различий в языке и не думаю, что представления о государственных подразделениях 2-й пол[овины] XX в. можно проецировать вглубь на 6–8 веков. Деление на изводы в археографии нам нужны для языковых прежде всего и, следовательно, этнических атрибуций. Сейчас, т.е. в ближайшее время, хотела бы забросить семена в головы филологов, так сказать информацию для размышления. Решить тут окончательно что-то совсем не просто»³².

Безусловно, «Сводный каталог славяно-русских рукописных книг» является выдающейся работой многих авторов, в том числе и Л. П. Жуковской, которая была его ответственным редактором. В письме от 12.01.1985 к известному ученому и близкой подруге Евгении Эдуардовне Гранстрем Л. П. Жуковская дала оценку этой работе: «Дело-то сделано! Каталог есть. Кто, как не я, рыдаю, о имеющихся в нем неточностях и опечатках, но это и мое детище, которому отдано бесконечное часов и нервотрепки»³³.

Говоря о Л. П. Жуковской как палеографе, нельзя не сказать о ее работах, посвященных определению подлинности памятников письменности. Так, ей удалось привести убедительные доказательства подлинности «Слова о полку Игореве». В письме к своему докторанту Л. Г. Панину она так охарактеризовала методику своей работы: «Так вот родилась первая часть статьи, на первый взгляд, только уточняющая Рыбакова, а в действительности исполненная безумно трудоемкого шерлокхолмсничанья. Короче говоря, использовав свой палеографический и кодикологический опыт, я, как мне кажется, доказала, что “Слово” имело три-четыре редакции (если Б. А. Рыбаков прав)»³⁴.

В 1960-е гг. она приняла активное участие в обсуждении подлинности так называемой «Влесовой книги», для чего провела палеографический анализ присланных на экспертизу фотографий отрывков из нее и пришла к однозначному выводу о фальсификации. В письме к О. В. Творогову она снова высказала свое мнение: «О своей работе в РГБ — немного, цель письма — в связи с вашим З-м безумно трудоемким и очень нужным трудом — фундаментальным развенчанием “Влесовой книги”. Выход в свет этого подвижнического Вашего свершения должен был, с моей точки зрения, окончательно перечеркнуть эти подделки. Но сегодня узнала вдруг, что это не так. Причем мне возражали не только два политически мыслящих священника <...> Дело в том, что общество получило машинопись исследования о “Влесовой книге”, проводившегося в течение десятков лет П. Соколовым (в Аргентине?). Вероятно, этот самый Соколов, которого вы называете на стр. 172 своего труда, там и переводы, и прориси, и разные соображения исследователя. Судя по толщине — листов 30–40. Я предложила передать материал в ОР РГБ на хранение (в фонде Б. Ребиндера,

№ 643) за № 77 есть его письма к Л. В. Тигановой и материалы по “Влесовой книге” — печатные), откуда его могли бы получать разные Кобзевы, Скурлатовы и др. “любители”³⁵.

В личном архиве Л. П. Жуковской сохранился также еще один важный вид материалов по палеографии — ее записи во время научных заседаний и конференций. В качестве примера приведем фрагмент записанной ею стенограммы заседания реставрационного совета по подготовке к факсимильному изданию Изборника 1073 г. в 1982 г.: «Быкова Галина Николаевна и Быкова Галина Захаровна, Мокрецова Инна Павловна. *Разборошюровка, составление схемы тетрадей* [здесь и далее курсив мой. — М. К.]. В I тетради 6 л. (и семейство Святослава), в II — 6 л. и в IV тетр. 6 л., в 17 тетр. — 7 л., в остальных 8 л. <...>. *О пергамене.* Очень разный по толщине; есть очень толстый и очень тонкий, и даже разный на одном листе. Одна сторона очень желтая, другая — белая. Много утрат. В основном заделаны, защита грубыми льняными нитками и сверху заклеены тонкими пленками пергамена... Естественная тонкая пленка наклеивалась, а потом обрезалась. Состояние авторских заклеек очень хорошее, держится хорошо. Все пергаменные листы имеют линовку стилосом по столбцам и строкам, имеют еще и поля. Все тонкие листы имеют разрезы по линовке. Толстые листы — не заметна линовка. В конце книги с 205 по 210 л. краски дополнены красными, линовка по краям. Разметка глав: по самому сгибу листа дана разметка глав. Красная краска органического происхождения, живопись плотная, пастозная, золото твореное. Рука — сурик с желтыми цветами и прорисовками теней... *Реставрация:* отдаленное увлажнение с высушиванием в сукне под прессом. Столярный клей отскакивал механически (где много), в других случаях увлажнялся (иногда ватными тампончиками мучным kleem, дабы влага не входила в переплет). *О живописи:* миниатюры в 1 тетради: Семейство, Спас, 2 фронтисписа и заставка. Глубокие складки, отставание осыпи <...> укрепляют под микроскопом тонкой кисточкой, подписывают участки красочного слоя. Возможно, текст писался на несогнутых листах. В процессе распрямления и очистки с 14 по 107 л. была обнаружена разметка листов (плохо видна) почерк XV–XVI вв. После 107 л. этого нет. Инициалы написаны золотом, по подкладке, сделанной растительными красками. 8–32 л. Орнаментированы полоской белилами с точечкой. В следующих двух тетрадях на последнем листе с 44 по 202 л. идет только раскраска золотом. С 202 по 266 л. нет даже золота и все инициалы — красной охрой; имеет толщину и отпечаток на противоположную сторону листа. Крупная разметка делалась очень быстро (может быть, не задумываясь), даже со смешением самих листов, потом заменяли мелкими инициалами. Может быть, нужно было быстро кончать не так тщательно, как было начато» (л. 1–4).

Изложенное позволяет сделать выводы о том, что в личном архивном фонде Л. П. Жуковской, хранящемся в ОР РГБ (Ф. 860), находится значительное число вариантов опубликованных или неопубликованных статей. Особое внимание

исследовательница уделяла датировке рукописей, определению почерков писцов, украшению рукописных книг и др. Ее теоретические выводы были сделаны на основе изучения рукописных источников и заслуживают самого пристального внимания, ибо содержат чрезвычайно ценную научную информацию, которая со временем не теряет актуальности и намного опережает время, когда эти исследования были проведены, ибо служат источником размышлений для многих поколений исследователей древнерусской письменности.

-
- ¹ Дерягин В. Я., Лёвочкин И. В. Лидия Петровна Жуковская: (К 70-летию со дня рождения) // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. М., 1990. Т. 49. С. 249–253.
- ² Жуковская Л. П. Автобиография // ОР РГБ. Ф. 860. Картон 1. Ед. хр. 12. Л. 35–39.
- ³ Там же.
- ⁴ Жуковская Л. П. Лекции по палеографии, прочитанные Щепкиной Марфой Вячеславовной студентам-историкам Московского государственного университета — конспект. 1946 декабря 4. 4 л. // ОР РГБ. Ф. 860. Картон 102. Ед. хр. 5.
- ⁵ Жуковская Л. П. Отзыв на книгу Щепкиной М[арфы] В[ячеславовны] «Болгарская миниатюра XIV века. Исследование псалтыри Томича», представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук [1963]. 6 л. // ОР РГБ. Ф. 860. Картон 18. Ед. хр. 26.
- ⁶ Жуковская Л. П. Автобиография // ОР РГБ. Ф. 860. Картон 1. Ед. хр. 12. Л. 35–39.
- ⁷ Жуковская Л. П. Проблематика спецсеминара по палеографии в Московском государственном педагогическом институте. 1987 авг. 13. 1 л. Присоединено: Отзывы студентов Отделения лингвистического краеведения о вузовском курсе палеографии. 6 л. // ОР РГБ. Ф. 860. Картон 8. Ед. хр. 22.
- ⁸ Жуковская Л. П. 1) Материалы семинара «Актуальные проблемы русской палеографии», проходившего в Отделе рукописей: объявления, списки членов, упражнения, выполненные участниками семинара, список литературы. 1987–1988 // ОР РГБ. Ф. 860. Картон 6. Ед. хр. 5; 2) Материалы семинара «История русского языка и палеографии», проходившего в Отделе рукописей под руководством Жуковской, Лидии Петровны: объявления, задания, выполненные учениками семинара. 1989.
- ⁹ Жуковская Л. П. 1) Проблематика спецсеминара по палеографии в Московском государственном педагогическом институте. 1987 авг. 13; 2) Материалы к занятиям по диалектологии, палеографии и спецкурсу в Поморском государственном педагогическом университете: планы занятий, таблицы и др. [90-е гг. XX в.]. 8 л. Присоединено: заявка на имя ректора университета Булатова В. Н. 1 л. // ОР РГБ. Ф. 860. Картон 8. Ед. хр. 27.
- ¹⁰ Жуковская Л. П. 1) Конспекты уроков по церковнославянскому языку [в Православной гимназии имени прип. Сергея Радонежского?] [Нач. 90-х гг. XX в.]. 3 л. // ОР РГБ. Ф. 860. Картон 8. Ед. хр. 25; 2) План спецкурса «Рукописная традиция славянского Евангелия XI–XVI вв. (типология, текстология, главнейшие списки)» на 1993–1994 уч. г. в Свято-Тихоновском православном богословском институте. [1992?]. 2-й вар. // ОР РГБ. Ф. 860. Картон 8. Ед. хр. 28 и др.
- ¹¹ Жуковская Л. П. Развитие славяно-русской палеографии (В дореволюционной России и в СССР) / Отв. ред. Б. В. Горунг. М., 1963.
- ¹² Жуковская Л. П. Развитие славяно-русской палеографии (В дореволюционной России и в СССР). Избранные работы / Сост. и подг. текста Г. С. Барановой, Е. И. Державиной, М. С. Крутовой, А. М. Молдована. М., 2020.

- ¹³ Жуковская Л. П. 1) Развитие славяно-русской палеографии (в дореволюционной России и СССР): монография. 1-й вариант. [До 1962]. 105 л. // ОР РГБ. Ф. 860. Картон 32. Ед. хр. 1; 2) То же. 2-й вариант. 181 л. // ОР РГБ. Ф. 860. Картон 32. Ед. хр. 2; 3) То же. 3-й вариант. 1962. 254 л. // ОР РГБ. Ф. 860. Картон 32. Ед. хр. 3; 4) Материалы для утверждения к печати ее плановой работы «Развитие славяно-русской палеографии в России и в СССР» (из серии «Очерки истории изучения русского языка в СССР») на заседании Ученого совета Института русского языка АН СССР: аннотация, выписка из протокола, рецензия Щепкиной, Марфы Вячеславовны, в 3-х вар. 1961. 23 л. // ОР РГБ. Ф. 860. Картон 32. Ед. хр. 8 и др.
- ¹⁴ Жуковская Л. П. 1) Палеография // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 358–359; 2) Славяно-русская палеография // Лингвистический энциклопедический словарь. С. 359–360 (ОР РГБ. Ф. 860. Картон 85. Ед. хр. 26).
- ¹⁵ Жуковская Л. П. 1) Материалы к работам о палеографических, текстологических, лингвистических особенностях списков Евангелий — картотека. 1969–1990-е. 920 л. // ОР РГБ. Ф. 860. Картон 94. Ед. хр. 1; 2) Картотека палеографических, текстологических, лингвистических особенностей списков Евангелия. 1969–1990-е // ОР РГБ. Ф. 860. Картон 140. Ед. хр. 1. 787 л.
- ¹⁶ Жуковская Л. П. Картотека палеографических, текстологических, лингвистических особенностей списков Евангелия. 1969–1990-е // ОР РГБ. Ф. 860. Картон 140. Ед. хр. 1.
- ¹⁷ Жуковская Л. П. 1) Инициалы в древнерусских рукописных книгах // Русская речь. 1974. № 3. С. 39–53; 2) [«Инициалы в древнерусских рукописных книгах»] — статья. [1974]. 5 л. Приложено: Иллюстративные материалы к статье: изображение инициала В — фото ксерокопии с пояснительными надписями автора карандашом и машиноп. 106 л. // ОР РГБ. Ф. 860. Картон 31. Ед. хр. 4.
- ¹⁸ Жуковская Л. П. Инициалы [в Мстиславовом Евангелии] — список. [1974]. 94 л. // ОР РГБ. Ф. 860. Картон 31. Ед. хр. 4.
- ¹⁹ Жуковская Л. П. Связь изучения изобразительных средств и текстологии памятника // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 58–69.
- ²⁰ Жуковская Л. П. Экслиттеральные способы определения разных почерков // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 28–37.
- ²¹ Жуковская Л. П. Материалы к работе о проложной памяти святого Василия о пьянстве. 1980-е. 4 л. // ОР РГБ. Ф. 860. Картон 72. Ед. хр. 16.
- ²² Жуковская Л. П. Материалы к статье о палеографии берестяных грамот: наброски, таблицы. 1955. 11 л. Опубликовано со значительными разночтениями: Жуковская, Л. П. Палеография // Палеографический и лингвистический анализ берестяных грамот. М., 1955. С. 13–78 (ОР РГБ. Ф. 860. Картон 102. Ед. хр. 7).
- ²³ Жуковская Л. П. Письма и телеграммы к Лихачеву, Дмитрию Сергеевичу, академику. 1977, 1979, [1981], 1984–1988, 1991. 10 п. 6 т. 29 л. // ОР РГБ. Ф. 860. Картон 40. Ед. хр. 43.
- ²⁴ Жуковская Л. П. О правомерности «широких дат» для пергаменных рукописей: (На материале рукописей) IIIb 22 и IVd 12 Югославянская академия // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 39–53.
- ²⁵ Жуковская Л. П. О расходе пергамина на текст — статья, фрагмент. 1980-е. 5 л. // ОР РГБ. Ф. 860. Картон 102. Ед. хр. 12.
- ²⁶ Жуковская Л. П. 1) Рекомендации для выявления водяных знаков (филиграней) в рукописях форматом 4° и датировки рукописей по филиграням // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР» / Институт истории АН СССР. М., 1976. Вып. 2. Ч. 1. С. 33–50; 2) Материалы к палеографическому описанию рукописных прологов: заметки, копии водяных знаков и комментарии к ним и др. 1980-е. 31 л. // ОР РГБ. Ф. 860. Картон 76. Ед. хр. 4.
- ²⁷ Жуковская Л. П. Рекомендации для выявления водяных знаков (филиграней) в рукописных книгах форматом 4о и датировки рукописей по филиграням. С. 33–50.
- ²⁸ Жуковская Л. П. О якобы датированных списках Стишного пролога (Троицкое собрание ГБЛ) // История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. М., 1982. С. 74–121.

- ²⁹ Жуковская Л. П. О значении исследования понтизо и некоторых других вопросах филиграноведения // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 64–76.
- ³⁰ Жуковская Л. П. О необходимости филигранологического анализа рукописей при изучении проблемы так называемого «второго юнославянского влияния» // Филигранологические исследования. Теория, методика, практика: сборник научных трудов. Л., 1990. С. 120–123.
- ³¹ Жуковская Л. П. Письма и телеграммы к Лихачеву, Дмитрию Сергеевичу, академику. 1977, 1979, [1981], 1984–1988, 1991.
- ³² Там же.
- ³³ Жуковская Л. П. Письма к Гранстрем, Евгению Эдуардовне. 1977, 1978, 1985, 1986. 5 п. 8 л. // ОР РГБ. Ф. 860. Картон 19. Ед. хр. 34.
- ³⁴ Жуковская Л. П. Письма и телеграмма к Панину, Леониду Григорьевичу. 1985, 1987, 1991. [Москва]. 4 п. 1 т. 5 л. // ОР РГБ. Ф. 860. Картон 21. Ед. хр. 19.
- ³⁵ Жуковская Л. П. Письма и телеграмма к Творогову Олегу Викторовичу. 1985, 1991. 7 п. 1 т. 14 л. Приложено: список материалов о «Влесовой книге» в ОР РГБ в ф. 643, к письму от 1991 янв. 10 – л. 8–11.

References

- Deryagin, V. Ya., Lyovochkin, I.V. Lidiya Petrovna Zhukovskaya: (K 70-letiyu so dnya rozhdeniya) [Lidiya Petrovna Zhukovskaya: (To the 70th Anniversary of her Birth). In Russ.]. In *Zapiski Otdela rukopisei Gosudarstvennoi Biblioteki imeni V. I. Lenina*. Moscow, Gosudarstvennaya biblioteka SSSR imeni V. I. Lenina, 1990. Vol. 49, pp. 249–253.
- Zhukovskaya, L. P. *Razvitiye slavyano-russkoj paleografi (V dorevolyutsionnoi Rossii i v SSSR)* [The Development of Slavic-Russian Paleography (In Pre-Revolutionary Russia and in the USSR). In Russ.]. Otv. red. B. V. Gornung. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963. 142 p.
- Zhukovskaya, L. P. *Razvitiye slavyano-russkoj paleografi (V dorevolucionnoi Rossii i v SSSR). Izbrannye raboty* [The Development of Slavic-Russian Paleography (In Pre-Revolutionary Russia and in the USSR). Selected Works. In Russ.]. Moscow, Institut russkogo jazyka imeni V. V. Vinogradova RAN, 2020. 440 p.
- Zhukovskaya, L. P. Paleografiya [Paleography. In Russ.]. In *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar*. Moscow, 1990. P. 13–78.
- Zhukovskaya, L. P. Initiali v drevnerusskikh rukopisnykh knigakh [Initials in Old Russian Handwritten Books. In Russ.]. In *Russkaya rech*. 1974. No 3, pp. 39–53.
- Zhukovskaya, L. P. Svyaz izucheniya izobrazitelnyh sredstv i tekstologii pamyatnika [Connection of the Study of Visual Means and Textual Monument. In Russ.]. In *Drevnerusskoe iskusstvo. Rukopisnaya kniga*. Moscow, 1974. Collection 2. P. 58–69.
- Zhukovskaya, L. P. Ekslitteralnye sposoby opredeleniya raznykh pocherkov [Exliteral Methods of Determining Different Handwriting. In Russ.]. In *Drevnerusskoe iskusstvo. Rukopisnaya kniga*. Moscow, 1974. Collection 2. S. 28–37.
- Zhukovskaya, L. P. O pravomernosti “shirokikh dat” dlya pergamennykh rukopisei: (Na materiale rukopisei) IIIb 22 i IVd 12 Jugoslavjanskaya akademija [On the Validity of “Broad Dates” for Parchment Manuscripts: (Based on the Material of the Manuscripts) IIIb 22 and IV 12 Jugoslavskaja Akademija. In Russ.]. In *Problemy paleografi i kodikologii v SSSR*. Moscow, 1974. P. 39–53.
- Zhukovskaya, L. P. Rekomendatsii dlya vyavleniya vodyanykh znakov (filigranei) v rukopisyakh formatom 4° i datirovki rukopisei po filigranyam [Recommendations for Determining the Llanguage (Translation) of Ancient Slavic manuscripts. In Russ.]. In *Metodicheskie rekomendacii po opisaniju slavyano-russkih rukopisej dlya “Svodnogo kataloga rukopisej, hranyashhihsya v SSSR”*. 1976. Iss. 2. Ch. 1, pp. 33–50.
- Zhukovskaya, L. P. O yakoby datirovannyh spiskah Stishnogo prologa (Troitskoe sobranie GBL) [On the Allegedly Dated Lists of the Verse Prologue: (Trinity Collection of GBL). In Russ.]. In *Istoriya russkogo jazyka. Pamyatniki XI–XVIII vv.* Moscow, Nauka, 1982. P. 74–121.

Zhukovskaya, L. P. O znachenii issledovaniya pontyuzo i nekotoryh drugih voprosah filigranovedeniya [On the Importance of Pontuzo's Research and some other Issues of Filigree Studies. In Russ.]. In *Arxeograficheskii ezhegodnik za 1981 god*. Moscow, Nauka, 1982. P. 64–76.

Zhukovskaya, L. P. O neobhodimosti filigranologicheskogo analiza rukopisei pri izuchenii problemy tak nazyvaemogo “vtorogo yuzhnoslavyanskogo vliyaniya” [On the Need for a Filigree Analysis of Manuscripts in the Study of the Problem of the So-called “Second South Slavic Influence”. In Russ.]. In *Filigranologicheskie issledovaniya. Teoriya, metodika, praktika. Sbornik nauchnyh trudov*. Leningrad, 1990. P. 120–123.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

М. С. Крутова. Труды Л. П. Жуковской по палеографии в ее личном фонде в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 165–175

Аннотация: В статье представлен обзор трудов по палеографии, содержащихся в личном архивном фонде Л. П. Жуковской. Среди них опубликованные и неопубликованные работы, материалы к их написанию, письма, биографические и служебные материалы. Установлено, что Л. П. Жуковская уделяла внимание всем палеографическим особенностям рукописных книг, но наибольший интерес у нее вызывали проблемы их датировки, атрибуции писцовых почерков писцов, характера писчего материала и художественных особенностей. Исследование палеографических особенностей рукописного источника было надежным фундаментом для выводов о текстологии и языке книжных памятников.

Ключевые слова: палеография, археография, Л. П. Жуковская, рукописная книга, текстология, история языка.

FOR CITATION

M. S. Krutova, L. P. Zhukovskaya's works on paleography in her personal collection in the Department of manuscripts of the Russian State Library // Petersburg historical journal, no. 1, 2025, pp. 165–175

Abstract: The article provides a comprehensive overview of the works on paleography contained in the personal archive fund of L. P. Zhukovskaya. The collection encompasses both published and unpublished works, materials related to their composition, as well as correspondence and biographical and official documents. It is evident that L. P. Zhukovskaya devoted significant attention to the paleographic characteristics of handwritten books. However, it is noteworthy that she demonstrated particular interest in the dating, attribution of scribal handwriting, the nature of the writing material and the artistic features of these manuscripts. The study of paleographic features of the handwritten source was a reliable foundation for conclusions about the textual and linguistic characteristics of book monuments.

Key words: paleography, archeography, L. P. Zhukovskaya, handwritten book, textual studies, history of language.

Автор: Крутова, Марина Семеновна — д. и. н., доц., главный палеограф отдела рукописей Российской государственной библиотеки (Москва, Россия).

Author: Krutova, Marina Semenovna — Dr. of Sciences, Associate Professor, Chief Paleographer of the Department of Manuscripts of the Russian State Library (Moscow, Russia).

E-mail: mskrutova@yandex.ru

И. М. Басов

Историография истории печати Польского королевства XV–XVI вв.

Проблема раннего книгопечатания в Польском королевстве близка и актуальна для отечественных историков, поскольку именно на территории Короны в 1491 г. возникло кириллическое восточнославянское книгопечатание, и сюда же в 1568 г. переехал первый московский печатник И. Федоров. И хотя интерес отечественной историографии во многом исчерпывается сюжетами, связанными с кириллической печатью, которая, в сравнении с латинской, была отмечена чрезвычайно малым количеством местных изданий, вне зависимости от алфавита печать в Польском королевстве существовала в едином правовом, политическом и культурном поле, которое необходимо учитывать в равной степени русистам и полонистам.

История печати — это комплексный объект исследования, распадающийся, на наш взгляд, на несколько крупных предметов: 1) издательское дело — процесс создания продукта, включая все стадии от подготовки сырья до создания печатной единицы; 2) печатная торговля — процесс реализации продукта; 3) бытование печати после реализации (библиотеки, роль в межличностной коммуникации, интеллектуальное влияние); 4) печатный продукт как таковой (книги, брошюры, газеты, листовки и прочие издания в оптике источниковедения). В рамках выделенных предметов исследования существует множество научных проблем социального, экономического, культурного, лингвистического и пр. характеров¹. Поскольку нашей задачей является обзор макротенденций в историографии истории печати Польского королевства в XV–XVI вв., единый объект исследования мы рассматриваем в комплексе.

Научный интерес к истории печати в XVIII в. возникает со стороны немецких (померанских) историков: М. Х. Ганов (1695–1773) в 1740 г. публикует работу об истории местной печати². В том же году историк и языковед Я. Д. Хоффманн (1701–1766) выпускает первый научный труд, посвященный общему обзору истории типографий в Польском королевстве и Великом княжестве Литовском³. Появление этих работ продиктовано празднованием в 1740 г. 300-летия изобретения печатного пресса⁴. История печати в XVIII в. не была проблематизирована и не вызывала особого интереса у интеллектуалов, по причине чего публикации не были замечены⁵. Актуализация темы в XIX в. связана с общим подъемом специфических исторических проблем – с развитием исторической науки и ее переходом от антикварного знания к источниковедческому. Е. С. Бандтке и И. Лелевель в начале XIX в. пишут фундаментальные труды по истории краковской печати, за которыми последовало изучение и других польских центров книгопечатания, в первую очередь Гданьска и Крулевца⁶. Эти изыскания носили сугубо дескриптивный характер, зачастую сводясь к библиографии местных изданий. Во второй половине XIX в. наиболее значительные работы также носили либо библиографический (каталоги К. Ю. Эстрайхера, Т. Вежбовского, П. П. Шибанова)⁷, либо археографический характер (публикации А. Бениса, Т. Вежбовского)⁸.

С 1920-х гг. мы можем выделить начало аналитического этапа развития историографии. Это не отменяет тот факт, что и ранее предпринимались попытки системного анализа ранней истории печати в Польском королевстве, в особенности попытки авторов в России и Австро-Венгрии разработать проблему генезиса кириллической печати, ставшую актуальной в 1880–1890-х гг.⁹ Тем не менее с 1920-х гг. значительно возрастает количество исследований небиблиографического характера. Академик Я. Птащник (1876–1930) берется за разработку проблемы организации типографий на территории Польского королевства¹⁰, формируя школу исследователей городской предпринимательской культуры ранних печатников (Б. Коцковский, А. Енджеёвская, З. и М. Войцеховские)¹¹. Поскольку на протяжении всего XVI в. Краков оставался крупнейшим центром печати в королевстве, интересы историков так или иначе сходились на истории типографий в этом городе. К. Пекарский (1893–1944), также изучавший краковскую печать, становится в этот момент зачинателем направления историков (Л. Бернацкий, Ю. Серуга, З. Моцарский, А. Кавецка-Гжицова), чья методология исследования польской печатной книги включает анализ метода набора, техник ксилографии, шрифтов и прочих технических признаков¹². Тогда же разрабатывать проблему ранней польской печати начинают историки литературы. Т. Грабовский (1871–1960), изучавший протестантскую литературу XVI в., в работе 1920 г. пришел к выводу, что в истории литературы необходимо учитывать и организацию печати как культурный контекст создания книги¹³. К подобному выводу приходит и историк литературы К. Бадецкий (1886–1953), писавший о зарождении во Львове

стационарной книготорговли¹⁴. Такой филолого-культурологический подход был развит в 1970-х гг. (работы Ю. Щепанца, Я. Мушиньского, Т. Улевича).

К тому же с 1920-х гг. в историографии четко прослеживается тенденция к фрагментации предмета изучения. За большим количеством исследований отдельных типографий или условий книгопечатания в конкретном городе не следует появление капитального труда, который бы мог суммировать собранные материалы. Можно предположить, что это объяснимо: во-первых, большим объемом аккумулированного к тому моменту фактологического знания; во-вторых, его гетерогенностью — история книгопечатания в Кракове, Гданьске и Львове имеет не только много общего, но также и много различного — по причине ряда локальных правовых, экономических, культурных особенностей, разницы социальных конъюнктур. Я. Птащник работал над синтетическим исследованием истории печати в Польском королевстве, но смерть академика в 1930 г. не дала подобному изысканию выйти в свет¹⁵. В итоге в период 1920–1940-х гг. вместо серьезных обобщающих исследований возникает набор территориальных и хронологических вотчин, в которых работают историки: так, К. Пекарский специализировался на истории типографии Флориана Унглера, действовавшей в Кракове в первой половине XVI в.¹⁶, Ю. Серуга — на типографии Яна Галлера, действовавшей в Кракове с 1505 г.¹⁷, и т. д. Долгое время на определенное обобщение до уровня истории книгопечатания в отдельном городе или отдельной местности претендовали только те историки, которые специализировались не на краковских типографиях: А. Енджеёвская исследовала в целом историю львовской печати¹⁸, М. Войцеховская — познаньской¹⁹, З. Моцарский — торуньской²⁰ и т. д.

Только в послевоенный период возникли проекты, стремившиеся аккумулировать полученный гигантский массив данных по истории печати Польского королевства. Тем самым историография вновь вышла на библиографический этап своего развития. Публикуются такие справочно-библиографические серии, как «Печатники старой Польши от XV до XVIII в.», «Словарь работников польской книги»; в 1968 г. возобновляется выход серии «Польская печать XVI в.», начатой в 1936–1937 гг. К. Пекарским. В 1977 г. выходит первый том библиографии польских летучих листков К. Завадского²¹. Одновременно с аккумуляцией данных по истории книги (и, судя по количеству ссылок на соответствующие издания, по причине этой аккумуляции), в 1960–1970-х гг. заметно выросло количество научных работ, посвященных печати Польского королевства: отметим исследования А. Кавецкой-Гжицовой печати польских антитринитариев²², исследования М. Блоньской кириллической печати²³, работы в области истории польской ренессансной поэзии и истории цензуры за авторством П. Бухвальд-Пельцовой²⁴. Тогда же, впервые с 1920-х гг., предпринимаются попытки обобщения научных наработок. Х. Швейковская (1904–1987) в работе «Печатная книга XV–XVIII вв.»²⁵ рассмотрела историю книгопечатания в Польском королевстве в общеевропейском контексте; схожую компа-

ративистскую работу провел Я. Совиньский²⁶. Советскую послевоенную историографию отличал повышенный интерес к проблеме генезиса кириллической печати, в связи с которым возникли горячие академические споры по поводу характера отъезда И. Федорова из Москвы и дофедоровской печати во Львове²⁷. При этом советская историография развивалась без отрыва от историографии ПНР, которую ожидаемо в большей степени интересовала печать латинской графики: так, в докторской диссертации профессор Е.Л. Немировский (1919–2007) вполне в русле тогдашних исследований, посвященных роли культуры Ренессанса в польской печати, заключает, что в основе генезиса польской кириллической печати лежало совпадение факторов политической централизации и гуманистической пропаганды²⁸. На тот момент взгляд на раннюю печать как на канал распространения гуманистических ценностей был свойственен и для польской историографии²⁹.

История печати в 1990-е гг. не стала исключением в череде направлений исторической науки, столкнувшихся с кризисом отхода от марксистского метанarrатива. В поиске выхода из концептуального вакуума историография постепенно знакомилась с социальными теориями медиа, которые до того имели самое поверхностное применение к предмету польского книгопечатания: так, в фундаментальной монографии Л. Фева и А.-Ж. Мартена «Появление книги» (1958) истории раннего книгопечатания в регионе посвящено лишь несколько страниц³⁰. Показателен пример монографии Я. Пирожиньского (1936–2004) «Гуттенберг и начало эры печати» (2002), первые две трети которой представляют собой классическое биографическое исследование, а в последней трети (гл. 11–14) со ссылками на М. Маклюэна и Э. Эйзенстайн автор обращается к вопросу исторического значения изобретения книгопечатания³¹. Стремление к концептуальному оформлению проблемы истории печати в Польском королевстве в современной историографии отразилось и в постепенной смене страновой оптики на региональную³², в рамках которой история местной печати рассматривается в более широком европейском контексте. Исследования по истории печати в Польском королевстве публикуются в наиболее значительной серии этого направления — «Library of the Written Word» лейденского научного издательства Brill. С 2007 по 2023 г. там вышли работы М. Коморовской и Ю. Кильянчик-Зенбы³³, а также исследование М. Чапник³⁴. Тезис о взаимовлиянии печати и социальной динамики к настоящему моменту прочно вошел в историографию, что можно наблюдать, например, в работе Н. Новиковской, посвященной ранним этапам Реформации в Польше: во многом эта работа построена на печатных источниках 1520–1530-х гг.³⁵

Тенденция на масштабизацию исследовательского горизонта не отменяет существования конкретно-специальных исследований. В последние годы продолжают подниматься вопросы кириллической печати (особенно стоит отметить изыскания коллектива историков Белостокского университета)³⁶, эмблематики (Р. Гжешковяк, Ю. Кильянчик-Зенба)³⁷; предпринимаются попытки

приложения оптики gender studies к проблеме книгопечатания³⁸; также печать изучается в контексте истории пропаганды³⁹. Отдельное место в историографии занимают источниковедческие исследования, соотносящие типографскую структуру печатного текста с социальной конъюнктурой в Польском королевстве⁴⁰. Тем не менее исследователи этого круга тоже актуализируют свою область изучения через апелляцию к теориям коммуникации: так, М. Юда, чьи изыскания относятся к области классического источниковедения и социальной истории печати, к факторам влияния полиграфической технологии относит «взлет и падение гуманизма, расцвет и отступление Реформации, объединение народных языков и национализацию Европы, формирование естественно-научного подхода к окружающему миру»⁴¹.

Подводя итоги, подчеркнем, что историография истории печати Польского королевства на протяжении XIX–XXI вв. последовательно масштабировала исследовательский горизонт в сторону как теоретического обобщения, так и перехода с локального на региональный (и выше) уровень. В настоящий момент ранняя польская печать практически всегда представляется в обобщенном европейском социокультурном и экономическом контексте. Таким образом, предмет исследования, не теряя своей конкретно-территориальной привязки, становится составной частью широкого исследовательского поля печатной культуры Центральной Европы раннего Нового времени. Исследования истории печати в регионе за последние пару десятилетий были приведены в соответствие с западноевропейскими и американскими образчиками исследований этого профиля (работы М. Эдвардса, А. Петтигри, Э. Блэр, А. Маклин и др.), ввиду чего в историографии также обнаруживается большое влияние социальных теорий коммуникации, призванных создать концептуальную рамку для исследований истории печати Польского королевства.

¹ Подробнее см.: *Мигонь К.* Наука о книге: Очерк проблематики. М., 1991. С. 103–108.

² *Hanow M. C.* Denkmahl der Danziger Buchdruckereyen und Buchdrucker. Danzig, 1740.

³ *Hofmann J. D.* De typographiis, earumque initis et incrementis in regno Poloniae et magno ducatu Lithuaniae cum variis observationibus rem et literariam et typographicam utriusque gentis aliqua ex parte illustrantibus. Dantisci, 1740.

⁴ *Pawłak M. Jan Daniel Hoffmann (1701–1766): historyk, konrektor i lektor języka polskiego w Gimnazjum Elbląskim // Zasłużeni ludzie dawnego Elbląga: szkice biograficzne / Red. M. Biskup.* Wrocław, 1987. S. 136–142.

⁵ *Ptaśnik J.* Cracovia impressorum XV et XVI saeculorum. Leopoli, 1922. S. 3.

⁶ *Löschin M. S.* Geschichte der Danziger Buchdruckereien. Danzig, 1840; *Mohnike G.* Die Geschichte der Buchdruckerkunst in Pommern. Stettin, 1840; *Lohmeyer K.* Geschichte des Buchdrucks und des Buchhandels im Herzogtum Preußen. Leipzig, 1896.

⁷ *Estreicher K. J.* Katalog księgarski druków polskich lub ściągających się do rzeczy polskich a pisanych w obcych językach. Kraków, 1863; *Bibliographia Polonica XV ac XVI saeculi /*

- Red. T. Wierzbowski. T. I–III. Biblioteka Uniwersytecka w Warszawie, 1889–1894; *Шиба-нов II. П.* Каталог русских и славянских книг, напечатанных вне Москвы и Петербурга с основания типографий до новейшего времени. М., 1887.
- ⁸ Benis A. Materyały do historyi drukarstwa i księgarstwa w Polsce. T. I–II. Kraków, 1890–1891; Materyały do dziejów piśmiennictwa polskiego i biografii pisarzy polskich. 2 t. / T. Wierzbowski. Warszawa, 1900–1902.
- ⁹ Golowatzkij J. F. Sweipolt Fiol und seine kyryllische Buchdruckerei in Krakau vom Jahre 1491. Eine bibliographisch-historische Untersuchung. Wien, 1876; Петрушевич А. С. Иван Федоров, русский первопечатник. Львов, 1883; Полевий П. Н. Очерк жизни и деятельности первого русского печатника Ивана Федорова. СПб., 1883; Ptaszyci S. Iwan Fedorowicz, drukarz ruski we Lwowie, z końca XVI wieku. Ustęp z dziejów drukarstwa w Polsce // Rozprawy i Sprawozdania z Posiedzeń Wydziału Filologicznego Akademii Umiejętności. T. 11. Kraków, 1884. S. 1–20; Bednarski S. Materyały do historyi o drukarniach w Polsce, a mianowicie o drukarniach lwowskich i prowincyjnych. Lwów, 1888. S. 11–16; Владими́ров П. В. Начало славянского и русского книгопечатания в XV–XVI вв. Киев, 1894. СПб., 1895. Волну исследований кириллической печати предварила докторская диссертация К. Эстрайхера: Estreicher K. J. Günther Zainer i Świętopełk Fiol. Rozprawa napisana w celu uzyskania stopnia doktora filozofii przez Karola Estreichera: z 5-ma Tablicami. Warszawa, 1867.
- ¹⁰ Ptański J. Drukarze i księgarze krakowscy XV i XVI wieku. Lwów, 1922.
- ¹¹ Wojciechowska M. Dzieje książki // Kwartalnik Historyczny. 1930. T. 44. S. LXXXI.
- ¹² Mocarski Z. Stan badań polskiego drukarstwa. Warszawa, 1936. S. 7.
- ¹³ Grabowski T. Literatura luterska w Polsce wieku XVI: 1530–1630. Poznań, 1920. S. 176.
- ¹⁴ Badecki K. Piotr z Poznania, pierwszy stałego księgarza lwowskiego // Lwowskie Studia Biblioteczne. 1932. T. 1. S. 65–77.
- ¹⁵ Wojciechowska M. Dzieje książki // Kwartalnik Historyczny. 1930. T. 44. S. LXXXI–LXXXIII.
- ¹⁶ PiekarSKI K. Pierwsza Drukarnia Florjana Unglera 1510–1516. Chronologia Drukow i Zasobu Typograficznego. Kraków, 1926.
- ¹⁷ Seruga J. Jan Haller: wydawca i drukarz krakowski (1467–1525). Kraków, 1933.
- ¹⁸ Jędrzejowska A. Książka polska we Lwowie w XVI w. Lwów; Warszawa, 1928.
- ¹⁹ Wojciechowska M. Z dziejów książki w Poznaniu w XVI wieku. Poznań, 1927.
- ²⁰ Mocarski Z. Książka w Toruniu do roku 1793. Zarys dziejów. Toruń, 1934.
- ²¹ Zawadzki K. Gazety ulotne polskie i Polski dotyczące XVI–XVIII wieku: bibliografia. T. 1–3. Wrocław, 1977–1990.
- ²² Kawecka-Grzycowa A. Prasy Krakowa i Rakowa w służbie antytrynitaryzmu // Studia nad arianizmem / Wyd. L. Chmaj. Warszawa, 1959. S. 263–330; Kawecka-Grzycowa A. Ariańskie oficyny wydawnicze Rodeckiego i Sternackiego: dzieje i bibliografia. Wrocław; Warszawa, 1974.
- ²³ Błońska M. 1) Próba nowego spojrzenia na dzieje oficyny Szwajpolta Fiola // Rocznik Biblioteki Narodowej. 1968. No. 4. S. 51–62; 2) Druki cyrylickie w Polsce // Przegląd Biblioteczny. 1962. No. 30. S. 229–236.
- ²⁴ Подробнее обширную библиографию П. Бухвальд-Пельцовой см.: Zychowicz M. Bibliografia prac profesor Pauliny Buchwald-Pelcowej // Rocznik Biblioteki Narodowej. 2006. No. XXXVII–XXXVIII. S. 15–32.
- ²⁵ Szwejkowska H. Książka drukowana XV–XVIII wieku. Zarys historyczny. Warszawa, 1961.
- ²⁶ Sowiński J. Polskie drukarstwo. Wrocław, 1988.
- ²⁷ Обзор советской историографии этого периода см.: Немировский Е. Л. 1) Очерки историографии русского книгопечатания // Книга. Исследования и материалы. Сборник 8. М., 1963. С. 5–42; 2) Труды по истории русского первопечатания во второй половине XIX – XX века // Книга. Исследования и материалы. Сборник 9. М., 1964. С. 389–437; Ісаєвич Я. Українське книговидання: витоки, розвиток, проблеми. Львів, 2002.
- ²⁸ Немировский Е. Л. Начало славянского книгопечатания: опыт критического пересмотра вопроса в связи с историей польского Возрождения: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1969. С. 43.

- ²⁹ Buchwald-Pelcowa P. Historia literatury a historia książek. Kraków, 1974. S. 64.
- ³⁰ Febvre L., Martin H.-J. L'Apparition du livre. Paris, 1958. P. 285–289, 291–292.
- ³¹ Pirożyński J. Johannes Gutenberg i początki ery druku. Warszawa, 2002.
- ³² Early Modern Print Culture in Central Europe / Red. S. Kidroń, A.-M. Rimm. Wrocław, 2015. (European Review; vol. 23; iss. 3).
- ³³ Komorowska M. 'Large Volumes Bought by the Few': Printing and selling postils in Early Modern Poland // Buying and Selling. The Business of Books in Early Modern Europe. Leiden, 2019. P. 223–245; Printing and Post-Tridentine Catholicism in the Polish-Lithuanian commonwealth // Print Culture at the Crossroads. Leiden, 2021. P. 327–343; Kiliańczyk-Zięba J. State and Church Sponsored Printing by Jan Januszowski and His Drukarnia Łazarzowa (Officina Lazari) in Krakow // Print and Power in Early Modern Europe (1500–1800). Leiden, 2021. P. 202–219; Devices of Protestant Printers in Sixteenth-Century Krakow // The Book Triumphant Print in Transition in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Leiden, 2012. P. 178–196.
- ³⁴ Czapnik M. Early Modern Polish Travellers Purchasing Books in Italy // Print Culture at the Crossroads. Leiden, 2021. P. 177–194; Publishing Subversive Texts in Elizabethan England and the Polish-Lithuanian Commonwealth / Ed. by T. Bela, C. Calma, J. Rzegocka. Leiden, 2016.
- ³⁵ Nowakowska N. King Sigismund of Poland and Martin Luther. The Reformation Before Confessionalization. Oxford, 2018. P. 72.
- ³⁶ Chomik P., Mironowicz A., Pawluczuk U. Prawosławne oficyny wydawnicze w Rzeczypospolitej. Białystok, 2004; Mironowicz A. Początki drukarstwa cyrylicznego w Rzeczypospolitej // 500 lat Biblii Ruskiej Franciszka Skoryny. Białystok, 2017. S. 14–26.
- ³⁷ Grzeskowiak R. Związek sygnetów dawnych polskich drukarzy z emblematami Alciatusa // Barok. 2007. T. 14. Z. 1. S. 257–277; Kiliańczyk-Zięba J. Sygnety drukarskie w Rzeczypospolitej XVI wieku. Źródła ikonograficzne i treści ideowe. Kraków: Towarzystwo Naukowe "Societas Vistulana", 2015.
- ³⁸ Krauze-Karpinska J. Dawne oficyny drukarskie pod zarządem kobiet // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 2012. R. 57. № 3/4. S. 155–165.
- ³⁹ Niedźwiedź J. Polska szesnastowieczna propaganda wojenna w działaniu: przypadek Atlasu Księstwa Połockiego (1580) // Terminus. 2017. T. 20. Z. 3 (43). S. 477–509; Прохоренков И. А. Военная и политическая печатная пропаганда Речи Посполитой в конце XVI – начале XVII века: Печатники на королевской службе // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2021. No. 2. С. 53–63.
- ⁴⁰ Sawa A. Oznaczenia literowe samogłosek w różnych rodzajach pisma drukowanego z XVII wieku (na podstawie "Słonecznika" Jeremiasza Drexeliusa) // Acta Universitatis Lodziensis. Studia Indogermanica Lodziensia. 2015. S. 197–211; Taflowski P. Dedykacje w drukach krakowskich 1503–1531 // Rocznik Biblioteki Narodowej. 2003. No. 35. S. 235–252; Juda M. Pismo drukowane w Polsce XV–XVIII wieku. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2001.
- ⁴¹ Juda M. Kultura druku i jej wpływ na zmiany cywilizacyjne // Folia bibliologica. 2016. Vol. LVIII. S. 31.

References

- BADECKI K. Piotr z Poznania, pierwszy stałego księgarza lwowskiego. In *Lwowskie Studia Biblioteczne*. 1932. T. 1. S. 65–77.
- BEDNARSKI S. *Materyaly do historyi o drukarniach w Polsce, a mianowicie o drukarniach lwowskich i prowincjalnych*. Lwów, 1888.
- BENIS A. *Materyaly do historyi drukarstwa i księgarstwa w Polsce*. T. I–II. Kraków, 1890–1891.

- Bibliographia Polonica XV ac XVI saeculi /* Red. T. Wierzbowski. T. 1–3. Biblioteka Uniwersytecka w Warszawie, 1889–1894.
- BŁOŃSKA M. Druki cyrylickie w Polsce. In *Przegląd Biblioteczny*. 1962. No. 30, pp. 229–236.
- BŁOŃSKA M. Próba nowego spojrzenia na dzieje oficyny Szwajpolta Fiola. In *Rocznik Biblioteki Narodowej*. 1968. No. 4, pp. 51–62.
- BUCHWALD-PELCOWA P. *Historia literatury a historia książek*. Kraków, 1974.
- Cracovia impressorum XV et XVI saeculorum /* wyd. J. Ptaśnik. Leopoli, 1922.
- CZAPNIK M. Early modern Polish travellers purchasing books in Italy. In *Print Culture at the Crossroads*. Leiden, 2021. P. 177–194.
- Early Modern Print Culture in Central Europe /* Red. S. Kidroń, A.-M. Rimm. Wrocław, 2015. (European Review; vol. 23; iss. 3).
- ESTREICHER K. J. *Günther Zainer i Świętopelk Fiol*. Rozprawa napisana w celu uzyskania stopnia doktora filozofii przez Karola Estreicherę. Z 5-ma Tablicami. Warszawa, 1867.
- ESTREICHER K. J. *Katalog księgarski druków polskich lub ściągających się do rzeczy polskich a pisanych w obcych językach*. Kraków, 1863.
- FEBVRE L., MARTIN H.-J. *L'Apparition du livre*. Paris, 1958.
- GOLOWATZKIJ J. F. *Sweipolt Fiol und seine kyrillische Buchdruckerei in Krakau vom Jahre 1491. Eine bibliographisch-historische Untersuchung*. Wien, 1876.
- GRABOWSKI T. *Literatura luterska w Polsce wieku XVI: 1530–1630*. Poznań, 1920.
- HANOW M. C. *Denkmahl der Danziger Buchdruckereyen und Buchdrucker*. Danzig, 1740.
- HOFMANN J. D. *De typographiis, eamumque inititis et incrementis in regno Poloniae et magno ducatu Lithuaniae cum variis observationibus rem et literariam et typographicam utriusque gentis aliqua ex parte illustrantibus*. Dantisci, 1740.
- ISAJEVYCH Ja. *Ukrains'ke knygoydamja: vytoky, rozvytok, problemy* [Ukrainian Book Publishing: Origins, Development, Problems. In Ukr.]. L'viv, 2002.
- JĘDRZEJOWSKA A. *Książka polska we Lwowie w XVI w.* Lwów; Warszawa, 1928.
- JUDA M. Kultura druku i jej wpływ na zmiany cywilizacyjne. In *Folia bibliologica*. 2016. Vol. LVIII. S. 31.
- JUDA M. *Pismo drukowane w Polsce XV–XVIII wieku*. Lublin, 2001.
- KAWECKA-GRZYCOWA A. *Ariańskie oficyny wydawnicze Rodeckiego i Sternackiego: dzieje i bibliografia*. Wrocław; Warszawa, 1974.
- KAWECKA-GRZYCOWA A. Prasy Krakowa i Rakowa w służbie antytrynitaryzmu. In *Studia nad arianizmem /* Wyd. L. Chmaj. Warszawa, 1959. S. 263–330.
- KILIANCZYK-ZIĘBA J. Devices of protestant printers in sixteenth-century Krakow. In *The Book Triumphant Print in Transition in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. Leiden, 2012. P. 178–196.
- KILIANCZYK-ZIĘBA J. State and Church Sponsored Printing by Jan Januszowski and His Drukarnia Lazarzowa (Officina Lazarii) in Krakow. In *Print and Power in Early Modern Europe (1500–1800)*. Leiden, 2021. P. 202–219.
- KOMOROWSKA M. ‘Large Volumes Bought by the Few’: Printing and Selling Postils in Early Modern Poland. In *Buying and Selling. The Business of Books in Early Modern Europe*. Leiden, 2019. P. 223–245.
- KOMOROWSKAM. Printing and Post-Tridentine Catholicism in the Polish-Lithuanian Commonwealth. In *Print Culture at the Crossroads*. Leiden, 2021. P. 327–343.
- LOHMEYER K. *Geschichte des Buchdrucks und des Buchhandels im Herzogtum Preußen*. Leipzig, 1896.
- LÖSCHIN M. S. *Geschichte der Danziger Buchdruckereien*. Danzig, 1840.
- MIGOŃ K. *Nauka o knige: Ocherk problematiki* [Science of the Book. Essays on the Problematic. In Russ.]. Moscow, 1991.
- MOCARSKI Z. *Książka w Toruniu do roku 1793. Zarys dziejów*. Toruń, 1934.
- MOCARSKI Z. *Stan badań polskiego drukarstwa*. Warszawa, 1936.
- MOHNIKE G. *Die Geschichte der Buchdruckerkunst in Pommern*. Stettin, 1840.
- NEMIROVSKII E. L. *Nachalo slavianskogo knigopechataniia: opyt kriticheskogo peresmotra voprosa v sviazi s istoriei pol'skogo Vozrozhdeniya* [The Beginning of Slavic Book Printing: the Experience of Critical Revision of the Issue in Connection with the History of the Polish Renaissance. In Russ.]: avtoref. dis. ... d-ra istorii. Moscow, 1969.
- NEMIROVSKII E. L. Ocherki istoriografii russkogo knigopechataniia [Essays on the Historiography of Russian Printing. In Russ.]. In *Kniga. Issledovaniia i materialy*. Collection 8. Moscow, 1963. P. 5–42.

NEMIROVSKII E. L. *Trudy po istorii russkogo pervopechataniia vo vtoroi polovine XIX — XX veka* [Works on the History of Russian Early Printing in the Second Half of the 19th–20th Centuries. In Russ.]. In *Kniga. Issledovaniia i materialy*. Collection 9. Moscow, 1964. P. 389–437.

NIEDZWIEDŹ J. Polska szesnastowieczna propaganda wojenna w działaniu: przypadek Atlasu Księstwa Połockiego (1580). In *Terminus*. 2017. T. 20. Z. 3 (43), ss. 477–509.

NOWAKOWSKA N. *King Sigismund of Poland and Martin Luther. The Reformation Before Confessionalization*. Oxford, 2018.

PAWLAK M. Jan Daniel Hoffmann (1701–1766): historyk, konrektor i lektor języka polskiego w Gimnazjum Elbląskim. In Biskup, M. (ed.) *Zasłużeni ludzie dawnego Elbląga: szkice biograficzne*. Wrocław, 1987. S. 136–142.

PETRUSHEVITCH A.S. *Ivan Fedorov, russkii pervopechatnik* [Ivan Fedorov, Russian Pioneer Printer. In Russ.]. L'vov, 1883.

PIEKARSKI K. Pierwsza Drukarnia Floriana Unglera 1510–1516. *Chronologia Druków i Zasobu Typograficznego*. Kraków, 1926.

PIROŻYNSKI J. *Johannes Gutenberg i początki ery druku*. Warszawa, 2002.

POLEVOY P. N. *Ocherk zhizni i deyatel'nosti pervogo russkogo pechatnika Ivana Fedorova* [Essay on the Life and Work of the First Russian Printer Ivan Fedorov]. St. Petersburg, 1883.

PROKHORENKOV I.A. Voennaia i politicheskaiia pechatnaia propaganda Rechi Pospolitoi v kontse XVI — nachale XVII veka: Pechatniki na korolevskoi sluzhbe [Military and Political Print Propaganda of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the late 16th–17th centuries: Printers in the Royal Service. In Russ.]. In *Studio Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2021. No. 2, pp. 53–63.

PTAŚNIK J. *Drukarze i księgarze krakowscy XV i XVI wieku*. Lwów, 1922.

Publishing Subversive Texts in Elizabethan England and the Polish-Lithuanian Commonwealth / Ed. by T. Bela, C. Calma, J. Rzegocka. Leiden, 2016.

SAWA A. Oznaczenia literowe samogłosek w różnych rodzajach pisma drukowanego z XVII wieku (na podstawie "Slonecznika" Jeremiasza Drexeliusa). In *Acta Universitatis Lodzienis. Studia Indogermanica Lodzienia*. 2015. P. 197–211.

SERUGA J. *Jan Haller: wydawca i drukarz krakowski (1467–1525)*. Kraków, 1933.

SHIBANOV P. P. *Katalog russkikh i slavyanskikh knig, naopechatannykh vne Moskvy i Peterburga s osnovaniya tipografii do noveyshego vremeni* [Catalog of Russian and Slavic Books Printed outside Moscow and St. Petersburg from the Founding of Printing Houses to Modern Times]. Moscow, 1887.

SOWIŃSKI J. *Polskie drukarstwo*. Wrocław, 1988.

SZWEJKOWSKA H. *Książka drukowana XV–XVIII wieku. Zarys historyczny*. Warszawa, 1961.

TAFIŁOWSKI P. Dedykacje w drukach krakowskich 1503–1531. In *Rocznik Biblioteki Narodowej*. 2003. No. 35, pp. 235–252.

VLADIMIROV P. V. *Nachalo slavyanskogo i russkogo knigopechataniya v XV–XVI vv.* [The Beginning of Slavic and Russian Book Printing in the 15th–16th Centuries. In Russ.]. Kiev, 1894.

WOJCIECHOWSKA M. Dzieje książek. In *Kwartalnik Historyczny*. 1930. T. 44. S. LXXXI–LXXXIII.

WOJCIECHOWSKA M. *Z dziejów książki w Poznaniu w XVI wieku*. Poznań, 1927.

ZAWADZKI K. *Gazety ulotne polskie i Polski dotyczące XVI–XVIII wieku: bibliografia*. T. 1–3. Wrocław, 1977–1990.

ZYCHOWICZ M. Bibliografia prac profesor Pauliny Buchwald-Pelcowej. In *Rocznik Biblioteki Narodowej*. 2006. No XXXVII–XXXVIII, pp. 15–32.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

И. М. Басов. Историография истории печати Польского королевства XV–XVI вв. //
Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 176–185

Аннотация: В статье дается историографический обзор исследований ранней печати на территории Польского королевства. За период XVIII–XXI вв. в изучении предмета неоднократно менялись подходы, методы, точки зрения. Задача статьи — выделить тенденции развития историографии истории печати, а также выявить актуальные проблемы исследования печати Польского королевства. Историография истории печати прошла путь от дескриптивного направления науки, ориентированного на локальные сюжеты и библиографическое суммирование знаний, до аналитического направления, в рамках которого, кроме истории, находят место различные социальные и гуманитарные дисциплины (социология, культурология, филология, лингвистика, экономика). До некоторой степени это характерно для всех областей исторической науки, однако в области истории печати важен фактор восприятия роли печатного станка в развитии культуры. Появление со второй половины XX в. работ по ранней истории печати Польского королевства продиктовано как достаточно высоким уровнем аккумуляции знания по предмету, так и развитием соответствующих социальных теорий коммуникации. Отход от марксистского метанarrатива привел исследования восточноевропейских историков в соответствии с работами западных коллег, ввиду чего в настоящий момент мы видим значительное проникновение в историографию социальных теорий медиа.

Ключевые слова: историография, история печати, книгопечатание, раннее Новое время, Польское королевство, теория коммуникации.

FOR CITATION

I. M. Basov. Historiography of the printing history of the Polish Kingdom in the 15th–16th centuries // Petersburg historical journal, no. 1, 2025, pp. 176–185

Abstract: The article provides a historiographical overview of studies of early polish printing. During the period of the 18th–21st centuries, approaches, methods, and points of view on this issue changed repeatedly. The purpose of the article is to highlight trends in the development of the printing history studies, as well as to identify current problems in the study of the Polish Kingdom press. The history of printing has gone from a descriptive direction of science, focused on local subjects and bibliographic summation of knowledge, to an analytical direction, within which, in addition to history, various social and humanitarian disciplines (sociology, cultural studies, philology, linguistics, economics) find their place. To some extent, this is typical for all areas of historical science, but in the field of printing history, the perception of the role of printing press in the cultural development is essential. The appearance of works on the early printing history of the Polish Kingdom from the 2nd half of the 20th century was dictated both by a fairly large level of accumulation of knowledge on the subject and by the development of relevant social theories of communication. The departure from the Marxist metanarrative has brought the research of Eastern European historians into line with the work of Western colleagues, as a result of which historiography is now significantly theorized.

Key words: historiography, history of printing, book printing, Early Modern period, Kingdom of Poland, communication theory.

Автор: Басов, Иван Михайлович — младший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Basov, Ivan Mikhailovich — Junior Researcher, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: vbim17@yandex.ru

В. В. Шишкин

Неизвестное письмо Генриха III от 10 марта 1585 г.: преддверие Войны трех Генрихов

Послание последнего короля из рода Валуа Генриха III (1574–1589), адресовано французскому послу в Риме, при папском дворе, сеньору де Сен-Гоару (Гуару). Документ поступил в Архив Санкт-Петербургского института истории РАН в качестве дара 14 апреля 2024 г. и был представлен ученыму сообществу на ежегодной конференции, IV Чтениях памяти академика Н. П. Лихачева. До этого письмо выставлялось в Аукционном доме «Литфонд» (г. Москва) (Аукцион 547. Лот № 2)¹ анонимным владельцем, купившим его, в свою очередь, в марте 2023 г. на Международном аукционе автографов в Малаге (Испания) (International autograph auctions Europe SL)². Известно также, что в конце XIX в. документ продавался в антикварном доме семьи Шараве (Париж), о чем есть упоминание в ежегоднике Исторического и археологического общества Перигора за 1896 г.³, а также в издании писем Генриха III под редакцией Ж. Буше (2006): «Catalogue Charavay 95»⁴. Местоположение письма между 1897 и 2023 гг. неизвестно, однако его удовлетворительное состояние и отсутствие сгибов говорит о том, что оно пребывало в составе какой-то коллекции, скорее всего частной.

Принимая во внимание, что Сен-Гоар пробыл на своем посту только с апреля по июль 1585 г. и в Национальной библиотеке Франции в Париже есть лишь один оригинал иного королевского послания послу в Риме этого периода времени, рассматриваемое письмо является раритетным и ценным по содержанию.

Отправитель

Письмо было составлено от имени 33-летнего на тот момент Генриха III, третьего царствующего сына королевы-матери Екатерины Медичи, короля, чье правление пришлось на разгар Гражданских войн во Франции (1559–1598)⁵. Король-миротворец по своей сути, он долгое время не допускал возобновления религиозных конфликтов и, умело лавируя между католическими и протестантскими силами, сумел добиться относительного социально-политического спокойствия в 1577–1585 гг. Однако безвременная кончина младшего брата короля, наследника трона герцога Франсуа Анжуйского, в июне 1584 г., и перспектива перехода короны Франции к гугеноту Генриху де Бурбону, королю Наваррскому, изменили ситуацию. В марте 1585 г., времени отправки письма в Рим, герцоги Гизы — главная конкурирующая с Валуа семья Франции — не скрывая готовились к новой войне — как с королем, так и с гугенотами. Эта война вошла в историю под именем «Войны трех Генрихов»⁶.

Адресат

Титул сеньора де Сен-Гоара, или Сен-Гуара, носил Жан де Вивонн (ок. 1530–1599), представитель древнего дворянства из юго-западной провинции Пуату, военный капитан и дипломат, ревностный католик и участник Религиозных войн, преданный Генриху III. В 1572–1582 гг. он выполнял важную миссию посла в Испании, в 1583–1584 гг. являлся сенешалем провинции Сентонж. В мае 1584 г., сразу после кончины Поля де Фуа, архиепископа Тулузского, французского посла при папском дворе и ставленника Екатерины Медичи, Генрих III назначил Сен-Гоара новым послом в Рим, куда тот прибыл 18 апреля 1585 г., после долгих согласований с папой Григорием XIII. Однако за несколько дней до этого папа скончался (10 апреля), и свои верительные бумаги Сен-Гоар вручал уже новому папе Сиксту V, избранному 24 апреля. Уже 25 июля посол был вынужден спешно покинуть Рим по требованию Сикста V, поссорившегося с Генрихом III. Дело в том, что король не согласился с назначением нового папского нунция во Франции, Фабио Мирто Франджипани, известного своими происпанскими симпатиями и связями с Католической лигой герцогов Гизов, и приказал остановить кортеж посла в Лионе⁷. В ответ папа приказал в течение суток выпроводить из Рима Сен-Гоара и весь сопровождавший его персонал⁸. Благодаря кардиналу Луиджи д'Эсте, внukу Людовика XII, посол смог быстро и безопасно уехать во Францию.

Дипломатический скандал был урегулирован только летом 1586 г., когда король на время уступил Католической лиге и согласился с отлучением Генриха Наваррского от церкви, что означало также его отстранение от наследования короны: нунций Франджипани в итоге был принят в Лувре, а сеньор де Сен-Гоар вернулся в Рим⁹. В благодарность за верность королю Сен-Гоар получил титул маркиза де Пизани, и уже в новом, более высоком дворянском статусе

вновь приступил к своим обязанностям посла, которые успешно исполнял до лета 1589 г. После убийства Генриха III он поддержал Генриха Наваррского, ставшего Генрихом IV, и вновь был отправлен в Рим в 1592 г.

Содержание

В своем письме Генрих III просит посла ходатайствовать перед папой Григорием XIII об утверждении в должности приора августинского приората Сент-Этьен дю Пейра, расположенного в диоцезе Перигора митрополии Бордо на Юго-Западе Франции, некоего Эли Патриса. Мотивированная часть письма поясняет, что должность является вакантной после отказа от нее епископа Амьенского Жоффруа де Ла Мартони (ум. в 1617). Старинный приорат Сент-Этьен дю Пейра, основанный в середине XI в., был расположен недалеко от г. Бержерака в Перигоре, и просуществовал вплоть до Революции XVIII в.¹⁰ Короли имели право назначения на должность приора, с одобрения папы¹¹. Отказ от приората епископа Амьенского, несомненно, был вынужденным, сделанным по требованию Генриха III и связанным с политической позиций прелата, который поддерживал оппозиционных королю герцогов Гизов¹². Маленький, но, видимо, не бедный и стратегически важный католический пункт в Перигоре, регионе со значительной долей протестантского населения, Сент-Этьен нуждался в верном королевском ставленнике. Для епископа Амьенского это была лишь синекура, место, куда он вряд ли когда-либо приезжал и где держал нужного себе викария. Однако отказ от должности под давлением короля в любом случае был болезненным актом, поскольку означал потерю доходов и влияния, воспринимался как немилость и получал огласку.

Видимо, у короля давно возникло желание поквитаться с Жоффруа де Ла Мартони. Последний происходил из знатной дворянской семьи из Перигора и начинал свою карьеру как советник в парламенте Бордо, однако затем предпочел церковное служение, как и его родной брат, Анри де Ла Мартони, епископ Лиможский. В 1577 г. Жоффруа стал епископом Амьена, и в этом статусе проявил себя как активный сторонник Католической лиги и семьи герцогов де Гизов, став, соответственно, политическим противником короля¹³.

Преемник епископа Амьенского в приоратстве Сент-Этьен дю Пейра Эли Патрис остается неизвестной фигурой. Все, что о нем известно, содержится в письме короля папе, а также пометках на обороте письма, сделанных, возможно, рукой секретаря посла Сен-Гоара. Последние говорят о том, что Сикст V в итоге согласился с просьбой короля и утвердил Эли Патриса в должности приора уже в августе 1586 г. Несомненно одно: Патрис был ставленником короля, возможно, протеже одного из королевских советников, и, судя по характерному для Перигора имени Эли, являлся уроженцем тех мест. В условиях начавшейся Войны трех Генрихов, одного из кульмиационных моментов Религиозных войн во Франции, королю важно было расставить как можно больше верных себе людей на церковные и светские должности при дворе и на местах.

Документ

Письмо было составлено в королевской канцелярии в Париже, скорее всего, в любимой резиденции Генриха III в Луврском замке, и вручено Сен-Гоару накануне его отъезда в Рим. Известно, что путь в Италию в среднем занимал две-три недели, и, скорее всего, он отбыл не из Парижа. Почерк ординарного секретаря представляет собой парадный канцелярский курсив, восходящий к готическим образцам, активно применявшийся во второй половине XVI в.¹⁴ Письмо было лично подписано королем и заверено государственным секретарем, в ведении которого находилась переписка с Римом, — Пьером Брюларом де Жанлисом (1535–1608).

В Архиве СПБИИ РАН в составе коллекции Н. П. Лихачева хранится оригинал иного письма Генриха III к Сен-Гоару, от 8 мая 1585 г., также неизвестного историческому сообществу и не вошедшего в издание писем короля¹⁵. По форме оно очень похоже на рассматриваемое послание от 10 марта, а его содержание также касается церковной должности: король просит ходатайствовать перед папой с целью одобрить его решение об утверждении в должности светского аббата августинского монастыря Богоматери Ла Роэ в диоцезе Анжера Филиппа Ле Пулькра, после добровольного отказа от этой должности светского аббата Жана Форже. Надо полагать, у Генриха III был вполне цельный план кадрового обновления церковных кафедр в свою пользу.

Остается добавить, что в Национальной библиотеке Франции сохранилось всего четыре письма короля Сен-Гоара за март — июль 1585 г., три — в копиях и одно в оригинале¹⁶. Помимо этого, за период 1586–1589 гг. существуют оригиналы, копии и упоминания о 44 письмах короля, адресованных маркизу де Пизани (титул Сен-Гоара после 1586 г.)¹⁷.

Текст и перевод

Сеньору де Сен-Гоару (Гуару), послу в Риме.
10 марта 1585 г. Париж. Луврский замок. Оригинал.

Monsieur de Saint-Goart, je vous prie présenter à nostre saint père le pape les lettres que présentement j'escris à Sa Sainteté et suivant icelles tenir main et vous employer envers elle que son bon plaisir soit à ma nomination prière et requeste admettre la résignation que monsieur Geoffroy de La Martonnye [La Marthonnie], prieur du prieuré conventual et electif Saint Estienne du Pérat [Peyrat], ordre Saint Augustin, diocèse de Périgueux, veult et entend faire de sondit prieuré en faveur de monsieur Helye Patris [Patrice], et en ce faisant le pourvoir dudit prieuré, luy octroyant et faisant expédier toutes et chacunes les bulles dispences et provisions applicquées qui pour ce luy seront nécessaires, suivant les mémoires et supplications, concordats et procurations qui en seront présentées à Sadite Sainteté, et vous me feres service bien fort agréable en ce faisant, priant Dieu, monsieur de Saint-Goart, qu'il vous ait en sa saint garde.

Écrit à Paris le dixième jour de mars 1585.

Подпись-автограф: Henry

Заверочная подпись государственного секретаря: Brulart

На об. адрес: À Monsieur de Saint-Goart, chevalier de mes deux ordres, conseiller en mon conseil d'Estat, capitaine de cinquante hommes d'armes de mes ordonnances et mon ambassadeur à Rome.

Канц. помета XVI в.: Paris. 10 mars 1585.

Канц. помета на об.: Le prieuré de Saint Estienne du Pérat, diocèse de Périgueux. Du Xe Mars 1585. Receue et expedié le dixième jour d'août 1586.

Следы печати под кустодой. Прорези по краям листа для скрепляющей ленты.

Филигрань: Три геральдические лилии, помещенные в щите, с цветком поверх щита, и латинскими буквами SIMEONIVELLE в рамке под щитом: Труа, 1580: *Briquet C.-M. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600*. Paris: A. Jullien, 1907. T. 1. № 1845. P. 134.

Карандашная помета аукционного дома Шараве: Henri.

Господин де Сен-Гоар, Я прошу Вас представить нашему святому отцу папе¹⁸ письмо, которые я пишу в настоящее время в адрес Его Святейшества, и согласно которому прошу обратиться и ходатайствовать перед ним, чтобы он соблаговолил к моей просьбе утвердить решение об отказе от своих обязанностей господина Жоффруа де Ла Мартони, приора монастырского и выборного приората Сент-Этьен дю Пейра, ордена святого Августина, в диоцезе Перигё, и пожелал бы согласиться с передачей названного приората господину Эли Патрису, и дабы обеспечить ему его права, предоставить и направить всем и каждому разрешительные буллы и надлежащие документы, необходимые в этом случае, согласно существующим правилам, соглашениям и порядку обращений, направляемым к Его Святейшеству. Вы же мне сослужите этим весьма добрую службу. Прошу Бога, господин де Сен-Гоар, дабы он хранил Вас своей святой защитой.

Составлено в Париже в 10-й день марта 1585 г.

Генрих
Брюлар

Адрес: Господину де Сен-Гоару, кавалеру двух моих орденов¹⁹, советнику в государственном совете, капитану ордонансной роты из 50 человек, и моему послу в Риме.

- ¹ <https://www.litfund.ru/auction/547/2/> (дата обращения 05.04.2024).
- ² Сертификат аутентичности существует только в электронном виде и не может быть верифицирован. Согласно содержащейся в нем информации, письмо было продано 16 марта «господину Болдыреву» (лот 414). <https://www.autographauctions.eu/contact-us/> (дата обращения 05.04.2024).
- ³ «Эжен Шараве в своем аукционном каталоге *Revue des autographies* за январь 1897 г. сообщил нам о наличии этого письма»: Bulletin de la Société historique et archéologique du Périgord. Т. XXIII. Périgueux, 1896. Р. 77.
- ⁴ Lettres de Henri III, roi de France. Т. VI / Éd. J. Boucher. Paris: Société de l'Histoire de France, 2006. Р. 398. № 5732. Ошибочный комментарий Жаклин Буш в сноске: «Возможно, это послание повторяет содержание предыдущего письма, поскольку оба помечены одной датой: № 5731. Кардиналу д'Эсте: король просит ходатайствовать перед папой об утверждении решения о добровольном отказе от обязанностей светского аббата в аббатстве Сен-Совер де Вильлапан Пьера Русселя, в пользу Антуана де Брюйера».
- ⁵ Уваров П. Ю. Франция во второй половине XV — XVI веке // Всемирная история. Т. 3: Мир в раннее Новое время / Под ред. В. А. Ведюшкина, М. А. Юсима. М., 2013. С. 153–157.
- ⁶ Шишкин В. В. «Схватить королеву Наваррскую»: беглый двор Маргариты де Валуа в 1585–1587 гг. // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2015. Т. 6. Вып. 4 (37). URL: <http://history.jes.su/s207987840001006-5-1> (дата обращения 21.05.2024).
- ⁷ Lynn M. A. Fabio Mirto Frangipani and papal policy in France: the case of an independent-minded nuncio // Archivum historiae pontificiae. 1979. Т. XVII. Р. 197–240.
- ⁸ De Witte C.-M. Notes sur les ambassadeurs de France à Rome et leurs correspondances sous les derniers Valois (1556–1589) // Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen-Age, Temps modernes. 1971. Т. 83, no. 1. Р. 89–121.
- ⁹ Correspondance du nonce en France Fabio Mirto Frangipani (1568–1572 et 1586–1587): Nonce extraordinaire en 1574, 1575–1576 et 1578 / Ed. A. M. Lynn Rome: École Française de Rome / Université Pontificale Grégorienne, 1984. (Acta Nuntiaturae Gallicae; 16).
- ¹⁰ Besse J.-M. dom. Abbayes et prieurés de l'Ancienne France. Т. III. Provinces ecclésiastiques d'Auch et de Bordeaux. Paris, 1910. Р. 211.
- ¹¹ Durand de Maillane P. T. Dictionnaire de droit canonique et de pratique bénéficiale. Т. II. Paris: J. B. Bauche, 1761. Р. 293.
- ¹² Sachy J.-B.-M. de. Histoire des évêques d'Amiens. Amiens, 1770. Р. 63.
- ¹³ Dubois A. La Ligue. Documents relatifs à la Picardie. Amiens, 1859. Р. 92.
- ¹⁴ Малов В. Н. Происхождение современного письма. Палеография французских документов конца XV — XVIII в. М., 1975. С. 88–89.
- ¹⁵ Западноевропейская секция. Колл. 9. Картон 338. № 34.
- ¹⁶ Все они отражены в издании посланий короля под редакцией Жаклин Буш, в виде реестра: от 26 апреля 1584 г. (копия); от 23 мая 1584 г. (копия); от 27 февраля 1585 г. (оригинал); от 17 марта 1585 г. (упоминание в аукционном каталоге Шараве): Lettres de Henri III, roi de France. Р. 241, 261, 391, 410.
- ¹⁷ Ответные письма послы ко двору остаются неопубликованными и хранятся в Национальной библиотеке Франции в Париже: BnF. Ms Français. 16039–16046.
- ¹⁸ Генрих III имеет в виду папу Григория XIII (1572–1585), скончавшегося накануне приезда сеньора де Сен-Гоара.
- ¹⁹ Орден Св. Михаила и орден Св. Духа.

References

DE WITTE C.-M. Notes sur les ambassadeurs de France à Rome et leurs correspondances sous les derniers Valois (1556–1589). In *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen-Age, Temps modernes*. 1971. Vol. 83. No. 1, pp. 89–121.

Boucher, J. (éd.) *Lettres de Henri III, roi de France*. T. VI. Paris: Société de l'Histoire de France, 2006.

LYNN M. A. Fabio Mirto Frangipani and papal policy in France: the case of an independent-minded nuncio. In *Archivum historiae pontificiae*. 1979. Vol. XVII, pp. 197–240.

MALOV V. N. *Proiskhozhdenie sovremenennogo pis'ma. Paleografija frantsuzskikh dokumentov kontsa XV – XVIII v.* [The origins of the Modern Writing. Palaeography of French Documents from the late 15th to the 18th Centuries. In Russ.]. Moscow, Nauka, 1975.

SHISHKIN V. V. "Skhvatit' korolevu Navarrskuiu": beglyi dvor Margarity de Valua v 1585–1587 gg. [“Arrest of the Queen of Navarre”: the Court of Marguerite de Valois in Flight. In Russ.]. In *Istoriia: Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal*. 2015. Vol. 6, iss. 4 (37). URL: <http://history.jes.su/s207987840001006-5-1> (дата обращения 21.05.2024).

UVAROV P. Yu. Frantsiiia vo vtoroi polovine XV – XVI veke [France in the Second Half of 15th – 16th Century. In Russ.]. In Vedyushkin V. A., Yussim M. A. (eds.). *Vsemirnaiia istoriia. T. 3: Mir v rannee Novoe vremia*. Moscow, Nauka, 2013. P. 153–157.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

В. В. Шишкин. Неизвестное письмо Генриха III от 10 марта 1585 г.: преддверие Войны трех Генрихов // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 186–193

Аннотация: Послание Генриха III (1574–1589), последнего из Валуа, адресовано французскому послу в Риме, при папском дворе, сеньору де Сен-Гоару (Гуару). Документ поступил в Архив СПБИИ РАН в качестве дара 14 апреля 2024 г. Речь идет о предписании послу просить папу Григория XIII утвердить королевское решение в отношении назначения нового приора августинского приората в Перигоре, Сент-Этьен Дю Пейра, некоего Эли Патриса. В условиях подготовки новой гражданской войны во Франции, которая вошла в историю под именем Войны трех Генрихов (1585–1589), король расставлял на светские и церковные должности, при дворе и на местах, людей, которые безусловно были ему преданы. С этой целью он сместил с должности приора сторонника герцогов Гизов, политических противников короля, епископа амьенского. Реконструкция событий, в том числе благодаря дорсальной помете на обороте письма, позволяет понять драматичную историю утверждения королевского решения, которое в итоге состоялось, хотя и затянулось более чем на год. Это было связано с изгнанием Сен-Гоара из Рима по приказу нового папы Сикста V и его триумфальным возвращением через несколько месяцев после урегулирования отношений Генриха III и Святого престола, под новым именем и в новом статусе — маркиза де Пизани.

Ключевые слова: история Франции XVI в., папский престол, Религиозные войны, Генрих III, Сикст V, сеньор де Сен-Гоар.

FOR CITATION

V. V. Shishkin. Unknown letter of Henry III of March 10, 1585: on the eve of the The War of Three Henrys// Petersburg historical journal, no. 1, 2025, pp. 186–193

Abstract: The letter of Henry III (1574–1589), the last of Valois, addressed to the French ambassador in Rome at the papal court, seigneur de Saint-Goart (Gouart). The document was submitted to the Archive of the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences as a gift on April 14, 2024. This is an order to the ambassador to ask Pope Gregory XIII to approve the royal decision regarding the appointment of a new prior of the Augustinian priory in Perigord, Saint-Etienne Du Peyrat, a certain Elis Patrice. In preparation for a new civil war in France, which remained in history under the name The War of Three Henrys (1585–1589), the king placed in secular and church posts, at court and in the field, the persons who were certainly devoted to him. Henry III removed from the post of prior a supporter of the Dukes of

Guise, political opponents of the king, Bishop of Amiens. The reconstruction of events, according to the dorsal notes on the back of the letter, allows to understand the dramatic history of the approval of the royal decision, which eventually took place in 1586. This was due to the expulsion of Saint-Goart from Rome on the orders of the new Pope Sixtus V, and his triumphant return a few months after the restoration of relations between Henry III and the Holy See, under a new name and in a new status, Marquis de Pisany.

Key words: History of France of the 17th century, Holy See, Religious wars, Henry III, Sixtus V, seigneur de Saint-Goart.

Автор: Шишкин, Владимир Владимирович — д. и. н., ведущий научный сотрудник отдела всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Shishkin, Vladimir Vladimirovich — Dr. in History, senior researcher, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: VladimirGenghis@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5163-5474

А. В. Ашихмин, Д. Н. Шилов

«Хорошо, да не время». Последние доклады М. М. Сперанского императору Александру I о реформе Сената в 1811 г.*

Реформа Сената — особая страница в преобразовательной деятельности М. М. Сперанского. Трижды, в 1802–1803, 1810–1811 и 1827 гг., им составлялись и предлагались к реализации предложения о существенных изменениях в статусе и внутреннем устройстве этого старейшего высшего государственного учреждения империи. При этом проекты 1811 и 1827 гг. были еще и очень схожи по содержанию¹, несмотря на значительные перемены, произошедшие в государственном строе империи и личной судьбе самого Сперанского за время, протекшее между их разработкой.

История несостоявшейся реформы Сената в 1811 г. была изучена историками и правоведами еще в начале XX в. В 1909 г. С. М. Середонин, как официальный историограф Комитета министров имевший доступ к архивным документам высших государственных учреждений, посвятил реформе 1811 г. отдельную главу в написанной им для «Русского биографического словаря» пространной статье о Сперанском². Два года спустя, в 1911 г., вышла в свет юбилейная история Правительствующего Сената, в третьем томе которой содержалось более

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 23-28-00769 «Документальная память российской государственности: кейс Сперанского. Новые подходы к изучению рукописного наследия».

детальное описание этого неудавшегося преобразования, принадлежавшее перу Э. Н. Берендтса. Им же был впервые рассмотрен комплекс документов, связанных с реформой и сохранившихся в архиве Государственного совета³. Еще через год была опубликована архивная опись дел Комитета председателей Государственного совета, в том числе и относящихся к реформе Сената 1811 г.⁴ В советской исторической литературе указанный сюжет описывался менее подробно и на уже известной фактической основе⁵. В современной историографии основные вехи этого события изложены в монографии Л. Ф. Писарьковой, сумевшей расширить круг привлеченных источников по сравнению с трудами дореволюционных предшественников⁶.

Значительно меньше внимания в историографии уделено описанию и публикации документов, связанных с реформой Сената 1810–1811 гг. Проекты учреждений Правительствующего и Судебного сенатов были опубликованы еще в 1897 г. Н. К. Шильдером⁷. Отрывки из «Введений» к проектам были изданы в 1900 г. Н. М. Коркуновым⁸. Однако полный его текст, равно как и все прочие документы, до сих пор не опубликованы.

Между тем упорство, с которым Сперанский раз за разом обращался к вопросу о переустройстве Сената, несомненно, свидетельствует о первостепенном значении, которое он придавал этому преобразованию. Формулируя его необходимость, реформатор указывал в 1827 г. в записке «О государственных установлениях», что «в 1809 г., когда приступили к решительному устройству министерств, при первом соображении открылась, *во-первых**, та же самая истина, которая еще в 1781 г. была примечена, а именно, что устройство Сената не было сообразно с учреждением губерний; *во-вторых*, что Сенат, быв средоточием министерств, должен быть в устройстве его с ними соображен и что без сей сообразности сии два установления должны по необходимости одно вредить другому»⁹.

Реформа Сената в 1810–1811 гг., как отмечал еще С. М. Середонин, готовилась особенно тщательно. Чиновниками Государственной канцелярии под руководством Сперанского была проделана большая предварительная работа по сбору различных записок и предположений о преобразовании этого высшего государственного учреждения, начиная с правления Екатерины II (судя по всему, Сперанский рассчитывал на авторитет бабушки как на дополнительный аргумент в глазах императора). Самим государственным секретарем были подготовлены не только детальные проекты новых учреждений (Сената Правительствующего и Сената Судебного), но и подробное «Введение к образованию Сената». Обсуждение реформы велось Сперанским постепенно, сначала (в мае 1811 г.) в так называемом Комитете председателей (т. е. глав департаментов), а затем (в июле и августе 1811 г.) уже в Общем собрании Государственного совета. При этом поддержкой одного из членов Совета, В. П. Кочубея, Сперанский заручился еще осенью 1810 г. 14 декабря 1810 г. Кочубей, сообщая

* Здесь и далее в публикации курсивом выделено подчеркивание в документе.

Сперанскому свои соображения и замечания о «Введении к образованию Сената» и проекте учреждения Судебного сената, писал о первом из этих документов: «Введение представляет с самою большою верностию и систематическою ясностию как происхождение Сената нашего и все превращения его, так и все недостатки образования его; смешение, хаос, глупость. Часть сия делает сочинителю большую честь». Оценивая проект «Образования Сената», Коцубей также признавал «главные основания оного правильными»¹⁰. Сенатор Н. В. Обресков изложил свои соображения о преобразовании Межевого департамента Сената в письмах Сперанскому от 31 октября и 24 ноября 1810 г.¹¹ Таким образом, обсуждение реформы продолжалось почти год.

Как отмечал в упомянутой выше записке «О государственных установлениях» сам Сперанский, новое «образование Сената... кратко состояло в следующем: 1) как судная часть по существу своему весьма различна от части правительственної, то и положено дать обеим сим частям разные и каждой свойственные устройства; а для большей точности в понятиях различить самые их наименования, назвав соединение правительственної частей Сенатом Правительствующим, а судных — Сенатом Судебным; 2) Правительствующий Сенат установить один для всей империи, а Судебный разместить по округам, по предположению императрицы Екатерины, здесь, в Москве, в Киеве и Казани; 3) в Правительствующем Сенате учредить два рода присутствий: одно для дел текущих, другое для дел, следующих к разрешению государя императора, определив сии два рода дел со всею возможною точностию»¹².

Однако все попытки Сперанского преобразовать Сенат остались бесплодными. «Сенат наш остановился и ни с места», — сетовал он в письме к А. А. Столыпину от 24 октября 1811 г. Сперанский сообщал своему другу о том, что воздерживается теперь «от излишних затей по службе», подразумевая под последними все свои «предположения и желание двинуть грубую толщу, которую никак с места сдвинуть не можно. Пусть же она остается спокойна; а я не буду терять моего здоровья в тщетных усилиях... Девиз мой: *хоть трава не рости*»¹³. В этих строках — явное разочарование инициатора реформы от безуспешности проделанного им обширного труда.

В настоящее время документы и материалы, связанные с реформой Сената 1811 г., хранятся в Российском государственном историческом архиве (далее — РГИА) в фонде Особого комитета председателей департаментов Государственного совета (ф. 1164). Они составляют отдельное дело под названием «По проекту учреждения Правительствующего и Судебного Сената», состоящее из 32 частей¹⁴. Первые четыре части собрания содержат проект учреждения Сената (1788) с правками Екатерины II, рассмотренные ею записи о функциях департаментов Сената, формуляры сенатских документов, выписки из законодательных актов о Сенате с 1711 по 1782 г. Пятую составляют постановления о Сенате за 1801–1810 гг., собранные под руководством Сперанского, о чем свидетельствует сделанная им надпись на титульном листе: «Собрание

учреждений и указов о Сенате. № 1»¹⁵. Кроме копий документов (рукописных и печатных), в деле содержится также «Собрание указов о Сенате с 8-го сентября 1802-го года», составленное помощником начальника архива Комиссии составления законов А. П. Энгельсоном и присланное им Сперанскому при письме от 13 октября 1802 г.¹⁶ В шестой собраны проекты, предшествовавшие принятию указа 8 сентября 1802 г., главным из которых был «Проект устройству Сенату», написанный беловым почерком Сперанского. Там же находится черновой проект манифеста о правах Сената с правками Сперанского.

Седьмую часть составляют выписки из законодательных актов по вопросу о жалобах на решения Сената (с 1718 по 1802 г.; часть из них рукой Ф. И. Цейера), а также записка начальника Гражданского отделения Комиссии составления законов Г. А. Розенкампфа об апелляции по гражданским делам Сената. Его же проект «образования Сената и его судопроизводства» находится в восьмой части; на титульном листе рукописи рукой Сперанского отмечено: «Проекты учреждений Сената. № 2». Некоторые формулировки Розенкампфа были критически осмыслены Сперанским. Так, первый пункт упомянутого проекта гласил: «Сенат есть верховное место в империи, имея у себя подчиненными все присутственные места» (в проекте делался акцент на усилении региональной власти Сената)¹⁷. Сперанский изменил его таким образом: «Правительствующий Сенат есть верховное сословие управления в империи»¹⁸.

Девятая часть заключает в себе две записи, написанные рукой Ф. И. Цейера (из чего, по-видимому, можно заключить, что их авторство принадлежит Сперанскому): «О неудобствах настоящего¹⁹ разделения дел, восходящих на высочайшее решение» и «О обнародовании законов». В частях 10, 11 и 12 содержатся три редакции «Введения к образованию Сената», написанные почерком Цейера (1-я и 3-я) и неустановленного лица (2-я), с правками Сперанского. В частях 13–15 представлены проекты учреждений Правительствующего и Судебного сенатов: часть 1-й редакции (почерк Цейера с исправлениями Сперанского), 2-я редакция (со вставленными черновиками Сперанского) и перевод проекта на французский язык. В части 16 находятся два черновика записи «О разуме образования Судебного Сената» (почерк Цейера с исправлениями Сперанского). Как и публикуемые материалы из частей 17 и 18, эта записка была частью дискуссии в Государственном совете. В частях 19–22 собраны возражения и замечания председателей департаментов (П. В. Завадовского, В. П. Кочубея, П. В. Лопухина) и членов Государственного совета (Н. И. Салтыкова, В. С. Попова, А. Н. Голицына, И. И. Дмитриева, С. К. Вязминова, И. А. Алексеева, Р. А. Кошелева, Н. С. Мордвинова, И. А. Вейдемейера, Б. Б. Кампенгаузена, А. А. Саблукова), а также Н. В. Обрескова, Г. Р. Державина, Я. В. Захаржевского, Г. А. Розенкампфа.

Сперанский свел эти замечания в единый документ, отложившийся в 23-й (беловик рукой Цейера) и 28-й (черновик Сперанского) частях. Этот документ слушался на заседаниях Общего собрания Государственного совета 31 июля

и 7 августа 1811 г. Развернутые ответы Сперанского на замечания составляют части 24 (беловик рукой Цейера) и 29 (черновик Сперанского). Часть 25 содержит списки членов Государственного совета с указанием, как каждый из них голосовал по основным положениям реформы. Эти списки составлял лично Сперанский. Часть 26 составляет черновик записки Сперанского «О предварительном образовании Сената». В части 27 собраны черновики документов реформы, беловики которых содержатся в других частях дела. В части 30 находится написанный рукой Сперанского черновик журнала четырех заседаний Государственного совета, посвященных реформе Сената²⁰. Последние две части представляют собой отпечатанные в Медицинской типографии проекты образования Правительствующего (ч. 31) и Судебного (ч. 32) сенатов²¹.

Это собрание по масштабу является фактически самостоятельным архивным фондом, его общий объем составляет 2343 листа. Атрибуцию документов, их археографическую обработку и нумерацию в 1900–1903 гг. осуществил помощник экспедитора Государственной канцелярии коллежский асессор Александр Романович Доброхотов (1867 — не ранее 1915), являвшийся не только чиновником, но и потомственным архивистом: его отец, Роман Иванович Доброхотов (1834–1888), также чиновник Государственной канцелярии (по отделению архива) и коллежский асессор, был выпускником и членом-сотрудником Петербургского археологического института, участником работы над первым томом документального сборника «Сенатский архив» (вышел через несколько месяцев после его кончины)²².

Публикуемые документы составляют части 17 (л. 1–32; записка «О образовании Сената» с приложенными к ней проектами манифеста и указов) и 18 (л. 1–18 об.; записка «О благовременности учреждения Сената») описанного выше архивного комплекса. Дореволюционная нумерация порядковых номеров частей и архивных листов по сей день не претерпела изменений. Документы подшиты в две папки из плотного белого картона. На обложках имеются типографские наклейки («Дело Государственного совета» и заголовки единиц хранения, вырезанные из опубликованной описи 1912 г.) и написанные писарским почерком названия архивного фонда и дел. В верхней части обложек имеются отметки: «Журн. № 9 и 10», а также на ч. 17 «По архиву № 20» и «Том XVII», а на ч. 18 «По архиву № 21» и «Том XVIII». На каждой обложке стоит печать архива Государственного совета. Все документы написаны писарским почерком (Цейера) на плотной желтоватой бумаге формата 20,5×33 см; текст располагается на правой половине листа. На листах имеются водяные знаки: лев в овальном картуше под короной с контрамаркой «АО». Отметим также, что А. Р. Доброхотовым при формировании архивных дел в начале XX в. не была учтена нумерация документов, сделанная самим Сперанским, который собственноручно проставлял номера на первых страницах большинства документов. При формировании архивного фонда эта нумерация систематически нарушалась. Так, 17-я часть современного дела у Сперанского имела № 45, а 18-я — № 8.

Как и большинство материалов описанного собрания, публикуемые документы не имеют внутренней датировки. Об их месте в ряду текстов Сперанского, посвященных реформе Сената 1811 г., в историографии существуют два мнения. Середонин полагал, что обе записки являются вариантами докладов Сперанского Александру I, подготовленными вскоре после заседаний в Государственном совете, черновым («О благовременности...») и чистовым («О образовании...»)²³. Позиция Берендтса противоречива. В одной части своего труда он полагает, что записка «О образовании...» представлена государю Сперанским «до передачи всех дел на обсуждение Государственного совета». «Сперанский настолько был уверен в том, — заключает Берендтс, — что ему удастся склонить императора Александра I к передаче проекта на обсуждение в Государственный совет, и что Государственный совет... одобрит его, что изготовил уже... проект манифеста о реформе Сената и о выборах сенаторов в Судебном сенате»²⁴. Однако затем, после описания обсуждения реформы в Государственном совете, Берендтс фактически присоединяется к мнению Середонина, утверждая, что «раздроженное настроение» Сперанского «отразилось в двух докладных записках, составленных им для государя *вскоре после 5 августа 1811 г.* (выделено нами. — А. А., Д. III.)»²⁵. Мнение Середонина представляется нам более обоснованным. «До передачи всех дел на обсуждение Государственного совета», т. е. в мае — июне 1811 г., Сперанский не мог знать, сколько времени займет это обсуждение. Между тем указанная в проекте манифеста дата представления императору списков кандидатов в Сенат («не позже 15-го ноября сего года») и содержащееся в записке «О образовании...» предположение «за два или три месяца возвестить о сем предварительно манифестом, назначив в оном и выборы кандидатов», очевидно свидетельствуют о подготовке данного доклада не позднее первой половины сентября 1811 г. Что касается записи «О благовременности...», то, судя по содержанию, она представляет собой первую реакцию Сперанского на дебаты в Государственном совете и создана сразу же после последнего его заседания по обсуждению реформы 7 августа 1811 г.

Все документы публикуются впервые, за исключением упомянутого проекта манифеста, который целиком процитирован у Берендтса²⁶. Однако сделано это с многочисленными погрешностями. Так, вместо «кандидаты, к присутствию в Сенате избираемые», напечатано «к правосудию»; в пункте 3 Берендтс объединил два пункта манифеста, 3-й и 4-й (начинается в документе со слов «Отсутствующие дворяне»), вследствие чего вся дальнейшая нумерация пунктов в «Истории Правительствующего Сената» на единицу отличается от правильной; пункт 5-й (в документе 6-й) в издании изложен так, что вызывает недоумение («Кандидаты должны иметь от роду 35 лет»), поскольку пропущены стоящие в документе перед числом слова «не менее»; допущены ошибки в падежах, числах и т. д.

Полагаем, что публикация двух докладов о реформе Сената 1811 г. будет способствовать углубленному изучению этой важнейшей страницы

реформаторской деятельности М. М. Сперанского, а также постепенному введению в научный оборот очерченного документального комплекса. Его уникальная сохранность и сосредоточенность в одном архивном фонде (вне его выявлен лишь один документ — написанный рукой Сперанского черновик журнала заседания Комитета председателей Государственного совета от 30 мая 1811 г.²⁷) предоставляют к тому исследователям все возможности.

№ 1

О благовременности учреждения Сената

Мнения, изъявленные в Государственном совете об учреждении Сената, состоят кратко в двух словах: *хорошо, да не время*.

Весьма малое число значущих членов можно изъять из сего общего отзыва. Они суть: граф Заводовский²⁸, граф Кочубей²⁹, Вязмитинов³⁰, Алексеев³¹, Карнеев³², барон Кампенгаузен³³, Козодавлев³⁴ и может быть граф Аракчеев³⁵, Мордвинов³⁶ и Барклай де Толли³⁷.

Таким образом большинство голосов считает учреждение нужным и полезным, но не благовременным.

Отсюда естественно мог бы произойти другой вопрос: когда же сие учреждение, быв признано нужным и полезным, может быть издано благовременно?

Вопрос сей затруднил бы может быть отвечающих, но не переменил бы их мнений.

Мнения сии, особливо рассуждая о личных причинах, на коих они основаны, не могут конечно составить достаточного уважения, чтобы остановить дело.

При всем том, приступая к столь важному учреждению, нужно, кажется, рассмотреть его со всех сторон и наипаче исследовать вопрос благовременности его во всех отношениях.

Следующие уважения послужить к сему могут:

I. Правительствующий Сенат составляется из министров. Можно ли предполагать, что они будут содействовать движению такого учреждения, которое устанавливается противу мнения большей их части и против мнения того самого члена, который должен быть в нем председателем?

Из всего министерства два голоса или, по крайней мере, три* не могут составить противодействия в пользу сего учреждения. Прочие все совершенно оному противны. Благовременность тут служит только предлогом; а истинный разум состоит в том, чтоб затянуть навсегда и уничтожить сие преобразование.

Сие иначе и быть не может. Ведя дела по порядку и единообразию и усиливая правительство вообще, установление сие вместе с тем ослабляет самовластье каждого. Оно лишает многих министров драгоценного права докладывать без свидетелей и по сим докладам выпускать и объявлять указы без всякой по-

* Барон Кампенгаузен, Козодавлев и Барклай де Толли (*Примеч. документа*).

верки и ответственности. Оно лишает их права решить дела питейные и текущие в Сенате почти по их хотениям и по мнению Колокольцова³⁸ и Донаурова³⁹. Оно поражает их тем опасением, что все дела прежде непосредственно ими отправляемые под видом единообразия пойдут чрез руки того министра, которой управлять будет канцеляриею. Сколько есть причин желать, чтобы все сии предположения не сбылись! Умеренность мнений тут означает только некоторую деликатность входить в личные раздробления. Отдельный и откровенный в Кабинете вопрос может с достоверностию открыть каждого мысли.

II. Возражения, сделанные в Совете на разные части как Правительствующего, так и судебного Сената, и решенные потом большинством голосов и почти единогласно в пользу редакций, доказывают невозможность спорить против истины. Из других источников почерпнуты замечания несравненно сильнейшие. Все сие может служить достаточным ручательством в успехе. Но нельзя при том скрыть, что вся сия организация* представлялась бы несравненно яснее, если бы могла она быть соединена с судебным уставом и с общим устройством губернского суда и управления. Без сих двух установлений встретиться могут разные вопросы, коих решить будет нельзя иначе, как временными и предварительными постановлениями.

Совокупность всех сих учреждений имела бы и ту еще выгоду, что план, правительством принятый, представлялся бы всякому в большей обширности, виды его казались бы пространнее, и все действие имело бы более единства и привлекало бы более доверия.

III. Нет сомнения, что новое устройство судебного Сената не может быть приятно всему сословию прежнего Сената. Оно лишает некоторых того влияния, которое они по делам 1-го департамента имеют в делах казенной экономии. У пристрастных и корыстолюбивых оно отнимает хлеб. Честолюбивых огорчает уравнением их с выбранными сенаторами. Властолюбивых стесняет назначением председателей и невозможностию вершить дела по произволу. Всем же вообще дает способ, скрывая их личные страсти, нападать на новое установление под видом привязанности к старому порядку, под лициною сохранения державной власти, под предлогом необходимой твердости в установлениях и опасности уновлений. Поставив себя в столь выгодном положении и при слабости председателей, они всегда будут иметь решительный перевес против избранных сенаторов, тем более что и число сих последних с начала весьма будет ограниченно. Не удивительно после сего, естьли положение их будет им в тягость, и установление сие в самом начале своем получит вид столь же неблагоприятный, как и всякая служба по выборам.

IV. Нет также сомнения, что неустройства настоящего Сената день ото дня более будут чувствительны. Доколе не было в виду другого образования, доколе все считали крайне трудным или невозможным устроить сию массу, дотоле переносили неудобства его как необходимые. Но теперь, когда новый порядок

* В рукописи описка: организация.

доказан возможным, и когда он от них самих получил одобрение, теперь они должны укорять самих себя в каждом затруднении, в каждом неудобстве, в каждой жалобе, и, следовательно, укорять себя почти ежедневно. Из сего самым естественным образом произойти должно то последствие, что те же самые люди, кои считают ныне сие учреждение безвременным, будут желать и просить его совершения. Таково есть свойство народных умов: *роптать на настоящее и желать того, что не сбылось.*

К сему присоединится и то еще весьма выгодное для правительства обстоятельство, что люди, кои теперь желают сего учреждения, не замолчат, когда оно будет отложено; они будут живою и вопиющею совестию для тех, кои ему противостояли.

V. Сверхъ сего во всехъ сего рода переменахъ весьма выгодно дать воспалению страстей пройти и успокоиться. Холодный разум укажет всякому яснее выгоды сего учреждения, а правительство покажет, что, действуя на пользу общую, оно не пристрастно к собственнымъ своимъ мнениямъ и не увлекается поспешностию.

VI. Здесь встречается однако же одно весьма важное замечание, коего разрешение зависит от личного высочайшего усмотрения.

Дела судебного Сената, входя большою частию в Совет и там получая скорое разрешение, не составляют большой заботы и могут еще быть на некоторое время отложены. Но дела 1-го департамента, министерского Комитета и частных министерских докладов по неустройству их должны быть весьма тягостны.

Если терпение вашего величества дошло до той степени, что неугодно будет вам продолжать еще несколько времени сей вещей порядок, то можно часть сию устроить, не производя в целом никакой важной перемены, и сие следующим образом:

I. Взяв за предлог количество нерешенныхъ дел, коихъ мене в 1-м, нежели в другихъ департаментахъ, разместить сенаторовъ 1-го департамента по другимъ. Перемены сего рода делались и делаются весьма часто без всякого последствия. Такимъ образомъ в 1-м департаменте останутся одни министры.

II. Наименовать госуд[арственныхъ] министровъ и велеть им присутствовать в 1-м департаменте и в Комитете.

III. Рескриптомъ на имя генерал-прокурора препроводить для исполнения в 1-й департамент тот самый обряд производства дел, [который] полагается для обыкновенныхъ собраний Правительствующего Сената.

IV. Комитету вместо прежнихъ его инструкций предложить к исполнению обряд, предположенный в учреждении для *особенныхъ собраний Пр[авительствующего] Сената.*

V. Переименовав в Сенате обер-прокурора 1-го департамента статс-секретаремъ и присоединив к нему еще одного или двухъ, велеть им отправлять дела как в Сенате, так и в Комитете; а генерал-прокурору иметь общий надзор впредь до особенного назначения. Сим устанавливаются статс-секретари и заменяется звание министра, управляющего письмоводствомъ.

VI. Старшему члену 1-го департамента (канцлеру) велеть в отсутствии е[го] и [императорского] в[еличества] отправлять по обряду звание председателя.

Сими *шестью* частными указами устроить Пр[авительствующий] Сенат почти точно так, как он в учреждении предположен. Имена, столь у нас драгоценные, останутся неприкосновенны; а установление переменится без малейшего шума. Все привилегии и все страсти судебного Сената останутся в покое. Они скоро будут желать преобразования; а правительство вместо настоящих пререканий будет тогда на своей стороне иметь все выгоды. Немаловажная из них будет та, что, не отваживая ничего, можно будет испытать на самом деле порядок производства в делах правительственный вновь вводимый, *не отваживая ничего*^{*}, потому что препровождая новый обряд, можно будет означить, что он вводится впредь до общего образования.

II О образовании Сената

Два предположения могут быть допущены о времени и образе устройства Сената.

Первое предположение. Дать 1-му департаменту Сената предварительно то самое устройство, которое предполагается для Сената Правительствующего; а для открытия судебного в первом его устройстве вызывать кандидатов из губерний.

Для приведения сего в действие предполагается:

- 1) Разместить по другим департаментам тех сенаторов 1-го департамента, кои не входят в окончательное устройство Правительствующего Сената.
- 2) Издать при особенном указе обряд, по коему сей департамент дела свои производить будет. Обряд сей должен содержать в себе те же самые правила, кои полагаются для Пр[авительствующего] Сената.
- 3) По обряду сему старшему члену 1-го департамента (государственно му канцлеру) поручить должность председателя, министру юстиции должность министра управляющего письмоводством и назначить статс-секретарей.
- 4) Дела 1-го департамента, относящиеся к судебному порядку, перевезти во 2-й, переместив туда, естьли нужно, и часть канцелярии.
- 5) Дела нерешенные, в Первом департаменте ныне состоящие, разослать к министрам по их принадлежности с тем, чтоб, рассмотрев, те из них, кои требуют разрешения, представили Сенату по новым формам.
- 6) Возвестить указом, чтоб все представления, в 1-й департамент следующие, поступали к министрам.
- 7) Произвестить выборы кандидатов по губерниям и для сего на каждую из них дать отдельные указы с означением числа кандидатов, времени и места, куда они должны явиться.

* Так в рукописи (повтор фразы).

В сем состоят главные распоряжения, к производству первого предположения принадлежащие. (Исполнение № 1-й).

Рассматривая ближе сие предположение, встречаются в нем следующие неудобства:

- 1) Планы обоих Сенатов, имея одно общее основание, так соображены, что в действии их не могут они быть разделены без затруднения. Сие лучше можно показать примером: в 1-м департаменте Сената есть дела судные. Естьли бы судебный Сенат открыт был вместе с Правительствующим, тогда дела сии сами собою разделились бы по разным департаментам и на каждый из них досталось бы малое число. Напротив, в настоящем положении должно будет сперва перевесть и стеснить их в одном 2-м департаменте; а потом из сего департамента через три месяца при открытии судебного Сената должно будет паки перемещать их в разные департаменты. То же самое неудобство встретится при рассылке дел по министерствам и при вступлении их от разных присутственных мест.
- 2) Предварительное образование произведет два рода заключений. Те, кои знают или угадывают истинную цель правительства, возмечтают, что оно не имело довольно твердости, чтоб идти прямо против пустых предубеждений и потому решилось лучше взять околичный путь. Путь сей, всегда почти унизительный, может быть допускаем в одной только крайности обстоятельств. Как бы ни были составляемы указы о предварительном устройстве, но общий разум их и вся сия операция будет иметь вид некоторой хитрости, недостойной правительства. Люди, которые противодействовали сему учреждению, и не столько открытыми их мнениями, сколько потаенными путями, возмнят, что они в самом деле устрашили их разглашениями и принудили правительство уклониться с прямого пути, чтоб обойти поставленные ими затруднения. Другое заключение: те, кои не познают истинной цели предварительного образования, могут с основанием упрекать правительство в некотором непостоянстве его видов; ныне образовать оно будет 1-й департамент, а через несколько месяцев издаст то же самое в виде учреждения Пр[авительствующего] Сената. Перемена слов здесь покажется переменою самых вещей.
- 3) Раздробив таким образом сие государственное образование на несколько приемов, правительство отнимет у него всю важность, ему свойственную, и само изгладит то впечатление, которое от одной целости и общей сообразности всех его частей возникнуть может. Здравый разум, собрав воедино сии расторгнутые части, со временем отдаст им справедливость; но первое впечатление не будет, конечно, в его пользу; а первое впечатление в установлениях сего рода весьма важно.

- 4) Наконец, как бы ни были составляемы указы о предварительном об-разовании Сената, форма их всегда будет противоположна правилам, принятым и оглашенным при учреждении Совета. Ввести новый обряд в 1-й департамент, учредить звание председателя и министра управляю-щего письмоводством, вызвать из всей России депутатов к присутствию в Сенате суть такие постановления, коих никак нельзя назвать ни мерами просто распорядительными, ни предметами, тайне подлежащими. И, сле-довательно, по общим правилам они должны идти чрез Совет. Установ-ляя новый порядок форм в судопроизводстве, полезно ли давать таковый опыт их нарушения?

Второе предположение.

Не раздробляя образования Сената на два разные приема, привести оное в действие во всей его целости в одно время. Для сего нужно:

- 1) Назначить решительно, когда устройство сие последовать может.
- 2) За два или три месяца возвестить о сем предварительно манифестом, назначив в оном и выборы кандидатов.
- 3) В течение сих двух или трех месяцев заняться приуготовлением всего, что нужно к устройству Сената. И для сего
- 4) Учредить комитет из председателей и министра юстиции и снабдить его наказом о предметах, действию его предлежащих.
- 5) Таким образом приуготовив все нужное, пред наступлением срока из-дать учреждение обоих Сенатов при манифесте и открыть оные здесь и в Москве.

Есть ли сие второе предположение за благо будет принято, то останется только определить разум предварительного манифеста.

Разум оного может быть двоякий: в нем можно просто изъявить намерение о преобразовании Сената и означить, сколько и с какими свойствами кандидатов должно представить из губерний. Но сие простое изъявление тогда, как самое образование будет еще неизвестно, с одной стороны, может подать повод к несообразным толкам, а с другой, и в выборе кандидатов произведет некоторую неизвестность. Для сего лучше бы было в манифесте сем кратко, но ясно изобразить начала, на коих Сенат образуется. (Исполнение № 2-й.)

Проекты указов о Сенате по первому предположению

I. О перемещении сенаторов.

Для успешного решения дел признав нужным число сенаторов, в разных департаментах Пр[авительствующего] Сената присутствующих, поставить в соразмерность с настоящим количеством дел, в тех департаментах производящихся, всемилостивейше повелеваем: сенаторам 1-го департамента д[ействительным] т[айным] с[оветникам] барону Колокольцову и Данаурову и генералу от инфантерии Корсакову⁴⁰ присутствовать во 2-м апелляционном, а т[айным] с[оветникам] Габлицу⁴¹ и Модераху⁴² в 3-м департаменте.

II. О введении нового обряда в 1-м департаменте.

По свойству дел, в 1-м департаменте Пр[авительствующего] Сената производящихся и требующих сколь можно скорого отправления, признали мы за благо постановить для дел сего рода особенный обряд производства, который препровождая при сем в Правительствующий Сенат, вследствие оного повелеваем:

- 1) Должность *председателя* по сему обряду в 1-м департаменте Пр[авительствующего] Сената отправлять старшему члену, в нем присутствующему.
- 2) Должность *министра управляющего письмоводством* возлагается на министра юстиции.
- 3) Должность статс-секретарей в 1-м департаменте Пр[авительствующего] Сената исправлять:*
- 4) Дела, к судебному порядку относящиеся, кои доселе производимы были в 1-м департаменте, перевесть во 2-й апелляционный департамент, переместив туда и часть канцелярии, буде по подробнейшему рассмотрению министра юстиции сие признано будет нужным.
- 5) Как по обряду при сем прилагаемому дела управления в 1-й департамент не иначе поступать могут, как по представлениям министров, то отныне все предметы, к разным частям управления принадлежащие, имеют быть представляемы к министрам по их принадлежности, на точном основании манифеста 8-го сентября 1802-го года и общего министерств учреждения.
- 6) На сем же основании и дела нерешенные, ныне в 1-м департаменте Пр[авительствующего] Сената состоящие, разослать к министрам по их принадлежности с тем, чтоб, рассмотрев те из них, кои по разуму общего министерств учреждения не могут быть разрешены властию министра, сообразно настоящему обряду представили они с заключением их на уважение Пр[авительствующего] Сената.

III. О выборах.

Божию милостию и пр. и пр.

Нашему N.N.

Состав Пр[авительствующего] Сената, ныне существующий, положив на мере распространить соразмерно количеству и важности его дел, признали Мы за благо к числу сенаторов,** в нем присутствующих, присоединить новых членов.

Желая в выборе их дать новый опыт доверия Нашего к дворянскому сословию и означить непрерывное Наше попечение о благе верных Наших подданных, постановили Мы возложить на дворянское сословие представить Нам***

* Далее оставлены две свободные строки.

** Далее зачеркнуто: ныне

*** Далее зачеркнуто: посредством выборов

кандидатов для определения тех из них, кои удостоены будут Нашего утверждения к присутствию в Пр[авительствующем] Сенате.

Выборы сих кандидатов* произведены быть имеют обыкновенным порядком с наблюдением следующих особенных правил:

- 1) Кандидаты, к присутствию в Сенате избираемые, должны быть люди как разумом и нравственными их свойствами, так и опытностию в службе особенное уважение и доверие** заслужившие. Чины их с точностию не определяются, дабы не стеснить дворянство в пространстве их выбора.
- 2) В число кандидатов могут быть помещаемы лица и в отсутствии, и в другом роде службы состоящие, исключая тех, кои состоя в действительной военной службе, не могут от оной быть отвлечены.
- 3) Отсутствующие дворяне могут участвовать в выборе кандидатов, вверяя голоса свои другим.
- 4) Никакого срока служению в сем звании не полагается. Но каждый от оного может быть уволен по его прошению или по перемещению его в другой род службы.
- 5) Кандидаты должны иметь от рода не менее 35-ти лет.
- 6) В возмездие за издержки, кои они должны понести при их перемещении, предоставляется дворянскому сословию определить им оклады по его усмотрению; но ни в каком случае оклады сии не могут быть менее 3000 р[ублей] в год.
- 7) На сем основании в губернии N. N. имеют быть избраны кандидаты числом***
- 8) Списки сих кандидатов за подписанием вашим и всех предводителей дворянства имеют быть представлены при донесении**** вашем непосредственно к Нам не позже 15-го ноября сего года.
- 9) По рассмотрении сих списков и по избрании из них тех лиц, кои по утверждению Нашему удостоены будут присутствовать в Сенате, Мы назначим время, к коему в одной из наших столиц они имеют явиться.

В С[анкт-]П[етер]б[урге]

ч[исло]

* Слова «сих кандидатов» вставлены над строкой, далее зачеркнуто: сии

** Далее зачеркнуто: дворянства

*** Далее оставлено свободное место для числа и зачеркнуто: кои и должны явиться в (оставлено свободное место для указания населенного пункта) и ожидать дальнейших повелений

**** В рукописи ошибочно: доносении.

Проекты манифеста и наказа о Сенате по второму предположению

I. Проект предварительного манифеста об устройстве Сената.

В манифесте 1-го января 1810 года постановлено было: дать Сенату образование, важности сего государственного установления свойственное и пространству дел его соразмерное.

В основание сему образованию положили Мы следующие главные начала:

I. Сохраняя во всей неприкосновенности коренные правила, на коих сие древнее установление утверждается, сообразить положение его с учреждениями Государственного совета и министерств, дабы три сии государственные сословия, обращаясь каждое в своем круге, действовали совокупно и единообразно во благо империи под единым началом верховной самодержавной власти.

II. Положив точные пределы между судом и управлением, постановить для обеих сих частей порядок действия, разнообразному существу их свойственный и удобный.

На сих главных основаниях положив учредить образование Сената, признали Мы за благо распространить состав его соразмерно важности и количеству его дел, призвав к присутствию в оном новых членов сверх сенаторов, ныне в нем служащих.

Желая в выборе сих членов дать новый опыт доверия нашего к дворянскому сословию и означить непрерывное Наше попечение о благе верных Наших подданных, постановили Мы возложить на дворянские сословия представить Нам кандидатов для определения тех из них, кои удостоены будут Нашего утверждения, к присутствию в Пр[авительствующем] Сенате.

Вняв мнению Государственного совета,
повелеваем:

- 1) Выборы кандидатов для присутствия в Сенате произвести в губерниях сообразно росписанию, при сем прилагаемому, обыкновенным порядком, с наблюдением при том нижеследующих правил:
- 2) Кандидаты, к присутствию в Сенате избираемые, должны быть люди как разумом и нравственными их свойствами, так и опытностию в службе особенное доверие и уважение заслужившие. Чины их с точностию не определяются, дабы не стеснить дворянство в производстве их выбора.
- 3) В число кандидатов могут быть помещаемы лица и в отсутствии, и в другом роде службы состоящие, исключая тех, кои состоя в действительной военной службе, не могут от оной быть отвлечаемы.
- 4) Отсутствующие дворяне могут участвовать в выборе кандидатов, вверяя голоса свои другим.
- 5) Никакого срока служению в сем звании не полагается. Но каждый от оного может быть уволен по его прошению или по перемещению его в другой род службы.

- 6) Кандидаты должны иметь от роду не менее 35-ти лет.
- 7) В возмездие за издержки, кои они должны понести при их перемещении, предоставляется дворянскому сословию определить им оклады по его усмотрению; но ни в каком случае оклады сии не могут быть менее 3000 рублей в год.
- 8) Списки сих кандидатов за подписанием губернатора и всех предводителей дворянства имеют быть представлены при донесении губернаторов непосредственно к Нам не позже 15 ноября сего года.
- 9) По рассмотрении сих списков и по избрании из них тех лиц, кои по утверждению Нашему удостоены будут присутствовать в Сенате, Мы назначим время, к коему в одной из Наших столиц они имеют явиться.

В С[анкт-]П[етер]б[урге]

ч[исло]

¹ Это подчеркивал и сам Сперанский: в представленных им в Комитет 6 декабря 1826 г. проектах учреждений Правительствующего и Судебного сенатов при статьях обоих документов были отмечены номера соответствующих им статей проектов 1811 г. (см.: РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 145–146; Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 90. СПб., 1894. С. 125–145, 147–175).

² Середонин С. М. Сперанский, граф Михаил Михайлович // Русский биографический словарь. Т. Смеловский — Суворина. СПб., 1909. С. 204–210; см. также отдельное издание: Середонин С. М. Граф М. М. Сперанский: Очерк государственной деятельности. СПб., 1909. С. 37–56.

³ Берендорф Э. Н. Проекты реформы Сената в царствования императоров Александра I и Николая I // История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг. Т. 3. СПб., 1911. С. 70–116.

⁴ Опись дел архива Государственного совета. Т. 16. СПб., 1912. С. 30–34.

⁵ См, например: Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957. С. 260–265.

⁶ Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М., 2012. С. 190–194.

⁷ Проект учреждения Правительствующего Сената, представленный Сперанским в 1811 году // Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1897. С. 405–433; Проект учреждения Судебного Сената // Там же. С. 433–471.

⁸ Коркунов Н. М. Четыре проекта Сперанского о преобразовании Сената // Вестник всемирной истории. 1900. № 2. С. 67–81.

⁹ Упоминание 1781 г. отсылает читателя к разделу записки о Сенате в 1775–1797 гг., где Сперанский отмечал, что «около 1781 года... ее величество помышляла уже о преобразовании Сената» (см.: РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 163. Л. 46 – 46 об., 83 об. – 84; Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 494, 508).

¹⁰ РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. 1811 г. Д. 9. Ч. 19. Л. 10 – 10 об. В 1911 г. документ процитирован Берендорфом с ошибкой: вместо «превращения» напечатано «извращения» (*Берендорф Э. Н. Проекты реформы Сената... С. 94*).

¹¹ РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. 1811 г. Д. 9. Ч. 21. Л. 1 – 11 об.

¹² РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 163. Л. 84 – 85 об.; Сперанский М. М. Руководство к познанию законов... С. 508.

- ¹³ Письма Сперанского к А. А. Столыпину // Русский архив. 1870. № 4/5. Стб. 884; ср. также: *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в... С. 194.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. 1811 г. Д. 9. Ч. 1–32.
- ¹⁵ Там же. Д. 9. Ч. 5 (Собрание учреждений и указов о Правительствующем Сенате с 1801 по 1810 г.). Л. 1.
- ¹⁶ Там же. Л. 18 и след.
- ¹⁷ Там же. Ч. 8. Л. 2 – 32 об. (Проект образования Сената и его судопроизводства).
- ¹⁸ Проект учреждения Правительствующего Сената, представленный Сперанским в 1811 году // *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... С. 405.
- ¹⁹ Слово «настоящего» пропущено в описи фонда (Опись дел архива Государственного совета... С. 31), однако присутствует в самом документе.
- ²⁰ Проекты преобразования Сената обсуждались на шести заседаниях Общего собрания Государственного совета, со 2 июня по 7 августа 1811 г. (в историографии темы обычно ошибочно упоминаются только последние четыре). На заседаниях 2 и 5 июня, по результатам которых был составлен отдельный журнал, рассматривался журнал Комитета председателей от 30 мая 1811 г. и были принятые решения по вопросам о переводе Межевого департамента в Москву, порядке увольнения выборных сенаторов и присяге председателей Сената, переносе дел уголовных на высочайшее утверждение и составе Верховного совместного суда. После этого Государственный совет, «положив сделать в проектах сих учреждений вышеозначенные перемены, признал нужным напечатать оные (о печатных проектах см. далее. — А. А., Д. III.) и доставить к членам Совета, дабы каждый мог представить свои замечания», для которых императором был определен срок 15 июля (подлинник журнала с приложенным к нему особым мнением И. Н. Неплюева см.: РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. 1811 г. Д. 17. Л. 75 – 80 об.). На заседании 17 июля император распорядился продлить этот срок на две недели. На следующем заседании 24 июля Совет поручил Сперанскому составить свод высказанных замечаний, который (вместе с упомянутыми выше ответами на них) был подготовлен государственным секретарем в течение недели. 31 июля Совет обсуждал первые две части этого свода, а 7 августа — третью (подлинник второго журнала см.: Там же. Ф. 1148. Оп. 9. Д. 13. Л. 33–47).
- ²¹ Хотя Берендтс и указывал, что «экземпляр напечатанных проектов в красном сафьяновом переплете находится в делах Комитета председателей» (Берендтс Э. Н. Проекты реформы Сената... С. 83), но при публикации архивной описи в 1912 г. эти экземпляры не были в нее включены; их присоединение к фонду произошло в 1978 г.
- ²² Биографические сведения о Доброхотовых см.: РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 336–337; *Затворницкий Н. М.* Указатель биографических сведений, архивных и литературных материалов, касающихся чинов общего состава по канцелярии Военного министерства с 1802 до 1902 г. включительно. СПб., 1909. С. 328.
- ²³ Середонин С. М. Сперанский, граф Михаил Михайлович... С. 208–210.
- ²⁴ Берендтс Э. Н. Проекты реформы Сената... С. 90.
- ²⁵ Там же. С. 108. Берендтс ошибся в дате последнего заседания Государственного совета, правильно — 7 августа.
- ²⁶ Там же. С. 90–92.
- ²⁷ ОР РНБ. Ф. 731. № 84. Л. 1–14. На документе имеется помета Сперанского: «Переписать набело». Подлинник журнала см.: РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. 1811 г. Д. 17. Л. 68–74.
- ²⁸ Завадовский Петр Васильевич (1738–1812) — председатель Департамента законов Государственного совета (с 1810).
- ²⁹ Коцубей Виктор Павлович (1768–1834) — член Государственного совета (с 1801).
- ³⁰ Вязмитинов Сергей Кузьмич (1744–1819) — член Государственного совета (с 1802).
- ³¹ Алексеев Иван Алексеевич (1750–1816) — член Государственного совета (с 1810).
- ³² Карнеев Захарий Яковлевич (1748–1828) — член Государственного совета (с 1810).
- ³³ Кампенгаузен Бальтазар Бальтазарович (1772–1823) — государственный контролер и член Государственного совета (с 1811).
- ³⁴ Козодавлев Осип Петрович (1754–1819) — министр внутренних дел (с 1811), член Государственного совета (с 1810).

- ³⁵ Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834) — председатель Департамента военных дел Государственного совета (1810–1812, 1816–1827).
- ³⁶ Мордвинов Николай Семенович (1754–1845), председатель Департамента государственной экономии Государственного совета (1810–1818).
- ³⁷ Барклай де Толли Михаил Богданович (1761–1818) — министр военных сухопутных сил (1810–1812).
- ³⁸ Колокольцов Федор Михайлович (1732–1818) — сенатор (1792–1816).
- ³⁹ Донауров Михаил Иванович (1758–1817) — сенатор (с 1801).
- ⁴⁰ Римский-Корсаков Александр Михайлович (1753–1840) — литовский военный губернатор (1806–1809, 1812–1830); в 1811 в отставке.
- ⁴¹ Габлиц Карл-Людвиг Иванович (1752–1821) — сенатор (1808–1809); в 1811 в отставке.
- ⁴² Модерах Карл Федорович (1747–1819) — сенатор (с 1811).

References

PREDTECHENSKII A. V. *Ocherki obshchestvenno-politicheskoi istorii Rossii v pervoi chetverti XIX veka* [Essays on the Socio-Political History of Russia in the First Quarter of the 19th Century. In Russ.]. Moscow, Leningrad, 1957.

PISAR'KOVA L.F. *Gosudarstvennoe upravlenie Rossii v pervoi chetverti XIX v.: zamysly, proekty, voploschchenie* [State Administration of Russia in the First Quarter of the 19th Century: Ideas, Projects, Implementation. In Russ.]. Moscow, 2012.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. В. Ашихмин, Д. Н. Шилов. «Хорошо, да не время». Последние доклады М. М. Сперанского императору Александру I о реформе Сената в 1811 г. // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 194–212

Аннотация: Настоящее исследование посвящено неоконченной реформе Сената, проводившейся М. М. Сперанским в 1811 г. Авторы анализируют комплекс документов, отложившийся в Российском государственном историческом архиве в фонде Особого комитета председателей департаментов Государственного совета (Ф. 1164), состоящий из 32 частей. Эти документы осмысливались исследователями с начала XX в., а их архивную систематизацию в тот же период осуществил чиновник Государственной канцелярии А. Р. Доброхотов. Несмотря на очевидную актуальность источников по истории столь масштабного государственного преобразования, большая их часть до сих пор не была опубликована. На основе исследований предшественников и авторских источниковедческих и археографических изысканий реконструируется история данного собрания, архивный комплекс вписывается в историю реформы Сената 1811 г., показывается место в ее разработке Сперанского и некоторых членов Государственного совета. Авторы описывают и анализируют содержание документов реформы — как подготовительных проектов 1811 г., так и предшествовавших им с екатерининских времен. Данный комплекс является первостепенным по значению собранием источников по истории реформы Сената, разработанной Сперанским, а непосредственное обращение к документам и их источниколовеческий анализ позволяют глубже судить об идеях реформатора, методах его работы с историческими и современными ему материалами, способах трансляции и отстаивания своего мнения в дискуссиях, а также раскрывать дополнительные нюансы работы «технического бюро» Сперанского в ранний период его деятельности. Впервые за более чем век изучения публикуются важнейшие документы реформы за авторством Сперанского — записка «О образовании Сената» с приложенными к ней проектами манифеста и указов и записка «О благовременности учреждения Сената», составляющие 17-ю и 18-ю части рассматриваемого архивного комплекса.

Ключевые слова: реформа Сената 1811 г., М. М. Сперанский, Ф. И. Цейер, записки М. М. Сперанского, Особый комитет председателей департаментов Государственного совета, история документального комплекса.

FOR CITATION

A. V. Ashikhmin, D. N. Shilov. “Well, but not the time”. The last reports of M. M. Speransky to Emperor Alexander I on the reform of the Senate in 1811 // Petersburg historical journal, no. 1, 2025, pp. 194–212

Abstract: This research is dedicated to the unfinished reform of the Senate carried out by Speransky in 1811. The authors analyzed a set of documents deposited in the Russian State Historical Archive in the fund of the Special Committee of Chairmen of Departments of the State Council (F. 1164), consisting of 32 parts. These documents were interpreted by researchers since the beginning of the 20th century, and their archival systematization was carried out during that period by A. R. Dobrokhotov, clerk of the State Chancery. Despite the obvious relevance of these sources for the history of such large-scale state transformations, most of them have not yet been published. Based on the research of predecessors, source studies, and archaeological research, the history of this collection is reconstructed. This archival complex fits into the history of the Senate reform in 1911, and the role of Speransky and other members of the State Council in its development is revealed. The authors describe and analyze the contents of reform documents, including preparatory projects dating back to Catherine's reign. This collection provides a comprehensive source on senatorial reform developed by Speransky. Access to these documents and their analysis helps us better understand the ideas of the reformer and his methods of working with historical and contemporary materials, as well as methods of communicating and defending his opinions during discussions. It also reveals additional aspects Speransky's “technical bureau” work during its early period. For the first time in more than a century of research, the most important documents of the reform authored by Speransky were published — the note “On the formation of the Senate”, with attached drafts of manifesto and decrees, and the note “On the timeliness of establishing the Senate”, comprising parts 17 and 18 of the archival collection under consideration.

Key words: reform of the Senate in 1811, M. M. Speransky, F. I. Zeier, notes by Speransky, Special Committee of Chairmen of State Council Departments, history of document collection.

Автор: Ашихмин, Андрей Витальевич — младший научный сотрудник Отдела новой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: *Ashikhmin, Andrey Vitalyevich* — Junior Researcher at the Department of Modern History of Russia of the St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: andrey.v.ashikhmin@gmail.com

Автор: Шилов, Денис Николаевич — к. и. н., старший научный сотрудник Отдела новой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН, заведующий Отделом библиографии и краеведения Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург, Россия).

Author: *Shilov, Denis Nikolaevich* — PhD in History, senior researcher at the Department of Modern History of Russia of the St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, head of the Department of bibliography and local history of the National Library of Russia (St. Petersburg, Russia).

E-mail: shldn@mail.ru

Е. Д. Твердюкова

«...Став не только табачниками, но и боеприпасниками»: письмо директора ленинградской табачной фабрики им. Урицкого В. Н. Румянцева В. П. Зотову (7 июля 1942 г.)^{*}

В блокадном Ленинграде табачные изделия, наравне с продуктами, являлись универсальным эквивалентом при рыночном обмене, а процесс выкушивания папиросы приобрел ритуальный характер. Курение не только помогало скрасить муки недоедания (считалось, что табак приглушает чувство голода), но и позволяло ненадолго успокоить расшатавшиеся в условиях затяжного психоэмоционального стресса нервы. Не случайно О. Ф. Бергольц, воссоздавшая образ осажденного города в своей поэме «Февральский дневник», упомянула табак как необходимый элемент блокадного братства:

О да, мы счастье страшное открыли —
Оно другим неведомо пока, —
Когда последней коркою делились,
Последнею щепоткой табака...¹

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) № 24-18-00305 «Продовольственное обеспечение блокадного Ленинграда: организация производства, практики распределения, память»; <https://rscf.ru/project/24-18-00305/>

Немаловажное значение имело табачное довольствие и для войск. Д. В. Павлов, занимавший пост уполномоченного ГКО по обеспечению продовольствием Ленинграда и Ленинградского фронта, а с 1942 г. — начальника Главного управления продовольственного снабжения Красной армии, расценивал возможность сделать затяжку-другую как важный моральный фактор: «Курево для бойцов служило незаменимым средством коротать время и преодолевать однообразие окопного быта. Солдаты скучали и мрачнели из-за того, что им нечего курить, даже недостатки в питании переносили легче, чем отсутствие табака и махорки»². Подтверждением тому могут служить воспоминания Ю. В. Никиулина, служившего в зенитной батарее, оборонявшей Ленинград: «Все остро ощущали отсутствие табака. Курильщики просто сходили с ума, и все мучительно думали, где достать хотя бы одну самокрутку»³.

Обеспечивала табачной продукцией население города и оборонявшие его войска 1-я Ленинградская табачная фабрика им. Урицкого. До войны она была самой крупной в СССР, с производственной мощностью до 20 млрд папирос в год⁴. С ноября 1937 г. предприятие возглавлял Владимир Никифорович Румянцев. Под его руководством коллектив табачников трудился в самый тяжелый период блокады.

По данным на 25 августа 1941 г., на базах и складах Ленинграда имелось в наличии 279 млн шт. папирос и 1148 кг курительного табака⁵. Уже с первых месяцев войны фабрика стала испытывать нехватку основных видов сырья. Имевшихся запасов хватило на выпуск в течение второго полугодия 1941 г. 2338,9 млн папирос и 528,2 т табака⁶. За первое полугодие 1942 г. фабрика получила 844 т табака, а с декабря 1942 г. стала перерабатывать махорку, перестроив технологический процесс.

Для увеличения выпуска продукции изыскивались заменители табачного сырья. Постановлением бюро Ленинградского горкома ВКП(б) (далее — БГК) от 2 декабря 1941 г. табачным фабрикам разрешалось применять в качестве примеси к табакам хмель (10 %) и никотиновую бумагу (15 %)⁷. Использование в первом полугодии 1942 г. 27 т хмеля позволило дополнительно произвести до 60 млн папирос. А осенью горожане собрали 80 т древесных листьев, которые добавлялись (в количестве до 30 %) к табаку и махорке, что дало экономию около 90 тыс. руб.⁸

Спецификой работы фабрики в 1942 г. стало сокращение доли папирос в производственной программе. Объяснялось это тем, что основные бумажные фабрики (Малинская, Славутская, Шкловская), поставлявшие сырье для табачного производства, оказались в зоне оккупации и были полностью или частично разрушены. Если в 1940 г. табачной промышленностью СССР было получено 3707 т гильзовых бобин, то в 1941 г. — лишь 2097 т. На фабрике им. Урицкого на 1 сентября 1941 г. в наличии имелось лишь 110 т мундштучной бумаги и 32 т пачечной и так называемой «масленки». На пути в Ленинград находился 1 вагон (10 т) гильзовых бобин, что могло обеспечить выработ-

ку 300 млн штук папирос⁹. Однако, очевидно, до того как сомкнулось кольцо вражеской блокады, он прибыть в город не успел. СНК СССРставил вопросы о закупке гильзовых бобин в США, Великобритании, Канаде, не получившие положительного разрешения, после чего подготовил распоряжение о выработке в 1942 г. гильзовой бумаги на фабриках «Кордяжская» и «Красный курсант» в объеме 930 т, что должно было обеспечить выпуск 23,2 млрд шт. папирос¹⁰. Однако фабрики, не имевшие топлива и сырья, назначенные для них планы (начиная с третьего квартала 1942 г. сдавать по 120 т гильзовых бобин) не выполняли.

В этих условиях на фабрике им. Урицкого для производства папирос использовалась всякого рода бумага: обойная, оберточная, светочувствительная и др., был переработан весь брак гильзовых бобин, накопившийся за ряд лет. Тем не менее в течение 1942 г. было выпущено всего лишь 290,6 млн штук папирос (выпуск табака составил 975 т, махорки — 147,3 т)¹¹.

В связи с отсутствием упаковочной бумаги фабрика использовала старые этикетки, хранившиеся на складах: часть из них выворачивалась на левую сторону, на другие накладывались штампы с измененной ценой¹². 5 мая 1942 г. на заседании бюро парторганизации начальник укладочного цеха М. П. Орлова так описывала условия своей работы: «Сегодня у меня в цехе нет штемпельной краски. Привезли две бутылки, которых хватит на несколько часов. Ну что же, сегодня вечером буду химией заниматься: из таблеток делать штемпельную краску. Нет этикетов — сами штемпелюем, нет упаковки — изыскиваем»¹³.

Всего за второе полугодие 1941–1943 гг. 1-я Ленинградская табачная фабрика им. Урицкого изготовила для фронта около 3,4 млрд папирос, 3,5 тыс. т табака, 942,6 т махорки¹⁴.

Наряду с профильной продукцией фабрика выпускала боеприпасы для Красной армии. Уже в октябре 1941 г. механический цех, изготавливший до войны сменные части для табачных машин, произвел первую партию 37-мм снарядов, а в дальнейшем освоил еще пять видов специзделий. Всего за годы блокады было выпущено свыше четверти миллиона боеприпасов¹⁵.

На базе фабричной лаборатории был организован спеццех № 3, развернувший производство лечебных препаратов. По словам корреспондента газеты «Ленинградская правда», инициатива принадлежала инженеру-химику Ф. П. Некрылову: «Были месяцы, когда фабрика невольно замедляла свой разбег. Но люди не могли сидеть сложа руки. Зимним вечером к директору пришел инженер-химик Некрылов. — Лаборатория не загружена. Подумаем вместе, что можно сделать, — коротко сказал он. Директор читал статью о полевой хирургии. Стрептоцид творил чудеса. А почему бы и не попробовать? — мелькнула мысль. Посоветовались с врачами, со старыми друзьями фабрики — работниками университета. Неясная мысль облеклась в плоть и кровь... Дни и ночи упорной, напряженной работы, и вот уже в скромной лаборатории фабрики один за другим рождаются ценные лечебные препараты»¹⁶.

За 1942–1943 гг. в специфическом цехе № 3, начальником которого стал Ф. П. Некрылов, было выпущено 375 тыс. человеко-доз стрептоцида, 1,7 тыс. человеко-доз сульфазола, 9,6 тыс. человеко-доз сульфицина, 312,2 тыс. человеко-доз фенамина, более 11 кг дульцина (что было эквивалентно 2 т сахара), свыше тонны патоки из целлюлозы и других целлюлозосодержащих материалов¹⁷. С августа 1943 г. цех сосредоточился на изготовлении никотиновой кислоты (витамина РР), для получения которой сырьем служили отходы производства — табачная и махорочная пыль. Являясь в Ленинграде единственным поставщиком этого незаменимого средства от пеллагры, фабрика им. Урицкого к концу блокады полностью удовлетворяла запросы лечебных учреждений города и области. Всего ею было произведено около 470 г никотиновой кислоты (или 127 тыс. человеко-доз)¹⁸.

Публикуемый документ — письмо В. Н. Румянцева В. П. Зотову, который с 1939 г. возглавлял Наркомат пищевой промышленности СССР, а после включения в феврале 1942 г. в состав Государственного комитета обороны А. И. Микояна, отвечавшего за снабжение армии и тыла и заготовки сельскохозяйственного сырья, стал его уполномоченным по продовольственным вопросам. Директор повествует о деятельности фабрики в первый военный год, рассказывает о своих усилиях по поддержанию ее в работоспособном состоянии, сообщает о бытовых условиях, в которых приходилось трудиться коллективу. Труд В. Н. Румянцева получил высокую оценку. В числе других работников пищевой промышленности в ноябре 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР он был награжден орденом «Знак почета»¹⁹. В 1943 г. В. Н. Румянцев стал начальником Главного управления табачной и махорочной промышленности (Главтабак).

Письмо было обнаружено в фонде Р-5446 (Совет министров СССР) Государственного архива Российской Федерации среди материалов об эвакуации в июне — июле 1942 г. оборудования ленинградских пищевых предприятий²⁰. По заданию А. Н. Косыгина работу по демонтажу и вывозу станков и материалов, а также вербовку работников для пищевых предприятий СССР вел в Ленинграде заместитель наркома пищевой промышленности СССР Е. Н. Невский. Вероятно, именно он и передал письмо В. Н. Румянцева вместе с образцами продукции фабрики В. П. Зотову. Вместе с отчетами Невского о проделанной в Ленинграде работе этот документ поступил в секретариат В. П. Зотова (на письме имеется помета: «[Г. Б.] Кучерскому 11/VII»).

Машинописный документ приводится по микрофильмированной копии. Текст передан в соответствии с современными правилами орфографии.

г. Ленинград, 7/VII 1942 г.

Дорогой Василий Петрович,

прошел год с того дня, когда подлые фашистские банды напали на нашу замечательную социалистическую мать-родину.

Вся наша многомиллионная и многонациональная страна Советов поднялась на защиту своих прав, своей свободы и независимости и устами своего гениального полководца Великого СТАЛИНА поклялась отомстить диким варварам — разгромить и уничтожить мракобесов — фашистских захватчиков. И коллектив нашей фабрики не остался стоять в стороне, а принял самое активное и непосредственное участие в решении этой в высшей степени благородной задачи.

Считаю своим долгом в этом письме-отчете проинформировать Вас, как работала фабрика в течение года войны, над чем она работала и что ею в основном сделано.

К началу войны фабрика, как и вся табачная промышленность, как Вам известно, имела исключительно скучные запасы бумажных материалов. У нас на фабрике они исчислялись вместе с закладками УГР²¹ максимум на 12–15 дней полной работы.

С момента начала войны мы, несмотря на принятый целый ряд мер, буквально ни одного вагона ни с Шкловской²², ни с Малинской²³, ни с других бумажных фабрик²⁴ не получили. Естественно, что мы встали непосредственно перед угрозой в недалекой перспективе полной остановки фабрики из-за отсутствия гильзовых бобин и тем самым срыва плана поставок Армии и прекращения снабжения города папиросами, чего допустить ни в коем случае было нельзя.

С моей точки зрения оставался выход из создавшегося положения — это заставить (именно заставить) одну из бумажных фабрик Ленинграда немедленно приступить к освоению производства гильзовой бумаги, никогда ранее в Ленинграде не производившейся. Городским комитетом ВКП(б) это предложение было одобрено и принято соответствующее решение²⁵, обязывающее фабрику «ГОЗНАК»²⁶ освоить в сжатый срок гильзовую бумагу, что она и сделала. Таким образом, мы получили возможность продолжать работу и снаживать фронт и город папиросами.

К той же фабрике «ГОЗНАК» мы позднее обратились с настоятельной просьбой освоить производство мундштучной и пачечной бумаги, вследствие остановки бумажной фабрики им. М. Горького²⁷, и ввиду эвакуации фабрики «КОМСОМОЛЕЦ»²⁸, что ею было сделано и производство этих видов бумаги фабрикой «ГОЗНАК» было освоено. Выход из положения был найден.

В целях получения возможности, в связи с напряженным положением с сырьем, выпуска дополнительного количества папирос, фабрика вошла с предложением в Горком ВКП(б) об изменении длины и толщины курки папирос, т.е. оставить той же общую длину папирос, уменьшить длину курки на 5 мм, одновременно увеличив длину мундштука на те же 5 мм и вместо ширины гильзовой бумаги в 30 мм употреблять бумагу 28 мм, и вместо 27 мм бумаги употреблять бумагу шириной 25 мм (образцы я вручил сегодня зам[естителю] наркома тов[арищу] Невскому Е. Н.). Это предложение Горкомом было одобрено и принято соответствующее решение²⁹.

Это мероприятие дало возможность фабрике выпустить дополнительно десятки миллионов штук папирос и дать в бюджет страны миллионы дополнительных рублей.

Еще один момент остро лимитировал нашу работу. В связи с остановкой литографии³⁰ из-за отсутствия электроэнергии и топлива и прекращения производства на ней этикетов для укладки папирос и табака, мы решили использовать этикеты, имевшиеся в литографии для других фабрик однотипных марок — Выборгской и Московской, и переклишировали ручным способом, сделав клише у себя на фабрике, после чего они былипущены в производство.

Мы использовали также и используем до настоящего времени много миллионов этикетов, подходящих по формату, но другой марки, например, мы укладываем папиросы «БЕЛОМОРКАНАЛ» в этикеты «ДУШИСТЫЕ», на обратной стороне этикета вручную ставим клише «Беломорканал, цена 4 рубля».

Наряду с этим мы организовали у себя непосредственно печатание этикетов, необходимых для набойки различных сортов табака. Печатание производим ручным способом специально изготовленным силами фабрики клише на чистой предварительно нарезаемой в цехе бумаге (все эти образцы вручены Т. Невскому Е. Н.)*.

Сейчас мы изыскиваем возможность организации печатно-отделочного цеха на фабрике.

В конце декабря прошлого года, в связи с полным отсутствием электроэнергии и топлива**, фабрика вынуждена была приостановить свою работу и бездействовать около месяца³¹.

Для возобновления деятельности необходимо было достать во что бы то ни стало топливо, потом и электроэнергию, для чего, с одной стороны, мы приступили к приобретению и установке на фабрике дизеля, а вслед за этим получили от Ленэнерго минимум электроэнергии³². Получили на слом 2 деревянных дома, стали производить их разлом, и на своих плечах коллектив работающих носил и возил дрова на фабрику***.

Чтобы разогреть фабрику, нужно было проделать чрезвычайно большую работу, а для этого требовались квалифицированные паро- и водопроводчики, которых на фабрике в то время оставался только один человек, а значит — фабрику не разогреть до лета, а это надо было проделать буквально немедленно, так как фронту и городу были крайне нужны табачные изделия. Мы это дело исключительно ясно себе представляли. Надо было принять какие-то исключительные меры, и мы решили провести следующие мероприятия.

Я побывал на кораблях Краснознаменной Балтики, говорил с командирами кораблей и комиссарами «ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»³³, «КИРОВ»³⁴,

* Абзац отчеркнут сплошной вертикальной линией по левому краю.

** Здесь и далее воспроизводится подчеркивание, сделанное читателем документа.

*** Абзац отчеркнут сплошной вертикальной линией по левому краю.

«МОЛОТОВ»³⁵, «ЕРМАК»³⁶, «УРАЛ»³⁷, «ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА»³⁸ и т. д., стал просить у них помочи дать нам на временную работу паро- и водопроводчиков.

Горячо откликнулись балтийцы — с одного корабля было выделено 3 ч[еловека], с другого — 5 ч[еловек], с третьего — 7 ч[еловек] и т. д., набрали 60 ч[еловек] краснофлотцев-специалистов.

С большим трудом мы достали керосин, приобрели паяльные лампы и в короткий срок разогрели паропроводку, водопроводную и канализационную магистрали*.

Проведя эти мероприятия, мы получили возможность вновь приступить к работе, и этим самым обеспечивать фронт и город табачными изделиями.

Много регулировщиков было мобилизовано в Армию, а часть из оставшихся выбыла из строя, перед нами встал острый вопрос о необходимости подготовки новых кадров регулировщиков, для чего мы произвели набор ребят 16-ти и 17-ти лет, прикрепили их к регулировщикам и сейчас проводим их обучение.

За период с 1/1 по 30/VI с. г. фабрикой было изготовлено порядка 700 тонн табака и свыше 200 мил[лионов] штук папирос, причем в январе м[еся]це (период разогрева фабрики) производство табака начали с 150 кг, папирос с 20.000 шт. в день. Температура в то время еще в цехах была −8... −9° С.

Сейчас мы вырабатываем до 12–14 т табака и 6–7 мил[лионов] штук папирос в день. На этом несомненно не остановимся.

Сейчас произошла заминка в работе: запасы завезенного табака иссякли в третьей декаде июня с. г., новые табаки не прибыли**.

В Горкоме ВКП(б) тов. ЛАЗУТИН П. Г.³⁹ сообщил мне, что сейчас перебрасываются с того берега Ладожского озера скоропортящиеся продукты, а во 2-й декаде июля будет подан табак⁴⁰. По прибытии сырья мы будем энергично наверстывать упущенное.

Наряду с производством основной продукции — табака и папирос, мы считали необходимым энергично включиться в производство боеприпасов для фронта.

По заданию Горкома ВКП(б)⁴¹ фабрика в течение полутора месяцев освоила производство бронебойных 37-мм снарядов, кстати сказать, ранее в Ленинграде не производившихся, а потому никакого опыта по изготовлению названных снарядов не было.

Для решения этой задачи надо было разработать технологию производства. Надо было оснастить фабрику необходимым количеством станков, мерительным, режущим и контрольным инструментом, построить новое помещение для термической (обработки металлов. — Е. Т.), оснастке ее соответствующим оборудованием, набрать и обучить рабочие кадры, привлечь для работы соответствующие инж[енерно]-технические кадры, организовать контрольно-брекеровочный аппарат, организовать инструментальную, ремонтную, а позднее и штамповочную мастерские.

* Абзац отчеркнут сплошной вертикальной линией по левому краю.

** Абзац отчеркнут сплошной вертикальной линией по левому краю.

Все эти задачи фабрикой были успешно решены в полуторамесячный срок, и производство названных снарядов было освоено. Это производство мы ведем и до сегодняшнего дня.

Василий Петрович, Вы себе не представляете, сколько было волнений, и с каким величайшим напряжением мы ожидали результатов проверки нашей первой пробной партии на полигоне, и радости нашей не было границ, когда мы получили положительную оценку нашей продукции. Экзамен был выдержан.

Таким образом, став не только табачниками, но и боеприпасниками, мы прошли, наряду с развертыванием основного производства, также и по пути дальнейшего освоения новых образцов боеприпасов.

По своей инициативе фабрика взялась за решение задачи по освоению еще одного боеприпаса — мин для миномета МЧ-50 мм. Мы приобрели соответствующее оборудование, произвели его оснащение, освоили технологический процесс, и в настоящее время производство названного вида изделий с каждым днем возрастает — фронт получает эту продукцию также во все возрастающем количестве⁴².

Сделав это, энергично взялись за освоение по своей инициативе еще одного вида снарядов — ДСЧ-76, т. е. 3-дюймовых снарядов⁴³.

Также приобрели (легко произносится «приобрели» — много было трудностей) соответствующее оборудование, произвели его оснащение, освоили технологический процесс. 30/VI выпущена первая партия названных изделий, а этот боеприпас также исключительно нужен для фронта. С июля мы начнем планомерное производство этого вида изделия во все возрастающем количестве (образцы всех боеприпасов вручены т. Невскому Е. Н.).

Сейчас мы заканчиваем оборудование и вводим в эксплуатацию центральную аккумуляторную станцию, работа которой нужна не только для фабрики, но и для города, где мы можем производить зарядку большого количества аккумуляторов, остро необходимых в частности для автотранспорта.

Далее, в целях полного использования фабричных возможностей фабрика проявила инициативу и организовала на базе лаборатории, не полностью загруженной своей основной работой, — спеццех № 3, для работы в котором мы привлекли значительную группу работников специалистов, профессоров, химиков, лаборантов из Ленгосуниверситета, в количестве свыше 20 ч[еловек]⁴⁴ и организовали производство стрептоцида, необходимого для фронта и города, которого сейчас уже изготовили свыше 40 тыс. чел. — доз, производство антивишина из табачной пыли⁴⁵.

Сейчас уже освоили сульфазол и фенамин (сильное взбадривающее лечебное средство). Делали опыты, которые пока, правда, в лабораторном масштабе, но увенчались успехом — получена глюкоза из древесных опилок. Сейчас работаем над получением никотиновой кислоты, в которой ощущается острая потребность.

В целях спешной борьбы с свирепствовавшими цинготными заболеваниями организовали привоз на фабрику и ежедневную выдачу работающим на фабрике витамина «С» из хвои, в первую очередь больным, и наряду с этим, в целях изыскания дополнительных источников питания и борьбы с теми же цинготными заболеваниями, мы в одном из своих помещений — в 7-м этаже, без которого мы в производстве можем еще обойтись, организовали устройство огорода, состоящего из 24 гряд, общей площадью 350 кв/мтр, для чего покрыли полы 2-мя слоями толя, завезли и подняли наверх опилки, навоз и землю, сделали гряды и посадили лук, салат и другие культуры⁴⁶. К 1/V мы сумели в столовую дать первую партию зеленого лука.

Наряду с этим мы получили участок под огородное хозяйство в размере 28 га, произвели вспашку его и засеяли разными овощами⁴⁷.

В целях изыскания дополнительных источников питания, мы у себя организовали рыболовецкое хозяйство, приобрели лодки, отремонтировали и обоградили их, приобрели сети, из которых сделали невода, сделали один закол, приобрели ок[оло] 3-х десятков мереж.

Первые полтонны свежей рыбы уже выловили. Уверен в том, что это дело будет непрерывно расширяться и крепко поможет нам, как дополнительный источник питания.

В декабре м[еся]це мы организовали стационар⁴⁸ на 50 коек, который сыграл большую положительную роль — многих людей буквально поставил на ноги. Оборудовали столовую повышенного питания⁴⁹ на 300 мест, которая сыграла большую положительную роль.

В целях улучшения культурного обслуживания на фабрике, приобрели специальную кинопередвижку с громкоговорящей установкой (кино в городе в то время совершенно не работали из-за отсутствия электроэнергии), где систематически производится демонстрация картин для работающих на фабрике.

В целях улучшения бытового обслуживания работающих на фабрике организовали мастерские — портняжную, сапожную, кипяточную с правом выноса кипятку из фабрики⁵⁰, душевой павильон с еженедельным обязательным мытьем в нем всех работающих и парикмахерскую.

Кроме всех этих моментов, коллектив работающих на фабрике в количестве десятков тысяч человеко-дней участвовал в трудоборонных работах и внутри города, по очистке его от снега, нечистот, по сколке льда, по наведению чистоты и порядка в подшефных домохозяйствах и т. д., и т. п.

Дорогой Василий Петрович — всего в строках даже и обширного письма не скажешь. Могу Вам сказать, что многое пережито, многое весь коллектив фабрики работал, много трудностей преодолено. Духом никогда не падали, рук не опускали, перед трудностями не пасовали. Работали с величайшим напряжением и подъемом, и заверяю Вас, что и впредь будем делать все для того, чтобы приблизить день полного разгрома и уничтожения фашистских кровавых банд.

Я Вас очень прошу, Василий Петрович, передать мой искренний, сердечный привет и наилучшие пожелания нашему дорогому Анастасу Ивановичу МИКОЯНУ⁵¹.

С коммунистическим приветом, Ваш Румянцев В. Н.

-
- ¹ Берггольц О. Ф. Ленинградский дневник. Стихи и поэмы, 1941–1944. Л., 1944. С. 28.
- ² Павлов Д. В. Стойкость. М., 1983. С. 160.
- ³ Никулин Ю. В. Почти серьезно. М., 1979. С. 100.
- ⁴ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 8453. Оп. 7. Д. 225. Л. 173.
- ⁵ Там же. Д. 219. Л. 44.
- ⁶ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 1144. Оп. 3. Д. 1057. Л. 1.
- ⁷ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда, 1941–1944 гг. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Ч. 1: Июнь 1941 — март 1942 г. СПб., 2019. С. 464.
- ⁸ ЦГА СПб. Ф. 1144. Оп. 3. Д. 1014. Л. 13.
- ⁹ РГАЭ. Ф. 8543. Оп. 7. Д. 219. Л. 44.
- ¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р-5446. Оп. 43а. Д. 2765. Л. 8, 22.
- ¹¹ ЦГА СПб. Ф. 1144. Оп. 3. Д. 1014. Л. 1.
- ¹² Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 2в. Д. 6755. Л. 16.
- ¹³ Там же. Ф. 81. Оп. 2. Д. 39. Л. 19.
- ¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 1144. Оп. 3. Д. 1057. Л. 1.
- ¹⁵ Там же. Л. 52.
- ¹⁶ Смирнова О. Седьмой этаж // Ленинградская правда. 1941. 15 июля.
- ¹⁷ ЦГА СПб. Ф. 1144. Оп. 3. Д. 1057. Л. 25.
- ¹⁸ Там же. Л. 25, 53.
- ¹⁹ Славный отряд советских пищевиков // Правда. 1942. 19 ноября.
- ²⁰ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 43. Д. 514. Л. 1–5.
- ²¹ Имеется в виду Ленинградское территориальное управление государственных материальных резервов при СНК СССР. В довоенное время в задачи управления входили накопление и хранение хлебоффужных, продовольственных и промышленных товаров и сырья на территории Ленинграда, Ленинградской и Мурманской областей, Карело-Финской ССР. К началу войны оно имело в резерве 4240 т бумаги (газетной, печатной, писчей и пр.). См.: ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3с. Д. 43. Л. 28.
- ²² Шкловская фабрика («Спартак») была основана в 1890 г. в г. Шклов Могилевского уезда как картонная и оберточная фабрика. В 1908 г. была переоборудована для производства папиросной бумаги в бобинах. В годы Великой Отечественной войны была разрушена.
- ²³ Малинская фабрика была основана в 1871 г. в местечке Малин Радомысьльского уезда, выпускала писчую, папиросную и оберточную бумагу. В годы Великой Отечественной войны была разрушена; оккупационные власти до середины ноября 1943 г. предпринимали попытки запустить производство, однако восстановление фабрики началось уже после освобождения Малина советскими войсками, в 1944 г.
- ²⁴ Накануне войны табачные фабрики СССР использовали следующие виды бумаги: папиросный филигран (16 г/м²), выпускавшийся фабриками «Спартак», Малинской и Сла-

- вутской; курительная (25 и 28 г/м²), выпускавшаяся фабриками «Спартак», «Красный курсант», Кордяжской, Полянской; мундштучная (100 и 280 г/м²), выпускавшаяся фабриками им. М. Горького, «Пролеткульт», а также Окуловским бумажным комбинатом им. Ярославского. См.: Образцы бумаг культурных, промышленно-технических и торговых сортов, вырабатываемых бумфабриками СССР. Б. м., 1939.
- ²⁵ Решением БГК от 30 августа 1941 г. на директора фабрики «Гознак» П. М. Хмельнова возлагалась обязанность организовать для табачной фабрики им. Урицкого производство бумаги сорта «Филигран», отвечающего техническим требованиям и ОСТу, плотностью 17–18 г/м², со сдачей в сентябре 60 т. См.: Блокада в решениях... Ч. 1. С. 259.
- ²⁶ Ленинградская бумажная фабрика «Гознак» (ранее — Бумажная мануфактура при Экспедиции заготовления государственных бумаг) была учреждена в 1818 г. в составе Министерства финансов для изготовления государственных и гербовых бумаг, а также денежных знаков. После Октябрьской революции выпускала эмиссионные и документные бумаги, картографическую, чертежную и др. продукцию.
- ²⁷ Ленинградская бумажная фабрика № 1 им. Горького (ранее — Голодаевская) была построена в 1882 г. на о. Голодае (о. Декабристов) в Санкт-Петербурге. С началом Великой Отечественной войны продолжала работать по профилю своей деятельности; в декабре 1941 г. была переведена на сокращенную рабочую неделю с суточным лимитом отпуска электроэнергии 15 тыс. кВт/ч (ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2а. Д. 166. Л. 77). В список действующих предприятий Ленинграда, утвержденный постановлением Военного совета Ленинградского фронта 5 июля 1942 г. фабрика включена не была и подлежала временной консервации. См.: Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда, 1941–1944 гг. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Ч. 2: Март — декабрь 1942. СПб., 2020. С. 333–341.
- ²⁸ Писчебумажная фабрика «Комсомолец» (ранее — Крелевская) была основана в 1869 г. близ станции Антропшино близ г. Павловск под Санкт-Петербургом, в сентябре 1941 г. территория Слуцкого (с 1944 г. — Павловского) района была оккупирована немецко-фашистскими войсками, фабрика была разрушена.
- ²⁹ Решением бюро Ленинградского горкома ВКП(б) от 2 декабря 1941 г. ленинградским табачным фабрикам им. Урицкого и им. К. Цеткин разрешалось изменить формат папирос, по ширине гильзы на 2 мм и длине курки на 5 мм. См.: Блокада в решениях... Ч. 1. С. 464.
- ³⁰ Имеется в виду 1-я Художественная литография Картонающепрома Главснаба Наркомата пищевой промышленности СССР, которая специализировалась на печатании этикеток для табачной, парфюмерной, пищевкусовой промышленности (бывшая хромолитография Э. И. Маркуса, основанная в 1879 г.). Решением БГК от 13 июля 1942 г. в целях упорядочения издательской деятельности и разгрузки города от лишних производств литография была консервирована (Блокада в решениях... Ч. 2. С. 402).
- ³¹ 1 декабря 1941 г. Ленгорисполком и бюро горкома ВКП(б) приняли постановление о лимитах расходования донецкого топлива на декабрь, установив, чтобы выделенные лимиты (для фабрики им. Урицкого — всего 25 т) расходовались лишь на технологические нужды, и обязав директоров предприятий изыскать дополнительные ресурсы для целей отопления с передачей всех наличных запасов топлива в госрезервы (Блокада в решениях... Ч. 1. С. 463; ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2а. Д. 165. Л. 26). На фабрике им. Урицкого в качестве топлива зимой 1941/1942 г. использовались древесные остатки, промасленные тряпки и прочие отходы. За исчерпанием этих ресурсов фабрика остановилась и фактически бездействовала с конца декабря 1941 до марта 1942 г.
- ³² В соответствии с решением БГК от 16 марта 1942 г. руководство Ленэнерго обязывалось обеспечить фабрику электроэнергией в объеме 2200 кВт/ч для ежесуточного выпуска 7 т курительного табака и 6 млн папирос. См.: Блокада в решениях... Ч. 2. С. 26.
- ³³ Краснознаменный линейный корабль «Октябрьская революция» («Гангут») был заложен в Санкт-Петербурге на Адмиралтейском заводе в 1909 г., в 1914 г. вступил в состав Балтийского флота. После начала Великой Отечественной войны линкор был переведен в Кронштадт, а 22 октября 1941 г. — в Ленинград, где занял огневую позицию у Горного института.

- ³⁴ Краснознаменный крейсер «Киров» был заложен в Ленинграде на Балтийском заводе в 1935 г., в 1938 г. вступил в строй. Был самым быстроходным в мире кораблем своего класса. В годы Великой Отечественной войны крейсер участвовал в обороне Ленинграда; располагался у Горного института, после артобстрела в апреле 1942 г. — у моста Лейтенанта Шмидта.
- ³⁵ Возможно, имеется в виду ледокол «В. Молотов», заложенный в Ленинграде на Балтийском заводе в 1938 г., переоборудованный во вспомогательный крейсер и включенный в состав ПВО Ленинграда; располагался у моста Лейтенанта Шмидта.
- ³⁶ Ледокол арктического класса «Ермак» был построен на заводе в Ньюкасле и спущен на воду в 1898 г.; обеспечивал перевозки грузов в Арктике и на Балтике; в годы Первой мировой войны был зачислен в состав Балтийского флота, а в Великую Отечественную в составе особого отряда кораблей Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) проводил баржи с продовольствием, людьми, боеприпасами между Ленинградом и Кронштадтом. За ноябрь — декабрь 1941 г. ледокол провел по Морскому каналу свыше 100 транспортных судов; затем швартовался в Ленинграде напротив Петропавловской крепости.
- ³⁷ Судно было заложено в 1926 г. в Ленинграде на Судостроительной верфи как рефрижератор, спущено на воду под названием «Феликс Дзержинский», в 1940 г. было переоборудовано в минный заградитель, переименовано в «Урал» и введено в состав КБФ. В годы Великой Отечественной войны использовалось преимущественно в качестве плавбазы.
- ³⁸ Яхта «Полярная звезда» была заложена в Санкт-Петербурге на Балтийском заводе в 1888 г., в 1891 г. включена в состав Балтийского флота и причислена к судам Гвардейского экипажа; в июне 1917 г. зачислена в действующий флот Балтийского моря как военный корабль; переоборудована на Морском заводе в Кронштадте как плавбаза подводных лодок. В сентябре 1941 г. она была переведена в Ленинград, где заняла место у Дворцовой набережной напротив Эрмитажа.
- ³⁹ Лазутин Петр Георгиевич (1905–1950) — в 1941–1943 гг. секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) по пищевой промышленности, после упразднения должностей «отраслевых» секретарей в 1943 г. — заведующий отделом общественного питания, торговли и пищевой промышленности горкома ВКП(б), с 1944 г. — первый заместитель председателя Ленгорисполкома.
- ⁴⁰ С июля по декабрь 1942 г. фабрика получила всего лишь 271 т табаков, в связи с перебоями в поставках сырья она почти не работала в июле и в сентябре (ЦГА СПб. Ф. 1144. Оп. 3. Д. 1014. Л. 6).
- ⁴¹ Производственные задания по выпуску продукции (как специального назначения, так и профильной) ежемесячно определялись БГК. Так, на октябрь 1941 г. фабрике им. Урицкого было дано задание по выпуску бронебойно-трассирующих 37 мм снарядов в количестве 12 тыс. шт., на ноябрь 1941 г. — 12 тыс. шт., на декабрь 1941 и январь 1942 г. — по 10 тыс. штук (ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2а. Д. 157. Л. 7; Д. 161. Л. 47; Д. 164. Л. 91; Д. 166. Л. 118). Выпуск снарядов был прекращен в начале 1942 г. в связи с отсутствием электроэнергии и топлива, а в дальнейшем они были сняты с производства за неимением необходимой марки стали (ЦГА СПб. Ф. 1144. Оп. 3. Д. 1014. Л. 5).
- ⁴² Восстановление производства 76-мм осколочно-фугасных снарядов и артиллерийских мин 82-мм и 50-мм на ленинградских предприятиях былосанкционировано постановлением БГК 9 марта 1942 г. См.: Блокада в решениях... Ч. 1. С. 611–612. Этим же постановлением определялся перечень предприятий, которые должны были обеспечить выпуск. Однако фабрика им. Урицкого в него не входила. Табачники наладили производство 50-мм мин по собственной инициативе. Председатель исполкома Василеостровского райсовета А. Д. Кусков так описывал это в своих воспоминаниях: «Фабрика им. Урицкого, которая раньше изготавливала табачные изделия, папиросы, продолжала ту же работу, но, кроме того, начала изготавливать мины. Директор этой фабрики поставил вопрос так: Родина в опасности, мы окружены врагом, нужно изготавливать мины для обороны. Райсовет помог этой фабрике тем, что указал, где взять материалы, и они приспособили

- два цеха для изготовления мин» (*Кусков А. А. Воспоминания // Оборона Ленинграда. 1941–1944. Воспоминания и дневники участников. Л., 1968. С. 432–433*). В марте 1942 г. была изготовлена опытная партия 50-мм чугунных мин, с апреля 1942 г. выпуск стал регулярным, в течение 1942 г. 1-й механический цех фабрики произвел 69 880 мин (ЦГА СПб. Ф. 1144. Оп. 3. Д. 1014. Л. 5–6).
- ⁴³ Плановые задания по выпуску 76-мм осколочно-фугасных снарядов давались фабрике с августа 1942 г.: на август — 1 тыс. шт., сентябрь — 2 тыс., с октября по декабрь — по 3 тыс. шт. (Блокада в решениях... Ч. 2. С. 1221).
- ⁴⁴ В лаборатории фабрики трудились химики А. И. Якубчик, А. И. Умнова, С. А. Толкачев, Ю. К. Новодранов, Г. В. Пигулевский и др.
- ⁴⁵ Табачная и махорочная пыль традиционно использовались как средство для сухого опыливания при борьбе с вредителями огородных и садовых культур. См.: *Бондарович М. Я. Табачная пыль как инсектицид. Харьков, 1929*.
- ⁴⁶ В газете «Ленинградская правда» 15 июля 1942 г. была напечатана заметка под красноречивым названием «Седьмой этаж»: «По широкой светлой лестнице подниматься было легко, и скоро Владимир Никифорович стоял на самой верхней площадке. На двери висела дощечка: «Седьмой этаж. Подсобное хозяйство». Несколько месяцев назад в этом светлом, просторном помещении стояли старые станки. Кому первому пришла в голову мысль устроить здесь огород, — сейчас трудно сказать. Некоторые усмехались, но директору она пришла по душе <...> Цех освободили от старого оборудования. Толстым слоем толя, клебемассы, опилок покрыли пол., в мешках наносили земли, удобрений; сеяли, пикировали. На улицах города лежал снег, а на грядах нового, столь необычного для фабрики цеха пробивалась густая зеленая поросль. В мае рабочие уже получили первую продукцию «нового цеха» — салат и лук» (*Смирнова О. Седьмой этаж // Ленинградская правда. 1941. 15 июля*).
- ⁴⁷ Участок под огороды был выделен фабрике в Волковой деревне, в течение 1942 г. на нем удалось вырастить 294,2 т картофеля и овощей (ЦГА СПб. Ф. 1144. Оп. 3. Д. 1030. Л. 5).
- ⁴⁸ Решение об организации стационара для больных дистрофией (на 400 коек) было принято БГК 27 декабря 1941 г. В дальнейшем сеть лечебных стационаров была расширена, решения о контингентах стационаров ежемесячно принимались на суженных заседаниях Ленгорисполкома. Прием больных в лечебно-питательные стационары предписывалось прекратить с 25 апреля 1942 г. Взамен стационаров создавалась сеть столовых повышенного типа, где горожане питались без отрыва от производства. См.: *Твердюкова Е. Д. Работа лечебно-питательных стационаров в Ленинграде (январь — апрель 1942) // Genesis. 2020. № 11. С. 116–126*.
- ⁴⁹ Постановление об организации столовых повышенного типа для восстановления сил и здоровья истощенных граждан было принято БГК 21 апреля 1942 г. Для жителей Василеостровского района выделялось 6 тыс. пайков. Отбор в столовые и врачебный контроль над питанием и состоянием здоровья питающихся возлагались на медперсонал поликлиник и амбулаторий. См.: Блокада в решениях... Ч. 2. С. 138–139. 30 июля 1942 г. БГК вынесло решение о прекращении прикрепления к столовым повышенного типа. С апреля по август 1942 г. усиленным питанием были обеспечены более 260 тыс. человек (ЦГА СПб. Ф. 9156. Оп. 4. Д. 477. Л. 57).
- ⁵⁰ Согласно решению Ленгорисполкома от 6 декабря 1941 г., с 8 декабря 1941 г. во всех предприятиях общественного питания следовало организовать продажу кипятка для населения, в жилых домах для той же цели предписывалось поставить титаны или полевые кипятильники. Устанавливалась единая отпускная цена — 3 коп. за один литр кипятка. См.: ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1430. Л. 60. Таким образом, обеспечение кипятком работников фабрики избавляло их от необходимости приобретать его за плату.
- ⁵¹ Микоян Анастас Иванович (1895–1978) — в годы Великой Отечественной войны заместитель председателя СНК СССР, уполномоченный ГКО по вопросам снабжения Красной армии обозно-вещевым имуществом, продовольствием и горючим.

References

- BONDAROVICH M. YA. *Tabachnaia pyl' kak insektitsid* [Tobacco Dust as an Insecticide. In Russ.]. Kharkiv, 1929.
- PAVLOV D. V. *Stoikost'* [Persistence. In Russ.]. Moscow, 1983.
- TVERDYUKOVA E. D. *Rabota lechebno-pitatel'nykh statcionarov v Leningrade (ianvar' – aprel' 1942)* [Work of Medical and Nutritional Hospitals in Leningrad (January – April 1941). In Russ.]. In *Genesis*. 2020. No. 11, pp. 116–126.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Е. Д. Твердюкова. «...Став не только табачниками, но и боеприпасниками»: письмо директора ленинградской табачной фабрики им. Урицкого В. Н. Румянцева В. П. Зотову (7 июля 1942 г.) // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 213–226

Аннотация: Публикуемый документ является источником по истории работы 1-й Ленинградской табачной фабрики им. Урицкого — крупнейшего в СССР предприятия, проработавшего всю блокаду и снабжавшего папиросами и табаком население Ленинграда и защитников города. В чрезвычайных условиях войны и блокады курение нередко помогало человекуправляться с психоэмоциональными перегрузками, заглушать голод, приобретало определенный ритуальный смысл. В письме директора фабрики В. Н. Румянцева В. П. Зотову, уполномоченному А. И. Микояна по продовольственным вопросам, говорится о деятельности фабрики в первый год Великой Отечественной войны. Ее коллектив не только производил табачные изделия, изыскивая заменители дефицитного сырья, но и успешно осваивал выпуск новых видов продукции — боеприпасов и лечебных препаратов. Автор письма описывает свои усилия по поддержанию фабрики в работоспособном состоянии в условиях первой блокадной зимы, характеризует бытовые условия, в которых приходилось трудиться коллективу табачников.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ленинград, блокада, пищевая промышленность, табачная фабрика им. Урицкого, табак, боеприпасы.

FOR CITATION

E. D. Tverdyukova. “Becoming not only tobacco workers, but also ammunition manufacturers”: the letter from the director of the Leningrad Tobacco Factory named after Uritskiy V. N. Rumyantsev to the V. P. Zotov (7.7.1942) // Petersburg historical journal, no. 1, 2025, pp. 213–226

Abstract: The published document is a primary source on the history of the 1st Leningrad Tobacco Factory named after Uritsky. It was the largest enterprise in the USSR to operate during the siege of Leningrad, supplying the city's population and its defenders with cigarettes and tobacco. In the challenging conditions of war and blockade, smoking frequently served as means of coping with psycho-emotional distress, alleviating hunger, and acquiring a certain ritualistic significance. The factory's activities in the initial year of the Great Patriotic War are discussed by the factory director, V. N. Rumyantsev, in a letter to V. P. Zotov, A. I. Mikoyan's commissioner on food issues. The factory's staff, in their efforts to substitute scarce raw materials, not only produced tobacco products but also successfully mastered the production of ammunition and medicines. The author of the letter goes on to describe his efforts to maintain the factory's operational capacity during the first blockade winter, and characterizes the domestic characteristics of the workers.

Key words: Great Patriotic War, Leningrad, blockade, food industry, Tobacco Factory named after Uritsky, tobacco, ammunition.

Автор: Твердюкова, Елена Дмитриевна — д.и.н., проф., Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Tverdyukova, Elena Dmitrievna — Dr. in History, Professor, Institute of History, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

E-mail: e.tverdyukova@spbu.ru

ORCID: 0000-0003-4415-2279

А. В. Ушаков

Фрагменты из книги о нарвской торговле «новгородских гостей» Любека: сборы с товаров, вывозимых из Нарвы в период Ливонской войны*

«Новгородские гости» Любека (Nowgorodfahrer) наряду с «рижскими гостями» (Rigafahrer), «бергенскими гостями» (Bergenfahrer), «шоненскими гостями» (Schonenfahrer) и другими купеческими объединениями представляли собой торговую корпорацию, специализировавшуюся на конкретном европейском рынке. С началом Ливонской войны (1558–1583) коммерческая деятельность «новгородских гостей» переместилась из Новгорода, давшего название купеческому объединению, в Нарву, что позволило любечанам вести прямой товарообмен с русскими, минуя посредничество ливонских купцов¹. В 1560-е гг. любекская торговля в Нарве в значительной степени была осложнена Северной Семилетней войной (1563–1570), в которой Любек на стороне Дании противостоял Швеции². Несмотря на то что шведы на всем протяжении войны перманентно захватывали любекские торговые суда, торговля любечан в Нарве продолжалась³.

«Новгородские гости» вели коллективную коммерческую деятельность, и в интересах всех купцов корпорации занимались вопросами фрахта торговых

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 23-28-00954 «Нарва в торговой стратегии Любека в контексте трансформации механизмов русско-ганзейского товарообмена времен Ливонской войны (1558–1583)»; <https://rscf.ru/project/23-28-00954/>

судов, наймом солдат для обеспечения безопасности перевозимых грузов, выплатами жалования и арендой складов занимались фрахтовщики (*frachtherren*), они же организовывали погрузку и выгрузку товаров. В гавани Травемюнде у каждой из упомянутых выше купеческих корпораций была своя пристань с необходимыми постройками, и, соответственно, купцы на собственные средства поддерживали ее в надлежащем состоянии⁴. Расходы на содержание пристани, а также на другие коллективные траты покрывались за счет сборов со всех товаров, прибывавших в Травемюнде. В этой связи в фокусе настоящего исследования находятся денежные сборы, взимавшиеся с товаров, прибывавших из Нарвы во время Ливонской войны. Товарные списки с размерами денежных сборов можно найти в книге о нарвской торговле «новгородских гостей» Любека 1563–1577 гг.⁵, хранящейся в Архиве ганзейского города Любека (*Archiv der Hansestadt Lübeck*). В книге содержится четыре подобных списка: 1563, 1564, 1568 и 1577 гг. соответственно⁶. Списки не единообразны, в них различается количество товарных позиций, в связи с чем проследить изменение размера денежных сборов с некоторых товаров на протяжении 1560–1570 гг. не представляется возможным.

Первоначально следует рассмотреть товарный ассортимент нарвского экспорта, представленный в рассматриваемых списках, так как в XVI в. он значительно изменился по сравнению со средневековым периодом⁷. На первое место в числе экспортируемых из России товаров вышли говяжье сало (*talg, talig, talich*), перевозившееся в бочках (*vat, fadt*)⁸ и бочонках (*pipe*)⁹, лен, перевозившийся в упаковках (*packe*) с определенным количеством связок (*bunt, bunde*) внутри, и пенька (*henp, hennip*), также перевозившаяся в связках. Кроме перечисленных товаров, во всех четырех списках можно найти воск (*was, waßes*)¹⁰, основной единицей измерения которого выступал колокол (*klocke*) и реже кусок (*stucke*)¹¹, ворвань (*tran, tranß*), измерявшаяся ластами или бочками, кожа (*leder, ledder*), юфть (*juffte, juchte*), красные шкуры (*rode hude*), говяжьи шкуры (*kalfelle*), измерявшиеся штуками, десятками (*deke, decker*) и упаковками, а также пушнина (*warck, pelcen, grauwerk*), чье количество в товарных списках обозначено бочками¹². Во всех списках, кроме списка 1563 г., упоминаются лосинные шкуры (*elendes hude, ellendeshude*). В списках 1568 и 1577 гг. присутствуют белые говяжьи шкуры (*wit / wytte kalfelle*) и красные говяжьи шкуры (*rode kalfelle*). Единожды в списке 1568 г., самом подробном из четырех, можно встретить сливочное масло (*botter*), измерявшееся в ластах, состоявших из 12 бочек¹³, а также металлы шведского происхождения — чугун (*osemunt, osemundes*)¹⁴ и брусковое железо (*staffibern*)¹⁵. Примечательно, что в книге о нарвской торговле не содержится сведений о вывозе брускового железа из Нарвы, но он, очевидно, предполагался. Особое место в товарных списках 1564 и 1568 гг. занимают бочки без указания товара, в них находившегося (*tonnengut, tonnen gudtt*). Последнее, о чём важно упомянуть при определении товарного ассортимента нарвского экспорта на основе товарных списков «новгородских гостей», это шерсть. В списке 1563 г. можно обнаружить денежный

сбор с мешка шерсти или волоса (*wul offte har sack*). Однако в списках 1568 и 1577 гг. используется термин *bucke*, под которым, по всей видимости, стоит понимать овечью или козью шерсть¹⁶, которая вывозилась в упаковках и десятках. Кроме того, стоит обратить внимание на товары, которые отсутствуют в рассматриваемых списках, однако они вывозились из Нарвы в период Ливонской войны, о чем можно найти свидетельства в книге о нарвской торговле «новгородских гостей». К ним относилась веревочная пряжа (*kabbelgarne*)¹⁷, свиная щетина (*swin har, swes borste*)¹⁸ и рукавицы (*hanBeken*)¹⁹.

Для наглядности данные о размерах денежных сборов, взимавшихся с товаров, прибывавших из Нарвы в 1560–1570-е гг., были сведены в таблицу. Соответственно, размер денежных сборов в источнике мог быть представлен в марках или шиллингах, крайне редко — в пфеннигах. Для удобства анализа все указанные в таблице денежные суммы были переведены в шиллинги.

Размеры денежных сборов с товаров, вывозимых из Нарвы в Любек в 1560–1570 гг.

Товар	1563	1564	1568	1577
Воск	8	12	16	12
Лен	4 ²⁰	6	6	6
Пенька	10	16	16	0,5 ²¹
Сало (бочки)	3	6	6	4
Сало (бочонки)	—	4	4	4
Ворвань (ласт)	8	16	20	—
Ворвань (бочки)	—	3	—	1
Сливочное масло	—	—	10	—
Пушнина	12	16	32	10
Кожа	4	6	8	6
Юфть	6	8	12	6
Красные шкуры	6	6	16	8
Говяжьи шкуры	3	4	4	—
Белые говяжьи шкуры ²²	—	—	6	5
Красные говяжьи шкуры ²³	—	—	—	3
Лосинные шкуры	—	8	12	8
Шерсть (мешок)	2	—	—	—
Шерсть (упаковка)	—	—	16	5
Чугун	—	—	6	—
Брусковое железо	—	—	6	—
Tonnengut (ласт)	—	12	12	—

Исходя из представленной таблицы, стоит обратить внимание на то, что на протяжении 1560-х гг. наблюдается увеличение размеров денежных сборов по большинству товарных позиций. Сборы со льна и лосинных шкур выросли

в 1,5 раза; на воск, сало, ворвань, пеньку, кожу и юфть, т. е. основные, помимо льна, товары нарвского экспорта — в два раза; на красные шкуры — более чем в 2,5 раза; на пушнину — почти в 3 раза. Не изменились или почти не изменились в рассматриваемый период денежные сборы на говяжьи шкуры, красные говяжьи шкуры и на бочки без указания товара, в них находившегося. При этом, соответственно, невозможно проследить изменение размера денежных сборов с товаров, представленных в одном из четырех исследуемых списков, таких как чугун и брусковое железо. При этом после завершения Северной Семилетней войны, уже к концу 1570-х гг. наблюдается снижение внутренних корпоративных пошлин. По некоторым товарным позициям размер денежных сборов вернулся или приблизился к значениям 1563 г. Особенно заметно снизились сборы с вывозимой из Нарвы пушниной — более чем в 3 раза.

Таким образом, можно проследить устойчивую корреляцию: на всем протяжении Северной Семилетней войны росли денежные сборы с прибывавших из Нарвы товаров, шедшие на поддержание пристани в гавани Травемюнде и на иные коллективные расходы корпорации «новгородских гостей» Любека. Чем конкретно обусловлен этот рост — на сегодняшний день неясно. Сложно объяснить и снижение денежных сборов в конце 1570-х гг., так как, несмотря на завершение Северной Семилетней войны, любекская торговля в Нарве, перешедшей под шведский контроль, была сопряжена с рядом трудностей²⁴. Дальнейшее исследование рукописных источников, посвященных коммерческой деятельности «новгородских гостей» Любека в Ливонии второй половины XVI в., позволит пролить свет на оставленные без ответа вопросы. Кроме того, обращение к рассматриваемым товарным спискам представляется важным при изучении прибыльности любекской торговли в Нарве времен Ливонской войны.

Текст передан согласно правилам, принятым историками для публикации немецких источников позднего Средневековья и раннего Нового времени. Не написанные, но предполагаемые буквы при наличии тильды указаны в круглых скобках. Концы строк не обозначены ввиду того, что каждая очередная товарная единица указана с новой строки. Зачастую от товарной единицы к денежной сумме ведет ряд точек или горизонтальная черта соответствующей длины, однако при передаче текста это не отражено. Денежные номиналы в рукописи обозначены символами, что сохранено при передаче текста следующим образом: μ — марки, β — шиллинги, \varnothing — пфенниги.

№ 1

Список денежных сборов с товаров, вывозившихся из Нарвы. 4 октября 1563 г.

1 warck vat	12 β
1 klocke waß	8 β
1 pack fflaß	4 β
60 bunde fflaß	4 β
1 vat talges	3 β *
1 pack jufften	6 β
1 pack rode hude	6 β
1 pack ledder	4 β
100 deke kalfelle	3 β
1 wul offte har sack	2 β
1 last hennip	10 β
1 last tranß	8** β

Novgorodfahrerkompanie, no. 16, fol. 12v.

* Справа от списка содержится следующее уточнение: Ander gutd na | advenante der | wer de
unde der | stuckke.

** Следы исправлений.

№ 2

Список денежных сборов с товаров, вывозившихся из Нарвы. 1564 г.*

1 klocke waßes	giffth**	12 β
1 warck fath	gifft	16 β
1 packe leders	gifft	μ 0–6 ²⁵
1 packe kalff(elle)	gifft	μ ²⁶ 4 β
1 packe flaß	gifft	μ 0–6–
1 packe jufften	gifft	μ 0–8–
1 packe rode hude	gifft	μ 0–6
1 last henp	gifft	μ 1–0–
1 last tran	gifft	μ 1 μ***
1 tallich vath	gifft	μ 0–6–
1 pipe talig	gifft	μ 0–4
1 last t(onnen) guth drog(en)	giffth	μ 0–12
1 pack elendes hud(e)	gifft	μ 0–8–
1 drog(e) tran vatt	gifft	μ 0–3 β

Novgorodfahrerkompanie, no. 16, fol. 31v.

№ 3

Список денежных сборов с товаров, вывозившихся из Нарвы.
28 ноября 1568 г.

van den klocke waßes	μ 1–0–
van 1 warck vate	μ 2–0–
enn boreven oft bogaten tran vat	μ 0–8–
enn packen ledders	μ 0–8–
enn packen vlaß van 60 bunden	μ 0–6–
enn packen rode hude, 100 deck	μ 1–0–
enn packen jufften va(n) 20 deck	μ 0–12–
enn pack elendes hude van 50**** (stuck)	μ 0–12–
enn pack bucke van 50 deck	μ 1–0–

* Список приведен после крупного фрагмента, повествующего о торговле «новгородских гостей» в Нарве в 1564 г. (*Novgorodfahrerkompanie*, no. 16, fol. 21r.–31v.), однако написан другим почерком и какие-либо пояснения к нему отсутствуют в отличие от предыдущего и последующего списков. В верхней части страницы, как и на всем протяжении указанного фрагмента присутствует оригинальная датировка: 1·5||6·4. Несколько последующих записей в книге также относятся к 1564 г. (*Novgorodfahrerkompanie*, no. 16, fol. 32r.–33r.). В этой связи и сам товарный список был отнесен к 1564 г.

** Следы исправлений.

*** Написано над строкой. Первоначально написано 16, очевидно, подразумевалось количество шиллингов, которое затем было зачеркнуто.

**** Написано над строкой. Первоначально написанное количество десятков старателено зачеркнуто. Возможно, 80.

enne packe kalffele, 100 deck	μ 0-4-
enne packe witkalfel, 100 deck	μ 0-6*-
enn decker wit kalf(ele) loß	μ 0-0-1 §
thwe decke rode kalf(ele) loß	μ 0-0-1 §
enn last hemp is 48 bundt	μ 1-0-0-
enn vat talich gifft	μ 0-6-0-
enn pipe talich gifft	μ 0-4-
enne last tran gifft	μ 1-4-
enn last tonnen gudtt	μ 0-12-
enn last oßemundes	μ 0-6-
enn last staffiüberen**	μ 0-6-
enn last botter, 12 t(onnen)	μ 0-10

Novgorodfahrerkompanie, no. 16, fol. 34v.

№ 4

Список денежных сборов с товаров, вывозившихся из Нарвы. 29 августа 1577 г.

1 stücke edder klocke wasses gyfft	12 β 0 §
1 warck fadt gyfft	10 β 0 §
1 tran ffadt mit pelcery gyfft	6 β 0 §
1 pack ledder sall geven	6 β 0 §
1 pack flasses sall geven	6 β 0 §
1 pack roede hude gyfft	8 β 0 §
1 pack jufftern gyfft	6 β 0 §
1 pack ellendeshude gyfft	8 β 0 §
1 pack bucke gyfft	5 β 0 §
1 pack rode kalfelle gyfft	3 β 0 §
1 pack wytte kalfelle gyfft	5 β 0 §
1 fadt trans gyfft	1 β 0 §
1 fadt unde pipe talliges gyfft	4 β 0 §
1 bunt heneppes gyfft	0 β 6 §

Novgorodfahrerkompanie, no. 16, fol. 64r.

* Следы исправлений.

** Далее над строкой: 12 schip(punt).

¹ Attman A. The Russian market in world trade, 1500–1860 // Scandinavian Economic History Review. 1981. Vol. 29, iss. 3. S. 178.

- ² Политическая составляющая Северной Семилетней войны хорошо раскрыта в монографии Р. Фроста (*Frost R. I. The Northern Wars. War, State and Society in Northeastern Europe, 1558–1721*. Harlow: Pearson Education, 2000. P. 29–42). Роль Любека в войне представлена в монографии К. Фритца и Г. Краузе (*Fritze K., Krause G. Seekriege der Hanse*. Berlin: Militärverlag der Deutschen Demokratischen Republik, 1989. S. 198–218).
- ³ В 1564 г. шведы захватили 16 любекских судов, направлявшихся из Нарвы в Любек (*Fritze K., Krause G. Seekriege der Hanse*. S. 207). Годом позднее – 32 судна (*Dollinger P. Die Hanse*. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 2012. S. 444). В 1568 г. во время плавания в Нарву было захвачено 8 кораблей (*Köhler M. Die Narvafahrt: Mittel- und westeuropäischer Rußhandel*. Hamburg: Kovač, 2000. S. 79). К слову, шведы атаковали не только любекские, но и западноевропейские торговые суда, принадлежавшие англичанам, голландцам и французам (*Attman A. The Struggle for Baltic Markets. Powers in Conflict (1558–1618)*. Göteborg, 1979. P. 61).
- ⁴ *Siewert F. Geschichte und Urkunden der Rigafahrer in Lübeck im 16. und 17. Jahrhundert*. Berlin: Verlag von Pass und Garleb, 1897. S. 59–67.
- ⁵ Archiv der Hansestadt Lübeck. Privat Archiv. Novgorodfahrerkompanie (05.1–1.03) (далее – Novgorodfahrerkompanie), no. 16.
- ⁶ Novgorodfahrerkompanie, no. 16, fol. 12v., fol. 31v., fol. 34v., fol. 64r.
- ⁷ *Angermann N. Deutsche Kaufleute in Nowgorod im 16. und 17. Jahrhundert // Nowgorod. Markt und Kontor der Hanse / Hrsg. N. Angermann, K. Friedland*. Köln: Böhlau Verlag, 2002. S. 97.
- ⁸ Кроме того, сало перевозилось в бочках, именовавшихся tonne, или tunne (Novgorodfahrerkompanie, no. 16, fol. 38г. и др.). Однако в рассматриваемых товарных списках в качестве единицы упаковки сала используется исключительно vat.
- ⁹ По словам Х. Виттхёфта, *pipe* представлял собой особый вид бочек (*Witthöft H. Umrisse einer historischen Metrologie zum Nutzen der wirtschafts- und sozialgeschichtlichen Forschung. Maß und Gewicht in Stadt und Land Lüneburg, im Hanseraum und im Kurfürstentum/Königreich Hannover vom 13. bis zum 19. Jahrhundert*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1979. S. 339). Т. Вольф уточнял, что *pipe* – это деревянный ящик, похожий на бочку (*Wolf T. Tragfähigkeiten, Ladungen und Maße im Schiffsverkehr der Hanse: vornehmlich im Spiegel Revaler Quellen*. Köln: Böhlau Verlag, 1986. S. 37).
- ¹⁰ Во второй половине XVI в. экспортное значение русского воска заметно снизилось, что М. Кёлер объяснял последствиями Реформации в Германии (*Köhler M. Die Narvafahrt*. S. 126). Спрос на русский воск в Любеке окончательно снизился в XVII в. (*Harder E. Seehandel zwischen Lübeck und Rußland im 18. Jahrhundert nach Zollbüchern der Novgorodfahrer (Ersten Teil) // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde*. 1961. Bd. 41. S. 92; *Attman A. The Russian and Polish Markets in international trade. 1500–1650*. Göteborg, 1973. P. 81).
- ¹¹ О кусках и колоколах воска смотрите в монографии Ф. Зиверта (*Siewert F. Geschichte und Urkunden der Rigafahrer*. S. 194).
- ¹² Однако из других фрагментов книги о нарвской торговле «новгородских гостей» Любека следует, что пушнина могла вывозиться в тюках (bulth), небольших тюках (klen bulth) и мешках (sack) (Novgorodfahrerkompanie, no. 16, fol. 41г.).
- ¹³ Примечательно, что, несмотря на это, сливочное масло перевозилось в половинных бочонках (halve pipe), о чем можно узнать из записей в книге о нарвской торговле «новгородских гостей» Любека за 1569 г. (Novgorodfahrerkompanie, no. 16, fol. 40v., 42v.).
- ¹⁴ Ф. Доллинже называл osemund лучшим сортом железа, вывозившегося из Швеции (*Dollinger P. Die Hanse*. S. 551), при этом Х. Виттхёфт указывал на то, что это являлось именно чугуном (*Witthöft H. Umrisse*. S. 377).
- ¹⁵ Денежные сборы предполагалось взимать с каждого ласта чугуна и брускового железа, причем в товарном списке содержится указание, что ласт брускового железа состоял из 12 шифунктов.

- ¹⁶ Ф. Брунс переводил термин *bucke* на современный немецкий язык как *Bockfelle* (*Brunns F. Die lübeckischen Pfundzollbücher von 1492–1496 // Hansische Geschichtsblätter*. 1908. Bd. 35. S. 388). При этом нем. *Bock* можно перевести и как баран, и как козел.
- ¹⁷ Конопляная пряжа, подготавливавшаяся для последующего изготовления веревок и канатов (*Stieda W. Kabelgarn und Steine, zwei Revaler Ausfuhr-Artikel // Beiträge zur Kunde Ets-, Liv- und Kurlands*. 1912. Bd. 7. S. 153–166). Сведения о вывозе веревочной пряжи из Нарвы содержатся в книге о нарвской торговле «новгородских гостей» Любека в записях за 1569 г. (*Novgorodfahrerkompanie*, no. 16, fol. 41v.).
- ¹⁸ Сведения о вывозе свиной щетины из Нарвы содержатся в книге о нарвской торговле «новгородских гостей» Любека в записях за 1568 и 1569 гг. (*Novgorodfahrerkompanie*, no. 16, fol. 38v., 41v.). Упоминания свиной щетины можно найти среди товаров, экспортавшихся из России в XVII–XVIII вв. (*Harder E. Seehandel zwischen Lübeck und Rußland im 18. Jahrhundert*. S. 94).
- ¹⁹ Сведения о вывозе рукавиц из Нарвы содержатся в книге о нарвской торговле «новгородских гостей» Любека в записях за 1569 г. (*Novgorodfahrerkompanie*, no. 16, fol. 41r.). Вызовившиеся из Ливонии рукавицы имели русское происхождение (*Attman A. The Russian and Polish Markets in international trade*. P. 36, 38).
- ²⁰ В списке 1563 г. предполагался равный денежный сбор с 1 упаковки, или 60 связок льна, который составлял 4 шиллинга.
- ²¹ В списке 1577 г. предполагалось взимать 6 пфеннигов за каждую связку пеньки, тогда как ранее денежный сбор взимался с каждого ласта пеньки, что, конечно, затрудняет анализ. С определенной степенью вероятности можно предположить, что с каждого ласта пеньки, состоявшего из 48 связок, предусматривалось взимать 24 шиллинга, однако в размерах денежных сборов не всегда наблюдается подобная корреляция. По справедливому замечанию Х. Виттхёфта, данные о выплате пошлин за определенные меры товаров не всегда позволяют выявить весовое соотношение между ними, однако дают определенное представление об этом (*Witthöft H. Umrisse*. S. 190).
- ²² В списке 1568 г., помимо денежного сбора с каждой упаковки белых говяжьих шкур, предполагался также сбор с каждого десятка неупакованных белых говяжьих шкур, который составлял 1 пфенning.
- ²³ В списке 1568 г. предполагался денежный сбор с каждого двух десятков неупакованных красных говяжьих шкур, который составлял 1 пфенning.
- ²⁴ В Архиве ганзейского города Любека хранится жалоба «новгородских гостей» на трудности, связанные с коммерческой деятельностью в Ревеле, Нарве, Дерпите и Пскове в конце XVI в. (*Novgorodfahrerkompanie*, no. 156). Документ датируется 1598 г., и трудностям любекской торговли в Нарве в нем посвящено 6 пунктов из 24.
- ²⁵ Обозначение денежной единицы отсутствует. Очевидно, имеются в виду шиллинги.
- ²⁶ Количество марок не указано, но, исходя из логики рассматриваемых документов, оно и не должно быть указано в этом случае.

References

- ANGERMANN N. Deutsche Kaufleute in Nowgorod im 16. und 17. Jahrhundert. In *Nowgorod. Markt und Kontor der Hanse / Hrsg. N. Angermann, K. Friedland*. Köln: Böhlau Verlag, 2002. S. 97–116.
- ATTMAN A. *The Russian and Polish Markets in international trade. 1500–1650*. Göteborg, 1973.
- ATTMAN A. *The Russian market in world trade, 1500–1860*. In *Scandinavian Economic History Review*. 1981. Vol. 29, iss. 3, pp. 177–202.
- ATTMAN A. *The Struggle for Baltic Markets. Powers in Conflickt (1558–1618)*. Göteborg, 1979.
- DOLLINGER P. *Die Hanse*. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 2012.

FRITZE K., KRAUSE G. *Seekriege der Hanse*. Berlin: Militärverlag der Deutschen Demokratischen Republik, 1989.

FROST R.I. *The Northern Wars. War, State and Society in Northeastern Europe, 1558–1721*. Harlow: Pearson Education, 2000.

HARDER E. Seehandel zwischen Lübeck und Rußland im 18. Jahrhundert nach Zollbüchern der Novgorodfahrer (Ersten Teil). In *Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde*. 1961. Bd. 41. S. 43–114.

KÖHLER M. *Die Narvafahrt: Mittel- und westeuropäischer Rufshandel*. Hamburg, Kovač, 2000. 173 s.

WITTHÖFT H. *Umrisse einer historischen Metrologie zum Nutzen der wirtschafts- und sozialgeschichtlichen Forschung. Maß und Gewicht in Stadt und Land Lüneburg, im Hanseraum und im Kurfürstentum/Königreich Hannover vom 13. bis zum 19. Jahrhundert*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1979.

WOLF T. *Tragfähigkeiten, Ladungen und Maße im Schiffsverkehr der Hanse: vornehmlich im Spiegel Revaler Quellen*. Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1986. (Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte; Bd. 31).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. В. Ушаков. Фрагменты из книги о нарвской торговле «новгородских гостей» Любека: сборы с товаров, вывозимых из Нарвы в период Ливонской войны // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 227–237

Аннотация: В статье рассмотрены фрагменты из рукописной купеческой книги, хранящейся в архиве специализированного купеческого объединения «новгородских гостей», являющегося одним из фондов Архива ганзейского города Любека. Книга повествует о коммерческой деятельности торговой корпорации в Нарве в период Ливонской войны, а именно в ней можно найти сведения за 1563–1577 гг. В фокусе исследования находятся товарные списки 1563, 1564, 1568 и 1577 гг. с размерами внутренних сборов, взимавшихся со всех товаров, прибывавших в Любек из Нарвы. Полученные от купцов деньги шли на организацию коллективной коммерческой деятельности всего торгового объединения: поддержание складов и пристани в надлежащем состоянии, фрахт купеческих судов, выплату жалования шкиперам, наемникам, писцам и слугам, а также на многие другие расходы. На основании данных списков проанализирован товарный ассортимент, характерный для нарвского экспорта времен Ливонской войны, а также была выявлена корреляция между изменением размера взимаемых с указанных товаров и политической обстановкой в Балтийском регионе. В приложении к статье представлены транскрипции исследуемых товарных списков.

Ключевые слова: «новгородские гости» Любека, Ганзейский союз, ганзейская торговля, Нарва, Ливонская война, Любек, купеческие корпорации, купеческие книги.

FOR CITATION

A. V. Ushakov. Fragments from the book about the Narva trade *Nowgorodfahrer* from Lübeck: Fees on goods exported from Narva during the Livonian War // Petersburg historical journal, no. 1, 2025, pp. 227–237

Abstract: The article under scrutiny herein examines fragments from a handwritten merchant's book stored in the archive of the *Nowgorodfahrer* merchant association, which is one of the funds of the Archive of the Hanseatic city of Lübeck. The book chronicles the commercial activities of a trading corporation in Narva during the Livonian War, providing insights spanning the years 1563 to 1577. The study focuses on the commodity lists for 1563, 1564, 1568 and 1577, which detail the internal charges applied to all goods arriving from Narva in Lübeck. The financial proceeds received from these merchants were allocated towards the organisation of collective commercial activities on behalf of the entire trade association. These activities included the maintenance of warehouses and wharves, the chartering of merchant ships, the remuneration of seafarers, mercenaries, scribes and servants, and the settlement of numerous other expenses. Utilising these records, an analysis was conducted of the product range that was characteristic of Narva exports during the Livonian War. Furthermore, a correlation was identified between fluctuations in the amount charged for

these goods and the prevailing political situation in the Baltic region. The appendix to the article presents transcriptions of the studied product lists.

Key words: *Nowgorodfahrer* from Lübeck, Hanseatic League, hanseatic trade, Narva, Livonian War, Lubeck, merchant corporations, merchant books.

Автор: Ушаков, Артем Владимирович — младший научный сотрудник НИЦ, старший преподаватель кафедры всемирной истории и международных отношений НовГУ им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия).

Author: Ushakov, Artem Vladimirovich — Junior Research Assistant, Head Teacher of the Department of World History and International Relations of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia).

E-mail: demiardo13@gmail.com.

С. Н. Искюль

Рецензия на коллективную монографию:

Kandakou D., Stroev A. Les Russes à Paris au XVIIIe siècle sous l'oeil de la police. Paris: L'Harmattan, 2024. 736 p.

На обороте обложки этой коллективной монографии помещена аннотация, из которой читатель узнает, что на протяжении XVIII в. в Париж приезжали и обретались в нем сотни русских, что среди них были аристократы и дипломаты, писатели, ученые и живописцы, франкмасоны и искатели приключений. Русские нередко бывали у великих просветителей, таких как Д. Дидро и Ж.-Ж. Руссо, посещали Ж. Л. д'Аламбера и Ж.-Ф. Мармонтеля, переписывались с Вольтером. Все это не ускользало от всевидящего ока полиции, а ее донесения, отложившиеся в архивах, предоставляют в распоряжение исследователей и писателей живописные повествования, достойные авантюрных, а то и комедийных романов. Полицейские отчеты приоткрывают тайны русских посетителей парижских салонов, театров и публичных домов, их светских отношений, развлечений и любовных связей. Более того, авторы-составители внушительного по своим размерам тома раскрывают перед читателем «эволюцию методов сыска» парижских полицейских разного ранга на протяжении всего века Просвещения.

Авторы и составители рецензируемого сочинения — Денис Кондаков, специалист в области французской литературы и компаративистики, до недавнего времени декан факультета гуманитарных наук в Государственном университете Полоцка (Беларусь), а ныне преподаватель Университета Новая Сорbonna (l'Université Sorbonne Nouvelle), автор книг и статей, среди которых «“Maître

en l'art de plaire” ou “bel esprit”? Le Comte Andrei Chouvalov vu par la police et le beau monde de Paris en 1777–1781», и Александр Строев, профессор общего и сравнительного литературоведения Новой Сорбонны, автор многих исследований, в том числе книг о тех, «кто поправляет фортуну» (*Les Aventuriers des Lumières*. Paris: PUF, 1997) и как продолжение темы книги, но уже в переводе на русский: «Те, кто поправляет фортуну». Авантуристы Просвещения (М.: НЛО, 1998, 2-е изд.: 2023), а также и других, включая и многочисленные статьи.

Документы, вошедшие в состав тома, были выявлены в процессе фронтального просмотра дел Архива Министерства иностранных дел, а также Отдела рукописей Национальной библиотеки Франции и Рукописного отдела Библиотеки Арсенала, которым были заняты студенты Новой Сорбонны. Это произошло уже после того, как в общих чертах стало ясно, сколь великим мог быть объем такого рода документации. Один только фонд документов по надзору за иностранцами за 1771–1791 гг. насчитывает 94 тома архивных единиц. К этому прибавляются еще и рукописи из фонда «*Mémoires et documents*», а также документы из архива Бастилии, хранящиеся в библиотеке Арсенала. Это что касается документов, как подлинных, так и отложившихся в копиях, но авторами-составителями к делу были привлечены и публикации, подготовленные в разное время, что называется, по горячим следам, с началом Революции (р. 9–10 и далее).

Но основное содержание этой книги составляют все-таки полицейские отчеты с 14 июня 1729 по 12 ноября 1791 г., к великому сожалению, не за все годы, есть и лакуны: 1729–1731, 1740–1744, 1746–1748, 1760–1768, 1770, 1778–1791 гг. Тем не менее некоторые из полицейских дел достаточно протяженные, как, например, дело за 1761–1763 гг., в котором оказался так или иначе замешанным Сергей Алексеевич Пушкин (ок. 1737 – 1795), тот самый, что собирался посетить с визитом Вольтера в Фернене, но не доехал, ибо проигрался и оказался в своих похождениях весьма нечист на руку (см. об этой истории: р. 25–31); характерно, что, в конце концов, по возвращении в Россию, согласно указу Сената, был отправлен в Соловки, ибо был весьма причастен к изготовлению фальшивых бумажек. Впрочем, столь же протяженных дел среди отчетов о результатах полицейского надзора не оказывается.

Книга открывается большой статьей, в которой авторы много внимания уделяют не только содержанию публикуемых ими документов, но и, что весьма важно, раскрытию темы истории полицейского наблюдения и сыска в Париже применительно к русским в царствования двух последних королей, правивших в XVIII в., анализу русского сословного присутствия во французской столице и многообразию интересов отдельных его представителей. Это представляется весьма и весьма важным, если иметь в виду, что история полицейского наблюдения и сыска — тема специфическая и без обращения к специальной литературе здесь не обойтись, надо отдать должное — авторы-составители в полной мере ориентируются в ней.

При обращении к истории полицейского наблюдения и сыска авторы приходят к выводу о том, что вообще иностранцы оказываются в поле зрения парижской администрации довольно давно. Русские появляются в Париже гораздо позднее, но еще в начале XV в. домовладельцы, сдававшие комнаты жильцам, обязаны были в присутствии самого парижского прево сообщить точные данные о том, кому именно они сданы. Эта практика, обернувшаяся на протяжении второй половины XVIII в. своего рода квартирным надзором, распространилась и на эпоху Революции, и даже далее. Примечателен факт, что еще в 1611 г. полицейские правила предписывали комиссарам Шаттле разыскивать и обнаруживать вновь поселившихся, а также постоянно следить за таковыми во всех районах столицы. Учреждение общего надзора за иностранцами как одной из функций полиции восходит к первому десятилетию правления Людовика XIV, но со временем возникает и практикуется наблюдение за иностранцами в интересах безопасности государства. Оба эти направления деятельности полиции сосуществуют вполне независимо друг от друга. Причины этого, как утверждается в статье, можно усмотреть в их специфике и особенно в политической мотивации. Министерство иностранных дел все больше стремилось узнать о дипломатах и государственных деятелях (*les hommes du pouvoir*), которые не обязательно постоянно пребывали в Париже. С тех пор, но едва ли не ранее, парижская полиция работала совместно с Министерством иностранных дел и помогала правительству, стремившемуся иметь полное представление о каждом из дипломатов, а также и о «подозрительных» путешественниках, попутно занимаясь вербовкой «агентов влияния» (р. 19).

Наибольшую загадку представляют сами источники (донесения и протоколы), которые предоставляют информацию полиции и посылаются далее «наверх». Естественно, выполнены они полицейскими с изрядной точностью, передавая данные о времени, месте и пр., и предстают стилистически тщательно составленными, возможно, не раз переписанными. Полицейские, вероятно, сами заботились о том, чтобы хорошо писать свои донесения, но это еще происходило потому, что сама полицейская бюрократия требовала хорошего почерка и не менее хорошего слога. Требовала же этого она, полагают авторы публикации, едва ли не потому, что Людовик XIV, как правило, по утрам занимался чтением поданных ему накануне полицейских отчетов. Это тем более важно было блисти, что король обращал особое внимание и на изыскания полиции в такой деликатной области, как область общественных нравов (р. 35).

Представленные в публикации отчеты о слежке за иностранцами и доклады полиции нравов, документы судебных предписаний, хранящиеся в архивах МИД, в рукописном отделе Национальной библиотеки Франции и в библиотеке Арсенала, дают немало подробностей, описывая повседневную жизнь около шестисот россиян во время пребывания их в Париже в эпоху Просвещения. Полицейские соглядатаи надзирают за российскими вельможами, дипломатами

вкупе с писателями, фаворитами и детьми императрицы Екатерины II, а также за учеными и врачами: здесь мы видим графов Воронцовых, Разумовских, Румянцевых, Салтыковых, Шуваловых, Чернышевых, Строгановых, Орловых, здесь же упоминаются князья и княгини Белосельские, Барятинские, Долгорукие, Голицыны, Кантемиры, Дашковы, так же как и Денис Иванович Фонвизин, поэт и переводчик Иван Иванович Хемницер, великий князь Павел Петрович, его сводный брат Алексей Григорьевич Бобринский и проч., и проч. По словам авторов, за ними шпионят в частных особняках и посольствах, салонах и литературных обществах, игорных домах, домах свиданий и «загородных домиках» (*petites maisons*) и так далее, вплоть до альковов.

Впрочем, в статье, точнее, в особых небольших частях ее, озаглавленных «Русские сочинители в Париже», или «Философическое уединение князя Кантемира» или же «Денис Фонвизин: ярмарка тщеславия» много внимания и места уделяется русским сочинителям, писателям, историкам, ученым, среди прочих по разным поводам упоминаются Никита Акиньевич Демидов, баронесса Варвара Юлиана фон Крюденер, Николай Александрович Львов, Денис Фонвизин, Андрей Андреевич Нартов, княгиня Екатерина Дашкова, князь Иван Иванович Бецкой и многие другие, особенно Антиох Кантемир, а с ними и те, о ком редко упоминается и кого мало знают, — балтийские немцы, курляндцы и пр. (р. 55–56 и далее, особенно в случае с Д. И. Фонвизиным, р. 55–71).

Помимо того, что, как уже говорилось, русские поддерживали дружеские отношения с Дидро, посещали Руссо, переписывались с Вольтером, даже публиковали свои сочинения в «*Mercure de France*», их принимали при Версальском дворе. Они часто посещали масонские ложи, «философические» салоны, театры, так же как и политические клубы в революционную эпоху, следили за дебатами в Национальном собрании. Александр Строганов, Шуваловы и Голицыны сами являлись хозяевами популярных салонов и благодаря полиции мы знаем о тех, кто приходит к ним на обеды, балы и в концерты. Помимо этого, россияне с энтузиазмом участвуют в столичной светской жизни, одеваются у лучших портных, наслаждаются изысканной кухней, театром и актрисами. Полицейские протоколы помогают выявить их круг общения, прежде всего в среде дипломатов (Антиох Кантемир, Дмитрий Голицын, Фридрих Мельхиор Гримм, Иван Иванович Барятинский). Они раскрывают связи между Семеном Кирилловичем Нарышкиным и отцом Кастелем (Луи Берtrandом), изобретателем «окулярного» клавесина (цветомузыки), между Алексеем Леонтьевичем Гроссом и Франсуа-Жозефом маркизом де Шуазель-Стенвилем, отцом дипломата герцога де Шуазеля, позволяют лучшим образом понять образ действий Жильбера Ромма и его подопечного графа Павла Александровича Строганова в начале Революции, раскрыть подробности визита в Париж вице-канцлера графа Михаила Илларионовича Воронцова в мае 1746 г. или такового же графа и графини Северных (великокняжеской четы Павла Петровича и Марии Феодоровны) в мае — июне 1782 г. (р. 83).

Авторы выделяют четыре разновидности информации, относящейся к русским, за которыми наблюдали: «фактическая» (в такой-то день некто поименованный направляется в ***, затем в театр, после чего пребывает у М***), биографическая (довольно точная, хотя полиция часто путает членов семей, особенно если речь идет о численно большой семье), этнологическая и политическая (даже если русские не обязательно подозреваются в заговорческих умыслах, как, к примеру, и довольно зачастую, ирландцы). Разного рода приключения или, напротив, злоключения русских в отчетах часто изображаются иронично, свысока и так, что над ними можно и посмеяться. Полицейский сатирический дискурс приближается, по мнению авторов, к романтическому или комическому: без какого бы то ни было обвинения или хвалы, он скорее высмеивает и служит ко исправлению нравов... (р. 37).

Но, что весьма важно, авторы уделяют большое внимание критике источника, поскольку такие документы, как те, что вышли из-под пера полицейских, часто содержат данные весьма «приблизительные», сведения, далекие от того, чтобы казаться исчерпывающими, или попросту грешат неточностями (р. 16–17). Несомненно, когда верных сведений нет, агенты с разными оговорками пользовались слухами в надежде, что со временем удастся им обрести более точную информацию. Несмотря на кое-какие неточности или ошибки, отчеты передают верные и живописные портреты русских, попавших или пребывавших под наблюдением. В первую очередь они касаются тех, чей образ жизни мог нарушать общественное спокойствие: «азартных» игроков (граф и камергер Дмитрий Михайлович Матюшкин, полковник Гавриил Ильич Бибиков), впавших в долги и прочих (граф Сергей Васильевич Салтыков, граф Кирилл Григорьевич Разумовский, князь Андрей Михайлович Белосельский и др.). Выходки русских, которые играют в азартные игры, выигрывают и проигрывают, держат танцовщиц, заболевают венерическими заболеваниями, влезают в огромные долги и попадают в тюрьму и чьи имена красуются в парижских газетах и журналах, расцвечиваются в донесениях, написанных с изяществом и юмором. О них повествуется в приключениях героев новеллы Дидро «Мистификация», князя Дмитрия Голицына и танцовщицы мадемуазель Дорне. В других усматривают прототипов пушкинской «Пиковой дамы».

Полагаю, что столь обстоятельная картина, насыщенная разного рода актуальными наблюдениями в связи с обнаруженными в архивных поисках документами и к месту любопытными примечаниями, служит указанием на то, что отчеты о наблюдении и сыске помогают внести корректировки в оценки функций парижской полиции эпохи Просвещения. Считавшаяся одно время одной только репрессивной силой и машиной тотального наблюдения, хорошо отрегулированной и смазанной, полиция на самом деле со временем и постепенно направляет свою деятельность на исправление нравственности. В 1730-х или 1740-х гг. полицейским полагалось оставаться, так сказать, снаружи, поскольку они могли проникать в гостиницы или номера, занятые знатными иностранца-

ми, лишь под более или менее благовидным предлогом, но под угрозой побоев со стороны раздраженных слуг. Однако в более позднее времена инспекторы уже посещали «знатных иностранцев», проявляя при этом понимание, а иногда и выручая их из беды. Полиция постоянно и деятельно сотрудничает с Министерством иностранных дел, при необходимости контактируя с российскими дипломатами или в отдельных случаях с самим Фредериком Мельхиором Гrimмом, этим «фактотумом» Екатерины II.

Что до самих протоколов и досье, то авторы-составители правы в том, что тексты публикации сложны в силу взаимосвязанного двуязычия. Поэтому они обращают особое внимание на это обстоятельство в кратком предваряющем *Etablissement du texte* (р. 85), где пишут о том, что сами стояли перед дилеммой — остаться «верными тексту» или сделать его более понятным современному читателю, с тем чтобы избежать каких-либо недоразумений; выбор, в конце концов, сделан был в пользу последнего, и, вероятно, так и следовало поступить. Но имена и фамилии сохранили свое написание, так же как названия орденов, а географические наименования посчитали необходимым модернизировать, иначе с самого начала это породило бы изрядную путаницу. Так в любом случае и следовало поступить.

В заключение авторы предполагают, что масса новой информации, обнаруживающаяся из представленных текстов полицейских протоколов, требует новых подходов. Эти данные должны быть сопоставлены с повествованиями русских о европейских путешествиях, с их перепиской, дневниками и мемуарами. Помимо этого, никак не следует упускать из виду тех возможностей, что вытекают из связей, приобретенных дипломатами, находившимися в Париже. Надо иметь в виду и списки паспортов, выданных Коллегией иностранных дел, и соотнесение их с отчетами пограничной полиции, не забывая при этом такой важный источник, как списки масонских лож, студентов Страсбургского университета, учеников Христиана-Вильгельма фон Коха (1737–1813), уроженца Эльзаса, гостей курорта в Спа и т. д. Возможно, сведения о тех же персоналиях можно будет встретить среди данных о приехавших в университет Монпелье для консультаций с врачами или на воды в Барреж.

Авторы-составители настоящей публикации, коллеги Д. А. Кондаков и А. Ф. Строев, представив впечатляющие результаты своих исследований, не считают их окончательными и в качестве продолжения считают необходимым создание сайта, включающего все доступные тексты и документы, а также персональную базу данных в режиме онлайн. Каждый файл будет включать следующие разделы: фамилия, имя (дворянский титул), пол, даты жизни, профессия, брак (замужество) и другие родственные связи, включая родителей и детей, а также библиографию и цифровые источники.

Создание и использование этого сайта, вне всякого сомнения, облегчило бы подготовку критического издания документальных публикаций, написание монографических исследований, посвященных русской общине Парижа и ее

повседневной жизни, а также в перспективе составлению библиографического словаря русских во Франции XVIII в. (р. 83–84).

К достоинствам рецензируемой работы следует отнести и обширные, компетентно составленные указатели: указатель имен подданных Российской империи и именной указатель французов и иностранцев, за исключением русских. Указатели включают в себя фамилии (со всеми вариантами написания, некоторые из которых довольно многообразны), имена и отчества, годы жизни, дворянские титулы и профессиональные занятия.

Но рецензенту представляется, что в такого рода издании можно было бы не без большой пользы для читателей поместить в общий корпус и топонимический указатель Парижа. Дело в том, что многие особняки, в которых останавливались русские, например, *l'hôtel d'Autriche* или *l'hôtel d'Entragues* и другие, указанные в полицейских отчетах, даже по названиям улиц найти не так-то просто, а иногда и вовсе невозможно, поскольку и улиц таких в Париже давно уже нет или они переименованы и служат продолжением других. Разумеется, составить такой указатель было бы далеко не просто, но в таком случае рецензент предложил бы как выход поместить в библиографии соответствующие издания по истории Парижа.

Приложенная в заключение библиография представлена практически исчерпывающе, поскольку в ней помещены многие, если не все документальные публикации, включающие путевые дневники, воспоминания как русских, так и французов, переписку россиян, которые жительствовали и проживали в Париже в XVIII в., разнообразные сочинения и этюды о русских, посещавших Францию и Париж, и многочисленные исследования по истории французской полиции, в том числе и XVIII в.

Для рецензента, знакомого с многосложными особенностями работы с архивными документами XVIII – начала XIX в., в полной мере ясно, сколь великим оказалось приложение обоюдных усилий, если иметь в виду объем собранной в процессе кропотливого труда в архивах и библиотеках документации, которая была архивоведчески и текстологически разобрана и, главное, исследовательски прочитана, а также сообразно с общим контекстом прокомментирована. Рецензенту доставляет удовольствие выразить авторам-составителям признательность за привлечение к исследованию нового, весьма важного источника по общественной истории эпохи Просвещения. Для него публикация «*Les Russes à Paris au XVIIIe siècle sous l'oeil de la police*» – это очевидный положительный результат задуманного, разработанного и плодотворно складывавшегося на протяжении времени осуществления проекта, который может сыграть свою немаловажную роль в дальнейшем исследовании собранного и представленного в комментированном виде материала.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

С. Н. Искюль. Рецензия на коллективную монографию: *Kandakou D., Stroev A. Les Russes à Paris au XVIIIe siècle sous l'oeil de la police*. Paris: L'Harmattan, 2024. 736 p. // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 238–245

Аннотация: Рецензия посвящена критическому анализу коллективной монографии профессоров общего и сравнительного литературоведения университета Новой Сорбонны (Париж) Д. Кондакова и А. Строева «Les Russes à Paris au XVIIIe siècle sous l'oeil de la police» (Paris: L'Harmattan, 2024. 736 p.).

Ключевые слова: Париж, эпоха Просвещения, русские путешественники, французская полиция и ее деятельность, наблюдение и сыск, полицейские отчеты, протоколы и досье.

FOR CITATION

S. N. Iskiul. Review of the collective monograph: *Kandakou D., Stroev A. Les Russes à Paris au XVIIIe siècle sous l'oeil de la police*. Paris: L'Harmattan, 2024. 736 p. // Petersburg historical journal, no. 1, 2025, pp. 238–245

Abstract: The present review is devoted to a critical analysis of the aforementioned collective monograph, which was authored by professors of general and comparative literature at the Sorbonne Nouvelle University (Paris). The authors of the monograph are D. Kondakov and A. Stroev, and the title of the monograph is *Les Russes à Paris au XVIIIe siècle sous l'oeil de la police* (Paris: L'Harmattan, 2024. 736 p.).

Key words: Paris, the Age of Enlightenment, Russian travelers, the French police and its activities, surveillance and investigation, police reports, protocols and dossiers.

Автор: Искюль, Сергей Николаевич — д. и. н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Iskiul, Sergei Nikolaevich — Dr. in History, Leading Researcher at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: iskiuls@yahoo.com

Требования к публикации статей и материалов

- Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 0,75 а. л. (30 тыс. знаков с пробелами). Объем публикуемых документов (с комментариями) и рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном и распечатанном виде (шрифт текста Times New Roman, 14-м кеглем, сноски — 10-м кеглем).
- Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или нахождения в докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона. Кроме того, обязательно указание индекса УДК и желательно персонального кода в ORCID.
- Текст должен быть снабжен аннотацией на русском и английском языках (не менее 200–300 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной классификации), который приводится над фамилией автора слева, а также переводом заглавия статьи на английский язык.
- Сноски к тексту — концевые, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов. В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) список использованной литературы с полным переводом ссылки на английский язык, данным в квадратных скобках.
- Иллюстрации принимаются только черно-белые, в форматах tif и jpg, с разрешением не менее 300 dpi.
- Ответственность за точность цитат, приводимых фактов, имен собственных, географических названий лежит на авторах материалов, как и за то, что в них отсутствует упоминание сведений, не подлежащих открытой публикации.
- Статьи, поступившие в редакцию, регистрируются. Решение о публикации/отказе в публикации/направлении рукописи на доработку принимается ответственным редактором и сообщается автору в срок до 60 дней.
- Все поступившие в редакцию материалы подлежат предварительной оценке редакционной коллегией или ответственным редактором на предмет соответствия установленным формальным требованиям, а также на предмет отсутствия в рукописи неправомерного заимствования текста, иллюстраций, таблиц и пр.
- Все материалы, не отклоненные в результате предварительной проверки, подлежат обязательному независимому научному рецензированию, без указания фамилии автора. Научное рецензирование может осуществляться любыми специалистами, в том числе и членами редакционной коллегии.
- До публикации материалов рецензенты и члены редакционной коллегии не вправе использовать рецензируемые материалы или ссылаться на них.
- Авторы должны подписать с редакцией журнала лицензионный договор на право использования научного произведения в «Петербургском историческом журнале».

КУПИТЬ
БУМАЖНЫЙ
ИЛИ
ЭЛЕКТРОННЫЙ
ВАРИАНТ
НАШИХ КНИГ
МОЖНО
НА САЙТЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
NESTORBOOK.RU

КАК МОЖНО
ПРИОБРЕСТИ
КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
«НЕСТОР-
ИСТОРИЯ»
В КНИЖНЫХ
МАГАЗИНАХ

ЗАКАЗАТЬ
И ПРИОБРЕСТИ
КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
«НЕСТОР-
ИСТОРИЯ»
ВЫ МОЖЕТЕ
НА САЙТАХ
КНИЖНЫХ
МАГАЗИНОВ

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НЕСТОР-ИСТОРИЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ БЕЗ НАЦЕНКИ В ОФИСЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА

- Санкт-Петербург
Петrozаводская ул., д. 7, оф. 8
(150 м от станции метро «Чкаловская»)
- Телефон +7 (965) 757 23 13
E-mail: nestorbook.ru@yandex.ru

- На нашем сайте Вы можете оплатить книги и приобрести их с доставкой удобным для Вас способом. Подробнее на нашем сайте www.nestorbook.ru
- В другие города мы доставляем книги «Почтой России», «Боксберри» или курьером
- Электронные книги (в формате pdf) можно оплатить на сайте и получить по электронной почте
- По всем вопросам, связанным с заказами через сайт, обращайтесь по телефону +7 (965) 757 23 13 или пишите на e-mail: nestorbook.ru@yandex.ru

- Заказать на сайте магазина с доставкой на дом
- Заказать на сайте магазина и забрать из пункта самовывоза
- Не хотите ждать доставку? Забронируйте книгу в любом удобном для вас магазине: рядом с домом, работой или учебой. Ваш резерв будет ждать Вас!
- Не нашли книгу в любимом магазине? Оставьте заявку, и мы доставим туда книги!

МЫ СОТРУДНИЧАЕМ С ВЕДУЩИМИ КНИЖНЫМИ МАГАЗИНАМИ МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

- Интернет-магазин Wildberries
- Интернет-магазин «Лабиринт»
- Интернет-магазин «Озон»
- Интернет-магазин «Москва»
- Интернет-магазин Esterum
- «Читай-город»
- «Библио-Глобус»
- «Буквоед»
- Московский Дом книги
- «Подписные издания на Литейном»
- «Книжная лавка писателей»
- Дом книги в СПб
- «Книжная лавка историка»
- «У Кентавра» (РГГУ)
- «Циолковский»
- «Фаланстер»
- «Дом университетской книги»
- «Листва»

По вопросам оптовых поставок: тел. +7 (960) 243 32 82, pr@nestorbook.ru